

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

О дате основания Курска

«Сказки» служилых людей

«Почесть» и «взятка» в послепетровской России

*Должностные преступления местных чиновников
первой половины XIX в.*

Русские путешественники в Латинской Америке

«Наши чёрные единоверцы»

Национальные движения в России в конце XIX в.

Советский Союз и борьба с пиратством в 1930-е гг.

Обсуждаем книгу

О.Р. Айрапетов. Участие Российской империи
в Первой мировой войне

МОСКВА
НАУКА

2 март
апрель
2015

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Алексеев, Б.В. Ананьич, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Ю.А. Поляков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Соколов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров (*зам. главного редактора*), А.В. Юрасов

Ответственный секретарь

Марина Алексеевна Новикова

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

«В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России

Елена Корчмина

«Do not give bribes in honor»: «pochest» and «vziatka» in post-Petrine Russia

*Elena Korchmina (National research university Higher School
of Economics)*

Значение вопроса о характере и степени коррумпированности государственной администрации в России раннего Нового времени выходит далеко за пределы «модной» и привлекающей внимание тематики. В функционировании любой системы управления очень многое зависит не от законов и регламентов, а от обычаев, рутины, повседневных административных практик, причём роль этих факторов существенно возрастает в традиционных обществах и на низших этажах административной «вертикали», при взаимодействии представителей власти с населением. С другой стороны, переход к более современным стандартам управления ведёт к постепенному вытеснению традиционных процедур и практик. Как именно «новое» взаимодействовало со «старым»? Как известно, и до и после петровских реформ местные чиновники во многом существовали за счёт не жалованья, а подношений. Однако многое в этой традиции до сих пор остаётся неясным. Как интерпретировалась эта практика, которая зафиксирована во множестве разного рода источников? Можно ли считать её признаком «коррупции» или же она скорее была пережитком эпохи «кормлений»?

Законодательство XVII – первой четверти XVIII в., направленное на противодействие взяточничеству, детально рассматривается в работах Д.О. Серова¹, в то время как законодательство более позднего периода до сих пор не стало предметом специального анализа. Конечно, именно рубеж веков был принципиально важен для складывания понятия «взятка» в современном его значении.

© 2015 г. Е.С. Корчмина

Статья подготовлена в рамках проекта: «Европеизированная элита в России XVIII – начала XIX вв.: роли и идентичности» («The Creation of a Europeanized Elite in Russia: Public Role and Subjective Self»), поддержанного фондом Леверхульм Траст (The Leverhulme Trust) (R-357).

Автор выражает благодарность сотрудникам читальных залов РГАДА, РГВИА, ОР РГБ за доброжелательное отношение и помощь в работе, а также И.А. Христофорову, И.И. Федюкину, Д.О. Серову, М.А. Киселёву, М.Б. Лавринович за ценные советы и замечания.

¹ См.: *Серов Д.О.* Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2004. № 4. С. 118–120; *он же.* «Взяток не имал, а давали в почесть...» // Отечественные записки. 2012. № 47(2). С. 211–223; *он же.* Пётр I как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. Т. 3 (150). Романовы: Династия и эпоха. М., 2013. С. 70–95.

По мнению Серова, указ 23 декабря 1714 г. означал криминализацию взятки, когда «посулы, поминки, почести, взятки сливались... в единый, безоговорочно и сурово караемый состав преступления»². С этого момента все чиновники, заступая на должность, должны были знакомиться с этим указом под роспись: «И дабы неведением никто не отговаривался, велет всем, у дел будущим, к сему указу приложить руки, и впред кто к которому делу приставлен будет, прикладывать, а в народе везде прибить печатные листы»³. Населению, в свою очередь, следовало доносить о чиновниках-взяточниках⁴. При этом положение о том, что донос освобождает взяткодателя от ответственности, было сформулировано в законе достаточно туманно: «То ж следовало будет и тем, которые ему (чиновнику. – *Е.К.*) в том служили и чрез кого делано, и кто ведали, а не известили, хотя подвластные, или собственные его люди, не выкручаясь тем, что страха ради сильных лиц, или что его служителей». Серов полагает, что действия взяткодателей подпадали под действие антикоррупционных законов, но отмечает, что применение их наталкивалось на непреодолимые трудности, в первую очередь – на веками складывавшиеся традиции подношений.

Анализируя повседневные административные практики, историки подчёркивают многослойность понятия «взятки» в конце XVII–XVIII вв.⁵ Так, О.Е. Кошелева полагает, что уголовно наказуемой «взяткой» («кормлением от дел») считались только противозаконные действия, а «почести», являвшиеся формой благодарности за сделанную работу, как взятка не расценивались⁶. Именно они, отмечает Д.А. Редин, играли особую роль во взаимоотношениях чиновников и населения в провинции⁷. В работах, относящихся к XIX в., подчёркивается, что традиция почестей не прерывалась и в это время⁸. Таким образом, историки склонны разделять «почесть» (плату за труды), коренящуюся в традициях кормлений, и «взятки» (противозаконные действия). Только Редин, говоря о петровском времени, высказал предположение, что крестьянский мир, прибегая к защите нового закона о взятках, подводил под него любые траты в пользу чиновника⁹. Иначе говоря, «почесть» могла перерасти во «взятку» в зависимости от контекста.

В целом, работы о взятках/почестях оставляют противоречивое впечатление. С одной стороны, исследователи подчёркивают тотальное распространение взяток и подношений, с другой – их секретность и неуловимость. В цен-

² Серов Д.О. Пётр I как искоренитель взяточничества. С. 81.

³ Сборник Императорского российского исторического общества. Т. 11. Указы письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. С. 212.

⁴ Серов Д.О. Противодействие взяточничеству... С. 119.

⁵ Редин Д.А. Воеводское кормление в России XVIII в.: расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меньшикова 1717 г. (Исследование и публикация источника) // Проблемы истории России. Вып. 10. Исторический источник и исторический контекст: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2013. С. 236–283; Морякова О.В. Система местного управления в России при Николае I. М., 1998, С. 33–49; Гросул В.Я. «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местных властей рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. / Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 11. С. 18–26.

⁶ Кошелева С.Е. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных» // Отечественные записки. 2003. № 3.

⁷ Редин Д.А. Воеводское кормление... С. 245.

⁸ Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5.

⁹ Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 846.

тре большинства таких исследований находится чиновник¹⁰. Неудивительно, что концептуализация феномена взяток основывается на противопоставлении «идеального» («веберовского») бюрократа «патримониальному» чиновнику¹¹. Наиболее полно этот подход представлен в работе С. Шаттенберг, которая анализирует выстраивавшиеся через «взятку» отношения в российском обществе в рамках функционалистского подхода, когда каждый индивид рассматривается как предприниматель, постоянно участвующий в транзакциях и переговорах. «“Коррупцированное” поведение при этом выполняет системные функции, которые не могут быть выполнены другими, например государственными, структурами... так что, как это ни парадоксально, “коррупция” может иметь стабилизирующее воздействие на всю систему». При этом Шаттенберг подчёркивает, что «неграмотные крестьянские массы в игре за власть и влияние были обречены на пассивность или просто не знали ничего, кроме обмена дарами»¹². На мой взгляд, подобное восприятие крестьян как статистов, пассивных жертв произвола чиновников, не отражает всей сложности реальных взаимоотношений управляющих и управляемых. В распоряжении последних было немало способов пассивного и активного сопротивления. Вопрос заключается скорее в том, когда и почему те или иные способы использовались или, наоборот, оказывались незадействованными. Интересно в этой связи понятие «режима мягких правовых ограничений», предложенное политологом К.Ю. Роговым, для анализа «ситуации, когда правовые нормы существуют не столько для того, чтобы они соблюдались, сколько для того, чтобы они нарушались; во всяком случае, такие нарушения носят систематический характер. Неверно было бы сказать, что в такой системе правила не работают; они именно работают, но работают специфическим образом»¹³. Рогов применяет это понятие к анализу ситуации в современной России, но, на мой взгляд, его вполне можно применить и к более ранним эпохам. В определённой степени о том же писал Д.А. Редин: «Создается впечатление, что система отношений, характеризуемых новым петровским законодательством как должностные преступления, при определённых обстоятельствах устраивала как чиновников, так и народ»¹⁴. Правомерен ли такой вывод? Думается, что для ответа на этот вопрос следовало бы сместить акцент с изучения этоса и мотивов действий чиновников на анализ взаимодействия между чиновниками и крестьянами, которое после принятия петровских «антикоррупционных» законов выстраивалось в принципиально новых рамках. Считается, что законодатель в России на протяжении длительного времени, в том числе и в XVIII в., фактически вёл «культурный» монолог, в результате чего одним из основных атрибутов русского права стала его недейственность¹⁵.

¹⁰ См., например: *Hartley J. Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. / Ed. by S. Lovell, A.V. Ledeneva, A. Rogachevskii. L., 2000; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 120–121; Писарькова Л.Ф. Указ. соч.*

¹¹ См.: *Volkov V. Patrimonialism versus Rational Bureaucracy: On the Historical Relativity of Corruption // Bribery and Blat in Russia... P. 36–40.*

¹² *Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4(42).*

¹³ *Рогов К. Режим мягких правовых ограничений (URL: <http://www.inliberty.ru/blog/1175-rezhim-myagkih-pravovyh-ogranicheniy>).*

¹⁴ *Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России. С. 846.*

¹⁵ *Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 257.*

Однако распространение практик информирования населения о новых законах¹⁶ приводило к тому, что вновь создаваемые законодательные нормы проникали в толщу крестьянской жизни, задавая соответствующие «правила игры» при взаимодействии с чиновниками. Данная работа основана на двух типах источников: рутинном – финансовых книгах, в которых крестьянские общины и вотчинные власти фиксировали расходы крестьян¹⁷, и экстраординарном – следственных делах о взятках. Первый тип источника позволит в полной мере оценить будничность и повсеместное распространение взяток/почестей и выявить всю условность их теневого и криминального характера. Привлечение же следственных дел поможет «услышать» голоса как чиновников, так и крестьян.

В самом общем смысле сами участники событий считали «почестью» добровольное подношение, а «взяткой» – вынужденный платёж или подарок. Однако одно и то же действие в зависимости от обстоятельств могло рассматриваться и как «почесть», и как «взятка». Фактически речь идёт о своеобразной игре между крестьянским и чиновным миром, правила которой, с одной стороны, были установлены законом, каравшем любые подношения как взятку, а с другой – освящены традицией «подарков». Добровольные подношения крестьян «в честь» были выгодны обеим сторонам: чиновник компенсировал недостаточность государственного жалованья, крестьяне быстрее решали свои дела, «прикармливали» чиновника в надежде, что придёт время, и он поможет. Но если чиновник начинал требовать денег или подарка, это, порой, рассматривалось крестьянским миром как нарушение неписанного «договора». В результате крестьяне обвиняли чиновника во взяточничестве, причём в качестве взятки в этом случае рассматривались те же самые подарки, которые на протяжении нескольких лет до того воспринимались как «почести». Как же именно «почесть» становилась «взяткой»?

Финансовые документы, в которых фиксируются и описываются различные взятки и подарки, можно разбить на несколько групп: 1) счета расхода господских сумм; 2) счета расхода мирских сумм; 3) письма крестьянских должностных лиц к помещику/управляющему; 4) отчётность (приходно-расходные книги). Последний вид документов наиболее информативен. Он существовал как в виде специальных тетрадей, в которых записывались исключительно подношения чиновникам, так и в виде стандартных годовых приходно-расходных книг. Первая разновидность этого источника гораздо чаще попадает в поле внимания историков¹⁸. Мне бы хотелось обратить внимание на вторую из них – обычные годовые приходно-расходные книги, которые позволяют представить взятки/почести в системе мирских или вотчинных трат. В целом, можно сказать, они составлялись по одному и тому же принципу. В доходной части фиксировались все поступившие деньги за текущий год с указанием даты поступления, в расходной записывались дата (обязательный элемент), кому уплачено (часто, но не всегда), на что (часто, но не всегда) и какая сумма. Например, 1 марта 1834 г. «для Масленицы чиновникам земского суда доставлено покупкою съестных

¹⁶ См.: *Franklin S. Printing and Social Control in Russia 2: Decrees // Russian History. Vol. 38. 2011. № 3. P. 467–192.*

¹⁷ См. об этом источнике применительно к XVII в.: *Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 192–198.*

¹⁸ См., например: *Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (содержание населения уезда государственного органа власти). СПб., 2000; Редин Д.А. Воеводское кормление; Писарькова Л.Ф. Указ.соц.*

припасов земскому исправнику» на 4.5 руб., секретарю Осипову – 2.5 руб., двум повытчикам – 3.2 руб., протоколисту Нагорскому – 2 руб., заседателю дворянскому – 2.5 руб., почтмейстеру и помощнику – 3.4 руб.»¹⁹.

Отмечу, что используемые приходно-расходные книги XIX в. во многом сходны с аналогичными книгами XVII в., которые также содержали «скрупулёзные записи о тратах на подённое содержание и корм чинов местного административного аппарата»²⁰. Преимуществом используемых мною источников по сравнению со специальными тетрадями, в которых фиксировались только подношения чиновникам, является их более широкое распространение, или, по крайней мере, сохранность применительно к XVIII–XIX вв.

Проанализируем приходно-расходную книгу за 1834 г. по вотчине князей Голицыных. Имение находилось в Ростовском уезде Ярославской губ. и включало в себя с. Пужбол с деревнями, где проживали 288 душ мужского пола. На этот год с них следовало собрать 5 560 руб. оброчных денег, 1 445 руб. подушных, 736 руб. на разные вотчинные расходы, из которых к 1835 г. за крестьянами числилось более 1 300 руб. недоимки по оброчным платежам и около 50 руб. подушных²¹.

Условно выделим четыре вида записей, которые в том или ином виде отражают траты на местных чиновников: 1) праздничные подношения на Новый год, Масленицу, Пасху и Петров день; 2) угощение приезжавших в вотчину чиновников (как правило, из земского суда); 3) плата чиновникам за совершение ими действий, направленных на получение выгод для конкретной вотчины (например, «земскому исправнику за отмену казённых подвод деньгами»); 4) «кормление от дел», т.е. дополнительная плата чиновникам за ведение дел во время приездов крестьян в канцелярию (например, «20 марта в ростовскую комиссию при подаче ревизских сказок протоколисту Нагорскому дачею денег»).

Записи из этой книги можно свести в таблицу.

Таблица

Подношения чиновникам в 1834 г. от вотчины с. Пужбол с деревнями, принадлежащей князьям Голицыным

	Продуктами (руб.)	Деньгами (руб.)	Всего
Праздничные подношения	77.1	11.4	88.5
Угощение приезжающих в вотчину чиновников	60.5	–	60.5
Угощение чиновников в городе	2.3	–	2.3
За послабления и т.п.	–	22.58	22.58
Дополнительная плата во время отправления дел	19.92	137.44	157.36
Всего	159.82	171.42	331.24

Составлено по: ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2.

Всего в 1834 г. было израсходовано около 7.5 тыс. руб., из них на чиновников, согласно моим подсчётам, – около 350 руб., что составляет менее 5% от всех расходов. Не берусь судить, насколько тяжким бременем эти расходы легли на

¹⁹ ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2, л. 27 об.

²⁰ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 196.

²¹ ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2, л. 25.

крестьян, для этого не хватает данных. В итоговой сумме распределение подношений в денежном и натуральном выражении представлено почти в равных долях. Основная сумма расходов связана с дополнительной оплатой труда местных чиновников. Суммы, которые тратились собственно на «взятки», если под ними иметь в виду вознаграждение за противоправные действия и бездействие, незначительны. Основные статьи расходов скорее можно интерпретировать как «почести». Записи, о которых идёт речь, являются стандартными, будничными и не сильно отличаются от аналогичных записей более раннего времени. На мой взгляд, фиксация подношения в натуральном или денежном выражении преследовала исключительно финансовую цель отчёта перед общиной за потраченные деньги. Упоминания о необходимости и важности отчётов встречаются регулярно: «А что он перевзыскал лишняя, то в доказательство и найдено повороченных в мирскую сумму слишком до 900 рублей налицо, кой он, конечно б, и присвоил к себе, есть ли б не вышел ропот от поданных и неотступное требование отчета в собранных по таким великим роскладкам денег, да и щеты он делал перед приездом моим, услыша от Вашего сиятельства, что я к нему буду, а инако б ево застать можно в гораздо растроинном и по книгам безпорядке»²².

Правда, в этой связи не ясно, зачем крестьяне вели и, если вели, то как часто отдельные, тетради о подношениях чиновникам. Следует также иметь в виду, что размеры подарков год от года могли существенно меняться. Вот пример по другой вотчине князей Голицыных (с. Гребнево Московской губ.). В 1839 г. «15 июня приходившей из Московского военного госпиталя командою солдат для собирания в вотчинных дачах употребляемых в аптеках кореньев и трав, во избежание их постоя в вотчине и других неудобств» дано 15 руб.²³ Но 12 годами ранее за тоже самое было дано всего 5 руб. 40 коп.²⁴ При этом оброчных, подушных и мирских денег в 1839 г. с 1 500 душ следовало собрать более 63 тыс. руб., а в 1827 г. с более чем 1 тыс. душ – более 52 тыс. руб.²⁵ Таким образом, за 10 лет сумма подношений солдатам изменилась почти в 3 раза, а средний платёж с одной мужской души почти не изменился.

Возникает вопрос о степени достоверности этих многочисленных и детальных записей. Обвинённые в получении взяток чиновники часто утверждали, что подношения могли фиксироваться задним числом, или что их вообще не было, а старосты таким образом просто присваивали себе деньги. В 1738 г. уличённый во взяточничестве Семён Попов настаивал: «Что оной староста о тех 15 копейках показывает во взяток, лож, а в расходные-де свои книги волно ему вписать [и ныне]». Однако из просмотренных мною книг видно, что записи велись регулярно, подчисток почти не встречается, или, по крайней мере, не встречается в записях о размерах подарков чиновникам.

На возможность недобросовестности крестьянских выборных указывал в 1764 г. воевода коллежский асессор Василий Козлов, утверждавший, что сельские управители были «действенно притчиною зборов и по болшой части мирскими денгами обще и корыстовались». Поскольку сельским управителям нужно было представлять отчёты обществу, им не оставалось ничего другого, кроме как показать, что недостающие деньги они приносят воеводе. «А есть ли бы показали, что я от них тех денег не требовал и притеснением и за взятков

²² РГАДА, ф. 1261, оп. 7, д. 29, л. 19 об.

²³ ОР РГБ, ф. 64, к. 42, д. 2, л. 162.

²⁴ Там же, л. 161 об.

²⁵ Там же, д. 1.

не делал, а приносили они добровольно, то бы неминуемо подвергли себе за самовольные зборы и употребление оных без причины наказание»²⁶. В 1835 г. при расследовании беспорядков в имении князей Ливенов было выявлено, что «приказчик присвоил как минимум 700 рублей, записав их как взятки разным чиновникам»²⁷.

Для понимания феномена взяточничества важно, что следственные органы рассматривали эти записи в качестве доказательств получения взятки и делали их основанием для вынесения приговора. Эта практика была широко распространена на протяжении всего XVIII в. Вот один из примеров. В 1737 г. крестьяне показали, что земский писарь Семён Попов брал с них взятки, «а оной земской писарь на показанной извет допросом показал: со старосты взятков не бипывал. а когда что взято, чтоб объявили они о том подлинно, также и расходные книги». Крестьяне предъявили реестр, в котором показали, что 12 марта 1733 г. «от подушной отписи» (т.е. во время выдачи квитанции о платеже подушной подати. – *Е.К.*) с выборного Никифора Прокопьева было взято 85 коп., 24 декабря 1733 г. со старосты Денисова взят 1 руб., 10 марта 1734 г. с выборного Филипова также взят 1 руб., 7 октября 1734 г. – 1 руб. 60 коп. и вина на 65 коп. Этот реестр, по всей видимости, был сделан на основании записей в расходных книгах. Писаря наказали: «Он, Попов, против вышеписанного от старост и дьячка объявления о взятках деньгами так и съестными харчевым отписей и от сказок хотя и показывал, что тот принос ему от них был в честь, но токмо по плакату... брат невелено»²⁸.

В какой мере крестьяне понимали, что, фиксируя в приходно-, расходных книгах подарки чиновникам, они фактически фиксируют собственные правонарушения, причём на регулярной, рутинной основе? К сожалению, ответить на этот вопрос сложно. Но это не препятствует использованию данного источника для реконструкции размера, регулярности, направленности платежей. Неизбежен вывод, что значительную их часть следует отнести к подношениям «в честь». Для выяснения вопроса, как и когда эти нейтральные финансовые записи превращались в основание для уголовного преследования, т.е. становились доказательством «взятки», необходимо привлечь другой источник – следственные дела.

Принятием закона 1714 г. борьба со взяточничеством на законодательном уровне не закончилась. Интенсивность «антикоррупционной» законотворческой деятельности российских монархов на протяжении XVIII в. менялась. Так, в годы правления Петра I было принято 13 указов о взятках, в годы правления Екатерины I – 1, Анны Иоанновны – 8, Елизаветы – 5 указов. На годы правления Екатерины II приходится самое большое количество указов о взятках – 25²⁹.

Несмотря на такую активность, кажется, что на протяжении XVIII в. понимание законодателем того, что такое «взятка», оставалось прежним. Как писал историк права, «первый вид взяточничества состоит собственно в принятии подарка, взятки; второй – в нарушении служебного долга из-за взятки и третий – в совершении преступления за взятку»³⁰. Вместе с тем с годами менялись

²⁶ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 2 об.

²⁷ Melton E. Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia, 1750–1830 // The Journal of Modern History. Vol. 62. № 4. P. 696.

²⁸ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 243, 252 об.

²⁹ ПСЗ-1.

³⁰ Анциферов К.Д. Взятничество в истории русского законодательства до периода свобод // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. С. 41.

термины, которые обозначали взятки, постепенно смягчалась система наказаний. С другой стороны, на бытовом уровне наблюдается такое же постоянство по отношению к взяточничеству, но постоянство другого рода: в понимании «взятки» и чиновники, и крестьяне систематически не следовали букве закона. Из следственных дел можно сделать вывод о постоянном противопоставлении преследуемой законом «взятки» подарку «в честь» («в почесть», «от любви»).

Рассмотрим, какие риторические конструкции использовались обеими сторонами на примере упомянутого выше дела земского писаря Попова, имевшего место в 1737–1739 гг. в Галицкой провинции Архангелогородской губ. Аргументация обеих сторон вертелась вокруг того, стоит ли считать поборы, которые брал Попов, взяткой или нет. Когда речь идёт о понятии «честь», подчёркивается добровольный характер подношений и их установленный традицией, привычный размер. Со слов Попова, «староста... за честь господина своего хлеб и калачи... приносил из своей воли, а не из принуждения и не по требованию его, за что к ним и от него, Попова, воздеяние от вина и пива было и чтоб тот принос невенен был якобы в взятку. О том им говорил, и они при том объявили, что-де от господина их в честь приказным людям поклон отдавать велено да и прежде-де»³¹. Попов пытался особо подчеркнуть добровольность крестьянских приношений, обращаясь к такому неожиданному в данном контексте понятию, как «любовь»: «Во оправдание показал: оной-де дьячек со старостами к нему в квартиру приходили без принуждения, но в честь, и от чести в любви приношение чинили, а им, Поповым, в той же любви принимано, а коликое когда не помнит, против которой любви к ним почтение имелос, а дьячек-де Афонасьев при платеже им, камисаром, в квартире их с почестью ходили и молодым подъячим в честь от денег давано, а не ис принуждения, а ныне на него, Попова, показывают на одного напрасно»³².

В свою очередь староста также подчёркивал отличие взятки от чести: «А староста Петр Иванов в доказательство сказал; в 733 году при платеже подушных денег оной, Попов, подушную отпись взял в квартиру свою и выборному Прокопьеву и дьячку велел притти с выкупом, и они к нему приходили и без взятки отписи не отдал. И на другой день от той отписи взял 85 копеек взятку, а не за честь. Кроме того, за честь принесено в том же 733 году с сотцкого Григорьева от объявления рекрут, взял же 25 копеек, а по заплате подушных денег отпись взял к себе в квартиру и велел старосте Василию Денисову и дьячку Афонасьеву за тою отписью притти и по приходе-де просил с них 5 рублей, и они принесли к нему вина на 50 копеек да денег рубль. Да он не взял того рубля и выслал их вон, и после того принесли к нему чрез сутки три рубля 23 копейки, которые и взял, и по взятки отписи отдал»³³. Таким образом, крестьянский мир «в честь» добровольно приносил и вино, и деньги, но *требование* со стороны чиновников сумм, размер которых даже незначительно превышал размеры традиционных подарков, уже рассматривалось как требование взятки.

В целом, по словам Попова, это была стандартная практика приношения в честь: «Земским писарям честь от вотчин господина имелась и в расходные книги, присланные от господина, их записываетца»³⁴. О том же говорил в 1764 г. воевода Василий Козлов: «Представляя порядок оных наборов (рек-

³¹ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 243.

³² Там же, л. 246 об.

³³ Там же, л. 245 об.–246.

³⁴ Там же, л. 245.

рутских. – *Е.К.*), из чего окажется ясно, есть ли принять будет в резон, что отдатчики рекрут без требования и без домогательства от них взятков имели притчину приносить мне по прежнему своему обыкновению денги»³⁵.

Тонкая грань между «подношением в честь» и «взяткой» лежала в добровольности подношений и их привычном для общины размере. В случае, если один или оба принципа нарушались, наличие записей в приходно-расходных книгах становилось своеобразным способом контроля над местными чиновниками³⁶. Об этом в определённой степени говорил в 1764 г. воевода Козлов: «В том, что приказывал чинить им собою неуказные зборы, чего ради по неимению себе в том ни от кого жалобы, в то я не входил, когда ж дошла мне просьба, что чинят селские управители зборы, в том я следовал без всякого упущения... сверх вышеписанного и для того не старался я входить, какие у них были зборы, ибо оное собственное их между собою учреждение по их согласию, и заведено издавна при прежних управителях и воеводах. И ныне оные зборы есть как и комисии известно, что ж определенные управители по неимению жалованья имели содержание свое только от приходящих с прозбою о своих нуждах, о том единственно знали и главные команды»³⁷.

В этом отношении важно обратить внимание на обстоятельства, при которых крестьяне начинали жаловаться на действия чиновников. Выскажу предположение, что вероятность появления жалобы увеличивалась при возрастании интенсивности контактов крестьян с местной канцелярией. Анализ книги 1834 г. продемонстрировал, что дополнительные расходы на чиновников требовались во время приездов крестьян в канцелярию. В XVIII в. стандартными причинами для приезда в уездный город были уплата подушных денег два раза в год, сдача рекрут, подача сказок по специальным указам, например сказки о ворах и разбойниках, что часто совмещалось с уплатой подушных. По всей видимости, крестьяне среднего поместья приезжали в город 2–4 раза в год. Если интенсивность увеличивалась, то это приводило к большим финансовым затратам и как следствие – к жалобам. Но с течением времени такие «встречи» с чиновниками случались всё чаще и чаще³⁸.

Важно отметить, что и власти, ответственные за проведение расследования, не сомневались в том, что у крестьян есть основания приносить подобные жалобы. Это видно из следственного дела в отношении рязанского воеводы Петра Чебышева. Поводом для начала расследования в данном случае стала жалоба крестьян с. Бурина Каменского стана Пронского уезда на канцеляриста Беляева и других: «Оного-де села крестьяне Влас Савин с товарищи при отдаче фуража сена дали взяток канцеляристу Беляеву рубль восемь копеек, да при отдаче овса и при выдаче за фураж денег съестных покупок на полтора рубли, да денгами пять рублей, бывшему в той провинции воеводе Петру Чебышеву рубль, секретарю Ивану Алсуфьеву, которой ныне воеводским товарищем, два рубли. Да села Срезнева и деревни Пустого Поля крестьяны Григорьем Ивановым с товарищи дано воеводе Чебышеву рубль, Алсуфьеву 2 рубля»³⁹. В указе говорилось: «А не без суждения находитца, что ис протчих тамошних

³⁵ Там же, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 1.

³⁶ О тактиках пассивного сопротивления крестьян см. классическую работу американского антрополога: *Scott J.C. Weapons of the weak*. New Haven, 1985.

³⁷ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 13 об.

³⁸ *Серов Д.О.* «Взятков не имал, а давали в почесть...». С. 222.

³⁹ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 393, л. 1.

обывателей оные, Чебышев и Алсуфьев, за такие же выдачи, может быть, брали взятки ж»⁴⁰.

Но рассуждения о тонкости границы, а скорее о непредсказуемости обстоятельств, благодаря которым «почесть» становилась «взяткой», становятся очень зыбкими, если обратиться к допросным речам, в которых понятия «в честь» и «взятка» сливались: «А земской дьячек Афонасьев в доказательство показал: писар-де Попов с них взятков [полачая] за отписми брал, а что от господина их будто велено канцелярским служителям за честь давать взятки, он того не говаривал»⁴¹. Получается, несмотря на противопоставление этих понятий в рамках следственных дел и в исследовательских работах, есть основания считать, что они могли употребляться как синонимичные. Это делало само их противопоставление подобием риторической игры.

Любопытно, что чем-то вроде игры становилось для властей и соблюдение законов о преследовании взяткополучателей. Это ярко проявилось в истории изменения приговора, вынесенного Попову. В соответствии с петровскими указами от 1714⁴² и 1720⁴³ гг. он был приговорён к смертной казни. Однако впоследствии это решение отменили по следующим мотивам: «Е.И.В. Петра Великого 714 и 720 годов о лихоимстве указам, по которым оные судьи определили ему смертную казнь, положено не точию за взятки, но и за преступления государственные, штрафы и казни чинить разные, а партикулярные погрешения, то есть в челобитчиковых делах взятки, и всякие в народе обиды и им подобные тем делам, которые не касаются интересу государственных и всего народа, оставлены на старых штрафах»⁴⁴. Таким образом, по крайней мере в данном конкретном случае действия Попова не попадали, по мнению местных судей, под действие закона 1714 г. о взятках.

В ходе следствия Попов находился под арестом и просил о милостивом рассмотрении его дела и об определении его по-прежнему в галицкую канцелярию к делам. После этого «повелено было для всемирных радостей полученных во оную губернскую канцелярию о взятии славном оружием Е.И.В. победе неприятелей перво о приходе х Крыму армее Е.И.В. и взятии города Азова, також и протчих крепостей, по тому делу учинить в архангелогородской губернской канцелярии милостивое рассмотрение»⁴⁵. В итоге Попов всё же был наказан. Во-первых, «для страху впредь другим учинить наказание бит плетьюми и написат ево в подканцеляристы на год, а потом быть как сейчас... а вышеписанной ему штраф учинить для того что он, Попов, против вышеписанного от старост и дьячка объявления о взятках деньгами так и съестными харчевым отписей и от сказок хотя и показывал, что тот принос ему от них был в честь, но токмо по плакату как камисаром, так и подьячим, обретающимся при подушном зборе сверх определенных на жалованье под штрафом брат невелено»⁴⁶.

Мысль о границах преследования взяточничества точно выразил в 1764 г. воевода Козлов: «Токмо пресекать оные зборы никак мне было не можно, пото-

⁴⁰ Там же, д. 390, л. 3.

⁴¹ Там же, ф. 248, д. 412, л. 245.

⁴² См.: ПСЗ-И. Т. 5. № 2871. См. также: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. С. 211–212.

⁴³ См.: ПСЗ-И. Т. 6. № 3586.

⁴⁴ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 252 об.

⁴⁵ Там же, л. 252.

⁴⁶ Там же, л. 252 об.

му что для всяких мирских надобностей, а имянно на отпращу рекрут, и по немению своих писцов за написание разных сказок и репортов без збору денег обоитися им было не можно, ежели же мне предписать им, по скольку имянно збирать з души на те расходы, тобы и болше в силу законов подверг себя под наказание»⁴⁷. С одной стороны, установленные традицией взятки и почести нельзя отменить, потому что дело встанет, с другой – их нельзя и легализовать, потому что закон запрещает. Единственным возможным выходом в этой ситуации становилось следованием негласным «правилам», определявшим размеры и ритуальные формы подношения «подарков». В случае же систематического нарушения этих правил у «слабого» (в данном случае крестьянского мира) существовала определённая возможность защитить свои интересы. Фактически крестьянство использовало законы о взятках, чтобы осадить зарвавшихся чиновников.

---

⁴⁷ Там же, ф. 304, оп.4, д. 279, л. 13 об.

Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

Official malfeasance in local administration in the first half of the nineteenth century (based on materials of Vologda region)

Olesya Plekh (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В последние десятилетия тема злоупотреблений чиновничества привлекает многих исследователей, рассматривающих историю государственного управления. В большинстве случаев учёные приходят к выводу, что именно характер должностных преступлений является одним из показателей качества работы органов государственной власти. Но при этом многие из них сталкиваются с проблемой поиска документальных свидетельств этих правонарушений. В большинстве случаев при характеристике злоупотреблений чиновничества исследователи используют мемуарную литературу либо опубликованную министерством юстиции статистическую отчётность. В настоящей статье предпринимается попытка на основе анализа материалов местных учреждений первой половины XIX в. рассмотреть должностные преступления с позиции особенностей уголовного судопроизводства. Источниковой базой работы стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Вологодской области (ГА ВО), а именно протоколы и журналы заседаний уголовной палаты, которые впервые

вводятся в научный оборот. Выбранные источники относятся к категории массовых, что, с одной стороны, осложняет процесс работы с ними, с другой – позволяет раскрыть закономерности и выявить особенности уголовного процесса по делам о должностных преступлениях.

Для должностных преступлений в уголовном праве первой половины XIX в. устанавливался особый порядок расследования и рассмотрения. Такие дела были подсудны уголовным палатам, а преступления губернаторов, губернских предводителей дворянства и прокуроров, председателей губернских палат относились к подсудности Сената¹. В ходе работы было выявлено и проанализировано 679 следственных дел, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда за 1802–1850 гг., что составляет не менее 95% всех дел о должностных преступлениях, которые прошли через данное судебное учреждение за первую половину XIX в. Следственные дела могли включать несколько противоправных деяний: в 249 случаях из 679 в обвинение ставилась совокупность преступлений. Таким образом, общее количество зарегистрированных должностных правонарушений составляет 1013, что на треть превышает число следственных дел.

Согласно закону, разбирательство любого уголовного дела проходило три стадии: следствие, суд и исполнение приговора. Последний этап не отражался в документах уголовной палаты, поскольку его реализация находилась в компетенции полицейских учреждений. Рассмотрим ключевые моменты первых двух стадий на конкретном историческом материале. Отправной точкой для производства следствия являлась регистрация сообщения о преступлении. В законодательстве давался подробный список поводов к началу дела о должностном правонарушении², которые можно объединить в несколько категорий: 1) жалобы и доносы частных лиц; 2) предписания начальства и рапорты должностных лиц; 3) рассмотрение отчётной и текущей документации; 4) ревизии местных учреждений. Остановимся подробнее на каждом из указанных оснований.

По моим подсчётам, по жалобам частных лиц было возбуждено около трети всех следственных дел. 87% общего числа таких жалоб на незаконные действия должностных лиц принадлежали государственным крестьянам. Почти все их жалобы касались превышения властных полномочий чиновниками или незаконных поборов. Сообщать о должностном преступлении закон позволял в любой орган управления, но, как правило, частные лица предпочитали обращаться либо к уездным стряпчим и прокурорам, либо непосредственно к губернатору и губернскому правлению. С появлением палаты государственных имуществ, которая начала функционировать в Вологодской губ. с 1 мая 1839 г.³, крестьяне стали подавать жалобы через окружных начальников.

Материалы следственных дел свидетельствуют, что местные учреждения (речь идёт об уездных органах), не очень охотно принимали жалобы на служащих. Когда чиновники не были заинтересованы в раскрытии преступления, они всячески препятствовали началу разбирательства по делу. За попытку принести прошение, неугодное должностным лицам, доносителя могли попросту высечь⁴. А в случае, если жалобу принимали к рассмотрению, не исключался

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб., 1842. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Вологодские губернские ведомости. 1839. № 19. С. 152.

⁴ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 96, л. 124–136.

риск случайной или умышленной «утраты» документов⁵. Благоприятные условия для этого создавало хаотичное ведение делопроизводства, позволявшее без серьезных последствий скрыть принятое заявление о должностном преступлении или уничтожить материалы следствия⁶. Сенаторы и генерал-губернаторы, в разное время ревизовавшие Вологодскую губ., всегда упоминали в своих отчётах о беспорядках в канцеляриях местных органов власти⁷. В 1820 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв обнаружил, что одни учреждения утаивали дела и не обозначали их в документах, другие, в том числе губернское правление, – просто не вели настольных реестров входящих бумаг⁸. Наладить канцелярский порядок административными методами в условиях существовавшей системы управления было невозможно. Предписания начальства с требованиями устранить нарушения воспринимались должностными лицами как необязательные для исполнения рекомендации, поскольку они не подкреплялись никакими санкциями и ответственность за их игнорирование не наступала.

Факты умышленной утраты документов обнаруживались крайне редко, а в случае, если это происходило, следствие обычно не могло установить виновников. Так, в 1849 г. суду уголовной палаты был предан секретарь городской ратуши, обвиняемый в утрате более 100 дел и входящих бумаг. В похищении документов он не признался, и доказательств его вины не выявили. В итоге обвиняемый получил лишь выговор «за беспорядочное ведение делопроизводства»⁹. Но если лица, виновные в утрате документов или сокрытии материалов уголовного дела, всё же обнаруживались, суд принимал во внимание их объяснения, якобы свидетельствующие об «отсутствии злого умысла» в их действиях и прибегал к тем же выговорам¹⁰, и только в очень редких ситуациях – к увольнению. Таким образом, практика смягчения ответственности приводила к одному результату – страх наказания за сокрытие бумаг, а вместе с ними и преступлений, на служащих не действовал.

Утаивать все правонарушения местные чиновники, конечно, не могли, и им приходилось принимать к рассмотрению сообщения о преступлении, так как всегда находились такие доносители, которые при необходимости проходили все инстанции, чтобы добиться регистрации своей жалобы. Так, зимой 1829–1830 г. «комиссионер 9 класса» Соколов, заметив незаконные вырубki леса, поспешил доложить об этом окружному лесничему и земскому суду. Однако местные чиновники не были заинтересованы в проведении расследования, поскольку принимали непосредственное участие в покрывательстве хищения леса. Соколов, не успокоившись, представил донос казённой палате и губернскому правлению, и следственное дело всё-таки пришлось возбудить¹¹. И хотя невнимательное отношение к жалобам населения не наказывалось строго, а уголовная палата обычно ограничивалась выговорами, как было и в описанном случае, риск быть привлечённым к ответственности всё же сохранялся.

⁵ См., например: Там же, д. 79, л. 839–848 об.; д. 88, л. 315–360; д. 138, л. 415–418; д. 169, л. 221–225 об.; д. 242, л. 1287–1291 об.

⁶ См.: например: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 88, л. 315–360; д. 138, л. 415–418; д. 169, л. 221–225 об.; д. 242, л. 1287–1291 об.

⁷ См.: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 242, л. 1451–1455а об.; РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 156, л. 236 об.–239; д. 256, л. 201–202 об.; ф. 1286, оп. 2, д. 32, л. 8 об.; ф. 1341, оп. 32, д. 768а, л. 1 об.–69; ф. 1405, оп. 28, д. 2513, л. 134 об.–139.

⁸ См.: ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д. 256, л. 2–17 об., 19–23 об.

⁹ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 256, л. 116–116 об.

¹⁰ См.: Там же, д. 186, л. 920–922; оп. 3, д. 132, л. 1–1 об., 42.

¹¹ См.: Там же, оп. 1, д. 142, л. 525–535.

В случае, когда все возможные правовые механизмы внутри губернии были исчерпаны, жалобщики могли пойти с прошением и до центральных органов власти. Ярким примером тому служит дело о незаконных поборах чиновников в удельных волостях Тотемского уезда, рассматривавшееся уголовной палатой 4 декабря 1828 г. Сначала крестьяне попытались донести о взятках губернатору, но он переслал жалобу на рассмотрение управляющему удельной конторой, который сам являлся одним из главных правонарушителей. Попытки удельных чиновников замять это дело привели к тому, что в селениях начались волнения, которые были подавлены с помощью солдат. Однако один из крестьян добрался до столицы и подал жалобу в Сенат. В результате в 1827 г. с ревизией удельного управления прибыл сенатор И.С. Горголи, отдавший под суд 82 должностных лица¹². Ревизор, известный своим жёстким нравом, добился признания во взятках четырёх чиновников, в том числе двух управлявших удельной конторой¹³. В данном случае избалованные в преступлении должностные лица избежать строгой ответственности не смогли.

Вторым поводом к началу дела могли стать либо предписание начальства, либо рапорт должностного лица. Причины, побуждавшие доносить на своих сослуживцев и подчинённых, были самыми разными. Во-первых, закон возлагал ответственность на начальников за работу всего учреждения. Чаще всего за нерадение к службе, медлительность в работе, пьянство и т.п. под суд попадали канцелярские служащие. Во-вторых, одним из главных направлений деятельности прокурора, губернских и уездных стряпчих являлся надзор за порядком в работе местных органов власти. В-третьих, если должностное лицо осознавало, что может попасть под подозрение в совершении преступления, виновниками которого являются его сослуживцы, то предпочитало сообщить о правонарушении, дабы оградить себя от ответственности. И, наконец, в-четвёртых, нередко причиной, побуждавшей к доносу, являлось чувство мести или обида¹⁴, а также внутренние распри и разногласия между чиновниками. К примеру, в апреле-мае 1814 г., когда проводились следствия по фактам преступлений, выявленных сенатором А.З. Хитрово, трое чиновников Яренского уезда подали друг на друга доносы о взятках и прочих злоупотреблениях¹⁵. Всего по предписаниям начальства и рапортам должностных лиц было возбуждено около 40% от всей массы выявленных дел.

Третьим поводом к началу производства по делу могло стать обнаружение правонарушений при рассмотрении отчётной и текущей документации учреждений. Всего по результатам рассмотрения документации учреждений было возбуждено не более 16% от всей массы выявленных дел. Как правило, таким путем вскрывались денежные растраты и причинение ущерба казённому имуществу, незаконные действия при производстве следствий по уголовным делам, противоправное засвидетельствование гражданских правоотношений, составление подложных документов и т.п. Правда, выявление должностных преступлений по материалам делопроизводства учреждений было сопряжено со значительными трудностями. Несмотря на то что порядок организации кан-

---

¹² В числе подсудимых оказались почти все бывшие и действующие на тот момент должностные лица Вельской удельной конторы, крестьянские выборные лица, а также ряд уездных чиновников.

¹³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 116, л. 1028–1044 об.

¹⁴ См., например: Там же, д. 31, л. 673.

¹⁵ Там же, д. 92, л. 261–289 об.

целярской работы подробно регламентировался, почти повсеместно в органах власти указания закона не соблюдались¹⁶. Благоприятные условия для этого создавало отсутствие налаженной системы контроля, которая смогла бы обеспечить регулярное проведение ревизий. Беспорядок в документации вполне устраивал служащих, поскольку позволял на протяжении долгого времени безнаказанно совершать преступления, скрывая их хаотичным ведением делопроизводства. В частности, с большим трудом выявлялись разного рода махинации с финансовой отчётностью. Так, в 1845 г. уголовная палата рассматривала два дела о незаконном расходовании денежных средств выборными городскими учреждениями. В одном случае должностным лицам удавалось совершать преступные действия на протяжении 31 года¹⁷, в другом – 45 лет¹⁸. В процессе следствия по обоим правонарушениям из-за канцелярского беспорядка было трудно выявить не только главных виновников, но и определить суммы причинённого ущерба.

Четвёртым поводом к началу дела служили предписания разного рода ревизоров (сенаторов, генерал-губернаторов, чиновников центральных учреждений). Несмотря на малочисленность таких случаев в общей массе выявленных следственных дел (8%), они весьма показательны. Боязнь и недоверие к местным властям и правосудию приводили к тому, что жители губернии воспринимали представителей центральных учреждений едва ли не как спасителей. Сенатор А.З. Хитрово в своём отчёте писал, что во время его ревизии Вологодской губ, в 1814 г. почти в каждом селении крестьяне приходили к нему «толпами» со своими многочисленными жалобами на преступления местной администрации¹⁹. Донос о правонарушении, поданный ревизору, уже не мог быть проигнорирован, и наверняка поступал на рассмотрение уголовной палаты. Но при этом не существовало гарантии, что преступники понесут заслуженное наказание²⁰. Из 56 рассмотренных уголовной палатой следственных дел, начавшихся по инициативе ревизоров, только в семи случаях подсудимых привлекли к строгой ответственности, да и то только потому, что они признали свою вину²¹.

Анализ протоколов уголовной палаты позволяет установить, что в абсолютном большинстве случаев с момента совершения преступления до регистрации сообщения о нём проходило не более года. Это было вполне логично, поскольку закон обязывал сообщать о совершаемых правонарушениях незамедлительно. Если жалоба или донос поступали спустя продолжительное время и лицо, его подававшее, на протяжении всего этого срока знало о незаконном деянии и молчало, то его признавали содействующим совершению преступления и подвергали наказанию²². Не более, чем в 15% случаев сроки от момента совершения правонарушения до его выявления оказывались продолжительными. Речь идёт о наиболее тяжких и трудно раскрываемых преступлениях (взятки, растраты казённого и общественного имущества, подлог документов). Как пра-

¹⁶ См.: Там же, ф. 14, оп. 1, д. 1019, л. 41–48 об.

¹⁷ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 199, л. 879–879 об.

¹⁸ Там же, л. 914–929.

¹⁹ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 424, л. 1.

²⁰ См., подробнее: *Плех О.А.* Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 82–96.

²¹ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 71, л. 509–512; д. 92, л. 191–205; д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 130, л. 1291–1293; д. 134, л. 1286–1290 об.; д. 138, л. 493–495 об.; д. 242, л. 1451–1455а об.

²² См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 186–191.

вило, такие деяния выявлялись во время ревизий учреждений, при детальном знакомстве с делопроизводственной документацией, в процессе производства по другим правонарушениям.

В конечном итоге все сообщения о должностных преступлениях стекались в губернское правление, которое было уполномочено решать вопрос, стоит ли начинать производство по делу. При этом закон устанавливал прямую ответственность губернского начальства за принятие бездоказательных доносов в отношении должностных лиц. Любое сообщение о преступлении следовало основательно подкрепить, иначе оно признавалось ложным и доносителей строго наказывали. К примеру, если исправник, взыскивая недоимки, злоупотреблял полномочиями и избил крестьянина при свидетелях, то доказать это было не так уж трудно. Но если речь шла о взятке, которую чиновник получил через сторонних лиц и без свидетелей, такой донос практически всегда признавался ложным.

Служащие государственного аппарата не понаслышке были знакомы с правилами оценки доказательств и прекрасно представляли, посредством каких уловок можно скрыть противоправное деяние. Чтобы доказать донос на своих сослуживцев, должностное лицо предприняло все возможные средства, в том числе и незаконные. Так, один канцелярский служащий Вельского уездного суда, увидев, что многие уголовные дела, не подпадавшие под амнистию, окончательно решены судом по манифесту от 30 августа 1814 г., решился доложить об этом начальству. Для доказательства он запечатал и лично привёз губернатору подлинники журналы суда, объяснив свои действия тем, что копии постановлений не смогли бы уличить преступников, поскольку «суд по узанию о его доносе, мог бы переправить или вовсе утаить» истинные записи в журналах²³. Несмотря на то что донос подтвердился, в отношении членов уездного суда даже не возбудили уголовное дело, а вот «непослушного» канцелярского служащего предали суду за самовольный вынос из учреждения документов, оштрафовали и уволили с должности. Подобные примеры не только свидетельствуют о том, насколько трудно выявлялись злоупотребления, и как сложно их было доказывать. Они отражают позицию губернского начальства, которое не поддерживало доносителей и не поощряло стремления пресекать правонарушения. Местные учреждения старались избавляться от лиц, склонных к написанию «ябеднических прошений», и обычно находили законные предлоги для их увольнения со службы (халатность, нерадение, медленное исполнение поручений и т.п.)²⁴.

Таким образом, процесс регистрации сообщений о должностных преступлениях осложнялся многими обстоятельствами, которые значительным образом снижали количество заявлений. Лицо, осознававшее, что подтвердить жалобу будет сложно, предпочитало умолчать о нарушении закона. Далеко не все сообщения о правонарушениях удостоивались внимания местных учреждений, а принятые к рассмотрению доносы не всегда приводили к возбуждению уголовных дел.

Анализ протоколов уголовной палаты позволяет выделить особенности досудебного производства по следственным делам, включавшего два этапа: предварительное следствие и формальное следствие. Производство по делам о должностных правонарушениях начиналось в случае, если губернское прав-

²³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 65, л. 669.

²⁴ См, например: Там же, ф. 14, оп. 1, д. 1234, л. 1–3.

ление выносило положительное определение в отношении сообщения о преступлении. Назначалось проведение предварительного следствия, главными задачами которого являлись подтверждение факта совершения преступления, выявление обстоятельств дела и установление лица, привлекаемого в качестве обвиняемого. Сроки данной стадии производства не регламентировались. Закон упоминал лишь, что «исследование происшествия» должно проводиться самым скорейшим образом и желательно по горячим следам²⁵. Материалы предварительного расследования вновь поступали в губернское правление, от решения которого зависел дальнейший ход процесса. Если факт нарушения закона не находил подтверждения, то дело прекращалось, а доносителя отдавали под суд. Если же правонарушение обнаруживалось, то возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие²⁶, конечной целью которого являлось приведение всех «обстоятельств дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления приговора»²⁷. Данный этап, на который законом отводился один месяц, включал проведение основной массы следственных действий (допросы обвиняемого и свидетелей, очные ставки, сбор письменных доказательств и т.д.).

На протяжении всего времени досудебного разбирательства губернское правление могло инициировать прекращение производства. Оно самостоятельно решало вопрос о предании лица суждению уголовной палаты и могло не найти оснований для уголовного преследования, либо счесть проступок незначительным и закрыть дело, подвергнув служащего минимальному наказанию. Следствие находилось в компетенции полицейских учреждений. Конкретное должностное лицо, которому оно поручалось, определяло по своему усмотрению губернское правление. Как правило, по наиболее важным, с точки зрения начальства, правонарушениям на места посылались представители губернских учреждений, в иных случаях следствие проводили уездные и городские полицейские чиновники.

Материалы уголовной палаты свидетельствуют, что по малозначительным правонарушениям²⁸, где вина служащего была очевидна либо доказывалась его собственным признанием²⁹, все необходимые следственные действия удавалось завершить в течение года (60% от всей массы выявленных дел). Что же касается наиболее тяжких преступлений, инициированных ревизорами, содержащих большое количество показаний со стороны населения или нанёсших казне значительный убыток, общий срок расследования мог затянуться на три–четыре года³⁰. Закон указывал на необходимость всестороннего исследования

²⁵ См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 191–192.

²⁶ Закон устанавливал два варианта действий после возбуждения уголовного дела: либо губернское правление назначало формальное следствие, либо передавало материалы дела в уголовную палату, которая самостоятельно проводила дальнейшее расследование правонарушения (Там же. С. 292).

²⁷ Там же. С. 204.

²⁸ К примеру, самовольные отлучки от должности.

²⁹ Неисполнение предписаний начальства, нарушение порядка при исполнении должности, нарушение субординации в служебных отношениях, превышение власти и некоторые другие.

³⁰ См., например: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 36, л. 275–294 об.; д. 41, л. 149–159 об.; д. 69, л. 365–372 об., 373–380, 381–389 об., 431–458, 717–730 об., 883–908 об.; д. 71, л. 509–512; д. 73, л. 500–510 об., 620–627 об., 700–715 об., 932–939, 1062–1093 об.; д. 74, л. 317–340 об, 395–405, 749–761 об.; д. 78, л. 86–95 об.; д. 79, л. 221–227 об, 411–420, 471–518, 519–536 об, 537–669 об, 945–963; д. 83, л. 43–48, 899–964; д. 154, л. 63–70, 119–123, 201–216, 435–449 об.; д. 213,

обстоятельств дела, и чиновники зачастую злоупотребляли данным предписанием, чтобы затягивать следствие, что, в свою очередь, давало возможность виновным уйти от наказания.

Местные чиновники умели провести расследование так, чтобы в ходе судебного разбирательства исключалась возможность обвинительного приговора. Во-первых, не всегда сразу начинали проведение следствия. Поскольку загруженность полицейских чиновников работой оставалась высокой, всегда можно было найти правдоподобную причину промедления. Но зато чем дольше оттягивался момент начала следствия, тем больше появлялось шансов, что важные для дела документы «случайно» затеряются, а свидетели забудут многие обстоятельства преступления. Во-вторых, методы проведения следственных действий зависели от характера противоправного деяния, которое предстояло исследовать. К примеру, если это был донос о взятках и под ним подписались многие крестьяне, то сбор показаний могли проводить в сезон полевых работ. Проводя допросы на местах, крестьянам объясняли, к чему их приговорит суд, если донос признают ложным, и убеждали отказаться от своих показаний. Если уговоры на крестьян не действовали, то особо упорных запугивали.

Фиксируя показания важных свидетелей, их зачастую не приводили к присяге, из-за чего суд не принимал такие доказательства. Более того, можно было опросить не всех, кого требовалось, а начальству объяснить это упорством крестьян, которые отказались прийти на допрос. Крайне выгодна для следователей была почти поголовная неграмотность населения. Так, в 1830 г. в жалобе сенаторам А.М. Корнилову и В.Ф. Мертенсу крестьяне указали, что пытались донести местным властям о жестоком обращении с ними, но проводившие следствие чиновники мало того, что угрожали им, так ещё и в тексты допросов поместили не те сведения, которые они сообщили. Ознакомиться с составленными документами крестьяне не смогли из-за неграмотности, а «рукоприкладство сделали к ним потому, что [следователь] читал их одним скоро и невнятно и они не могли хорошо расслышать содержание оных, другим читал не так, как было написано, некоторые крестьяне заручили по боязни, а иным вовсе не читал»³¹.

Возможно, именно боязнь преследования и разного рода фальсификаций приводили к появлению в материалах следствия не поддающихся логическому объяснению документов, в которых доносители полностью отказывались от своих обвинений. К примеру, во время следствия один крестьянин отрёкся от своей жалобы на взяточничество грязовецких чиновников, объявив, что жалобу подал, будучи «в беспамятстве и чувствуя в себе великий жар с головной болью и что по получении от болезни облегчения, осознает то показание несправедливым»³².

Естественно, следователи оказывали помощь подсудимым не бесплатно. В ряде случаев обвиняемые на допросах указывали, что с них требовали вознаграждение за содействие сокрытию преступления³³. Встречаются примеры, когда действия следователей нельзя объяснить ничем иным как взяткой. Так, из-за нарушения правил производства следствия был оправдан устьысольский становой пристав, обвинявшийся в незаконном удержании денег³⁴. У Как вы-

л. 1472–1473 об.; и др.

³¹ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 130, л. 1266.

³² Там же, д. 48, л. 472.

³³ См., например: Там же, д. 82, л. 1355–1363.

³⁴ Там же, д. 256, л. 1352 об.

Динамика следственных дел и должностных преступлений в первой половине XIX в.

Годы	Число следственных дел		Число преступлений	
	ед.	%	ед.	%
1802–1810	84	12.4	113	11.1
1811–1820	114	16.8	170	16.8
1821–1830	117	17.2	176	17.4
1831–1840	118	17.4	184	18.2
1841–1850	246	36.2	370	36.5
Всего за 1802–1850	679	100	1013	100

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8–9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

янил суд, следователь, которому было поручено лишь дополнить дело недостающими сведениями, без разрешения самостоятельно провёл ряд следственных действий, которые в конечном итоге привели к оправданию подсудимого. Ключевую роль в этом сыграло проведение нового допроса главного свидетеля. И несмотря на то что суть его объяснений осталась прежней, суд не принял их как доказательство вины, так как они, в отличие от предыдущих показаний, были взяты без присяги. Принять же к рассмотрению старый допрос суд не мог, поскольку взятие новых показаний по закону отменяло прежние. Подобный метод, неформально именовавшийся как «передопрос», активно применялся следователями, когда необходимо было «развалить» обвинение по деле³⁵.

Значительное число нарушений, допускаясь во время расследований, позволяет сделать два предположения: либо полицейские чиновники отличались большой некомпетентностью, либо они сознательно совершали подобные действия. Второй вариант выглядит более правдоподобным, тем более что процветанию таких злоупотреблений способствовала позиция губернского правления, которое в самых редких случаях отдавало следователей под суд.

По завершении расследования и сборе всех необходимых справок и документов начиналось собственно судебное разбирательство дела. Как уже отмечалось, за 1802–1850 гг. Вологодская уголовная палата рассмотрела 679 следственных дел, включавших более 1 тыс. должностных преступлений. Рассмотрим динамику следственных дел и должностных преступлений, представленную в таблице 1.

На протяжении рассматриваемого периода количество зарегистрированных преступлений по десятилетиям оставалось примерно одинаковым. В 1802–1810 гг. постепенное увеличение показателей преступлений естественным образом связано с налаживанием работы губернских и уездных учреждений после реформаторских экспериментов Павла I. Собственно говоря, и восстановленная уголовная палата начала нормально функционировать только с 1802 г. Что же касается 1840-х гг., то здесь значительный скачок числа выявленных правонарушений является результатом того, что с 1839 г. к разряду следственных дел стали относить должностные преступления сельских и

³⁵ См., например: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 186, л. 1281–1291 об.

Должности подсудимых в местном аппарате управления первой половины XIX в.*

Должности	Учреждения								Итого	
	Губернские		Уездные		Городские		Мирские			
	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%
Должности, назначаемые правительством										
классные канцелярские а) сек-ретарские б) прочие**	34	7.7	365	82.8	42	9.5	0	0	441	100
	4	3.4	95	79.8	20	16.8	0	0	119	100
	25	4.9	361	71.2	31	6.1	90	17.8	507	100
Выборные должности										
дворянские	7	5	134	95	0	0	0	0	141	100
городские	3	2.3	0	0	125	97.7	0	0	128	100
сельские	3	0.5	109	19.3	0	0	453	80.2	565	100
Всего	76	4	1 064	55.9	218	11.5	543	28.6	1 901	100

* При определении должностей сохранена номенклатура, использовавшаяся в законодательстве первой половины XIX в.

** Для мирских учреждений в данную категорию включены писари, которые не избирались на должности, а нанимались обществом для письмоводства.

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

волостных выборных от государственных и удельных крестьян³⁶. В 1840-х гг. уголовная палата рассмотрела 148 следственных дел о выборных крестьянах, на которые приходилось 208 преступлений.

Анализируя общие показатели преступности, нельзя не отметить, что цифры получились не столь высокими, как можно было ожидать, что объясняется высоким уровнем скрытой преступности. Подтверждение данному тезису находим при детальном рассмотрении составов преступлений. При анализе протоколов уголовной палаты выделялись простые преступления (56%), содержащие одно деяние, и сложные – несколько деяний (44%). Многие правонарушения второго типа совершались на протяжении значительного времени.

Всего за первую половину XIX в. под судом Вологодской уголовной палаты оказалось не менее 1 900 служащих разных уровней и званий³⁷. Исследование показало, что 90% от общего числа следственных дел составляли случаи, когда количество обвиняемых не превышало четырёх человек. В то же время выявлены примеры, где подсудимых было очень много. По моим подсчётам, половина от общего числа подсудимых выпадает на 10% следственных дел. Самые мас-

³⁶ ПСЗ-П. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12166.

³⁷ Точное количество подсудимых установить невозможно, поскольку в некоторых протоколах перечислялись не все обвиняемые: по 19 следственным делам можно установить только часть подсудимых, по одному указано лишь, что их «много» (См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 44, л. 389–391 об.; д. 55, л. 953–957 об.; д. 59, л. 60–61 об.; д. 92, л. 1135–1229; д. 107, л. 598–604; д. 109, л. 820–822; д. 117, л. 950–955 об.; д. 124, л. 76–94 об.; д. 126, л. 389–399; д. 130, л. 1282–1285 об.; д. 146, л. 399–417 об.; д. 154, л. 201–216; д. 160, л. 427–432 об.; д. 199, л. 435–435 об, 879–879 об.; д. 213, л. 1472–1473 об, 1565–1567; д. 227, л. 111–113 об.; д. 1242, л. 657–670; ПСЗ-П. Т. 30. Л. 1016–1017).

совые привлечения должностных лиц к ответственности происходили после сенаторских ревизий, когда под суд могли попасть почти все служащие уезда. Так, в 1830-х гг. под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служащий губернии³⁸, что во многом стало возможно благодаря стараниям ревизоров А.М. Корнилова и В.Ф. Мертенса. Содержание протоколов уголовной палаты позволяет увидеть состав подсудимых (см. табл. 2).

Половину обвиняемых составляли служащие уездных учреждений. Исполнение должностей при непосредственном контакте с населением давало широкий простор для злоупотреблений, а слабый контроль со стороны губернских органов создавал для этого благоприятную среду. В городских органах власти служили 11.5% подсудимых. Это значительный показатель, если учитывать, что доля горожан в составе населения губернии не превышала 4% даже к середине XIX в.³⁹ Городские условия давали меньше возможностей сокрытия преступлений. Почти треть подсудимых приходилась на органы мирского управления. Доля губернских чиновников среди подсудимых ничтожно мала (4%). Вряд ли это говорит о том, что среди этих служащих случаи нарушения закона были редки. Скорее это свидетельствует о более профессиональном уровне сокрытия преступлений, а также боязни населения доносить на чиновников высокого ранга, ведь жаловаться на губернских служащих приходилось бы в губернские же учреждения. Привлечение к суду данной категории лиц инициировались либо сенаторами-ревизорами, либо доносами обиженных сослуживцев, либо начальниками самих учреждений в отношении своих подчинённых.

Рассматривая состав подсудимых, нужно отметить, что значительная их часть относится к назначаемым от правительства классным должностям. Вместе с дворянскими, городскими и сельскими выборными, служившими в губернских и уездных учреждениях, они составляют категорию так называемых присутствующих лиц и насчитывают треть от всего числа подсудимых. Именно они являлись инициаторами распространения и утверждения противозаконных методов управления. Благодаря опыту и статусу, своим должностным полномочиям, им нередко удавалось совершать многочисленные правонарушения на протяжении длительного времени. Канцелярские служащие во главе с секретарями способствовали и покрывали правонарушения присутствующих лиц, извлекая из этого для себя значительные выгоды. Однако в этом тандеме отсутствовала взаимная поддержка. В случае обнаружения правонарушений в каком-либо учреждении более высокопоставленные должностные лица стремились переложить вину и ответственность на низших служащих. Так, в 1849 г. после ревизии губернатором делопроизводства Сольвычегодского земского суда были выявлены многочисленные правонарушения, совершавшиеся на протяжении 1838–1846 гг. Под судом оказались 14 должностных лиц. На допросах присутствующие земского суда единогласно показали, что во всём виноват секретарь⁴⁰. Переложить на него груз ответственности было осознан-

³⁸ Это приблизительные данные, полученные путём сопоставления количества подсудимых чиновников и канцелярских служащих с общими данными их численности по губернии, которая, по моим подсчётам, в 1830-х гг. не превышала 1 тыс. человек (См.: РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 473; ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11).

³⁹ *Дубравин Н.П.* Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1853. С. 94.

⁴⁰ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 256, л. 1124.

ным и удобным решением, так как секретарь умер ещё до начала следствия, не успев дать никаких показаний по делу.

Треть подсудимых служили в выборных мирских и городских органах управления. Здесь интересно отметить одну очень важную особенность выборной службы. Законодательно была установлена коллективная ответственность общества за деятельность их сословных учреждений. К примеру, если выявлялись растраты денежных сумм, а у виновного не хватало средств на их покрытие, то нехватки возмещало общество, избравшее должностных лиц. Таким образом, и горожане, и крестьяне были заинтересованы в пресечении злоупотреблений их выборных органов, так как несли материальную ответственность за их деятельность.

Отсутствие чёткой классификации должностных преступлений и неразвитость системы наказаний до создания Свода законов Российской империи 1832 г. и принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. накладывали отпечаток на рассмотрение дел уголовной палатой: одно и то же по своей сущности противоправное деяние могло быть классифицировано и решено совершенно по-разному, исходя из предпочтений членов суда. К примеру, если поступала жалоба на вымогательство взятки, сопряжённое с избиением крестьян, и передача денег следствием не подтверждалась, а побои удавалось доказать, то суд мог расценить суть преступления лишь как превышение властных полномочий.

Из всего перечня представленных в таблице 3 категорий преступлений, к наиболее тяжким относились деяния, связанные с незаконным обогащением: взятки (лихоимство) и присвоение казённых средств.

Как показала практика рассмотренных уголовной палатой следственных дел, когда растрата была незначительной, и обвиняемый осознавал, что суд сочтёт его ответственным за хищение денег, он предпочитал вернуть деньги сразу же при обнаружении деяния. В таком случае суд налагал мягкие наказания, уважая чистосердечное раскаяние и возмещение убытка. Но когда речь шла о крупных растратах или взятках, признание вины случалось крайне редко. Так, в 1826 г. за растрату денежных сумм (44 тыс. руб.), обнаруженную в 1818 г. в приказе общественного призрения, был приговорён к ссылке в Сибирь на поселение казначей данного учреждения. Высокопоставленные чиновники губернии, в том числе и губернатор, на которых он указал как на соучастников, своей вины так и не признали. В итоге вся ответственность за растрату была возложена только на казначей⁴¹. Очень интересным примером является дело о растрате в Яренском уездном казначействе, рассмотренное уголовной палатой в 1820 г. всю ответственность за преступление, которое совершалось на протяжении 1811–1816 гг, взял на себя казначей. Уникальность этого дела заключается в том, что это чуть ли не единичный пример, когда один из подсудимых сознался во всех пунктах обвинения. Что его на это подвигло, остаётся загадкой, так как кроме его признания никаких других доказательств у следствия не имелось⁴².

Обычно по преступлениям, связанным с растратами, обвиняемые находили способы представить дело так, что виновных было не найти, а когда существовали доказательства преступления, приводили самые немыслимые оправдания, которые суд принимал как смягчающие обстоятельства. Так, дворянский заседатель уездного суда Д. Нелидов объяснил, что совершил растрату не для

⁴¹ Там же, д. 107, л. 269–272 об.

⁴² Там же, д. 82, л. 1355–1363.

Классификация должностных преступлений первой половины XIX в)*

Категория преступления	Количество преступлений		Из них число преступлений, по которым:					
			вынесен обвинительный приговор**	вынесен оправдательный приговор**	учтены смягчающие обстоятельства	учтены отягчающие обстоятельства	подсудимый помилован	подсудимый без помилован без рассмотрения дела по существу
	ед.	%						
Неисполнение указов и предписаний	49	4.8	38	8	12	1	6	3
Превышение власти и противозаконное бездействие	266	26.3	191	69	52	7	29	6
Противозаконные действия при хранении и управлении имуществом и денежными суммами	157	15.5	119	37	28	3	26	1
Подлоги по службе	51	5	41	8	14	3	5	2
Неправосудие	5	0.5	4	1	1	0	0	0
Мздоимство и лихоимство	177	17.5	10	167	1	2	1	0
Нарушение порядка при определении к должности и увольнении от неё	8	0.8	7	1	0	0	1	0
Нарушение порядка отношений между начальниками и подчинёнными	29	2.9	21	7	4	1	0	1
Медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности	167	16.5	132	27	28	11	3	8
Преступления при следствии и суде	38	3.7	31	7	9	1	4	0
Ложные донесения о должностных правонарушениях	27	2.7	21	5	4	2	2	1
Иные***	39	3.8	28	10	9	1	6	1
Итого	1 013	100	643	347	162	32	83	23

* Классификация правонарушений проведена с учётом номенклатуры должностных преступлений, предложенной в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

** Общая сумма обвинительных и оправдательных приговоров не совпадает с общим числом преступлений, потому что по 23 правонарушениям подсудимые были помилованы без рассмотрения дела по существу и, соответственно, без установления судом виновности или невиновности должностного лица.

*** Включены преступления связанные с нарушениями: лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий.

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

того, чтобы воспользоваться деньгами самому, а «по бываемой расстроенности в рассудке, незнанию точности своей обязанности по службе и недоумию»⁴³. Врачебная управа засвидетельствовала помешательство в рассудке, и виновный вместо ссылки был приговорён к лишению чинов и оставлен на месте жительства. Вряд ли стоит принимать подобные оправдания за чистую монету.

В случае необнаружения виновника суд налагал взыскание убытков на всех служащих учреждения, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны. В такой ситуации уход со службы и даже смерть не освобождали должностное лицо от материальной ответственности. Поэтому сами чиновники предпочитали во время следствия найти ответственного в преступлении и, как правило, главными виновниками выставляли канцелярских служащих. К примеру, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату денежных сумм губернского правления (около 56 тыс. руб.) возложили на «приходорасходчика». И, несмотря на его утверждение, что часть денег была взята другими служащими, наказанию больше никого не подвергли⁴⁴. В целом судебное рассмотрение данной категории правонарушений отличалось большим числом обвинительных приговоров и высоким процентом раскрываемости.

По части же лихоимства вынесение оправдательных приговоров было обычным явлением. В своих решениях суд часто указывал, что «доносители кроме одних своих и причастных с ними по сему делу людей и без присяжных показаний, из коих многие оказались разнообразными и ложными, ясных доказательств и законных свидетелей не представили»⁴⁵. Расходные тетради волостных правлений суд не принимал как подтверждение получения взяток, ссылаясь на то, что выборные лица могли обмануть общество и присвоить эти деньги себе. В случае если служащий уже бывал под судом по обвинению в лихоимстве, либо на него указывало большое число крестьян, уголовная палата могла оставить его «в подозрении» (42 из 177 преступлений). К примеру, обвинявшийся во взятках вельский земский исправник остался «в подозрении», несмотря на то что на его преступление указывало более 200 крестьян и до этого он уже дважды был под судом по делам о лихоимстве, но оправдан за недостатком улик⁴⁶. Единственной возможностью уличить взяточника являлось его собственное признание, но такие случаи встречались крайне редко⁴⁷.

Самой многочисленной категорией преступлений было превышение власти и противозаконное бездействие. Подобные правонарушения имели большое распространение среди полицейских служащих. Взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за выполнением земских повинностей нередко сопровождалось злоупотреблениями. Что касается противозаконного бездействия, то за такие правонарушения чаще всего осуждали лиц, знавших о преступлениях сослуживцев и своевременно о них не сообщивших. В 1840-х гг. за превышение власти и бездействие активно привлекали к суду выборных крестьян, которые допускали противозаконные денежные сборы с общества. Число обвинительных приговоров и раскрываемость по данному виду преступлений очень велики. Такие показатели обуславливались спецификой категории пра-

⁴³ Там же, д. 129, л. 1035 об.

⁴⁴ Там же, д. 99, л. 317–318 об.

⁴⁵ Там же, д. 213, л. 1473.

⁴⁶ См.: Там же, д. 79, л. 71–90 об.

⁴⁷ См.: Там же, л. 927–939 об.; д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 121, л. 93, 94; д. 134, л. 1286–1290 об.; д. 142, л. 1278–1302 об.

вонарушений: во многих случаях вина подсудимых была очевидна, и они считали что выгоднее чистосердечно раскаяться и доказывать отсутствие умысла в своих действиях (104 из 266 преступлений). Такое поведение гарантировало снисхождение суда и значительное смягчение наказания.

Неисполнение указов и предписаний начальства – хотя и не многочисленная, но весьма показательная группа преступлений. Эти правонарушения, как правило, представлены в совокупности с так называемой медленностью, нерадением и несоблюдением порядка при исполнении должности. По своей сущности схожими с указанными деяниями были «нарушения порядка при определении к должности и увольнении от неё» и «нарушения порядка отношений между начальниками и подчинёнными». Материалы подобных следственных дел интересны тем, что непосредственно отражают исполнение служебных полномочий должностными лицами и вскрывают отношения внутри учреждения. Дружественной обстановки и взаимного уважения внутри местного аппарата управления не наблюдалось. Самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, демонстрация неуважения к начальству и друг к другу словами и действиями, вынос из учреждений документов на дом и их утрата, беспорядочное ведение делопроизводства, и т.п. были весьма распространёнными явлениями. Указы и предписания губернского начальства зачастую просто игнорировались. Губернское правление не предпринимало решительных мер к пресечению подобного поведения. К примеру, в 1822 г. уголовная палата за «недеятельность по делам и беспечность ко взысканию недоимки» осудила членов Грязовецкого земского суда. Дело было возбуждено по инициативе генерал-губернатора, который указал губернскому начальству на его медленную работу. В ответ губернское правление оправдывалось тем, что ничем не могло побудить служащих земского суда к деятельности: несмотря на неоднократные «подтверждения» и пени положительных сдвигов не наблюдалось.

Генерал-губернатор предложил штрафовать должностных лиц. Так, дворянский заседатель Никольского земского суда, не проведя вовремя следствие, дал возможность уйти от ответственности подозреваемому в краже крестьянину. Уголовная палата решила за это упущение наложить на чиновника минимальный штраф в 10 руб, но генерал-губернатор, возвратив дело на пересмотр, предписал в подобных случаях, помимо прочего, взыскивать с полицейских служителей «компенсацию за не отысканное имущество, чтобы возместить ущерб»⁴⁸.

Сроки судебного разбирательства в 42% следственных дел не превышали одного года, в 34% – длились от одного года до двух лет, в 24% – более двух лет. Чем дольше велось производство по делу, тем больше было шансов уйти от ответственности, добиться смягчённого приговора либо избежать наказания, попав под амнистию, поэтому дела умышленно затягивались и судебными органами, и самими подсудимыми⁴⁹. Установленные законом пра-

⁴⁸ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 119, л. 516–523 об.

⁴⁹ Подсудимым гарантировалось право использовать все возможные способы к своему оправданию, чем они зачастую злоупотребляли. На допросах при следствии можно было о чём-то умалчать, но «вспомнить» об этом когда дело поступало в суд и тогда на основании вновь открывшихся обстоятельств уголовная палата была обязана назначить дополнительное расследование. Часто отстранённый от должности, но не взятый под арест подсудимый, пока велось следствие, находил возможность поступить на службу в другой губернии и под разными предлогами уклонялся от приезда в Вологду для дачи показаний суду (см, например: Там же, д. 213, л. 1515–1517; ф. 806, оп. 2, д. 4, л. 1–25).

вила создавали для этого благоприятную среду. Так, если следствие проводилось неосновательно, суд был обязан «привести в полную ясность» все обстоятельства дела и в случае сомнений назначить «дополнительное изыскание», собрать все недостающие сведения и справки⁵⁰. К примеру, 27 февраля 1821 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв предписал уголовной палате решить дело о взятках и злоупотреблениях чиновников Яренского уезда, «оставя излишние по сему делу справки и запросы»⁵¹. Производство началось ещё в 1814 г., но на протяжении семи лет никаких подвижек по нему почти не наблюдалось и, как оказалось, осталось не выясненным ещё множество вопросов. Даже личный контроль генерал-губернатора не гарантировал скорейшего вынесения приговора, так как окончательно дело было решено лишь в марте 1822 г.

Приговор уголовной палаты должен был пройти утверждение губернатора и поступить для ознакомления к губернскому прокурору. По общему правилу, пройдя контрольные инстанции, приговор объявлялся подсудимому, с него бралась подписка, что он с приговором ознакомлен. В особых случаях следственное дело должно было поступить на ревизию в Сенат⁵². По моим подсчётам, через утверждение высшего судебного органа прошло около 20% приговоров, пятая часть из которых была возвращена в уголовную палату для пересмотра. Главным образом Сенат не соглашался с результатами дела по формальным критериям либо по случаю протеста подсудимого⁵³. Пересмотры следственных дел затягивали вынесение окончательного приговора не менее, чем на год. Выявлены случаи, когда Сенат возвращал дело неоднократно. В качестве примера можно привести дело об устьсысольских чиновниках, рассматривавшееся на протяжении 20 лет. Следствие по нему началось в 1828 г. с доноса отставного чиновника на имя губернатора, в котором он описал взятки и присвоение казённых денег, совершённые устьсысольским исправником во время покупки скота для военных поселений⁵⁴. Расследование было проведено с максимальными усилиями к оправданию обвиняемого, который скорее всего ушёл бы от ответственности, если бы в 1830 г. в Вологодскую губ. не приехали сенатские ревизоры. Они, в отличие от местных должностных лиц, посчитали жалобу вполне доказанной и в процессе её рассмотрения выявили многочисленные преступления почти всех устьсысольских чиновников, совершавшиеся на протяжении многих лет. Многие крестьяне и их выборные лица показали на систематические незаконные поборы и взятки. Местные органы власти, насколько это было возможно, затянули разбирательство. В 1837 г. по этому делу оправдали почти всех должностных лиц, кроме четырёх главных фигурантов, которых оправдать полностью оказалось невозможно. Уголовная палата оставила их в «подозрении» и назначила самые щадящие наказания. Ввиду того что дело возбудили в результате ревизии, оно, согласно закону, должно было пройти утверждение Сената, который на протяжении 10 лет не хотел соглашаться с

⁵⁰ См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 298–301.

⁵¹ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 92, л. 261–289 об.

⁵² О правилах и порядке поступления приговоров на ревизию в Сенат см.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 302.

⁵³ Выявлены редкие случаи, когда дело поступало в Сенат на ревизию из-за несогласия с приговором губернатора, прокурора или одного из дворянских заседателей уголовной палаты. Во всех этих случаях делалась попытка оспорить приговор в сторону ужесточения наказания. Однако Сенат обычно не поддерживал подобные протесты и соглашался с мнением уголовной палаты.

⁵⁴ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 213, л. 1469–1491 об.

приговором. Высший судебный орган 5 раз возвращал дело на пересмотр из-за его «неполноты». В конечном счёте в 1848 г. Сенат всё-таки утвердил приговор, но к тому времени двое подсудимых уже умерли, а ещё двоих полностью оправдали.

Подводя итог характеристике должностной преступности в местном аппарате управления, необходимо выделить следующие моменты. Во-первых, уровень латентной преступности на протяжении изучаемого периода был очень высоким, поскольку существовало множество способов сокрытия правонарушений. Трудности в выявлении незаконных деяний были обусловлены многими факторами: неразвитостью правовых стимулов, побуждавших искоренять должностные преступления, жёсткими требованиями к доказательной базе доносов, изобретательностью служащих и в целом устоявшимися незаконными традициями управления. Всё это, вкуче с особенностями правосознания местного населения и отстранённой позицией центральных учреждений, создавало благоприятные условия для безнаказанного совершения правонарушений на протяжении длительного времени. Подтверждением этому служит характер совершаемых преступлений, большинство из которых были сложносоставными, делящимися.

Во-вторых, большинство совершаемых преступлений либо были нацелены на незаконное обогащение, либо имели материальную подоплёку. По правонарушениям, затрагивающим частные интересы, в особенности по взяточничеству, процент раскрываемости оставался невысоким. Несоблюдение форм и обрядов во время производства следствия было распространённым явлением, позволявшим подсудимому уходить от наказания. В тоже время с преступлениями, наносившими ущерб государственным интересам и особенно казне, всё-таки пытались бороться. Если не удавалось установить виновников таких злоупотреблений, суд всегда находил материально ответственных должностных лиц, с которых взыскивал казённые убытки. По менее тяжким преступлениям, когда существовал реальный риск привлечения к ответственности, подсудимые предпочитали признать вину, подчёркивая отсутствие злого умысла. Оправдания служащих суд активно принимал как смягчающие обстоятельства.

Таким образом, работа всей системы местного управления не была нацелена на искоренение должностных преступлений. Губернская администрация и уголовная палата не стремились создавать прецеденты жестокого наказания служащих и старались минимизировать наказания. Общество демонстрировало недоверие к местной власти и правосудию и предпочитало подстраиваться под существующие порядки управления. Государство, осознавая, что не имеет сил и средств для искоренения преступлений, не наказывало строго должностных лиц, а лишь пыталось сдерживать их злоупотребления в определённых рамках.

«Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в.

Виктория Ефимова

«A very strange act»: governor and local officials in the early nineteenth century

Victoria Efimova (Petrozavodsk State University, Russia)

Ещё С.М. Середонин, освещая жалобы на злоупотребления губернаторов царствования Александра I, обратил внимание на «совсем уж странный поступок» олонецкого гражданского губернатора, отправившего в сумасшедший дом губернского стряпчего А.А. Карабутова¹. Однако ни фамилия губернатора, ни мотивы и последствия его действий при этом не раскрывались. Между тем данный эпизод весьма любопытен для понимания положения губернаторов в первой четверти XIX в., их возможностей и взаимоотношений с местным чиновничеством и вышестоящим начальством².

По ряду объективных и субъективных причин к началу 1820-х гг. Олонеккая губ. была не на лучшем счету у правительства. 15 июля 1820 г. только что назначенный архангельским, вологодским и олонекским генерал-губернатором А.Ф. Клокачёв красочно описал в своём отчёте императору «неустройства», обнаруженные при первом обозрении губернии: «долговременное и неосновательное распоряжение по содержанию дорог и почтовых станций, недостаток в надзоре за течением дел по судебным местам и, можно назвать, слабое попечение вообще по губернскому управлению», недостаток чиновников и канцелярских служителей (особенно «способных») и, наконец, «взаимное и нескрытое несогласие губернатора со всеми почти в губернском городе чиновниками»³. Ответственность за это в известной мере лежала на В.Ф. Мертенсе, занимавшем должность олонекского губернатора с 1804 г. Судя по всему, генерал-губернатор потребовал от него и от губернского правления более активной деятельности, однако начальник губернии предпочёл выйти в отставку, и уже 8 октября 1820 г. Клокачёв ходатайствовал перед министром внутренних дел

© 2015 г. В.В. Ефимова

Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России, ГБТ № 653-14.

¹ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 457–458. С 1816 г. все заключения Сената о взысканиях с губернаторов было предписано вносить в Комитет министров, заключение которого представлялось на Высочайшее усмотрение. Как отмечалось в 1817 г. в рескрипте Александра I министру юстиции кн. Д.И. Лобанову-Ростовскому, император принял на себя этот «лишний труд» для «поддержания достоинства начальников губернии» и дабы исключить «безвинные иногда... выговоры и взыскания с губернаторов по намерениям и видам канцелярии», но так, чтобы «всякое неправильное действие, всякая медлительность его (губернатора. – В.Е.) известна была мне» (Там же. С. 459–463).

² См. также: *Бикташева А.Н.* Механизм назначения губернаторов в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31–41.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 371–372.

о назначении Мертенсу пенсии за долгую службу и «преклонные года»⁴. В результате 7 августа 1821 г. из Сената последовали указы о назначении тайного советника Мертенса сенатором, а его преемником – А.И. Рыхлевского⁵.

Андрей Иванович Рыхлевский происходил из семьи мелкого чиновника-дворянина, служившего в Сибири. Он начал службу в 1792 г., в 9 лет, поступил в канцелярию совестного суда Колыванской губ., а через 3 года был взят в штат тобольского губернатора. В 1803 г. его перевели в центральный аппарат МВД, а в 1811 г. назначили советником Рязанского губернского правления. В 1816 г. он стал чиновником особых поручений при командире Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанте А.П. Ермолове и вскоре возглавил его канцелярию. «Имевши прежде сведения, что в Грузии отправление дел по службе не в надлежащем идет порядке, – вспоминал Ермолов, – наслышавшись даже о многих злоупотреблениях, посчитал я необходимым иметь с собою нескольких чиновников, известных мне службою и на честность коих и правила мог бы я положиться. По части гражданской был при мне коллежский советник Рыхлевский, чиновник, рекомендованный мне с наилучшей стороны и знающий хорошо порядок дел»⁶. Вероятно, эти качества, а, возможно, и рекомендация Ермолова способствовали назначению Рыхлевского в Олонецкую губ., которую следовало, по мнению генерал-губернатора, привести «в тот порядок и устройство, в какой его императорскому величеству угодно»⁷.

В своих «объяснениях» министру внутренних дел летом 1823 г. Рыхлевский писал: «По прибытии моём в конце 1821 г. к настоящей должности, нашёл я дела по Олонецкой губернии не только по уездным присутственным местам (из коих в некоторых указы губернского правления даже после 10 подтвердительных указов не исполнялись), но и в самом даже губернском правлении... в беспорядке. Не говоря уже о том, что многие бумаги оставались незаслушанными по году и более (также как и следствия), горы бумаг утрачены и вовсе не отысканы»⁸. Конечно, оправдываясь, он мог быть заинтересован тогда в некоторой драматизации ситуации, однако точно так же характеризовал положение дел в своих рапортах императору и Сенату и Клокачёву⁹. Вскоре после вступления в должность Рыхлевский получил от него предложение с требованием «печься» о скорейшем рассмотрении и действительном исполнении дел (и, «в первую очередь, указов Сената») ¹⁰.

Как же новый губернатор мог улучшить «течение дел в присутственных местах» Олонецкой губ.? Судя по его «объяснениям» 1823 г., он не спешил «выносить сор из избы». «Быв совершенно чужд способов выслуживаться перед начальством моим с вредом для других, – заявлял Рыхлевский, – я твёрдо решил не затруднять высшее начальство никакими с моей стороны представлениями на счёт замеченных мною по Олонецкой губернии неисправностей и беспорядков, употреблять все усилия к поспешному доведению всего в надле-

⁴ «Преклонные года» В.Ф. Мертенса были, видимо, лишь поводом. Хотя ему и исполнилось уже 60, сенатором он прослужил ещё 18 лет.

⁵ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 571; д. 84, л. 447–448, 673.

⁶ Записки А.П. Ермолова. М, 1991. С. 271.

⁷ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 308.

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1375–1376.

⁹ Подробнее см.: *Ефимова В.В.* Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва // *Российская история.* 2009. № 3. С. 143–156.

¹⁰ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 84, л. 874–892.

жащее положение». За неисполнение распоряжений начальства канцеляристам грозило наложение пеней, перемещение по службе, удаление от должности, увольнение (с преданием суду или без такового) и даже отдавание в солдаты¹¹. Журналы исходящих бумаг архангельских генерал-губернаторов зафиксировали резкое увеличение числа представлений Олонецкого губернского правления о наложении штрафов и пеней на служащих подведомственных ему учреждений. Так, при Мертенсе за 17 месяцев их было всего 2, а при Рыхлевском за 41 месяц – 52 (в 1821 г. – 2, 1822–30, 1823–8, 1824–12 человек). Однако уже 6 июня 1822 г., получив сразу 4 мемории об оштрафовании членов лодейнопольского земского суда, Клокачёв предложил наложить только одну пеню. «Но когда и после не исправятся, – полагал он, – то следует принять и другие законные меры. Беспреостанное же наложение пени, лишая членов и того небольшого жалованья, какое они получают, не принесет ожидаемой пользы для службы, а ещё вяще поставит их отступать от своей обязанности»¹². В 1823–1824 гг. количество подобных представлений резко сократилось, хотя новый генерал-губернатор С.И. Минацкий почти всегда соглашался с ними.

Неизбежным следствием жёстких действий нового губернатора стало ухудшение его отношений со многими местными чиновниками. Видимо, именно это побудило Рыхлевского уже в декабре 1822 г. подать генерал-губернатору прошение о переводе его по состоянию здоровья в другую губернию¹³. Впрочем, была и другая причина. По свидетельству Н.Ф. Бутенёва, между Рыхлевским и Клокачёвым назревал конфликт. Губернатор, будучи холостяком, «жил... на походную ногу, даже мог и роскошничать, потому что редкая честность и бескорыстие его не допускали и мысли о какой-либо незаконной поживе». Вспоминая же Клокачёва, Бутенёв отмечал: «Сам он был человек не худой, но имел правителя канцелярии, некоего Шамарина, который, говорят, жестоко побирався, и если кто ему не платил, как следует, то чернил его перед генерал-губернатором, заводил переписку и делал всякие придирки. Рыхлевский не брал ни с кого, а потому не мог и делиться, и этого было довольно, чтобы вовлечь его в неприятную переписку с Клокачёвым, которая дошла даже до личной вражды. Как ни был прав и чист в своих действиях Рыхлевский, но, вероятно, Клокачёв или Шамарин стёрли бы его, потому что Клокачёв пользовался особенною милостию государя и вдовствующей императрицы Марии». И всё же «Шамарину не удалось уничтожить Рыхлевского»: 2 января 1823 г. Клокачёв, будучи в Вологде, внезапно скончался от апоплексического удара. Сменивший его С.И. Минацкий был «человек добрый, но тоже в руках Шамарина, и неприятная переписка продолжалась»¹⁴. К сожалению, официальное делопроизводство не позволяет подтвердить эти утверждения мемуариста: лишь в некоторых предложениях генерал-губернатора, последовавших в 1824 г., чувствуется явное недовольство губернатором. Но так или иначе, Шамарин действительно

¹¹ Так, например, 14 июня 1822 г. Клокачёв согласился с представлением губернского правления отправить копииста Новака «за пьянство и развратное поведение для принятия в военную службу». Генерал-губернатор предлагал, чтобы «он и подобные ему люди были отсылаемы в рекрутское присутствие», и, «если бы оказались годными», то пусть петрозаводский военный батальонный командир направляет их, «куда будет по расписанию, но в городе (Петрозаводске. – В.Е.) не оставлять» (ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 133, л. 908; НА РК, ф. 2, оп. 68, д. 301, л. 78).

¹² ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 191, л. 896–897.

¹³ Там же, д. 133, л. 4.

¹⁴ Бутенёв Н.Ф. Записки горного офицера / Публ. А.М. Пашкова // Север. 2003. № 5–6. С. 77–78.

вымогал и брал взятки, за что в 1831 г. его сослали на каторгу, лишив дворянства, чинов и орденов¹⁵.

В самом Олонецком губернском правлении действия Рыхлевского отнюдь не способствовали наведению порядка. В «объяснениях» 1823 г. он с горечью констатировал, что его многократные замечания и строгие внушения членам правления, столоначальникам и секретарю не достигли желаемого. «Напротив, – сообщал губернатор, – советники правления: коллежский советник Соколов и коллежский асессор Козлов, первый – с 1 февраля (1823 г. – В.Е.), а второй – с 17 февраля под видом нездоровья совсем оставили бывать в губернском присутствии и, наконец, подали просьбы об увольнении их за болезнью от должности – Соколов (26 февраля), Козлов – 29 марта, что и было представлено министру внутренних дел, но доселе на них нет представления, а между тем советник Соколов, не ходя в губернское правление, везде бывает в компаниях, а Козлов отбыл в Санкт-Петербург на 29 дней (в начале марта) и до сих пор не возвратился (1.5 месяца уже не в отпуске), отчего производство дел в правлении идёт медленно, т[ак] к[ак] членов всего только 2, а секретаря и вовсе нет, да и выбрать не из кого, т[ак] к[ак] письмоводители или нетрезвого поведения и распутной жизни, или молодые и совершенно неопытные. Из членов же правления советник Бенедиктов – весьма преклонных лет – не совсем успеваешь обрабатывать дела и по своей экспедиции, а асессор Баранкеев занимается всеми прочими делами по правлению и не может всё успеть при всей его старательности»¹⁶. Главным виновником «непорядков» в губернском правлении и лидером сложившейся оппозиции А.И. Рыхлевский считал В.С. Соколова, который, как сообщал губернатор министру внутренних дел ещё в начале февраля 1823 г., служа в правлении 12 лет, с помощью денежных оборотов и женитьбы «сделал многие связи и нашёл способ не только чиновников, но и купцов и мещан содержать в роде некоего подобострастия так, что все из них готовы исполнять волю его, тем самым прочих чиновников поставил вне всякого уважения». Рыхлевский тогда же просил «избавить Олонецкую губернию» от Соколова, утверждая, что иначе ни ему, ни его преемнику невозможно будет навести в ней порядок¹⁷.

В этой обстановке Рыхлевский и совершил свой «совсем уж странный поступок». 27 февраля жена губернского по казённым делам стряпчего Карабутова подала министру юстиции прошение, жалуясь «на причинение её мужу тяжкой обиды» во время исправления им должности губернского прокурора. К жалобе был приложен рапорт самого А.А. Карабутова, составленный им в больнице. По его словам, заменив 17 февраля заболевшего губернского прокурора Козина, он дал 21 и 22 февраля Олонецкому губернскому правлению два предложения, которые были тем проигнорированы. Губернатор же, «имея к нему неудовольствие за разные его поступки», призвал его к себе и на повышенных тонах спрашивал, «как он смел отправлять без его согласия должность прокурора», назвал его сумасшедшим и «приказывал его даже держать». Затем по приказу губернатора к нему в камеру явился петрозаводский городничий с жандармом и объявил, что ему велено доставить его в больницу «для освидетельствования на месте его рассудка». Несмотря на попытки Карабутова доказать, что он находится «в полном здравом уме», его под конвоем препроводили в больницу.

¹⁵ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 196–201.

¹⁶ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1275–1286; РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 62–63.

¹⁷ НА РК, ф. 1, оп. 37, л. 290–291; ф. 2, оп. 321а, л. 118 об.–128.

Врач, не найдя никаких причин удерживать стряпчего, в тот же день отпустил его домой, но стоило ему на следующий день явиться на службу, как он вновь был отправлен по приказу губернатора в больницу «с воспрещением никого к нему не пускать»¹⁸.

В тот же день, 27 февраля, направил министру юстиции свой рапорт о случившемся и Рыхлевский. Карабутов характеризовался в нём как «человек строптивый и готовый при всяком случае вмешаться в дела, совсем до него не относящиеся». Обосновывая такой отзыв, губернатор подробно описал семь подобных случаев. Между тем 21 февраля губернский прокурор Казин через секретаря просил губернское правление не присылать к нему на квартиру до выздоровления свои журналы и назначить исправлять его должность кого-либо другого. И в тот же день от Карабутова была получена бумага о том, что Казин 17 февраля поручил ему исполнять свои обязанности. Правление, сравнив заявление секретаря и бумагу Карабутова, предоставило исправлять должность Казина губернскому стряпчему уголовных дел Филимонову, а о самовольных действиях Карабутова сообщить министру юстиции. На следующий день Филимонов, явившись в правление, объявил, что Карабутов все журналы присутственных мест забрал к себе и ему не отдаёт, ссылаясь на прежнее указание Казина. Узнав об этом, губернатор вызвал к себе Карабутова и спрашивал, «почему он исправляет должность прокурора самовольно?» «На что Карабутов, – говорилось в рапорте, – в исступлении, похожем на человека, лишённого рассудка, ударил в грудь обеими руками, кричал с азартностью и буйством, что над ним начальник есть только один – министр юстиции, и потом с видом отчаяния или зверства вышел вон из правления. А как поступок Карабутова совершенно показывает в нём лишение здравого рассудка, что и прежде с ним случалось, как известно некоторым членам правления, то губернское правление в предупреждении, дабы Карабутов не мог сделать какого-либо ещё более вредного поступка, в необходимость нашлось предписать петрозаводскому городничему, дабы он в то же время г[осподина] Карабутова отправил в здешнюю градскую больницу, а врачебной управе велено учинить его свидетельство и представить в правление, а между тем оказать должное больному пособие». Предписание было исполнено, но в тот же вечер стряпчий вернулся домой. На следующий день, 23 февраля, Карабутов, пришёл в камеру губернского прокурора одетый в мундир и со шпагою, и тогда, «чтоб Карабутов не мог при оружии что-то ещё совершить, правление вторично предписало городничему доставить его в больницу, что и сделано». 26 февраля заведующий больницей уездный врач Марчинский донёс губернатору, что хотя у Карабутова и «было сначала замечено сильное волнение и расстройство духа, но во время нахождения в больнице он несколько успокоился и дальнейшего от болезни его вреда в жизни ожидать нельзя». Учитывая просьбу врача и жены Карабутова, губернатор разрешил отпустить его «на лечение домой». Карабутов, отмечал в конце своего рапорта Рыхлевский, «при крайнем беспокойном характере имеет ещё несчастье бывать нередко в нетрезвом состоянии, отчего замечается помешательство в рассудке, и надо было бы давно представить Вашему высокопревосходительству об этом и просить об удалении его от должности, но принимая во внимание несчастье жены его и 5 малолетних их детей, которые с прекращением жалованья отца их лишатся последней надежды к пропитанию, я только ограничивался одними выговорами и подтверждениями, и теперь прошу снисхождения к семейству

¹⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 4–6.

его и сделать выговор от Вас. Со своей стороны, когда Карабутов в хорошем настроении, то он человек неглупый и может быть использован по службе»¹⁹.

Кн. Д.И. Лобанов-Ростовский, судя по отношению, отправленному им 13 марта министру внутренних дел, получив это донесение губернатора, решил, что оно «достаточно обличает его в насильственном поступке и противозаконном самовластии». В строптивости стряпчего в Петербурге явно сомневались, считая, что «примеры сии крайне маловажны и притом требуют поверки по делам». «Если бы Карабутов был точно таким, как описывает его губернатор, – полагал министр юстиции, – то он не мог быть долгое время терпим на службе прежним начальником и покойным генерал-губернатором, ибо он был в Олонецкой уголовной палате 9 лет секретарём и в настоящем звании стряпчего находится 10 лет». Кроме того, князь обращал внимание на то, что Карабутов аттестовался в формулярном списке «способным и достойным» и был «употребляем к разным надобностям, кои исполнял с успехом»²⁰. Губернатор же «присвоил себе излишнюю власть, ибо назвал вступление в должность губернского прокурора Карабутова самовластным и вопреки порядку назначил младшего стряпчего». Действия Карабутова в правлении 22 февраля были вызваны, по мнению министра, «не признаками буйства, а изъявлением сильного огорчения, к коему гражданский губернатор сам дал повод своим поступком». Сумасшествия Карабутова он «не увидел» ни из губернаторского рапорта, ни из сделанных им губернскому правлению предложений, ни из заключений врача Марчинского. «Впрочем, – указывал князь, – если бы Карабутов и подлинно имел расстройство в рассудке, то губернатору следовало бы принять совсем другие меры для охранения его от вредных последствий и не разлучать несчастного с семьёй, когда он не был в бешенстве». Таким образом, в Министерстве юстиции признали, что действия Рыхлевского «есть следствие личного его к Карабутову неудовольствия», поскольку тот «из усердия к службе делал генерал-губернатору разные донесения». Соответственно предлагалось произвести «по необычному пришествию» строжайшее следствие, «дабы пресечь самовластие».

Министр внутренних дел согласился с этим выводом, передав дело на рассмотрение Комитета министров, решившего 10 апреля 1823 г. назначить особую следственную комиссию. 12 июля Комитету было объявлено об одобрении данного предположения императором, и уже 30 июля следователи – находившийся для особых поручений при министре внутренних дел действительный статский советник Гольинский и статский советник Щербинин, представлявший Министерство юстиции, – прибыли в Петрозаводск²¹. На следующий же день они стали расспрашивать губернатора, почему Карабутов не был допущен к отправлению должности, называл ли его начальник губернии в губернском правлении сумасшедшим, по какой причине петрозаводский городничий получил предписание отправить Карабутова в больницу как сумасшедшего. Их также интересовало, какие признаки сумасшествия усматривались в действиях стряпчего, и «чинено ли ему было освидетельствование, как положено по указу от 8 июня 1815 г.», доводилось ли Карабутову прежде лишаться здравого ума, и что заставило вторично отправить его в больницу²².

¹⁹ Там же, л. 12–20; НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 230, 247–262.

²⁰ Действительно, в черновом варианте формулярного списка А.А. Карабутова, составленном в 1823 г, были детально прописаны все его «заслуги». Возможно, описывались они им самим (НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 22/18, л. 23–28).

²¹ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 1–3, 22–42.

²² Там же, л. 45.

3 августа губернатор представил свои ответы, практически ни в чём не отступив от написанного 27 февраля и добавив только, что освидетельствование не проводилось, поскольку в указе 1815 г. говорилось о малоумных с рождения дворянах²³, к каковым Карабутов не относился, а о буйных поступках, которые Карабутов делал, «будучи пьян», говорили члены губернского правления Соколов, Бенедиктов, Баранкеев, губернский прокурор Казин и губернский стряпчий Филимонов. Вывод о буйстве стряпчего делался и «из сказанных будто бы председателю уголовной палаты Речицкому женой Карабутова слов»: прося об освобождении мужа, она обмолвилась, что «не постигает, от чего бы сие с ним случилось, прежде, конечно, бывало, когда он долго пьёт»²⁴.

Но, видимо, чувствуя шаткость своего положения, Рыхлевский на следующий день заявил следователям, будто Карабутов «не от помешательства в рассудке сделал в губернном правлении бесчинства и оскорбление мне и прочим членам правления... а единственно по подлости и коварству, свойственному его характеру, за то, что должность губернского прокурора была поручена не ему, а другому стряпчему». «Сделано это было не от минутного его побуждения, – утверждал теперь губернатор, – а по плану им обще с другими недовольными чиновниками, и, может быть, даже с некоторыми членами правления, давно приготовленному, чтобы посредством какой-либо личной мне дерзости и оскорбления, выведя меня из терпения, заставить сделать какой-либо неприличный званию моему поступок и тем воспользоваться к обнесению пред высочайшим начальством чести и характера». Пытаясь обосновать эту «догадку», он описывал состояние дел в губернии, начиная с 1821 г., и отчасти признавал свою вину, поскольку «не мог в то же самое время, как сделан был г. Карабутовым в присутствии губернского правления дерзкий поступок, усмотреть, что произошло это не от болезни и поврежденья в рассудке, а от мщенья и по давно обдуманному плану». Рыхлевский рассчитывал «такую его неосмотрительность повергнуть справедливому рассмотрению Комитета министров и его императорского величества»²⁵. Сообщая 7 августа министру внутренних дел об отъезде следователей, он также просил его о поддержке перед Комитетом министров, надеясь снять со своей репутации «поношение». В приложенных к этому донесению «объяснениях» губернатор трактовал уже действия Карабутова как неповиновение начальству, за что, согласно указу 21 января 1724 г., стряпчий подлежал «аресту и поступлению по законам»²⁶. 13 августа Рыхлевский обратился за помощью и к генерал-губернатору, уверяя, что «если и есть какие в его деятельности недостатки, то не от самовластия, а от недостатка сил»²⁷.

16 августа следователи доложили своим министрам о результатах поездки. При этом они отмечали, что не рассматривали ни раздоров Карабутова с женой, ни случаев его пьянства, о котором начальству никто не доносил, ни примеров его строптивости, в силу их маловажности, но опирались на ответы губернатора и расспросы восьми свидетелей, указанных им и Карабутовым. О том,

²³ В 1815 г. Государственный совет разъяснил, что указы Петра I об освидетельствовании дураков в Сенате «относятся к лицам, не имеющим здравого рассудка с самого их рождения» (ПСЗ-I. Т. 33. № 25876).

²⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 46; НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1267 об.–1268.

²⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, 49–50.

²⁶ Впрочем, едва ли данный указ мог быть применён в данной ситуации, поскольку Карабутов всё же не «бранился» в губернном правлении (ПСЗ-I. Т. 7. № 4431).

²⁷ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1300–1311; 1355 об.–1356.

что Карабутов 22 февраля производил впечатление умалишённого, говорили только городничий Григорьев, советник Олонецкого губернского правления Бенедиктов и ассессор Баранкеев. Все остальные сумасшествие отрицали. Так, например, губернский прокурор Казин заявил, что и ранее поручал Карабутову исполнять его должность, поскольку он «имеет в законном обряде совершенное познание», а в помешательстве ума никогда его не замечал. То же самое заявил и лекарь Марчинский. На основании их показаний следователи сделали вывод, что Карабутов не был сумасшедшим, и если и терял рассудок, то не от сумасшествия, а от пьянства. Те же, кто утверждал обратное, являются соучастниками действий губернатора. Показания жены Карабутова, по закону, и во все не могли быть приняты во внимание. Поводом к «посажению Карабутова в больницу», заключали следователи, послужило «не что иное, как одно противу него предубеждение и вспыльчивость губернатора»²⁸.

26 сентября 1823 г. министр внутренних дел, представляя своё заключение в Комитет министров, признал жалобу Карабутова справедливой, однако заметил, что губернатор «был вовлечён в этот поступок весьма непристойными поступками Карабутова и его странное поведение могло дать повод к сделанному губернским правлением заключению о расстройстве Карабутова». Вместе с тем министр характеризовал Рыхлевского как «ревностного исполнителя возложенных на него обязанностей», предлагая «сделать ему выговор и поставить на вид, что впредь за подобные поступки будет он отвечать по законам»²⁹. Тем не менее 20 октября 1823 г. члены Комитета министров решили, что губернатор не имел права удалять Карабутова от исправления должности губернского прокурора, и должен был при несогласии с этим донести его начальству, а не самовластвовать. «Из этого видно, – полагали они, – что губернатор не знает ни порядка, ни законов и не способен ни к какому управлению. И хотя следовало бы его предать суду, но всё же достаточно будет отрешить его от должности и впредь никуда не определять»³⁰.

16 декабря Рыхлевский подал «всеподданнейшее прошение», в котором вновь доказывал свою правоту, добавляя, что у него «нет средств к пропитанию, кроме жалованья»³¹. Александр I повелел Комитету министров рассмотреть это прошение, несмотря на принятое ранее решение. 12 января 1824 г. члены Комитета по-прежнему осудили «весьма неосмотрительный и самовластный» поступок губернатора, но, «приняв в уважение» доводы управляющего МВД, нашли возможным сделать Рыхлевскому лишь «строжайший выговор с подтверждением, что впредь за такие поступки будет подвергнут суду». С этим не согласился только председатель Департамента экономии Государственного совета кн. А.Б. Куракин. По словам князя, он «от прежнего своего мнения отступить не может, потому что основал оное на предосудительных поступках губернатора, который приказал полицмейстеру с двумя жандармами взять губернского стряпчего из присутственной камеры в мундир одетого и отвезть его в дом сумасшедших и повторил ещё оное, когда по освобождению его из больницы доктором, не признавшим его повреждённым в уме, следовательно,

²⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 46–57.

²⁹ Там же, л. 123–127.

³⁰ Там же.

³¹ С 11 декабря 1823 г. губернатор уехал в отпуск в Петербург, где оставался «по болезни» до середины февраля 1824 г. Несомненно, это время он употребил на «хождение» в Сенате по своему делу (НА РК, ф. 1, оп. 2, д. 321а, л. 1915, 1925–1926; ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 191, л. 120).

губернатор поступил против всех законов, против всякого порядка, против должного уважения к званию чиновника и противу самой благопристойности с нарушением совершенно права дворянства». Поэтому, заключал Куракин, он «и не почитает его заслуживающим никакого от правительства доверия». Однако Александр I утвердил мнение большинства, о чём Комитету министров и было объявлено 19 апреля. Губернатору сообщили об этом 29 мая 1824 г.³²

Казалось, инцидент был исчерпан и Рыхлевский мог продолжить свою службу в губернии, тем более что к середине 1824 г. ему удалось обновить состав Олонецкого губернского правления. Но его отношения с местным чиновничеством едва ли улучшились, особенно после того, как в начале 1824 г. неожиданно скончался Карабутов. Очень скоро у губернатора возник новый конфликт, на этот раз – с олонекким вице-губернатором А.И. Нейдгардтом, который 26 августа подал министру юстиции рапорт, содержащий «новое доказательство неукротимого самовластия здешнего гражданского губернатора». Теперь Рыхлевский обвинялся в том, что, отбыв для обозрения губернии, назначил исправлять должность губернатора председателя Олонецкой уголовной палаты Башинского, чем «решил унизить пред всеми звание вице-губернатора». Нейдгардт утверждал, что таким образом Рыхлевский решил «вредить» ему за якобы оказываемое им покровительство вдове Карабутова, которая не в состоянии прокормить своих малолетних детей. 2 сентября 1824 г. Нейдгардт направил министру ещё один рапорт, опровергая оправдания губернатора, писавшего, что распорядился так «по недоразумению»³³. 7 октября Сенат переслал эти рапорты управляющему МВД, который, в свою очередь, обратился за разъяснениями к Миницкому. 11 октября генерал-губернатор вновь свидетельствовал: «Губернатор Рыхлевский с честью занимает своё место и руководствуется в оном усердием и принуждаем иногда прибегать к строгим взысканиям, чрез что и имеет многих неприятелей, почему и заслуживает Вашей защиты». Как полагал Миницкий, Рыхлевский не желал нанести оскорбление Нейдгардту, жалоба которого вызвана недовольством, возникшим из-за того, что губернатор при обозрении губернии надзирал за питейными домами. Но делал он это «по обязанности службы, и в таком случае личная неприязнь должна быть устранена»³⁴.

В начале ноября 1824 г. дело дошло до Государственного совета, где Миницкого поддержал адмирал Н.С. Мордвинов³⁵. В результате было принято «соломоново» решение – перевести Рыхлевского в другую губернию. 13 ноября А.А. Аракчеев запросил Миницкого, можно ли переместить его в Вятку. 27 ноября генерал-губернатор ответил, что Андрей Иванович вполне этого достоин, поскольку «бескорыстен, усерден и весьма деятелен и заслуживает доверия». 8 декабря 1825 г. последовал указ о назначении статского советника Рыхлевского вятским гражданским губернатором³⁶.

³² РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 128–136; ф. 1409, оп. 1, д. 4255.

³³ НА РК, ф. 2, оп. 62, д. 1/6, л. 1–4, 15–18.

³⁴ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 21–30; ГА АО. ф. 1367, оп. 1, д. 263, л. 205.

³⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 695–696.

³⁶ НА РК, ф. 2, оп. 68, д. 321а, л. 33.

О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска

Владимир Енуков, Алексей Раздорский

Defining the time of settlement and the first mention of ancient Kursk

*Vladimir Enukov (Kursk State University, Russia),
Alexey Razdorskiy (Russian National Library)*

Отмеченное в 2012 г. по инициативе курских областных и городских властей «980-летие» Курска даёт повод ещё раз затронуть проблему городских юбилеев и определения точек отсчёта возраста городов, существующую как в исторической науке, так и в общественно-политической жизни. Некритическое восприятие, а в ряде случаев тенденциозная трактовка известий письменных источников, пренебрежение элементарными правилами анализа документов, а также тиражирование давно опровергнутых наукой разного рода историографических ошибок и мифологем, разноречивой в интерпретации имеющихся археологических материалов приводят порой к выведению весьма спорных («1000-летие» Владимира на Клязьме в 1990 г.)¹, а иногда и откровенно сфальсифицированных («1000-летие» Белгорода на Северском Донце в 1995 г.)² городских юбилеев. Инициативу в «обосновании» подобных «юбилеев» проявляют главным образом краеведы, не имеющие должной профессиональной подготовки. В этом вопросе ими, как правило, движет не стремление к установлению исторической истины, а прежде всего желание удревить возраст своего города и вывести солидную и красивую круглую дату со времени его основания. Подобные усилия обычно находят поддержку со стороны местных властей, а в ряде случаев и федеральных структур. Научное же сообщество, к глубокому сожалению, зачастую остаётся безучастным к такого рода инициативам. В результате всё большее распространение получают сомнительные, а нередко недостоверные и ни на чём не основанные представления о времени возникновения тех или иных городов.

Точные даты основания не вызывают сомнений, как правило, лишь в отношении городов, возникших сравнительно недавно. Иначе обстоит дело с городами, появившимися в древнерусскую эпоху. Выяснить не то что день, но и год, и даже десятилетие, когда были основаны подавляющее большинство из них,

---

© 2015 г. В.В. Енуков, А.И. Раздорский

¹ См.: К вопросу о дате основания г. Владимира: Сборник статей. Владимир, 1992.

² См.: Раздорский А. И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192–199.

как правило, весьма затруднительно, а нередко просто невозможно. Сведения об этом в дошедших до нашего времени письменных источниках обычно отсутствуют, и определить время возникновения того или иного древнерусского города, хотя бы приблизительно, могут только археологи. Хронологическая точность их выводов в каждом конкретном случае существенно варьируется и во многом зависит от состояния культурного слоя, количества и сохранности артефактов, которые могут представить весомые аргументы в пользу реальности исторических выкладок, однако в пределах более или менее протяжённых временных отрезков.

Отсутствие или недостаток артефактов, их неизбежная хронологическая приближительность, а зачастую спорный характер в оценках приводят к тому, что за точку отсчёта возраста того или иного древнерусского города обычно условно принимается год его первого упоминания в письменности. Так обстоит дело, например, с Москвой (1147 г.). При этом, к сожалению, часто забывают о том, что речь идёт именно о годе первого упоминания, а не основания города (если, разумеется, город не был впервые упомянут именно в связи со своим основанием). Между годом первого упоминания и временем основания города почти всегда лежит некоторый хронологический разрыв.

Наиболее раннее упоминание древнерусского Курска³ в письменных источниках содержится в одном из древнейших памятников русской агиографии – «Житии Феодосия Печерского» (далее – ЖФ)⁴. В этом памятнике, составленном монахом Киево-Печерского монастыря Нестором⁵, сказано, что святой, будучи ребёнком, вместе со своими родителями переселился в Курск из города, отстоящего от Киева на «50 попьришь». Переезд в Курск состоялся по повелению не названного по имени князя. В древнейшем из дошедших списков ЖФ из Успенского сборника, традиционно датируемого концом XII – началом XIII в.⁶, ни год, когда произошло это событие, ни город, откуда приехал Феодосий, не указаны. Помимо Успенского сборника ЖФ находится в многочисленных списках Киево-Печерского патерика (далее – КПП), которые представлены несколькими редакциями. Древнейшими из них являются Арсеньевская (1406), Кассиановская I (1460) и Кассиановская II (1462). В Арсеньевской и Кассиановских редакциях указано название города, откуда в Курск прибыл Феодосий – Василёв. «Хотя большинство историков не сомневаются в том, что Феодосий действительно

---

³ Здесь и далее речь идёт о древнерусском городе Курске, существовавшем предположительно до конца XIII в. на месте нынешнего Курска, основанного в 1596 г.

⁴ Первое летописное упоминание Курска содержится в статье 1095 г. Повести временных лет (далее – ПВЛ), в которой сказано о походе князя Изяслава Владимировича из Курска к Мурому (Повесть временных лет. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 1996. С. 96). Фактически здесь речь идёт о событиях 1096 г. В «Поучении Владимира Мономаха» говорится о движении к Курску князя Всеволода Ярославича, которое приурочивается к осени 1068 г. (подробнее см.: *Раздорский А.И.* Владычешская принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // *Очерки феодальной России*. Вып. 2. М., 1998. С. 5–9).

⁵ Время составления ЖФ исследователи определяют по-разному – от 1080-х до 1100-х гг. Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 253–272).

⁶ Несмотря на то что эта рукопись была введена в научный оборот О.М. Бодянским ещё в 1850-х гг. и с этого времени признана основным источником для изучения текста памятника, ряд отечественных и зарубежных исследователей продолжают по сей день изучать и публиковать ЖФ по спискам более поздним, что приводит нередко к необоснованным выводам и заключениям (см.: *Артамонов Ю.А.* Житие Феодосия Печерского... С. 179).

родился в Василёве, – отмечает Ю.А. Артамонов, – доказать это не представляется возможным, поскольку нельзя быть полностью уверенным в том, что название города в тексте Арсеньевской и Кассиановской редакций не является более поздней вставкой»⁷. Отметим, что исходя из текста ЖФ, помещённого в Успенском сборнике, практически не приходится сомневаться в том, что речь в любом случае идёт о городе, находившемся на правом берегу Днепра. Едва ли автор ЖФ, указав расстояние места рождения Феодосия от столицы, счёл бы возможным опустить такую важную деталь, как его местонахождение на противоположной от Киева стороне Днепра. Таким образом, судя по всему, семья Феодосия приехала в Курск с Правобережья. Когда же это произошло?

Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть присутствующие в тексте ЖФ хронологические маркеры биографии Феодосия, как бесспорные, так и сомнительные. Точно известно, что Феодосий приехал в Курск ребёнком и уже на новом месте был отдан учителю «на оучение божествъныхъ книгъ». Когда Феодосию было 13 лет, у него умер отец. После этого Феодосий отдался подвижническим трудам, среди которых важное место заняла выпечка просфор. В Успенском сборнике продолжительность этого занятия определена в 12 лет или более («двѣ на десяте лѣтъ или боле творя»), то же чтение подтверждает и Арсеньевская редакция КПП. Однако в обеих Кассиановских редакциях речь идёт только о двухлетнем сроке. Вопрос о том, какое из чтений следует считать первоначальным, стал предметом многолетней дискуссии. Одни авторы (А.М. Кубарев, архиепископ Филарет (Гумилевский), В.А. Яковлев, Е.Е. Голубинский, В.А. Чаговец, В.И. Склярук) считали, что Феодосий занимался выпечкой просфор только два года, другие же (П.С. Казанский, митрополит Макарий (Булгаков), С.А. Бугославский, В.Н. Топоров, С.П. Щавелев) – 12 лет.

В рассказе о приходе Феодосия из Курска в Киев Нестор продолжает именовать его «отроком», а Антоний Печерский во время первой встречи называет Феодосия «юным». Странники двухлетнего исчисления срока просфоропечения указывали, что таких эпитетов Феодосию нельзя было бы дать, если бы он занимался выпечкой просфор 12 лет, поскольку в этом случае его возраст на момент прихода в Киев составлял бы не менее 25 лет. По мнению В.И. Склярука, Нестор «отмечает молодость своего героя не в силу этикетной формулы, обычной в житийной литературе, а в соответствии с фактами реальной биографии»⁸. Однако Ю.А. Артамонов доказал, что рассказ Нестора о приходе Феодосия к Антонию в своих подробностях исторически недостоверен, поскольку базируется на литературном источнике – Житии Саввы Освященного, в котором использованы те же самые трафаретные этикетные формулировки. Действительных обстоятельств и подробностей пострижения Феодосия Нестор не знал⁹. Следовательно, представляется более вероятным, что к моменту прихода в Киев Феодосию было не около 16, а уже около 26 лет (13 лет ему исполнилось на момент кончины отца, и ещё 12 с небольшим лет он занимался просфоропечением).

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Склярук В.И. К биографии Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. 41. Л., 1988. С. 318.

⁹ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 207. Термин «отрок» Нестор использует дважды, причём применительно не только к Феодосию, но и к Варлааму, который ко времени своего пострижения уже имел семью (Там же. С. 213).

Год ухода Феодосия из Курска и принятия им пострига в Киеве в Успенском сборнике не указан. Арсеньевская редакция КПП об этом также молчит. И только в тексте Кассиановской I редакции появляется отсутствующая в более ранних списках ЖФ вставка о времени этого события: «в лѣто 6540, при князи благочестивѣм Ярославѣ Владимеричи»¹⁰. Эта же вставка была повторена в Кассиановской II редакции Патерика, легшей в основу польского печатного издания 1635 г., рукописных редакций Иосифа Тризны и Каллистрата Холошевского и славянских печатных изданий КПП, первое из которых вышло в Киеве в 1661 г.¹¹

Поскольку год переселения Феодосия с родителями в Курск не указан ни в одной из редакций КПП, в качестве первого датированного упоминания города стала использоваться именно кассиановская вставка 6540 (1032) г., закрепившаяся в печатных изданиях Патерика. Впервые ссылку на неё находим в «Повести о граде Курске», составленной неизвестным автором в 1660-х гг.¹² Об уходе Феодосия из Курска в Киев в 1032 г. говорится в описаниях Курского наместничества екатерининского времени С.Ф. Башилова (1785)¹³ и С.И. Ларионова (1786)¹⁴. С конца XVIII в. 1032 г. как дата первого упоминания Курска в письменности прочно вошёл в историографию, многократно повторялся и в научных трудах, и в краеведческой и справочной литературе, и стал восприниматься (и воспринимается до сих пор) многими авторами как совершенно бесспорный. В 1982 г., отталкиваясь именно от этой даты, было отпраздновано «950-летие» Курска, а в 2012 г. – «980-летие образования города» (как сказано в официальных документах). В ряде статей, помещённых в изданном в 2012 г. сборнике «О Курске и преподобном Феодосии Печерском», о пострижении святого в 1032 г. говорится как о непреложном факте¹⁵.

Сомнения в достоверности рассматриваемой даты впервые были высказаны ещё митрополитом Евгением (Болховитиновым). Он полагал, что датировать пострижение Феодосия 1032 г. невозможно, поскольку на тот момент «не было ещё при прп. Антонии ни братии, ни монастыря»¹⁶ (возникновение Печерской обители ПВЛ относит к 1051 г.). П.С. Казанский указывал, что Феодосий был пострижен Никоном, который, согласно ЖФ, к этому времени находился уже в зрелых годах. Известно, что Никон в 1078–1088 гг. являлся печерским игуменом, однако по возрасту едва ли смог бы занимать этот пост в указанные годы,

¹⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб, 1911. С. 21. Год пострижения Феодосия внесен в одних рукописях на полях, в других – в самом тексте, но киноварью (см.: *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб, 1902. С. 73).

¹¹ Там же. С. 96, 114.

¹² Повесть о граде Курске яко бе из давних лет (ОР РНБ, Q.IV. 10, л. 2).

¹³ *Башилов И.Ф.* Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда с планами городам и картами уездам. Сочинённое в 1785-м году курским губернским землемером, поручиком Иваном Башиловым (РГВИА, ф. ВУА, д. 18801, л. 20 об.).

¹⁴ *Ларионов С.И.* Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известиях вкратце, собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 4.

¹⁵ *Ашихмин А.П., Ильина З.Д.* Из жизни Феодосия Печерского: сопоставление фактов на основе анализа историографии // О Курске и преподобном Феодосии Печерском: Сборник статей, писем, фотоматериалов. Курск, 2012. С. 20; *Пахомов Н.Д., Похомова А.Н.* Феодосий Печерский – первый знаменитый земляк курян // Там же. С. 86.

¹⁶ *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киевопечерской лавры с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1831. С. 128.

случись пострижение Феодосия действительно в 1032 г.¹⁷ Против отнесения пострижения Феодосия к 1032 г. выступал также А.М. Кубарев. При этом он попытался реконструировать путь возникновения этой даты. В ПВЛ под 1051 г. сказано, что Антоний оставил братию и удалился в другую пещеру, где прожил 40 лет¹⁸. Известно также, что Феодосий умер в 1074 г. – на второе лето после Антония. Сопоставив между собой эти факты, Кассиан при редактировании КПП вычел из года смерти Антония (1073) 40 лет, проведённые им в пещере, и получил год его вселения в новую пещеру (1033). А поскольку Феодосий к тому моменту уже встретился с Антонием, то прийти к нему он мог, по крайней мере, за год до этого, т.е. в 1032 г.¹⁹ Большинство дореволюционных исследователей, в том числе митрополит Макарий (Булгаков), Е.Е. Голубинский, В.А. Чаговец вслед за П.С. Казанским и А.М. Кубаревым признавали год пострижения Феодосия, указанный в Кассиановских редакциях КПП, недостоверным и не имеющим отношения к авторскому тексту ЖФ.

А.А. Шахматов тоже был убеждён, что Феодосий не мог стать монахом в 1032 г., однако при этом полагал, что Кассиан не просто рассчитал указанную дату, а извлек её из некоего письменного источника. В рассказе Кассиановской II редакции КПП о двукратном путешествии Антония на Афон оказались соединены две различные версии истории Печерского монастыря – ЖФ и Жития Антония (далее – ЖА)²⁰. Второе, по мнению Шахматова, тенденциозно удревняло историю обители. Поскольку Кассиан не располагал оригиналом ЖА (тогда бы он внёс его в текст КПП), он использовал иной источник, содержащий дополнительные сведения по ранней истории Печерского монастыря. Среди этих сведений присутствовало указание на 1032 г. как год пострижения Феодосия, которое попало в составленную около 1110 г. Печерскую летопись из ЖА. Печерская же летопись использовалась при создании нового Печерского свода 1182 г. и именно он, считал Шахматов, послужил источником вставок и дополнений, внесённых в КПП Кассианом²¹. Учёный не допускал, что Кассиан просто придумал 1032 г. так как в этом случае он впал бы в явное противоречие как со Сказанием о начале Печерского монастыря, так и с ЖФ, из которого, по мнению Шахматова, следует, что Феодосий пришёл к Антонию при княжении Изяслава Ярославина.

Взгляды Шахматова по данному вопросу Ю.А. Артамонов подверг аргументированной критике. Во-первых, как отметил исследователь, из ЖФ вовсе не следует, что Феодосий пришел к Антонию при Изяславе Ярославиче: рассказ о первых годах подвижничества Феодосия вообще лишён хронологической определённости. Во-вторых, у Кассиана не было причин опасаться несоответствия с летописным Сказанием о начале Печерского монастыря, так как он придумал

¹⁷ *Казанский П.С.* О времени основания Печерской обители // *Временник Общества истории и древностей российских.* 1854. Кн. 19. С. 38.

¹⁸ Указание на 40-летний срок безысходного пребывания Антония в пещере большинство исследователей признают недостоверным и полагают, что оно возникло вследствие механической ошибки переписчика (подробнее см.: *Карпов А.Ю.* Когда возник Киевский Печерский монастырь? // *Очерки феодальной России.* Вып. 1. М., 1997. С. 5–6.

¹⁹ *Кубарев А.М.* Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской // *Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских.* Т. 4. Кн. 4. М., 1842. С. 34, 400–401.

²⁰ Об этом памятнике подробнее см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // *Средневековая Русь.* Вып. 3. М., 2001. С. 5–81.

²¹ *Шахматов А.А.* Киевопечерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897. С. 10–33.

пространный вариант этого произведения, согласно которому Антоний принял постриг и поселился в пещере ещё при Владимире Святославиче. И, в-ретьих, если признать, что первая часть рассказа о двукратном путешествии Антония на Афон (до 1051 г.) и сообщение о пострижении Феодосия в 1032 г. были обнаружены Кассианом в Печерской летописи и восходят к недошедшему ЖА, то открывается другое, не менее серьёзное противоречие: поскольку с 1018/19 по 1051 г. Антоний находился на Афоне, он не мог принять Феодосия в 1032 г.²²

Гипотеза Шахматова о том, что источником даты пострижения Феодосия стало ЖА, получила распространение в историографии, а также попала в краеведческую литературу. При этом, например, курский краевед А.П. Ашихмин, подробно пересказавший мнение Шахматова на происхождение данной даты, объявил учёного её безусловным сторонником, умолчав о том, что Шахматов, взгляды которого по данной проблеме эволюционировали, отнёс в конечном счёте пострижение Феодосия к 1058 г. (подробнее об этом ниже).

Некоторые историки и краеведы приводят в подтверждение известия Кассиановских редакций КПП о пострижении Феодосия в 1032 г. свидетельства поздних летописных сводов: Густынской летописи, Новгородской III летописи. А.Г. Кузьмин утверждал даже, что они «выглядят более достоверными, чем неясные обозначения Жития Феодосия и Начальной летописи»²³. Возражая ему, Ю.А. Артамонов заметил, что «желание исследователя противопоставить данные поздних летописных сводов “неясным обозначениям” древнейших памятников является шагом назад не только в изучении данного вопроса, но и в самом методе исследования летописного материала». Свидетельства поздних летописей (Густынская составлена в 1623–1627 гг., Новгородская III – в начале XVIII в.) в данном вопросе не имеют доказательной силы²⁴.

Подводя итоги полемике вокруг даты пострижения Феодосия, Артамонов систематизировал аргументы, не позволяющие, по его мнению, отнести это событие к 1032 г.: 1) дата пострижения отсутствует в древнейших списках ЖФ; 2) трудно представить, чтобы Нестор, не знавший обстоятельств и подробностей встречи Антония с Феодосием, мог с точностью до года датировать это событие; 3) если Феодосий принял монашество в 1032 г., то сложно объяснить, почему почти 30 лет его иноческой жизни Нестор оставил без внимания; 4) приход Феодосия к Антонию в 1032 г. противоречит как статье 6559 г. ПВЛ, так и самому ЖФ, которые относят возникновение Печерского монастыря к 1050-м гг. «Таким образом, – заключил исследователь, – есть серьёзные основания считать, что дата пострижения Феодосия – плод редакторской работы Кассиана, которая не имеет отношения как к подлинной биографии Феодосия, так и к литературной деятельности Нестора»²⁵. Следовательно, связывать первое упоминание Курска с 1032 г., даже условно, недопустимо.

²² Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 210. Позднее, как отмечает Ю.А. Артамонов, Шахматов пересмотрел свои взгляды на проблему происхождения некоторых вставок Кассиановских редакций, придя к выводу, что рассказ о двойном путешествии Антония на Афон был придуман Кассианом, чтобы согласовать некоторые рассказы ЖА (возвращение на Русь при Владимире Святославиче, поселение в варяжской пещере) со статьёй 6559 г. ПВЛ (возвращение при Ярославе). При этом Шахматов допустил важную оговорку: Кассиан, по его мнению, руководствовался не самим ЖА (или Печерской летописью), а отрывками из него, которые давали сочинения Симона и Поликарпа.

²³ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 173–174.

²⁴ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 211.

²⁵ Там же. С. 212.

Вставка о пострижении Феодосия в 1032 г. повлекла, судя по всему, и другое изменение первоначального текста ЖФ: указание срока, в течение которого будущий святой пёк просфоры. Отнеся встречу Феодосия с Антонием к 1032 г., Кассиан понимал, что сделал Феодосия старше, поскольку годом рождения Феодосия в этом случае оказался бы 1007-й (в 13 лет он потерял отца и 12 лет пёк просфоры). Это обстоятельство делало старше также «старца» Антония и «пресвитера и черноризца искусного» Никона, которые были старше Феодосия. Сократив срок просфоропечения с 12 до 2 лет, Кассиан «восстанавливал» возрастную разрыв между Феодосием и теми, кто его принимал и постригал. «Сделав Феодосия на десять лет моложе, а монастырь почти на двадцать лет старше, – пишет Артамонов, – Кассиан ликвидировал (как ему казалось) противоречие между сообщением о 40-летней жизни Антония в пещере (статья 6559 г.) и Житием Феодосия»²⁶.

Когда же состоялось пострижение Феодосия на самом деле? К сожалению, источники позволяют определить эту дату лишь приблизительно. По мнению П.С. Казанского, Феодосий пришёл к Антонию ещё при Ярославе Мудром между 1051 и 1054 гг.²⁷ А.М. Кубарев полагал, что Феодосий стал монахом в начале княжения Изяслава Ярославича²⁸. Е.Е. Голубинский и В.А. Чаговец отнесли пострижение Феодосия к 1055/56 г.²⁹

В своей работе «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшей в свет в 1908 г., А.А. Шахматов высказал предположение, что Феодосий принял монашество 11 января 1058 г.³⁰ Такой вывод учёный сделал, основываясь на построениях Н.В. Шлякова, который полагал, что пострижения совершались по воскресеньям, а монашеские имена давались по дням памяти святых³¹. «Пострижение Феодосия, – писал Шахматов, – судя по данному ему при пострижении имени, случилось 11 января (в день памяти преп. Феодосия Великого. – В.Е., А.Р.); на воскресенье 11 января падало в 1052 и в 1058 гг.»³². Шахматов считал более вероятным, что пострижение состоялось в 1058 г. по двум причинам. Во-первых, судя по статье ПВЛ «чего ради прозвася Печерский монастырь», сам Антоний начал свою подвижническую жизнь не ранее 1051–1052 гг. Во-вторых, по предположению учёного, известие Софийской I летописи под 1057 г. «тогда бысть игумен Феодосий Печерский в Киеве» читалось в протографе иначе: «тгда бысть пострижен Феодосий Печерский».

²⁶ Там же.

²⁷ *Казанский П.С.* Указ. соч. С. 37–39.

²⁸ *Кубарев А.М.* Указ. соч. С. 416–417.

²⁹ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 1881. С. 476; *Чаговец В.А.* Жизнь и сочинения преподобного Феодосия // Университетские известия (Киев), 1901. Т. 41. № 6. С. 27–28.

³⁰ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 434.

³¹ «Вскоре после восшествия на престол Изяслава, – писал Н.В. Шляков, – постриглись у прп. Антония прп. друзья Варлаам и Ефрем, что, судя по именам их при пострижении, должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 года, когда дни эти падали на воскресенье: известно ведь, что пострижение совершается по праздникам, а имена давались по дню святого» (*Шляков Н.В.* Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // ЖМНП. 1907. Июнь. С. 371). При этом, в отличие от Шлякова, Шахматов датировал пострижение Варлаама и Ефрема соответственно 19 ноября 1060 г. и 28 января 1061 г. (*Шахматов А.А.* Разыскания... С. 435).

³² *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 434. В отношении 1052 г. в расчётах была допущена ошибка: 11 января этого года (високосного) приходилось на субботу.

Хронологические расчёты А.А. Шахматова убедительно опроверг В.И. Складрук. Он отметил, что имя Феодосий, согласно ЖФ, было дано будущему святому не при пострижении, а на восьмой день жизни священником, который «прозря, еже о нем, яко хочеть измлада Богу датися»³³. Исследователь подчеркнул, что нет оснований полагать, будто этот эпизод носит вымышленный характер: «В тех случаях, когда Нестор не знал мирского имени, он обходился эквивалентом: “некий человек именемъ мирскимъ” – Антоний, “того сынъ”, отрок – Варлаам, “каженикъ нѣкто” – Ефрем»³⁴. Складрук обратил также внимание, что в церковной практике во все времена известны случаи сохранения мирского имени по желанию постригаемого или монастырского начальства, что в канонических церковных правилах нет указания на обязательность пострижения в воскресенье, а монашеское имя не увязывается со святыми, как имя мирское³⁵.

Из ЖФ известно, что Феодосий бежал в Киев в тот момент, когда его мать отсутствовала в Курске: она на протяжении «многих дней» пребывала «на селе», где, по-видимому, осуществляла надзор за сельскохозяйственными работами (посевной или страдой). Таким образом, Феодосий покинул Курск и пришёл после трёхнедельной дороги в Киев не в зимнюю пору, а либо весной, либо осенью. Полагать же, что между его приходом в Киев и пострижением прошло сколько-нибудь значительное время, нельзя, ибо срок испытания (послушничества) ввёл сам Феодосий, уже будучи печерским игуменом³⁶.

После бегства Феодосия из Курска его мать принялась его искать. Поиски продолжались в течение четырёх лет и в итоге увенчались успехом. По мнению Шахматова, встреча Феодосия с матерью в Киеве состоялась в конце 1060 г. Однако это утверждение противоречит указанию ЖФ на четырёхлетний срок поисков беглеца. Если допустить, что Феодосий был пострижен в 1058 г., как считал Шахматов, то его встреча с матерью должна была состояться около 1062 г., а никак не в конце 1060 г. Из ЖФ известно, что мать Феодосия нашла сына ещё в подземном монастыре, который возглавлял в это время Антоний, тогда как игуменству Феодосия (он возглавил обитель не позже 1062 г.) предшествовало игуменство Варлаама³⁷. В логике рассуждений Шахматова, таким образом, обнаруживается явная нестыковка.

С.П. Щавелев считает, что Феодосий появился в Киеве не ранее 1051 г., когда в пещеру, занимаемую ранее Иларионом, ставшим митрополитом, вселился Антоний, и не позднее 1054 г., когда к Антонию после визита к нему за благословением Изяслава Ярославича начала стекаться братия. Феодосий же являлся третьим насельником создаваемого монастыря после самого Антония и Никона, т.е. принял постриг ранее остальных монахов. Наиболее правдоподобной датой принятия Феодосием монашества исследователь полагает 1052 г.³⁸

В ЖФ действительно сказано: «И бѣ видѣти свѣтила три, соуща въ пещерѣ... преподобнаго Антония, и блаженаго Феодосия, и великаго Никона»³⁹.

³³ Имя Феодосий греческого происхождения, относится к двухкомпонентным теофорным именам: Θεός («Бог») + δόσιος («данный») – «Богом данный».

³⁴ Складрук В.И. Указ. соч. С. 319.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 318.

³⁷ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 223.

³⁸ Щавелев С.П. Феодосий Печерский – курянин: Историко-археологические очерки. Курск, 2008. С. 18.

³⁹ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 83.

В этом сравнении явно видится символический подтекст. «Поэтому, – замечает Ю.А. Артамонов, – совершенно очевидно, что данные слова агиографа не следует воспринимать как указание на реальное количество людей, окружавших Антония в тот момент, когда рядом с ним уже был Феодосий. Количество монахов в пещере могло быть и значительно больше, что в принципе не противоречит ни рассказу Жития, ни Сказанию о начале Печерского монастыря (статья 6559 г.)»⁴⁰. Важно отметить, что Феодосий пришёл к Антонию, узнав, что тот принимает всех желающих монашествовать без существенных ограничений. Это означает, что у Антония ко времени прихода к нему Феодосия уже были и другие последователи⁴¹. Следовательно, верхняя граница даты пострижения Феодосия не может быть ограничена 1054 г.

Свою хронологию начального этапа существования Печерского монастыря и монашеской жизни Феодосия предложил Ю.А. Артамонов. Около 1061 г. Антоний покинул старую пещеру, в которой жил после 1051 г., и переселился на другой холм⁴². Известно, что поставив вместо себя печерским игуменом Варлаама, Антоний ещё некоторое время продолжал жить на старом месте. Первые монахи стали появляться в пещере Антония после вокняжения Изяслава Ярославича, т.е. после 1054 г. Согласно ЖФ, мать Феодосия встретила сына в Киеве спустя четыре года после его бегства из Курска. В этот момент монастырь оставался ещё пещерным (переселение на поверхность состоялось в 1062 г.) и настоятелем в нём был Антоний. Следовательно, Варлаам стал игуменом не ранее 1058/59 г., а Феодосий мог принять постриг только между 1054 и 1056 гг. Поскольку к моменту прихода Феодосия в Киев молва о том, что Антоний принимает всех желающих монашествовать, успела уже довольно широко распространиться, можно предположить, что Феодосий принял монашество несколько позже 1054 г., вероятнее всего, в 1055 или 1056 г.⁴³

Если признать хронологические расчёты Артамонова справедливыми, получается, что Феодосий родился около 1030 г. (в 13 лет у него умер отец, ещё 12 лет с небольшим он посвятил просфоропечению и церковному служению, а в 1055/56 г. принял постриг). Здесь необходимо упомянуть о двух других версиях времени рождения святого, давно опровергнутых в историографии, но, тем не менее, встречающихся в исторической, краеведческой и справочной литературе до сих пор.

В редакции КПП Иосифа Тризны, относящейся к середине XVII в., в рассказе о приходе к Антонию Феодосия в 1032 г. указан возраст последнего, не отмеченный в более ранних редакциях памятника – 23 года⁴⁴. Логика возникновения этой цифры неизвестна. Вероятно, она появилась вследствие ошибки (описки?), поскольку из ЖФ ясно следует, что святой пришёл в Киев, имея никак не меньше 25 лет от роду (или же в 15–16 лет, если допустить двухлетний срок просфоропечения). Впоследствии указание на 23-летний возраст Феодосия было растиражировано в печатных изданиях КПП и проникло в литературу⁴⁵. На этом основании получила хождение ошибочная версия о рождении святого около 1008 г. Именно эта дата указана, например, в авторитетном «Русском

⁴⁰ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 215.

⁴¹ Там же.

⁴² Артамонов Ю.А. Проблема реконструкции... С. 51.

⁴³ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 224.

⁴⁴ Абрамович Д.И. Указ. соч. С. 100.

⁴⁵ О приходе Феодосия в Киев в 23-летнем возрасте писал, например, С.И. Ларионов (*Ларионов С.И. Указ. соч. С. 4*).

биографическом словаре»⁴⁶. О рождении Феодосия в 1008 г. безапелляционно утверждается в новейших публикациях некоторых курских краеведов, по инициативе которых в Курске в 2008 г. был установлен памятный знак в честь «1000-летия» со дня рождения святого и 900-летия его канонизации. Исходя из этой даты, они сочли возможным отнести первое упоминание Курска к 1015 г., когда, по их мнению, Феодосий начал учиться грамоте⁴⁷.

В Устюжском летописном своде, составленном в начале XVI в., указано, что Феодосий умер в возрасте 82 лет⁴⁸. Дата его кончины известна доподлинно: 3 мая 1074 г. Если признать свидетельство указанного источника верным, то Феодосий родился около 992 г., а его приезд в Курск состоялся между 992 и 999 гг., так как учиться грамоте на Руси начинали примерно с семилетнего возраста. Именно такого мнения придерживался, например, курский археолог и краевед Ю.А. Липкин⁴⁹. О кончине Феодосия в возрасте 82 лет писал также А.Г. Кузьмин⁵⁰. Однако позднее происхождение Устюжского летописного свода не позволяет отнестись с доверием к имеющимся в нём сообщениям о событиях XI в. Если допустить, что Феодосий родился в 992 г., то ко времени пострижения в середине 1050-х гг. ему было бы уже за 60, что не соответствует всей хронологии ЖФ⁵¹. Если же Феодосий принял монашество в молодости, то как мог Нестор упустить из виду несколько десятилетий праведной жизни своего героя? Кроме того, почтенный возраст Феодосия никак не увязывается с возрастом его современников. Так, Никон, который был старше Феодосия, пережил его на 14 лет. Получается тогда, что умер он в возрасте свыше 100 лет. «Такое редкое долгожительство, – отмечает В.И. Склярчук, – могли бы заметить: это касалось памяти высокочтимого человека»⁵². Таким образом, сообщение Устюжского летописного свода нельзя признать достоверным. Склярчук обратил внимание на то, что две последние цифры года кончины Феодосия (6582) и его возраст (82) в летописной статье совпадают. При переписке текста запись могла оказаться усечённой и принять такой вид: «в лета 82 преставился». В таком случае дату смерти легко можно было принять за срок жизни⁵³.

⁴⁶ Русский биографический словарь. Т. Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 361. Оттуда эта дата перекочевала, в частности, и в «Большую Советскую энциклопедию».

⁴⁷ Ашихмин А.П., Ильина З.Д. Указ. соч. С. 23–24. В качестве дополнительного «аргумента» версии о рождении Феодосия в 1008 г. курские краеведы приводят факт канонизации печерского игумена в 1108 г. По их мнению, это событие было приурочено к 100-летию со дня рождения святого (Пахомов Н.Д., Пахомова А.К. Указ. соч. С. 87). Однако это утверждение не может быть принято. И в Киевской, и в Московской Руси традиции отмечать юбилеи со дня рождения не существовало, она получила распространение только в Российской империи.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 28, 67.

⁴⁹ Александров-Липкин Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 104. Указание автора на 84-летний возраст Феодосия является, по-видимому, опечаткой.

⁵⁰ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 241.

⁵¹ Важно подчеркнуть, что в ЖФ отсутствуют какие-либо указания на преклонный возраст Феодосия. Между тем «старость глубокая» по представлениям, существовавшим в Древней Руси, наступала уже после достижения 50 лет. А.С. Усачёв отмечает: «В произведениях житийной литературы “старость” и связанная с ней “немошь” выступают как неотъемлемые черты едва ли не всех русских святых. Как известно, смерть святого в “старости” являлась отличительной чертой целого ряда памятников русской средневековой агиографии... почтенный возраст, а также связанная с ним “немошь” представлены как важные атрибуты святости большинства подвижников (прежде всего, преподобных)» (Усачёв А.С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1(55). С. 62).

⁵² Склярчук В.И. Указ. соч. С. 323.

⁵³ Там же.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что приезд Феодосия в Курск, который послужил поводом для первого упоминания этого города в письменности, приходится на 1030-е гг. Есть ли возможность определить хронологию этого события более точно?

Как указывалось выше, родители святого переселились в Курск по приказанию князя. С 1024 г. земли на Правобережье, где расположен Василёв, находились под властью киевского князя Ярослава Мудрого, а на Левобережье, где расположен Курск, – его брата, черниговского князя Мстислава. Раздел Руси по Днепру стал следствием ожесточённой войны между братьями, кульминацией которой явилась битва при Листвене. До смерти Мстислава, случившейся в 1036 г. (по Лаврентьевской летописи), Ярослав едва ли мог послать своего доверенного человека на постоянное жительство во владения Мстислава⁵⁴. После же кончины последнего у киевского князя, приступившего к восстановлению своей власти на Левобережье, в такой посылке возникла насущная потребность. Надо думать, что отец Феодосия, принадлежавший к привилегированному слою общества, был отправлен в Курск со специальной миссией. Всё это, по мнению А.К. Зайцева, указывает на то, что семья Феодосия не могла прибыть в Курск ранее 1036 г.⁵⁵ К такому же выводу пришёл В.И. Складрук⁵⁶. Указанные авторы полагают, что первое упоминание древнерусского Курска в письменности условно можно приурочить к 1036 г.

Данное положение попытался оспорить С.П. Щавелев. Он предположил, что Феодосий стал монахом в 1052 г., следовательно, родился около 1027 г., а прибыл в Курск, вероятнее всего, в 1034 г. Раздел Руси по Днепру, по его мнению, носил сугубо «формальный» характер и не являлся препятствием для посылки киевским князем своего человека во владения брата. Более того, исследователь допускает, что Ярослав и Мстислав регулярно обменивались своими личными представителями, одним из которых был отец Феодосия⁵⁷. Не отрицая в принципе такую возможность, отметим, что версия о переезде родителей святого в 1036 г. или некоторое время спустя выглядит значительно более правдоподобной и аргументированной.

Подводя итог рассмотрению вопроса о времени первого упоминания Курска, важно подчеркнуть, что ЖФ не может дать даже приблизительного ответа о том, когда он был основан. Из текста ЖФ следует, что Курск в 1030-х – первой половине 1050-х гг. являлся вполне сложившимся городом со всей сопутствующей «инфраструктурой». Его размеры уже тогда были весьма значительны. Не случайно мать Феодосия потратила не один день на поиски в нём сына, ушедшего из дома.

Историография вопроса о возникновении Курска имеет более чем двухсот-летнюю историю, хотя в большинстве случаев предложенные решения носили

---

⁵⁴ То обстоятельство, что отец Феодосия отправился на жительство в Курск вместе с семьёй и с малолетним ребёнком, не позволяет считать его миссию краткосрочной дипломатической поездкой.

⁵⁵ *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 70. Об этом же идёт речь в подготовленном А.К. Зайцевым в 1982 г. официальном ответе на запрос в Академию наук СССР о времени основания Курска (см.: О Курске и преподобном Феодосии Печерском. С. 30).

⁵⁶ *Складрук В.И.* Указ. соч. С. 320.

⁵⁷ *Щавелев С.П.* Феодосий Печерский... С. 23–24. Автор обратил внимание, что в Ипатьевской летописи смерть Мстислава записана под 1034 г., поэтому при указании этого события корректнее использовать двойную дату.

характер предположений. Наличие упоминаний о Курске в ЖФ послужило причиной того, что древнее происхождение города никогда не ставилось под сомнение, но оценки времени и обстоятельств его основания различались.

Один из первых исследователей Курского края И.Ф. Башилов в 1785 г. так писал о времени возникновения города: «О начале его, когда и на какой случай построен? За разными в течении давняго времени последовавшими перемена-ми, верного доказательства сыскать неможно. А что он древний город и имел в себе княжение, то видно из записок... что в 1125 году князь киевский Мстислав Владимирович сыну своему Изьяславу дал в удел город Курск (чему 660 лет), а построен оной был уповательно прежде, чему доказательство история преподобнаго Феодосия, Печерскаго чудотворца»⁵⁸. И.Ф. Башилов возразил против бытовавшего в XVIII в. мнения о том, что Курск в древности располагался на месте Ратского городища: «А по настоящему ево имени утвердительнее верить можно, что он и тогда был на сем месте, на котором ныне существует, потому что имя ево Курск соответствует имени реки Кура, в середине города протекающей»⁵⁹.

С.И. Ларионов считал, что приезд Феодосия в Курск состоялся лет за 15 до 1032 г., а строительство города следует отнести примерно к 990 г.⁶⁰ Автор «Географического словаря Российского государства» А.М. Щекатов почти дословно повторил эту же версию, однако в итоге сделал неожиданный вывод о том, что Курск был «достоверно построен... вятичами, первобытными сея страны жителями» во времена до IX столетия⁶¹. Н.П. Барсов, ссылаясь на ЖФ, констатировал, что Курск существовал в первой половине XI в.⁶² П.В. Голубовский относил возникновение Курска «к весьма отдалённой эпохе»⁶³, а В.Г. Ляскоронский со ссылкой на ЖФ полагал, что город уже существовал в X⁶⁴ или XI в.⁶⁵ И.М. Ивакин синхронизировал начальную историю Курска со сведениями ЖФ, считая, что жизнедеятельность города относится по крайней мере к княжению Ярослава⁶⁶. Д.Я. Самоквасов полагал, что «Курск несомненно новый город, возникший в христианскую эпоху». Основанием для подобного

⁵⁸ Башилов И.Ф. Указ. соч. Л. 20.

⁵⁹ Там же. Л. 20 об.

⁶⁰ Ларионов С.И. Указ. соч. С. 4, 5. Мнение об основании Курска в конце X в. неоднократно приводилось в историко-краеведческой литературе (см., например: *Робуш С.* Исторические сведения о Курске и его губернии // Курские губернские ведомости. 1849. № 11. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 87–88; [Вержбицкий Т.И.] Краткий очерк Курской губернии: (Материалы для описания Курского края) // Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. 2. С. 7; Самсонов В.И. Прошлое старых городов Курской области // Прошлое Курской области. Курск, 1940. С. 20). При этом А.М. Головащенко ещё в середине XIX в. справедливо заметил, что основание Курска не следует связывать с известием ПВЛ под 6436 г. о строительстве городов Владимиром Святославичем, так как в данном случае не упоминается Посемье, где расположен Курск (Головащенко А.М. Исторический очерк Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1854. № 25. Часть неофициальная. С. 230).

⁶¹ Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства... Ч. 3. М., 1804. Стб. 1006, 1007. Эта же версия была повторена позднее и в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. 17. С. 164).

⁶² Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли: (IX–XIV ст.). Вильна, 1865. С. 109, 110.

⁶³ Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 13, 14.

⁶⁴ Ляскоронский В.Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 258.

⁶⁵ Ляскоронский В.Г. Очерк внутреннего быта Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1906. С. 51.

⁶⁶ Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 145.

утверждения послужило отсутствие в городе и его ближайших окрестностях каких-либо «признаков языческой древности», в частности, курганов⁶⁷. Вслед за Самоквасовым отрицал существование в Курске городища и курганов «языческого времени» Г.И. Булгаков. Он считал, что «Курск по своему возникновению является одним из великокняжеских городов христианского времени, начало которым положило распоряжение князя Владимира Святославича»⁶⁸. Ю.А. Липкинг, используя крайне ограниченные на тот момент данные археологии, предположил, что укрепленное поселение роменского типа на месте Курска существовало уже в VIII – начале IX в. К середине X в. Курск превратился в настоящий город – «населенный пункт с преобладающим ремесленным и торговым населением»⁶⁹.

В советской историографии точка зрения о бесспорном существовании Курска во времена Ярослава нашла своё отражение в работе А.К. Зайцева по истории Черниговской земли X–XIII вв., в которой заметное место занимают курские сюжеты⁷⁰. Получает дальнейшее развитие подход к решению вопроса, в основе которого – попытки рассчитать протяжённость периода между возникновением Курска и моментом приезда в него семьи Феодосия. Так, по мнению Г.Н. Анпилогова, Курск был основан около 982–983 гг., вскоре после похода в 981 г. Владимира Святославича на вятичей⁷¹.

Недавно С.П. Щавелев этот период заметно сократил: согласно его построениям, город возник во времена Мстислава в середине 1020-х гг.⁷² Он предположил, что Феодосий приехал в Курск в начале 1030-х гг., а строительство города отделялось от этого момента 5–10 годами с оговоркой «как минимум». Правда, обоснование такого временного отрезка изначально отсутствует, однако в своих рассуждениях автор приходит к мысли о том, что середина 1020-х гг. по сложившейся исторической обстановке вполне соответствует условиям «рождения» города. Объединение «Север», поддержавшее Мстислава в битве у Листвена в 1024 г., вплоть до этого времени оставалось практически независимым. В результате деятельности князя происходило «превращение Курска из роменского центра в древнерусский» (выделено нами. – В.Е., А.Р.)⁷³.

Если опустить рассуждения общего характера, во главу угла гипотезы Щавелева помещена проблема сущности финала роменской археологической культуры и его хронологии, которая, однако, практически не рассматривается. Роменское население, за исключением группировки в Поочье, уже традиционно и, редкий случай, бесспорно соотносится с северянами русских летописей. В пределах Северской земли особый интерес для нас представляет известное по летописным сообщениям XII в. «Посемье», занимавшее курское течение «Семи»–Сейма и

⁶⁷ Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 40–41.

⁶⁸ Булгаков Г.И. Курск в прошлом (10–18 вв.) // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1/2. С. 38–39.

⁶⁹ Александров-Липкинг Ю.А. Указ соч. С. 101–102.

⁷⁰ Зайцев А.К. Указ. соч. С. 69, 70.

⁷¹ Анпилогов Г.Н. О городе Курске в X–XVI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 5. С. 43–46.

⁷² Щавелев С.П. Мстислав Лютый – основатель житийно-летописного города Курска: (К вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст.): Матеріали Міжнар. польового археол. семінару (Чернігів-Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006. С. 227–231.

⁷³ Там же. С. 231.

верховья Псла примерно до современных Сум⁷⁴. Однако это понятие отражает сформировавшуюся гораздо ранее, как минимум в X в., область северян, которая выделялась рядом признаков, свидетельствующих о высокой степени динамичности её развития⁷⁵. «Семечи» или «семцы», являясь одной из фракций северян⁷⁶, судя по всему, постепенно заняли лидирующие позиции в экономическом и социально-политическом развитии всего племенного объединения.

Наиболее распространённой является точка зрения о финале культуры в конце X – начале XI в.⁷⁷ Высказывались мнения и о том, что поздний период развития роменцев длился до первой половины XI в.⁷⁸ А.А. Узянов считал, что заключительный этап роменской культуры приходится на последнюю четверть X – первую четверть XI вв.⁷⁹ По А.В. Григорьеву, финал культуры растянулся до первой половины XI в. или, даже точнее: «разорение Северной земли (Русью. – В.Е., Л.Р.) произошло вскоре после смерти Мстислава в 1034 или 1036 гг.»⁸⁰. Однако специальные исследования показали, что предложенные аргументы не дают оснований для омоложения верхней границы роменской культуры⁸¹. Кроме того, это противоречило бы начальной хронологии древне-

⁷⁴ Зайцев А.К. Указ. соч. С. 95, 96.

⁷⁵ См.: Енуков В.В. О содержании летописного термина «Посемье» // Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Багалая: Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1997. С. 74–75; *он же*. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 3–46; *он же*. Славяне до Рюриковичей. Курский край. Т. 3. Курск, 2005. С. 200–257.

⁷⁶ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 263–264; Горский А.А. О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // Советская археология. 1988. № 2. С. 120–129; Енуков В.В. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Учёные записки Курского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2004. № 1. С. 229–241.

⁷⁷ См.: Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): историко-археологические очерки // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 152. С. 57; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники). Киев, 1975. С. 85, 86; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 136.

⁷⁸ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 306, 307.

⁷⁹ См.: Узянов А.А. Динамика заселения долины реки Тускарь: (Диахронный анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: (Материалы совещания 25–26 января 1983 г.). М., 1985. С. 81; *он же*. Хронология и хорология роменских поселений: (Новые данные о памятниках верховьев Сейма и Псла) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 256; *он же*. Специфика урбанизационного процесса в условиях пограничных зон в раннем средневековье: (К проблеме дифференцированного подхода к уровням и формам процесса) // Методические проблемы исследования становления и развития древнего города. М., 1991. С. 152; *он же*. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 89.

⁸⁰ См.: Григорьев А.В., Сарачев И.Г. О времени гибели роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. М., 1999. С. 349; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 52, 220.

⁸¹ См.: Енуков В.В. Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научной конференции, 23–25 мая 2005 г. Елец, 2006. С. 78–108; *он же*. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008. С. 39–69; *он же*. Возникновение древнерусского Курска в контексте историков археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: Сборник научных трудов. Воронеж, 2008. С. 129–134.

русской культуры, которая во многом определяется по материалам курганных кладбищ, обладающим более высокими, нежели поселения, датирующими потенциями. На территории бывшего племенного Посемья первые захоронения в курганах Гочева, Горналя, Зеленого Гая были совершены в пределах конца X – начала XI в.⁸² В одном случае имеется более точная дата: в погребении древнерусского кургана 70 группы 1 около д. Липино, расположенной на Сейме, сравнительно недалеко от Курска, присутствовала редчайшая находка: сребреник Владимира самого раннего типа I. Эти монеты чеканились в 988–990 гг., причём быстро археологизировались⁸³, что позволяет датировать комплекс 990-ми гг. Таким образом, если связывать возникновение Курска с включением «племенных» северских земель в состав Руси, что археологически соответствует смене роменской культуры древнерусской, то его «рождение» должно укладываться в рамки указанного периода. Не возникает особых сомнений и в характере смены роменской культуры древнерусской. Практически все исследованные позднероменские поселения несут следы пожаров. Принципиально меняется система расселения. По нашим подсчётам, из 59 городищ Посемья только на 33 в последующем присутствуют древнерусские материалы, причём в случаях, когда предпринимались специальные исследования, фортификации были возведены не ранее конца XI – начала XII в. (Ратское, Липино, Капыстичи). На смену многочисленным мелким «хуторам», формирующим округи городищ, приходили в основном крупные, с хаотичной застройкой селища, количество которых заметно уменьшалось – 114 против 258. В погребальной обрядности происходит резкий переход от кремаций к ингумациям, получают самое широкое распространение новые домостроительные схемы. Эти факты свидетельствуют о переломном характере переходного периода, наступившего в результате насильственных действий.

Напластования роменского времени в историческом ядре города до сих пор не выявлены. Это тем более удивительно, что в курской округе, отличающейся самой большой не только в Северной земле, но и в Посемье, концентрацией памятников (181, из них 14 городищ) и монетных кладов, есть все основания для поисков племенного центра, причём методом исключения единственным «претендентом на это звание» является Курск⁸⁴. Не исключено, что открытие «Первокурска» ещё впереди, однако, вполне вероятно, роменские напластования полностью уничтожены крайне плотной застройкой, которая велась на протяжении последних столетий на большей части городища.

Тем не менее в самых ранних сооружениях Курска наряду с древнерусской круговой посудой присутствует типично роменская лепная керамика, но её доля несравненно меньше, нежели в комплексах, погибших в пожарах позднероменских памятников. В Курске такая примесь исчезала достаточно быстро, однако

⁸² См.: *Седов В.В.* Указ. соч. С. 139; *Моця А.П.* Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // *Обряды и верования древнего населения Украины: Сборник научных трудов.* Киев, 1990. С. 119; *Шинаков Е.А.* «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII в. (этнокультурный аспект) // *Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции.* Воронеж, 1991. С. 90, 91; *Сухобоков О.В.* Дніпровсько лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992. С. 174–176.

⁸³ *Сотникова М.П., Спаский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. С. 81; *Равдина Т.В.* Погребения с древнерусскими монетами // *Советская археология.* 1979. № 3. С. 101.

⁸⁴ См.: *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей... С. 225–240.

на периферийных поселениях в крайне небольших количествах встречалось вплоть до предмонгольского времени. Известна такая керамика и в ингумациях с типично древнерусской обрядностью, причём не только в Посемье, но и в пределах всей Северской земли⁸⁵. Трактовать это явление, на наш взгляд, можно однозначно: в формировании населения новой административно-территориальной единицы наряду с переселенцами из разных областей Руси, в первую очередь Среднего Поднепровья⁸⁶, принимали участие и остатки абorigенов, долгое время сохранявшие «историческую память» о своём особом происхождении.

В Курске древнерусские напластования начальной поры были обнаружены на территории северной окраины городища, где не выявлены следы населения роменского времени. Особый интерес представляет раскоп 3 на месте строительства в 1999 г. новодельной северной колокольни Знаменского собора. В основании культурного слоя прослеживалась толстая прослойка коричневого цвета – щепы, которая фиксирует бурную строительную деятельность, сопутствующую «рождению» города. Древнейшие сооружения, которые выделяются по киеворусской круговой керамике ранних типов с примесью роменской посуды, датируются концом X – началом XI в. Синхронные объекты были открыты и севернее (раскопы 5, 6), на месте строительства нового корпуса дома 2/4 по Красной площади, что подтверждается не только керамикой, но и находками предметов с «узкой» хронологией⁸⁷. В сгоревших руинах одного из них, представлявших собой крупное трёхкамерное жилое сооружение срубной конструкции, были найдены останки погибшей в пожаре девочки с перстнеобразными височными кольцами – обычными древнерусскими украшениями⁸⁸.

Особую значимость имеет хронология фортификаций Курска, которые являются непременным атрибутом древнерусского города. Впервые они были открыты раскопами 1 и 2 на ул. Сонины на северо-восточном участке городища. От них сохранилось основание идущего по краю искусственного рва частокола, состоящего из расколотых пополам крупных, диаметром до полуметра, брёвен, что конструктивно напоминает хорошо известные роменцам Посемья косые остроги⁸⁹. Если это так, то с внутренней стороны частокола должен был располагаться земляной вал, на который опирался настил боевого хода. Однако от его насыпи ничего не сохранилось ввиду несколько более поздних нивелировочных работ, в ходе которых укрепления были перенесены севернее. В свою очередь это существенно затруднило датировку фортификаций, которую оказалось возможным провести только на основе находок, встреченных в настилах деревянных мостовых, идущих по дну рва и сооружённых позднее возведения частокола. В результате в первоначальной публикации был сделан вывод о возведении укреплений где-то в середине XI в.⁹⁰

⁸⁵ Енуков В.В. Роменское население... С. 82–86; он же. Липинские курганы... С. 39–69.

⁸⁶ Шинаков Е.А. Указ. соч. С. 82–93; Енуков В.В. История Посемья – Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2007. С. 32, 33.

⁸⁷ См.: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей... С. 289–293. Рис. 58, 59.

⁸⁸ Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007. С. 71–73. Рис. 86.

⁸⁹ Подробнее см.: Енуков В.В. О косых острогах северян Посемья // Российская археология. 2011. № 4. С. 89–101.

⁹⁰ Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 84–89. Рис. 2–5.

Однако позднее появилась возможность уточнить данную хронологию. Поводом к этому стало открытие укреплений на северо-западе городища (раскопы 5, 6). Сохранность этого участка была принципиально иной: в отличие от предыдущего, от фортификаций остался вал, который шёл по краю древнего оврага, использованного в качестве рва. Напластования вала относятся к двум строительным периодам, первый из которых датируется концом X – началом XI в., второй – первой половиной XI в.⁹¹ Отсутствие в слоях первого периода следов деревянных конструкций указывает на то, что насыпь использовалась, вероятнее всего, в качестве опоры для настила – конструктивного элемента косоугольного острога. Однако поиски остатков частокола в данном случае были невозможны, так как внешнее подножие вала было уничтожено при возведении тына укреплений московского времени.

Открытые компоненты фортификаций на северо-восточном и северо-западном участках Курского городища соответствуют одной и той же конструктивной схеме косоугольного острога и, вероятнее всего, составляют единое целое. Дополнительным аргументом в пользу их самого раннего характера является тот факт, что они хорошо известны на территории региона в предшествующее время. Это лишний раз подтверждает участие в строительстве Курска населения племенной эпохи.

В то же время использование роменских строительных схем в ранних фортификациях Курска послужило основанием для отрицания их отнесения к древнерусской поре. По мнению С.П. Щавелева, «раскопанные В.В. Енуковым укрепления рубежа X–XI вв. могли быть сооружены вовсе не победителями-русью, а местными жителями под угрозой со стороны последней. Тем более что конструкция этих укреплений вполне в роменских традициях». Археологическая аргументация этого тезиса отсутствует. Подкрепить решение вопроса призваны рассуждения о том, что «киевские инженеры и военные» не могли так быстро переучиться или доверить столь важное дело местным мастерам, а также отказаться от «повсеместных на покорённых... огромных территориях строительных традиций»⁹².

Согласиться с предложенными утверждениями сложно. Начнём с того, что никакого «повсеместного» строительства укреплённых центров в конце X – начале XI в. на территории Северской земли неизвестно, поэтому использование «киевских традиций» установить невозможно. Факт отсутствия крепостей, вероятно, объясняется внутри- и внешнеполитическими причинами⁹³. В этом смысле пример фортификаций Курска выглядит в определённой мере исключением, что вряд ли было случайно. Город сразу возникает как крупнейший на покорённых землях центр: его укрепленная площадь доходила до 8 га. Это в четыре раза больше, чем самые крупные из роменских городищ, которые, в свою очередь, являются крайне редкими. На территории, примыкающей к внутренней стороне укреплений, известны исключительно древнерусские сооружения. Особенно это показательно на северо-западном участке городища, площадка, которая исследована примерно на

---

⁹¹ Енуков В.В. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 6–9. Рис. 3.

⁹² Щавелев С.П. Возраст житийно-летописного города Курска // Российское государство: истоки, современность, перспективы: Материалы международной историко-патриотической научной конференции, Липецк, 8 июня 2012 г. Ч. 1. Липецк, 2012. С. 47.

⁹³ Енуков В.В. Князь Мстислав Владимирович и Курская волость // Актуальные проблемы научного творчества кафедры истории России: Сборник научных статей. Вып. 4. Курск, 2007. С. 7, 8.

100 м по направлению к центру. Абсолютно непонятно, почему северяне «под угрозой» со стороны Руси возводят беспримерно колоссальные по роменским меркам укрепления, которые охватывают значительную неосвоенную площадь. Последний факт выглядит тем более удивительным, если учесть высокую плотность застройки роменских городищ.

Таким образом, Курск возник в переломный период смены роменской древнерусской культуры в конце X – начале XI в., что с позиций исторического процесса отражает захват Русью племенной территории северян. В свою очередь, отчётливые следы участия в «рождении» Курска «семцев» наряду с «русскими» переселенцами позволяют полагать, что временной зазор между их разгромом и возникновением города был минимальным, если вообще был.

В результате фактически мы возвращаемся к вопросу о хронологической грани, отделяющей роменскую культуру от древнерусской, которую позволяют уточнить данные нумизматики. В Северной земле известно 32 клада арабских монет. Показательна их топография: 20 кладов обнаружено на небольшом участке северянской территории по курскому течению Сейма с притоками, причём 11 – в ближайшей округе Курска, а 3 – в пределах самого города⁹⁴. Аналоги столь высокой концентрации монетных комплексов на территории восточноевропейской лесостепи отсутствуют. В связи с этим неслучайным выглядит вывод о том, что Посемье в X в. представляло собой перевалочную базу в системе поступления дирхемов, снабжая ими Русь с центром в Киеве⁹⁵.

Рассмотрим динамику тезаврации кладов северян X в. Комплексы с младшими монетами чекана 910–960-х гг. выпадали в среднем по 2–3 в десятилетие, что можно условно расценивать как «естественный фон». Однако количество кладов с монетами 970-х гг. возрастает до 7, и в подавляющем большинстве случаев их хронология близка середине этого десятилетия (Волобуево, середина 970-х гг.; Красниково 1-е, середина 970-х гг.; Жидеевка, 975 г.; Воробьёвка 2-я, 976 г.; Коренная пустынь, 976 г.; Ратманово, 977 г.). Неслучайность этого пика подтверждается отсутствием кладов в дальнейшем, за исключением небольшого комплекса с Кудеяровой горы (младшие монеты самого конца 980-х гг.).

Массовая тезаврация кладов зачастую свидетельствует о социальном катаклизме, в результате которого они оказываются невостребованными. Необходимо, однако, учитывать, что между чеканкой младшей монеты комплекса и

⁹⁴ Использованные здесь и далее нумизматические сведения статистического и хронологического характера содержатся в следующих работах: *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. 9. М., 1971. С. 76–98; *Фомин А.В.* Топография куфических монет междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Сборник научных трудов. Киев, 1988. С. 77; *он же.* Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 63–73; *Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н.* О времени и обстоятельствах появления норманнов в междуречье Днепра и Десны // Русский сборник: Сборник научных трудов, посвящённый 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2002. С. 4–13; *Енуков В.В., Лебедев В.П.* Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья // Российская археология. 2010. № 1. С. 94–103; *они же.* Клад дирхемов с городища Кудеярова Гора // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 49–58; *Гомзин А.А.* Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; *Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П.* Шуклинский клад дирхемов X в. и его археологический контекст // Путиями средневековых монет: Сборник научных статей памяти А.В. Фомина. М., 2014 (в печати); *Лебедев В.П., Колода В.В., Енуков В.В.* Безлюдовский клад 1930 г.: типология, метрология, граффити // Труды Государственного Эрмитажа. 2014 (в печати).

⁹⁵ См.: *Фомин А.В.* Топография... С. 77; *Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н.* Указ. соч. С. 8.

выпадением его в землю проходил определённый промежуток времени. Такая поправка, условно названная «неревской», составляла примерно 10–20 лет⁹⁶. Таким образом, потрясения, перенесённые северянами, реально имели место в середине 80-х – середине 90-х гг. X в. Выделенная финальная группа кладов обладает и топографической особенностью: все они располагаются по курскому течению Сейма с притоками, из них два – на Свапе и пять – в ближайшей округе Курска. Такая картина даёт основания предположить, что выпадение кладов является следствием гибели роменской культуры, по крайней мере, в Посемье, причём основной удар Руси был направлен в район Курска.

К западу от Северной земли известно заметно меньше кладов, и динамика их тезаврации иная: один, реже – два в десятилетие. На этом фоне выделяется пик их выпадения: комплексов с младшими монетами, чеканенными в первой половине 950-х гг., известно семь, причём почти все они приходятся на территорию к северу от черниговского течения Десны. После этого следует 20-летний бескладовый период, по окончании которого на русских землях опять фиксируются клады: Любеч (976), Старый Дедин (979), Новозыбковский (980), Медведово (982), Рудки (990). Легко заметить, что самый ранний из числа «западных» кладов, попавших в землю после значительного перерыва, – Любечский, синхронен поздним «курским». Другими словами, имеются основания связывать окончание бескладового периода с деятельностью Киева.

Итак, с учётом «неревской» поправки северяне в пределах середины 60-х – середины 70-х гг. X в. перестают пропускать серебро на запад, хотя на их территорию монеты продолжали поступать. Но каковы были причины этой акции? Хронология начала бескладового периода совпадает со временем правления Святослава Игоревича, который в 964 г., а возможно, и в 966 г., ходил на вятичей, при этом неминуемо должен был пройти через земли северян. Очень осторожно можно предположить, что с деятельностью Святослава каким-то образом была связана и массовая тезаврация кладов к северу от Десны, хотя объяснение этого явления выходит за рамки работы. В любом случае маршрут Святослава вряд ли пролегал через Посемье: этому противоречит хронология поздних «курских» кладов. Вероятнее всего, он шёл по пути полюдья либо по Десне, либо по Снову (территория Сновской тысячи), переходя по притокам на Оку⁹⁷. В эту схему укладывается и гибель роменского поселения на месте Новгорода-Северского, которая предположительно связывается его исследователями с деятельностью Святослава⁹⁸. Версия о конфликте между Русью и северянами имеет и другие археологические подтверждения: в Подесенье и на Суле отмечаются своего рода «зоны противостояния», фиксируемые по расположению роменских и древнерусских памятников⁹⁹.

⁹⁶ Енуков В.В., Лебедев В.П. Указ. соч. С. 99, 100.

⁹⁷ См.: Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 307; Григорьев А.В. Северская земля... С. 209, 210. Рис. 57.

⁹⁸ Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Руси: Историко-археологическое исследование. Воронеж, 1996. С. 5.

⁹⁹ См.: Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: Матеріали іст.-археол. семінару, присв. 150-річчю від народження Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 34–49; Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (рубеж X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: Тез. доповідей міжнар. конф. у м. Славутичі (5–6 жовтня 1994 р.). Київ, 1994. С. 41–46; Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998. С. 34, 35. Рис. 7.

Предполагаемый конфликт, судя по хронологии поздних «курских» кладов, был разрешён Владимиром Святославичем. В указанный период в летописях сообщается о пяти походах восточной направленности, которые могли пройти через Посемье, из них два – на вятичей (981, 982) и три – на Волжскую Булгарию (985, 994 и 997). Сведения о походах 994 и 997 гг. содержатся только в Никоновской летописи и традиционно считаются недостоверными. Детально исследовавший её Б.М. Клосс приводит статью 997 г. в качестве примера поздней вставки¹⁰⁰. Военные кампании 981 и 982 гг., хотя и близки нумизматической хронологии, однако, выпадают из неё.

Особое внимание совпадениями с нумизматическими реалиями привлекает поход Владимира 985 г. на Волжскую Булгарию. В летописях эта кампания, в отличие от других, описана заметно подробнее. В частности, важным является указание на то, что княжеское войско состояло из двух частей: «речной» во главе с самим князем, передвигавшейся «на лодьях», и сухопутной, состоящей из конных торков¹⁰¹. Естественно, Владимир мог использовать и старый, проторённый путь, двигаясь по маршруту полюдья. Однако отметим, что движение по Сейму было гораздо удобнее ввиду того, что эта водная артерия через притоки Тускарь и Снову смыкалась с Окой, обеспечивая практически безволоковый переход между двумя крупнейшими гидросистемами Восточной Европы – Днепровской и Волжской¹⁰². К этой связке вплотную подходил и исток крупнейшего правого притока Сейма – Свапы. Кстати сказать, два из семи поздних «курских» кладов были обнаружены как раз в верхнем течении этой реки (Жидеевка, 975 г., Ратманово, 977 г.)¹⁰³.

Реальность именно такого маршрута с нанесением основного удара по округе Курска имеет ещё одно косвенное подтверждение. В южной части Посемья, по верхнему Пслу, кладов поздней группы неизвестно, что вполне понятно, если принять версию движения Владимира по Сейму с возможным проходом какого-то отряда по Свапе. Но, в таком случае, сухопутная часть войска двигалась примерно по водоразделу Сейма и Псла, повторяя маршрут караванов древнерусского времени из Киева в Булгар¹⁰⁴, так как в прямом смысле «берегом» вдоль водных трасс двигаться оказалось просто невозможно. Следова-

¹⁰⁰ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 101.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 84; Т. 2. М., 1998. Стб. 71.

¹⁰² См.: Орлов А.А. Истоки рек Оки, Свапы, Сновы и Сновки // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911. С. 134–136. Недавние натурные обследования истоков этих рек значительно уточнили историко-географическую ситуацию (см.: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей... С. 147, 148, 155, 156).

¹⁰³ Параллельно с изысканиями одного из авторов статьи к мысли о связи нумизматических материалов с политической историей региона пришёл А.Г. Шпилёв. Имеются различия как в подходах к источникам, так и в интерпретации событий, однако исследователь делает близкий по хронологии вывод: разгром семичей последовал сразу же за походом Владимира на Волжскую Булгарию в 985 г. (ср.: Шпилёв А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII в.) // Славяно-русские древности... С. 194–196; он же. Северянское Посемье // Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008. С. 259–265; Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска... С. 131–139).

¹⁰⁴ Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв.: (История и археология): Сборник научных трудов. Киев, 1985. С. 131–133. Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок пути Булгар – Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев: Материалы научной конференции, 26–27 февраля 1991 г. Казань, 1992. С. 25–26; Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.

тельно, торки должны были пройти в непосредственной близости от Горналя на Псле – единственного на сегодня бесспорного племенного центра северян. А.В. Куза по находке подражания саманидскому дирхему в «княжеской» постройке 1 отнёс время его гибели в пожарах к 960–970-м гг.¹⁰⁵, что с учётом «неревской» поправки заметно совпадает с хронологией поздней группы «курских» кладов.

Итак, основной удар, судя по локализации кладов, приняла на себя округа Курска. Далее путь Владимира в Булгарию должен был пролегать по Оке, что, судя по всему, также находит отражение в нумизматических материалах. Клады Поочья с младшими монетами 970-х гг. тезаврированы практически одновременно с финальными «курскими»: Борки, 1946 г. (976), Белоомут (977), Борки, 1951 г. (977).

Подведём итоги. В ЖФ отсутствуют сведения о времени основания Курска, а также о протяжённости предшествующего периода в его существовании. Синтез данных археологии и нумизматики указывает на его возникновение в пределах середины 980-х – середины 990-х гг. Из дошедших до нас летописных известий более всего этому соответствует поход Владимира 985 г. Естественно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что город отстраивается сразу же после военной кампании, однако артефакты указывают либо на малый хронологический разрыв между этими событиями, либо, что вероятнее всего, вообще на его отсутствие. Соответственно, на уровне сегодняшних знаний за условную точку отсчёта возраста города можно принять 985 г. Первое же упоминание древнерусского Курска в письменности, связанное с переездом семьи Феодосия Печерского в этот город, относится к 1030-м гг. Наиболее вероятной датой этого события является 1036 г., когда у киевского князя Ярослава Мудрого возникла потребность в посылке своих людей на земли вновь присоединённого Левобережья.

---

¹⁰⁵ Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 29.

Национальные движения в России в конце XIX в.

Владислав Гросул

National movements in Russia in the late nineteenth century

Vladislav Grosul (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В конце мая 1900 г., будучи в салоне небезызвестной А.В. Богданович, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский сказал: «Россия расшивается по всем швам... нет у нас на окраинах единства политики»¹. Если бы эти слова произнёс какой-нибудь малоизвестный общественный деятель, то на них можно было бы не обратить особого внимания. Но эта примечательная

© 2015 г. В.Я. Гросул

¹ Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 253.

фраза принадлежала человеку, весьма близкому к императору Николаю II, и она не была брошена вскользь, без знания тогдашних российских реалий. Ухтомский, конечно, имел в виду национальные движения конца XIX столетия, которые, как ни странно, не нашли комплексного отражения в исторической литературе.

Действительно, в последнее время в историографии заметно усиление интереса к истории национальных движений в России². Но движения конца XIX в. специально не исследовались, а главное, не привлекался значительный материал, сохранившийся в отечественных архивах. В основу настоящей статьи положены первичные архивные источники, прежде всего многотомное архивное дело из Особого отдела Департамента полиции под названием «Национальные движения, имеющие характер политический». Это дело давно известно, но обычно оно используется отдельными частями, имеющими отношение к той или иной российской окраине, и давно требует целостного изучения. Особый отдел являлся ключевой структурой Департамента полиции, его «мозгом» и «сердцем»³. Кроме того, привлечён ряд других архивных дел из того же фонда.

На протяжении всего XIX столетия в России было одно мощное национальное движение – польское, довольно неплохо изученное⁴. В данной статье я им специально не занимаюсь, поскольку это всё-таки особый вопрос. Точно так же не обращаюсь и к финскому национально-освободительному движению, также обладавшему своей спецификой. Хотя и о польском, и о финском движениях приходится постоянно помнить, поскольку они оказывали воздействие на другие общественные движения, многие из которых в той или иной степени были связаны между собой.

Кстати, и польское, и финское национальные движения на протяжении десятилетий сохраняли свои основные черты, меняли формы. Поляки, например, отказались от организации общепольских восстаний и перешли к формированию новых кружков и даже партий. Они всячески старались укреплять связь всех частей Польши, поделённых между тремя империями. С этой целью, например, деятели польского общественного движения в конце XIX в. организовали специальные курорты в Закопане и Шавнице, куда ежегодно стали устремляться тысячи поляков из всех трёх частей Польши, там шло их сближение и выработка идей и конкретных путей восстановления польской государственности⁵. Что касается непосредственно России, то в районах, где имелось польское население, постоянно шла работа пропагандистского характера.

---

² Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; *Кателер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; Россия в XX в. Проблемы национальных отношений. М., 1999; *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начала XX в. (К постановке проблемы) // *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 104–151; *Кудряшов В.Н.* Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.

³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 60.

⁴ *Горизонтов Л.К.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 г. – начала XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *он же.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – нач. XX в.). М., 1999; *Малютин Г.А.* Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. М.; СПб., 2013.

⁵ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 15, 18–19 об.

Например, в очередном жандармском обзоре Подольской губернии за 1890 г. подчёркивалось, что «католическая пропаганда ксёндзов не встречает почти никакого противовеса в действиях православного духовенства»⁶. Активную деятельность вели даже польские выходцы, обосновавшиеся в США, где была создана «Лига старых поляков», а также действовали другие польские кружки⁷. Как обычно, они были весьма активны в Галиции⁸. Но в самой России они всё-таки пошли на открытие памятника А. Мицкевичу в Варшаве, хотя приняли серьёзные меры предосторожности⁹.

Заметные изменения на протяжении второй половины XIX в. происходили в Финляндии. Ещё в 1884 г. местный жандармский генерал писал «о глубокой преданности народонаселения к особе государя императора, о несуществовании в стране каких-либо тайных политических обществ и пропаганд; о спокойствии в крае, порядке по всем отраслям управления и дружелюбном вообще отношении финляндцев к находящимся в крае русским поселенцам и войску»¹⁰. А уже в январе 1893 г. помощник начальника Финляндского губернского жандармского управления в Выборге доносил своему начальству: «Негласным путём дознано, что во всех сословиях, в особенности между чиновниками, пасторами, помещиками и капиталистами (купцами) вкоренилась затаённая ненависть к верховной власти и Русскому правительству»¹¹. В конце века отношения между Финляндией и центральным правительством несколько обострились. Финны усмотрели покушение на свои права и заручились поддержкой европейского общественного мнения. Как отмечается в материалах Департамента полиции за март 1900 г., «финляндская агитация, подобно всей другой агитации, направленной против России, встретила особое сочувствие в Англии, где под влиянием росказней приезжих патриотов тотчас же образовался “Комитет о Финляндии”, который усердно принялся путём митингов и газетных статей распространять ложные сведения о “варварском образе действий русского правительства”». Подобные же комитеты были образованы во Франции и Швейцарии¹². В самой Финляндии из Финской партии, возникшей ещё в конце 1850-х – начале 1860-х гг., в 1894 г. выделилась Младофинская партия, отличавшаяся радикализмом¹³. В 1880-х гг. К.Ф. Ордин опубликовал книги «Конституция Финляндии» и «Покорение Финляндии», которые были расценены как поход против «сепаратизма» финляндцев¹⁴ и вызвали противодействие финской печати¹⁵.

Финляндия стала лишь одной из российских окраин, где в начале 1890-х гг. отмечалось общественное оживление. В 1899 г. в еженедельных записках по Департаменту полиции можно прочитать следующее заключение: «За последнее время среди представителей некоторых наиболее крупных народностей,

⁶ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 89 (1891 г.), д. 44, ч. 22, л. 2 об.

⁷ Там же, оп. 91 (1893 г.), д. 171, л. 1–1 об., 2–3.

⁸ Там же, оп. 95 (1897 г.), д. 277, л. 1–3.

⁹ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1477, л. 25, 30–35.

¹⁰ Там же, оп. 80 (1884 г.), д. 88, ч. 27, л. 1.

¹¹ Там же, оп. 91 (1893 г.), д. 152, ч. 23, л. 7 об.

¹² Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. А, л. 27 об.

¹³ См.: *Кочкаров Н.А.* Политические партии Финляндии. СПб., 1909; *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; *Первая революция в России...* С. 109–110.

¹⁴ Новый энциклопедический словарь. Т. 29. Пг., 1916. С. 630.

¹⁵ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 87 (1889 г.), д. 61, л. 34.

населяющих Российскую империю, ведётся усиленная пропаганда в духе национального сепаратизма»¹⁶.

Что же произошло в 1890-х гг., почему усилилась пропаганда «в духе национального сепаратизма» среди «некоторых крупных народностей»? Конечно, шёл процесс увеличения численности тех или иных народностей России, выделения в них буржуазии и интеллигенции, сокращения удельного веса русского населения, которое по переписи 1897 г. составило только 43%. Но был и соответствующий толчок, данный общероссийским общественным подъёмом, вызванным голодом 1891–1892 гг. В современной литературе подобраны многочисленные материалы о роли этого голода в общественном движении¹⁷. Например, современник событий, историк А.А. Кизеветтер писал, что «уже к концу 1899 г., к концу правления Горемыкина, начавшееся с 1891 г. общественное оживление приняло острую форму, питаемую всё более выяснявшимся сознанием того, что пути правительственной власти и общества расходятся всё сильнее»¹⁸.

Общественный подъём оказал заметное воздействие и на национальные движения как на окраинах страны, так и в центре. Прежде всего отмечу украинское движение. В источниках в течение XIX в. прослеживается несколько подъёмов и спадов так называемого украинофильства, а также соответствующая реакция властей, менявших свою политику по отношению к украинцам. Свою роль сыграла грамматика украинского языка А.П. Павловского 1818 г., а также такие издания, как «Украинский вестник» 1816–1819 гг., «Харьковские известия» 1817–1819 гг. и «Украинский альманах» 1834 г. В 1847 г. III отделение завело специальное дело «О славянофильстве и украинофильстве», а также отдельное дело о художнике Т.Г. Шевченко¹⁹. Речь шла о возникшем в начале 1846 г. Кирилло-Мефодиевском обществе, получившем основательное отражение в литературе, в том числе и русскоязычной²⁰. Члены общества подверглись различного рода преследованиям, но со второй половины 1850-х гг. можно говорить о новом подъёме украинского движения, в котором, среди прочего, выделяли так называемых хохломанов и хлопоманов. В 1863 г., во время польского восстания, началось новое ограничение деятельности украинофилов, поэтому в 1864–1872 гг. происходил спад украинского национального движения. Его новый подъём заметен в середине 1870-х гг. В связи с этим по повелению императора было созвано Особое совещание по делу об украинофильской пропаганде²¹. Затем последовал так называемый Эмский указ императора Александра II 1876 г., в котором деятельность украинофилов определялась как «опасная в государственном отношении»²², и начался новый этап явного спада движения.

Его очередной подъём относится к 1890-м гг., но, что примечательно, в русскоязычной литературе, даже в многотомнике по истории Украины²³, этот

¹⁶ Там же, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 46.

¹⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 230–231; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 429, 430–480.

¹⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 224.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп, оп. 22 (1847 г.), д. 81, ч. 6, л. 18.

²⁰ *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959.

²¹ *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 62–63.

²² Там же. С. 242.

²³ История Украинской ССР. Т. 4. Киев, 1983. С. 499–510.

процесс не нашёл подробного отражения. В некоторой степени он освещается в книге И.В. Михутиной²⁴; не мобилизовавшей, однако, источников Департамента полиции и рассмотревшей украинское движение 1890-х гг. лишь частично. Этого периода касается и украинский историк С.Г. Чмырь – автор ряда статей в российских энциклопедических изданиях²⁵. Она отметила, что в начале 1890-х гг. происходило создание сети «молодых» – гимназических, семинарских, студенческих громад, упрочение контактов с народо-социалистическим течением Галиции, трансформация традиционного украинофильского мировоззрения громадцев в национально-демократическую идеологию²⁶. Ещё Д.В. Антонович подавал эпоху 1890-х гг. как «наиболее интересное время в истории украинского общества, когда были заложены основы того общественного ренессанса, которые принесли свои плоды десятилетия спустя»²⁷. А.М. Грушевский писал о сильном влиянии идей Драгоманова и галицийского радикального движения на молодое поколение 1890-х гг.²⁸ Ещё до выхода этой книги о роли событий 1890-х гг. кратко писал С.А. Ефремов в своей брошюре, вышедшей сначала на украинском, а затем на русском языках²⁹. Некоторое отражение они нашли и в изданиях 1920-х гг.

Действительно, идеи М.П. Драгоманова, находившегося в эмиграции, а также издания на украинском языке, выходившие на территории Австро-Венгрии, оказали своё воздействие на подъём национального движения среди украинцев России³⁰. Эти издания проникали в Россию и раньше. Например, в мае 1883 г. в Департамент полиции поступили сведения об обнаружении в разных местах г. Сумы Харьковской губ. пяти экземпляров «преступных воззваний на малороссийском языке», озаглавленных «Люде добрі» от «социалистов-народников». Такие же издания были обнаружены и на станции Лозовой Харьковско-Азовской железной дороги³¹.

Летом 1891 г. в Харькове возникла нелегальная организация украинской молодёжи «Братство тарасовцев», действовавшая на Украине и в Бессарабии. Её отделения находились в Харькове, Киеве, Одессе, Чернигове, Полтаве, Екатеринославе и других местах. Среди видных деятелей братства известны И. Липа, М. Байздренко, М. Базькевич, В. Боровик. Цель организации – борьба за самостоятельность Украины, ослабление её связей с Россией и усиление европеизации. В качестве литературных авторитетов кроме Т.Г. Шевченко особое внимание уделялось творчеству И. Франко³², который творил в Австро-Венгрии.

²⁴ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 63–66.

²⁵ Чмырь С.Г. Украинская демократически-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в. – 1909 г.) // История национальных политических партий в России. М., 1997. С. 150; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 43–44, 139, 634–635, 636–639, 642–647.

²⁶ Чмырь С.Г. Украинская демократически-радикальная партия... С. 147–148.

²⁷ Цит. по: Чмырь С. Антонович Д.В. // Политические партии России... С. 43.

²⁸ Грушевський М. Ілюстрована Історія України. Київ, 1918. С. 527.

²⁹ См.: Ефремов С. Из общественной жизни на Украине. М., 1916.

³⁰ Королёв Г.А. Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., 2011. С. 148.

³¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1883 г.), д. 4, л. 176.

³² Чмырь С.Г. Братство тарасовцев // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. А–Д. М., 1994. С. 284–285.

В 1890-х гг. распространение заграничных украинских изданий заметно усилилось. Мне совершенно случайно удалось обнаружить в деле о польских и литовских изданиях донесение помощника начальника Бессарабского губернского жандармского управления (ГЖУ) в м. Новоселицах от 30 апреля 1898 г. о перехвате пограничной стражей в Хотинском уезде Бессарабии транспорта с литературой на украинском языке. Всего – 18 изданий, среди которых сочинения И. Франко, О. Кобылянской, М. Павлика, П. Вартового, О. Маковея, переводы на украинский с английских и французских книг и др. Все они были отпечатаны во Львове или Черновицах³³.

В то же дело, по-видимому, также случайно попало ещё одно донесение того же помощника Бессарабского ГЖУ от 15 апреля 1901 г., в котором говорилось о водворении из-за границы украинских изданий членами украинофильской партии, поддерживаемой, в том числе и материально, австрийским правительством, и давалась характеристика руководящим деятелям этой партии, противостоящей направлению русофильского характера. В донесении сообщалось о связях австрийских украинцев с русскими украинцами³⁴.

Особое внимание привлекает двухтомное дело Особого отдела Департамента полиции «Об украинофильских кружках в Киевской и Черниговской губерниях», которое позволяет разобраться в становлении украинского движения 1890-х гг. Толчком к заведению этого дела стало письмо студента философского факультета Львовского университета Я.Н. Митрака. 12(24) декабря 1897 г. консул России во Львове К. Пуштошкин направил донесение в Министерство иностранных дел, которое было переслано в Департамент полиции. В нём со ссылками на Я.Н. Митрака сообщалось об агитационной деятельности киевского присяжного поверенного Михновского. Там же говорилось, что «галицкие малороссы, вместо того чтобы единодушно сплотиться для борьбы против угрожающего им окончательного ополячивания, разбились на несколько политических партий, из которых главная, так называемая Украинская, стремится к отделению Малороссии и южнорусских губерний от России и к самостоятельности Украины под эгидою восстановленной Польши»³⁵. Далее консул писал, что украинцы (видимо, украинцы Галиции. – В.Г.) не считают великороссов славянами, поскрльку, как они утверждают, в их жилах больше татарской, чем славянской крови. По их мнению, поляки к ним гораздо ближе, и они предпочитают их язык и культуру, разделяют их надежды и идеалы.

По мнению консула, с такой бессмысленной программой это общество не могло рассчитывать на успех своей пропаганды в России, «если бы в основе её не лежали социалистические принципы»³⁶. Он также сообщал о пересылке украинцами революционных брошюр и книг в Россию всевозможными путями с целью возбуждения там революционного движения. Консул привёл и данные о Митраке, который был малороссом из Прикарпатской Венгрии. Он приходился родственником редактору русской газеты «Листок», издававшейся в Венгрии, и, слушая лекции в университете, сошёлся с украинцами, которые попросили его выслать 25 писем в Россию. Адреса эти он и передал консулу, как и воззвание на украинском языке по случаю 25-летия литературной деятельности И. Франко. Здесь же прилагалось воззвание на украинском языке от

³³ ГА РФ, ф. 102, оп. 226 (1898 г.), д. 14, ч. 4, л. 176–177.

³⁴ Там же, л. 306–309.

³⁵ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 2–3.

³⁶ Там же, л. 3–3 об.

Товарищества им. Т. Шевченко с предложением собирать средства на создание научного фонда Украинско-русской академии наук.

Донесение консула привело в действие полицейскую машину, усилился сбор сведений о деятельности лиц, так или иначе связанных с украинским национальным движением. Начальник Киевского жандармского управления генерал Новицкий 12 января 1898 г. сообщил директору Департамента полиции о Н.И. Михновском. Тот был сыном православного священника Прилукского уезда Полтавской губ., воспитывался в Прилукской гимназии, в 1895 г. закончил юридический факультет Киевского университета. Являлся помощником присяжного поверенного и к делам политического характера не привлекался. Ещё будучи студентом университета он принадлежал к местной партии украинофилов, был знаком с бывшим учителем киевской Фундуклеевской женской гимназии И. Стешенко, состоявшим под надзором полиции.

В полицию материалы о Михновском поступили ещё в сентябре 1893 г. Он характеризовался как крайний по своим убеждениям украинофил с «направлением безусловно противоправительственным», а круг знакомых с ним лиц – как отличавшийся сомнительной благонадёжностью³⁷. Несколько позднее директор Департамента полиции С.Э. Зволянский предписывал Новицкому секретным путём выяснить личный состав комитета «Молодая Украина», образовавшегося в Киеве. В связи с имевшимися указаниями на существование в Чернигове отделения Киевского комитета украинофилов предлагалось усилить наблюдение за деятельностью Черниговского кружка. Зволянский также сообщил Новицкому об имеющихся в Департаменте данных о Н.И. Михновском. В соответствии с ними, в декабре 1897 г. он посетил Львов, где вступил «будто бы в близкие сношения с галицкими представителями украинофильской партии, стремящейся к отделению Малороссии и южнорусских губерний и к образованию автономной Украины под верховенством восстановленной Польши». Там же он скупил значительное количество запрещённых изданий на малороссийском языке, в том числе сочинения Драгоманова, с которыми вернулся в Россию³⁸.

Таким образом, сигнал Митрака подтвердился, и к тем сведениям, которые он сообщил, постепенно прибавлялись всё новые материалы. Ещё 13 февраля 1898 г. помощник начальника Волынского ГЖУ на пограничном пункте в м. Радзивилово доносил о беседе с прибывшим туда из Львова консулом Пустошкиным, который сообщил о намерении членов партии польских социалистов Гнатюка, Новаковского и Голубовича организовать при помощи местных крестьян переправку в Россию революционных изданий. Члены этой партии сблизились с партией украинцев в Галиции и ищут пути связей с украинцами России. По словам консула, упомянутое общество обладает значительными средствами³⁹.

Несколько позднее Новицкий сообщил директору Департамента полиции о намеченном на 10–12 апреля съезде комитета тайного общества «Молодая Украина» в Киеве. Собрание должно было проходить на квартирах Лысенко, Рьльского и Тимченко. Он же писал о новых контрабандных перевозках книг из-за границы и о том, что они направляются также в Лубны, Одессу, Чернигов. Новые сведения о деятельности «Молодой Украины» Новицкий сообщал в Департамент полиции и позднее, например в сентябре 1898 г. Все эти данные

³⁷ Там же, л. 7–8.

³⁸ Там же, л. 12–12 об.

³⁹ Там же, л. 30–30 об.

позволили составить специальную аналитическую записку, содержание которой сводилось к следующему.

С весны 1896 г. в Киеве существовало тайное общество под названием «Молодая Украина». Его цель заключалась в пропаганде социализма и политического украинского сепаратизма. Эта организация имела в различных городах отделения – громады, всего 22. Важнейшие из громад, кроме Киева, находились в Чернигове, Лубнах и Одессе. Всех их членов насчитывалось 438 человек, из которых в Киеве – 108. Каждый их член платил в год не менее 25 руб. Главное их правление – Рада – находилось в Киеве.

Далее подробно рассказывалось о годичных собраниях всех громад, проходивших в Киеве с 20 по 27 августа. В них приняли участие более 40 человек. 20 августа собрание проходило на Подоле у директора пивоваренного завода Михальчука, на нём председательствовал Русов из Чернигова, 22-го – у учителя музыки Лысенко, председателем был Шраг, также из Чернигова, 22-го – у доцента, доктора Черняховского, председательствовал Науменко, учитель 2-й гимназии в Киеве, 23-го – у Косачёвой, 25-го – у Лысенко-и 26-го – у Науменко. Во время собрания у Черняховского была избрана новая Рада. Лысенко стал её председателем, Науменко и Рыльский – редакторами, а Кононенко (Иванов) – бухгалтером и заведующим книжной лавкой при «Киевской старине». Тимченко занял должность казначея и библиотекаря тайной читальни запрещённых книг. Сообщалось также о финансовых средствах организации. Так, за год, кроме членских взносов в сумме 11 980 руб., поступило от адвоката Левицкого из Елизаветграда 7 500 руб., 1 тыс. руб. была передана Русовым от Черниговской губернской земской управы. Всего же за год, собрали более 23 тыс. руб.

В этой записке также сообщалось, что в июле Кононенко организовал из рабочих вокзальной мастерской украинскую артель, в правлении которой состояли Кононенко, Мерный и Черкасский. Обществу удалось напечатать в Австрии историю Украины – «Бесіди» и устроить перевозку книг, за которыми дважды ездил Михновский и один раз – Кононенко. Говорилось и о том, на какие цели направлялись денежные средства. В частности, 800 руб. было выделено на устройство тайной типографии в Чернигове, 600 руб. – на организацию перевозки книг из Австрии и т.д. В записке сообщались города, откуда прибыли делегаты на съезд (Чернигов, Одесса, Винница, Кишинёв, Житомир, Полтава, Елизаветград, Херсон, Петербург и др.), и фамилии его участников⁴⁰.

Кроме данной записки в деле имеется и ряд других материалов об украинском движении. Например, 16 августа 1898 г. начальник Киевского ГЖУ писал об украинофильской партии в Киеве, состоявшей под руководством громады, представителями которой являлись профессор Антонович, учитель музыки Лысенко, учитель гимназии Науменко, учитель коллегии Трегубов, директор завода Михальчук и др. Отмечалось, что «под влиянием этих лиц молодёжь действует в противоположительственном духе», что Трегубов через своего шурина И. Франко установил связи украинофильской партии с кружками лиц, «занимающихся изданием преступных сочинений в Львове». С этой целью С. Деген и Ф. Кистяковский с некоторыми молодыми людьми отправились за границу, намереваясь установить тайный провоз в Киев запрещённых изданий на деньги, выданные Науменко, которые Кистяковский передал эмигранту Драгоманову.

⁴⁰ Там же, л. 61–63.

В этом же донесении говорилось, что ещё в 1894 г. художник М.О. Микешин представил в Министерство внутренних дел для утверждения проект устава «Общества имени поэта Шевченко». По этому поводу был сделан запрос начальнику Киевского ГЖУ. Последний 17 марта 1894 г. уведомил, что, по имеющимся данным, мысль об организации данного общества принадлежала Драгоманову. В соответствии с его планом, общество должно было иметь два устава – официальный и тайный, «преследующий революционные цели». Оба устава составляла комиссия, в которую входили Науменко, Лысенко, Ковалевский и др. Официальный устав, обсуждённый на квартире Старицкого членами старой громады, куда входили в том числе Науменко, Михальчук, Лысенко и другие, был отправлен в Петербург⁴¹.

Несколько позднее, 5 сентября 1898 г. в Департамент полиции было послано и донесение начальника Черниговского ГЖУ, которому следовало проследить за приехавшими в Чернигов агентами И. Франко, имевшими целью переправку в город типографского станка. Но наблюдение не дало никаких результатов. При этом отмечалось: «Сплочённый кружок Русова и Гринченко продолжает существовать в Чернигове, в коем принимает особенно активное участие учительница и надзирательница Земского приюта Феодосия Шкуркина, известная в Чернигове как женщина с крайним направлением»⁴².

В другом донесении подобного плана от 15 сентября 1898 г., на сей раз посланном в Департамент полиции начальником Люблинского ГЖУ, сообщалось о студентах Ново-Александровского института В. Исаеве и К. Мацеевиче и Киевского университета Доманицком, которые привлекли внимание тем, что ходили по улицам в «простонародных малороссийских костюмах». Несмотря на произведённые два года назад аресты, малороссийское или полтавское землячество не прекратило своего существования, потому что два наиболее популярных и осведомлённых главаря – студенты Доманицкий и Рогозинский – не только не были арестованы, но даже не подверглись обыску, в их руках было сосредоточено управление делами малороссийского землячества – библиотека, касса, типография и т.д. Их библиотека, состоящая наполовину из запрещённых книг заграничного издания, размещалась между книгами профессора Антоновича, у которого эти студенты снимали комнату, поэтому её и не обнаружили при обыске в марте 1897 г. по поводу студенческих беспорядков, связанных с делом Ветровой. Центр пропаганды находится в предгорной местности Киева – в Слободке, в пределах Остерского уезда Черниговской губ.

Также подчеркивалось, что между населением распространялись различного рода брошюры и прокламации, напечатанные в собственной подпольной типографии землячества, местонахождение которой тщательно скрывалось. Говорилось о несомненной связи между малороссийским и киевским землячествами и галицийскими украинофилами⁴³. Украинские землячества существовали и в ряде городов России (например, в 1893 г. в Варшавском университете действовал кружок украинофилов⁴⁴). Вообще, в 1890-х гг. число подобного рода землячеств росло, среди них шла активная пропаганда в пользу украинского дела, распространялись украинские книги, листовки, прокламации. Они нередко переправлялись по почте, перехватывались чиновниками почтового ведомства и передавались жандармам.

⁴¹ Там же, л. 79–79 об.

⁴² Там же, л. 82–83.

⁴³ Там же, л. 84–85 об.

⁴⁴ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1893 г.), д. 1–6.

В декабре 1898 г. обращалось внимание на письма, направленные студенту И. Боговскому в Варшаву, И. Жигадло в Москву, Г. Коркушко в Александрию Люблинской губ., С. Коваленко и Н. Бундюку в Одессу с вложением программы на малороссийском языке⁴⁵. Эта программа, начинавшаяся словами «Мы, украинская молодёжь, стремящаяся к политическому самоуправлению», провозглашала разного рода свободы, политическую автономию Украины и, пожалуй, главное – «распространение пропаганды украинской идеи, как в интересах общественных, так и частных», и «исключительное употребление при сношении с народами местной национальной речи»⁴⁶.

Вообще, в то время распространялось несколько прокламаций подобного рода. Например, «Программа украинской национальной партии», имевшая довольно пространную историческую преамбулу, где доказывалась самобытность украинской нации, её отличие от великороссов и белорусов. Особенное внимание в ней уделялось украинскому языку, который должен стать господствующим повсюду в Украине: «Язык есть о дин из важнейших признаков и доказательств внутреннего подъёма национальности: язык есть орган духа». Высказывалось убеждение, что Украина скоро приобретёт свободу. Ставилась задача популяризации украинской идеи и содержался призыв к тому, чтобы постоянно возвышать свою нацию перед другими. Среди прочего там можно прочесть и установку на активное участие в организации «федеративного устройства в тех державах, в составе коих находится Украинская земля». В области социально-экономической ставилась задача установления равенства между мужиками и господами. Поскольку крестьяне среди украинцев составляют большинство, им следует уделять особое внимание. В программе провозглашалось конституционное устройство державы, с которой федеративно будет соединена Украина на основе всеобщего голосования, провозглашались свободы мнения, религии, слова, печати, просвещения и т.д.⁴⁷

В прокламации под названием «Объявление 1899 года» читаем следующее: «Публично заявлять каждый раз, что всякие невзгоды причиняются украинскому народу тем, что учение производится на языке русском». В ней содержится призыв к студентам наладить украинские издания, осуществлять переводы на украинский с русского и других языков, работать в легальных обществах. Среди прочих задач значилось: «Входить в сношения с передовыми демократическими национальными партиями недержавных наций»⁴⁸. В целом эти издания были сочинениями явно политического свойства. Поэтому нельзя вполне согласиться с С.А. Ефремовым, писавшим о преимущественно культурной деятельности активистов украинского движения 1890-х гг., которых он же называл всеукраинской организацией⁴⁹.

В рассматриваемом деле об украинофильских кружках в Киевской и Черниговской губерниях имеется и ряд других материалов, заслуживающих внимания. В них говорится о деятельности ряда видных деятелей украинской культуры и украинского национального движения. Наряду с одним из крупнейших украинских писателей М.М. Коцюбинским и выдающимся украинским композитором

⁴⁵ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 86.

⁴⁶ Там же, л; 89–89 об., 92 об.–93 об. (перевод на русский язык).

⁴⁷ Там же, л. 113–114 об.

⁴⁸ Там же, л. 121а, 137–137 об. (перевод на русский язык).

⁴⁹ Ефремов С. Указ. соч. С. 24–25.

Н.В. Лысенко там фигурируют В.Н. Доманицкий⁵⁰, В.М. Шемет, М.М. Грушевский, Б.Д. Гринченко, Б.А. Кистяковский, В.П. Науменко и другие видные деятели украинского движения, ставшие особенно известными в начале XX в.

В очередном своём донесении в Департамент полиции генерал В.Д. Новицкий 13 октября 1899 г. сообщал о сторонниках украинофильской партии главным образом в Киевской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях, «стремящихся во что бы то ни стало создать самостоятельную славянскую особь из малоруссов и выделиться из одного целого – русского народа». Он отмечал их издания, «наполненные не только тенденциозными статьями, но и преступно-политическими против России, частью на малороссийском языке, искажённом полонизмами, частью на галицийско-украинском, мало понятном даже для малороссиян и, наконец, за последнее время на “украинско-русском” языке»⁵¹. Новицкий обратил внимание на проходивший в Киеве 11-й археологический съезд, в частности на прибывшую туда делегацию из Галиции, члены которой распространяли галицийскую литературу на украинском языке, а также упомянутую «Программу украинской национальной партии».

В этом же деле имеется ряд перехваченных писем деятелей украинского движения, которые расширяют представление о нём. В одном из таких писем, посланном 17 ноября 1899 г. Д.В. Антоновичем студенту Киевского университета А.М. Rogozинскому, сообщалось о желании составить и выпустить ещё одну программу, напечатать за границей и перевезти элементарные брошюры революционного содержания, осуществить переводы с других языков и подготовить их к печати. Он писал о необходимости издать украинскую подпольную литературу и «наводнить ею край». В письме также говорилось о желании привезти на съезд напечатанную старую программу и рукопись новой, а также две первые книги, изданные новой Харьковской украинской революционной партией и прочие издания, в том числе книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом Антонович сообщал о том, что Украинское общество (более 20 человек) устроило в Харькове «Союзный совет», который уже начал действовать. Он подчеркнул, что в обществах не все революционеры, и подобные отделения следует заводить и при других обществах с большой автономией⁵².

Естественно, что такое письмо не могло не заинтересовать директора Департамента полиции, который приказал его задержать и передать копии в Харьков и Киев. Письмо действительно содержит ряд интересных сведений, прежде всего, о РУП. С. Ефремов вспоминал, что «первой по времени партийной организацией на украинской почве была Революционная украинская партия (Р.У.П.), возникшая приблизительно около 1900 г.»⁵³. В современной литературе как дата основания этой партии фигурирует 11 февраля 1900 г. (3-й съезд украинских студенческих громад в Харькове)⁵⁴. Видимо, об этом съезде и пишет Антонович, который действительно сыграл большую роль в организации РУП. Но в письме Антоновича от 17 ноября 1899 г. о РУП говорится как

⁵⁰ Чистому сердцем. Памяті Василя Доманицького. Біографія, спомини, похорон. Київ, 1912.

⁵¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 110–110 об.

⁵² Там же, л. 115–115 об.

⁵³ Ефремов С. Указ. соч. С. 30.

⁵⁴ Чмырь С. Революционная украинская партия // Политические партии России... С. 505.

уже о действующей партии, по-видимому, речь шла об её организационном ядре⁵⁵.

Под влиянием этого письма были отданы соответствующие распоряжения начальникам киевского и харьковского жандармских управлений о сборе материалов об этой партии. В ответ из Киева 3 декабря поступило донесение генерала Новицкого директору Департамента полиции о том, что приняты меры к выяснению состава «Киевской революционной украинской партии» и установлению времени и места предстоящего съезда. При этом генерал подчёркивал: «Студенты Дмитрий Антонович и Александр Рогозинский, а также и другие лица из учащейся молодежи, принадлежащие к этой партии, несомненно, действуют под влиянием и руководством местных, известных “украинофилов”, преследующих известные политические цели внесением фактической ненависти к России, русскому народу и русской образованности и ведением пропаганды сепаратистских идей»⁵⁶. Однако никаких точных сведений об этой партии и месте проведения съезда жандармским властям тогда ещё известно не было. Съезд состоялся, как уже отмечалось, в феврале 1900 г.

В этом деле имеется информация об очередном съезде всеукраинской организации в Одессе. О нём подробно информировал директора Департамента полиции начальник Одесского ГЖУ 18 августа 1900 г., приводя фамилии участников съезда и места, откуда они прибыли. О составе этого съезда поступили сведения и несколько позднее⁵⁷. Известно, что Всеукраинская организация являлась нелегальным федеративным союзом украинских громад. Она была создана летом 1897 г. членами старой громады В.Б. Антоновичем и А.Я. Конисским. Численность её по разным данным колебалась от 150 до 450 человек, из них 100 являлись киевлянами. Таким образом, сведения о численности «Молодой Украины», которые приводятся в рассматриваемом архивном деле, близки к этим данным, особенно по Киеву. Всего же в ВУО входило 20 громад – в Киеве, Одессе, Чернигове, Полтаве, Екатеринославе, Херсоне, Екатеринодаре, Виннице, Житомире, Елизаветграде, Севастополе, Петербурге, Москве и др. Вошло в неё и «Братство тарасовцев», возникшее как нелегальная молодёжная организация ещё в 1891 г.⁵⁸

Эта организация была создана в Харькове студентами И.Л. Лыпой, М.М. Базькевичем, Н.Г. Байздренко и служащим В.Г. Боровиком. Постепенно привлекая новых сторонников, в том же Харькове они создали кружок «Молодая громада», который отказался от преемственности со старым украинофильством, объявив его изжившим себя. Кружок был раскрыт полицией в 1893 г., все его 24 члена и сочувствующие привлечены к суду. Но идея получила отклик в определённых кругах украинского общества. В Киеве возник тарасовский кружок, в который вошли В.Г. Боровик, Е.К. Тимченко, В.И. Самойленко, братья А.Г. и Е.Г. Черняховские, М.С. Кононенко, братья Н.И., Г.И., И.И. Михновские, – всего 16 человек. Затем такие кружки появились в Полтаве, Одессе, Чернигове, Екатеринославе, Лубнах, Бессарабии. Тарасовцев поддерживали М.М. Коцюбинский и его супруга. Поимённо установлены 49 членов организации, общее же их число достигло 100 человек⁵⁹.

⁵⁵ Программа РУП была опубликована в 1903 г. См.: Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Сборник документов. Вып. 1. М., 1996. С. 8–12.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 123.

⁵⁷ Там же, л. 143–143 об.

⁵⁸ *Чмырь С.* Всеукраинская организация // Политические партии России... С. 139; *она же.* Гринченко Б.Д. // Там же. С. 164.

⁵⁹ *Михушина И.В.* Указ. соч. С. 63–64.

В Киеве в 1896 г. выделилась и группа украинских социал-демократов, в которую вошли И.М. Стешенко, П.Л. Тучапский (Лукашевич), М.М. Коцюбинский, Леся Украинка (Л.П. Косач) и др. Среди деятелей украинского движения заметно некоторое размежевание и выделение тех, кого можно отнести к категории экстремистов. К ним, например, относился Н.И. Михневский, призывавший к борьбе «кровавой и беспощадной» за Украину от Карпат до Кавказа и выступавший против москалей и русской культуры⁶⁰. Известно также малороссийское землячество в Петербурге, не отличавшееся какой-либо особой активностью⁶¹, а также украинофильский кружок-студентов Варшавского университета, распространявших галицийскую «Правду», которая, по мнению властей, имела «весьма вредное противоправительственное направление»⁶².

Таким образом, 1890-е гг. отличались несомненным подъёмом украинского национального движения. Вместе с тем в нём участвовали лишь несколько сотен человек, и говорить о широком национальном потоке, конечно, не приходится. В этой связи нельзя не вспомнить слова активного участника народного движения украинского поэта П.А. Грабовского: «Украина была не чем иным, как только лозунгом, под обликом которого господствовавшие слои грели себе руки. Сказать, что украинский шляхтич, иерарх или казак идут к той же самой цели, что и посполитый, что все они были проникнуты одними мыслями и стремлениями, одинаково боролись за украинскую идею, – значит тешить себя и читателей сказками, закрывать глаза на события действительной жизни, затыкать уши на голос науки и разума»⁶³. В конце XIX в. ещё было так, но украинское движение шло по нарастающей, что стало особенно заметно уже в начале следующего XX столетия.

Развивалось и армянское национальное движение. В 1890 г. поступили сведения об активной деятельности Р. Ханазадова, проживавшего в Тифлисе и собиравшего деньги в пользу своих турецких соплеменников, которые готовили восстание против османского правительства, и принимавшего участие в распространении заграничного армянского революционного издания «Гнчак» («Колокол», «Звон»)⁶⁴. Летом 1897 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант, князь Г. Голицын усмотрел в деятельности четырёх армянских благотворительных обществ политическую подоплёку и предложил их закрыть. Однако министр внутренних дел И.Л. Горемыкин эту инициативу не поддержал⁶⁵. А 5 февраля 1898 г. начальник Тифлисского ГЖУ полковник Дебиль подчёркивал: «Из населяющих Тифлисскую и Елисаветпольскую губернии народностей в течение минувшего 1897 г. потребовала особого внимания Тифлисского губернского жандармского управления почти исключительно армянская народность»⁶⁶. Далее он сообщал о возбуждённом ещё в 1896 г. дознании о пяти армянах, обвинённых в преступлении, предусмотренном ст. 250 Уложения о наказаниях. Их виновность в принадлежности к тайному армянскому обществу была вполне доказана в процессе обысков, приведших к обнаружению революционных газет и бумаг. При этом Дебиль

⁶⁰ Там же. С. 66; Первая революция в России... С. 113.

⁶¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, т. 2, л. 1–28; ф. 102, 3 дел., оп. 88 (1890 г.), д. 221, л. 1–48.

⁶² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1893 г.), д. 510, л. 1–5.

⁶³ Цит. по: История Украинской ССР. Т. 4. С. 508–509.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 255, д. 28 (1895 г.), л. 32–35 об.

⁶⁵ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 95 (1897 г.), д. 1001, л. 4–9 об., 25, 141.

⁶⁶ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 62.

напомнил о другом деле, оконченном в 1896 г., об С. Агамирове, Р. Ханазадове и других армянах – русских подданных, обвинённых в принадлежности к тайному революционному обществу «Гнчак» и составивших в Тифлисе местный комитет этого общества. Отмечалось, что силы его ещё далеко не исчерпаны, и с ним приходится считаться, тем более что оно направлено и против России.

В этом же донесении давались краткие данные об обществе «Гнчак». По сведению жандармских властей, оно было основано до 1890 г. в Афинах под руководством персидского подданного Назарбекова, ставшего редактором газеты с тем же названием. В 1891 г. в ней была обнародована программа общества, главной целью которого объявлялось освобождение турецких армян, получение их независимости и политической свободы. Следующая цель – добиться «всеобщего освобождения армянства также из деспотического яра русского и персидского, и из этих трёх частей основать союзную, демагогическую (sic! – *В.Г.*) республику, которая откроет дорогу всему армянству к будущим отдалённым целям: к идеальному общественному формированию, к социальному миру, к которому должно стремиться всё человечество»⁶⁷.

Чётко формулировались и средства достижения этих целей: пропаганда идеи сообщества среди армян, образование тайных революционных кружков в местах проживания армян и вооружённое восстание. Автор донесения рассматривал это общество как серьёзную организацию, поскольку в него входили влиятельные лица, в частности архимандрит Леон (Хаджаян), и имелись большие средства, собранные в разных городах Кавказа, в Ростове-на-Дону и Закаспийской обл., что позволило посылать эмиссаров, вести пропаганду, организацию и вооружение отрядов. Для сбора пожертвований члены общества не остановились даже перед убийством нескольких армянских купцов.

По тем же данным, в 1893 г. центр общества «Гнчак» переместился в Лондон, куда Назарбеков перевёз и свою газету. Он наладил контакт с армянами – русскими подданными, учившимися в высших учебных заведениях за границей. Вернувшись в Россию, они стали там представителями центра. Параллельно велась вербовка и на Кавказе, где уже в 1895 г. существовали комитеты этого общества в Елисаветполе, Шуше, Александрополе, Карсе, Батуме, Ахалцихе, Баку и предпринимались меры для создания таких же комитетов в Боржоме, Екатеринодаре и Владикавказе. Особый центр существовал в Тифлисе⁶⁸.

В этом же деле содержатся сведения и о революционном «Обществе армянистов», ратовавшем за самостоятельное армянское государство. Первоначальным центром его был г. Ван, а главным организатором – учитель местной школы Партугальян. После закрытия школы, ставшей очагом армянского движения, Партугальян переехал в Марсель, где наладил издание газеты «Арменист». В Ване остались его последователи, выработавшие свою программу. Это общество, или, как его также называют, партия, имело свои комитеты в Ване, Салмасте (в Персии), Тифлисе, Эчмиадзине и других городах. Оно ставило задачу освобождения армян Турции путём оказания сопротивления турецкому правительству и состояло почти исключительно из турецких армян. Общество вошло в контакт с другими армянскими партиями – «Дрошак» («Знамя») и «Гнчак» и проводило усиленную агитацию в Ване, вооружая своих сторонников. Результатом стала устроенная курдами и турецкой армией резня армян

⁶⁷ Там же, л. 62 об.

⁶⁸ Об обществе «Гнчак» и его программе см. также: ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1896 г.), д. 29, л. 73–75.

в 1896 г., повлёкшая за собой бегство тысяч армян из Турции в Россию, где также стало действовать «Общество арменистов», имевшее в качестве своего печатного органа ту же газету «Арменист»⁶⁹.

В рассматриваемом донесении сообщается ещё об одной армянской организации – «Крыв» («Бой», «Борьба»), о которой писалось в «Еженедельных записках» Департамента полиции ещё в декабре 1895 г. Тогда отмечалось, что наряду с подпольными армянскими листками «Гнчак», «Дрошак»⁷⁰ и другими. на Кавказе появилось и получило широкое распространение новое издание под названием «Крыв», призванное служить органом «Армянской рабочей революционной ассоциации», именующей себя «Ассоциацией армянских социалистов». Это общество террористической направленности поставило задачу широкой пропаганды среди армянского населения идеи восстановления и развития в народе социально-революционного духа. В газете «Крыв» в статье «Открытые письма другу» отмечалось: «Наш враг – это древний мир с своим общественным устройством. Наши братья – рабочие всех стран и народов, которые эксплуатируются этим устройством. Наша родина – это возрастающий союз рабочих-социалистов. Наша религия – это ожидаемое царство истины и труда»⁷¹.

Это армянское общество было близко к русским революционерам и имело связь с московскими армянами⁷², имело оно связи и «Гнчаком» – правление «Ассоциации» почти в полном составе переехало в турецкую Армению⁷³. В донесении полковника Дебиля говорилось об аресте в июне 1897 г. И. Балубекова, у которого было обнаружено воззвание к армянам о денежных пожертвованиях ему как члену армянского революционного сообщества «Крыв» с пометой места выдачи возвания (Марсель) и временем (1897 г.). До этого он входил в общество «Гнчак», затем поссорился с гнчакистами и в 1897 г., возвратившись в Россию, сделал попытку основать новое армянское революционное общество «Крыв». Для сбора средств сам написал найденное при нём свидетельство, которое удостоверяло его принадлежность к этому обществу⁷⁴.

К указанным армянским революционным обществам полковник Дебиль добавил также «Дрошак», которое назвал самым крайним с чисто анархистской программой. При этом он отметил стремление всех армянских обществ к объединению своих сил. Он также писал, что среди армян, как переехавших в Россию из Турции, так и местных, «идёт сильное брожение, охватившее не только армянскую интеллигентную молодёжь и низшие слои населения городов и местечек этой народности, но также и те элементы её, которые по своему выдающемуся положению в торговом мире и своим серьёзным торговым занятиям, казалось бы, должны были быть вполне поглощены ими». К этому движению примкнуло также и духовенство⁷⁵.

В фонде Департамента полиции имеются и многие другие материалы об армянском движении конца XIX в., не только в России, где оно усилилось по-

⁶⁹ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 64–66.

⁷⁰ О переправке «Дрошака» из Персии см.: там же, ф. 102, 3 дел., оп. 92 (1894 г.), д. 823, л. 6–6 об.

⁷¹ Там же, оп. 255 (1895 г.), д. 28, л. 180 об.

⁷² Там же, оп. 93 (1895 г.), д. 563, л. 1–10.

⁷³ Там же, оп. 255, д. 28 (1895 г.), л. 182.

⁷⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 66–66 об.

⁷⁵ Там же, л. 67.

сле закрытия армянских церковных школ⁷⁶, но и в Турции, Иране, Болгарии, Румынии⁷⁷ и других странах. В частности, отмечалось, что ещё в 1892 г. состоялось общее собрание членов армянского революционного союза. В 1894 г. в венской «Свободной типографии» оно издало свою программу, где прежде всего ставилась задача борьбы против османского правительства. Издавалась там и газета «Дрошак», которая, как известно, являлась главным органом ещё одной армянской организации, затем партии – «Дашнакцутюн» («Союз»). Дрошакистами назывались дашнаки. О «Дрошаке» в сентябре 1896 г. поступили сведения от российского посланника в Швейцарии, а о раздорах между гнчакистами и дрошакистами в Женеве, потребовавших создания третейского суда, писал чиновник особых поручений Департамента полиции П.И. Рачковский⁷⁸.

Позднее, в феврале 1903 г., в Департамент полиции поступили сведения о том, что почти во всех крупных городах Закавказья имеются отделения или подкомиссии обоих заграничных армянских революционных центров – дашнакистов или дрошакистов и гнчакистов. Такие подкомиссии отмечены в Баку, Тифлисе, Шуше, Караклисе, Александрополе и Карсе. Две последние считались наиболее сильными и влиятельными⁷⁹.

И о «Гнчаке», и о «Дашнакцутюне» имеется обширная литература, в том числе и на русском языке, которая дополняет, а порой и корректирует сведения Департамента полиции. «Гнчак», который с 1903 г. стал называться армянской социал-демократической партией, был образован в Женеве группой выходцев из российской Армении в 1887 г. Его программа неоднократно изменялась, причём первый вариант был составлен ещё в 1887 г., а окончательный выработан в 1897 г. в Лондоне. Исследователи усматривают в них влияние и «Народной воли», и группы «Освобождение труда»⁸⁰.

Партия «Дашнакцутюн» была основана в 1890 г. в Тифлисе и уже тогда объединяла ряд революционных кружков армян, созданных ещё в 1880-х гг. Как и «Гнчак», «Дашнакцутюн» выпускал ряд печатных изданий в разных странах. В 1890 г. была выработана и на 1-м учредительном собрании в 1892 г. в Женеве принята его программа. На 2-м собрании или съезде, состоявшемся в 1898 г., был принят устав, на основе которого затем строились партийные структуры. Дашнаки имели довольно разветвлённую боевую организацию и занимались насильственным изъятием денег у состоятельных армян России вплоть до казни некоторых из них⁸¹.

1890-е гг. отмечены и некоторым оживлением национальных настроений в Грузии. Интересно, что в мае 1893 г. в Харькове и Варшаве подверглись аресту

⁷⁶ Там же, лит. Б, л. 104; О прокламациях по поводу закрытия армянских школ в Тифлисе в 1885 г. см.: там же, ф. 102, оп. 255 (1885 г.), д. 8, л. 181 об.–183 об.

⁷⁷ Об аресте армянских революционных деятелей в Галаце (Румынии), ратовавших за восстановление армянского государства, см.: там же, ф. 102, оп. 255 (1895 г.), д. 27, л. 7 об.–8 об.; Об армянах Турции и их связях с Россией см.: там же, ф. 102, 3 дел., оп. 93 (1895 г.), д. 1130, л. 2–43.

⁷⁸ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. А, л. 27–27 об.

⁷⁹ Там же, лит. Б, л. 40.

⁸⁰ *Кривеньский В.* «Гнчак» // Политические партии России... С. 154–155; *Галоян Г.А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900–1922. Ереван, 1969. С. 4–7; Программы «Гнчак» и «Дашнакцутюн» см.: Программные документы национальных политических партий... С. 53–56, 156–157.

⁸¹ *Кривеньский В.* Дашнакцутюн // Политические партии России... С. 177–178; *Киракосян Н.Б.* Создание и деятельность партии «Дашнакцутюн» (1890–1907 гг.) // История национальных политических партий в России. С. 169–181.

несколько студентов, обвинённых в перевозке из-за границы революционных изданий. В Варшаве в числе других были задержаны студенты Ветеринарного института Мирианов, Махарадзе и Микадзе, у которых обнаружили сундук с книгами, тайно привезённый из-за границы. У них же изъяли переписку и различные документы на грузинском языке, один из них представлял собой программу сообщества под названием «Лига свободы Грузии», другой – устав этой Лиги. Из содержания документов вытекало намерение её членов бороться за освобождение Грузии от русского владычества и восстановление её в прежнем виде. Понимая собственную малочисленность, они признавали необходимость объединения сил не только с кавказскими народностями, но и сближения с русскими революционными деятелями⁸².

Изучение Устава организации свидетельствовало о её делении на секции из десяти человек, каждая из этих секций выбирала своего представителя в «Центральный комитет», который и ведал делами Лиги. По Уставу предусматривалась жестокая кара предателям вплоть до смертной казни. По свидетельству одного из арестованных – Микадзе, проекты этих документов были составлены в январе 1893 г. студентами-грузинами Варшавского университета и Ветеринарного института Меликовым, Шепселием, Дебадаровым и Махарадзе. После этого имели место сходки восьми студентов-грузин, находившихся в Варшаве, на которых эти документы были доработаны, и участники сходок решили начать исполнение программы по возвращении на родину. Пока же ограничились ознакомлением с этой программой всех прибывавших в Варшаву студентов-грузин с целью привлечения их к деятельности Лиги⁸³. Имела ли хоть какой-то отзвук деятельность Лиги в Грузии, выявить не удалось. Но в том же 1893 г. были отмечены беспорядки среди учащихся Тифлисской духовной семинарии⁸⁴.

Через несколько лет, в 1898 г., в Россию тайно прибыл видный деятель анархистского движения В.А. Черкезов, грузин по национальности. По возвращении за границу он отметил, что «в Грузии, будто бы, начинает проявляться противоправительственное движение, вызываемое нарушением условий договора, по коему означенная страна была присоединена к империи». Последние реформы российского правительства в крае, отмечал Черкезов, нарушили вековые традиции грузин и продемонстрировали намерение окончательно присоединить их к русской культуре. Грузинские националисты снабдили Черкезова материалами для брошюры и прокламаций, в которых должно быть изображено современное положение Грузии, предоставили ему денежные средства для публикации этих изданий и распространения их на Кавказе. После этого Черкезов опубликовал в 42-м номере издаваемых в Лондоне Фондом вольной русской прессы «Летучих листков» статью «Письма о Грузии»⁸⁵. Номер этот вышел в марте 1898 г. А несколько позднее, в 1902 г., итальянский посол в России Морра де Лавриано передал российским властям 4-й номер выходившего на французском языке «Официального бюллетеня Национального комитета грузинских сепаратистов»⁸⁶.

Конец XIX в. отмечен заметным оживлением национальных движений и в Прибалтике. В материалах Департамента полиции можно прочитать следую-

⁸² ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1893 г.), д. 24, л. 33–34.

⁸³ Там же, л. 34 об., 49–49 об.

⁸⁴ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1891 г.), д. 1271, л. 8.

⁸⁵ Там же, ф. 102, оп. 255 (1898 г.), д. 30, л. 134–134 об.

⁸⁶ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. Б, л. 21.

щее: «Приблизительно в 1893 г. среди образованных литовцев началось сильное брожение против русского правительства, угнетающего якобы литовский народ, которое затем перешло в чисто революционную пропаганду, получившую широкое развитие»⁸⁷.

Ситуация в Литве во многом напоминала то, что происходило на Украине. Толчком к оживлению национальных чувств стало ущемление литовского языка и литовских печатных изданий латинским шрифтом. Позднее, в 1902 г., когда было заведено специальное дело о литовском национальном движении, ставшем одной из частей уже упоминавшегося большого дела о национальных движениях, имеющих характер политический, на одно из жандармских донесений была наложена резолюция предположительно директора Департамента полиции: «Вполне согласен, тем более что национальный вопрос в Литве обострился только благодаря запрещению ихней азбуки. Мне известно (пока это не подлежит оглашению), что азбука им будет разрешена»⁸⁸.

Но эта резолюция последовала потом, а в 1890-х гг. оживление среди литовцев стало постоянной величиной. Среди них было много эмигрантов, наладивших за рубежом издание литовской литературы, в том числе и периодической печати. Ещё в 1882 г. товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново дошёл до сведения Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора то, что в Германии существуют общества, поставившие себе целью распространение враждебных российскому правительству «идей в Литовских провинциях империи путём издания, преимущественно в Кёнигсберге, жмудско-литовских сочинений, отличающихся антирусским направлением»⁸⁹.

Даже в далёких США литовским эмигрантам удалось наладить издание ряда своих газет на литовском языке. В 1897 г. их было восемь. В переводе на русский они носили следующие названия: «Единство литовцев», «Литва», «Голос», «Рабочий», «Отчизна», «Меч», «Утро», «Солнце». Там же в 1887 г. возник «Сейм» Союза американских литовцев. Известно о существовании и Парижского литовского общества⁹⁰. В Лондоне литовцы перевели на свой язык и издали книгу В. Либкнехта «Во имя правды», а в Глазго устроили литовский приход на 800 прихожан. Особую роль играли литовские издания в Восточной Пруссии. В Тильзите в 1890-х гг. выходили: «Хозяин», «Колокол» и «Страж Отчизны». Некоторое время публиковалось и «Обозрение»⁹¹. В 1883–1886 гг. там же выходил журнал «Заря»⁹².

Из приверженцев «Зари» выделились две политические группы: одна имела своим органом «Vargas» («Колокол»⁹³), другая – журнал «Apzvalga». Из первой образовалась Литовская социал-демократическая партия, учредительный съезд которой состоялся в Вильне в мае 1896 г. Её программа предусматривала создание самостоятельного демократического государства, состоящего из

⁸⁷ Там же, д. 14, ч. 4, л. 72.

⁸⁸ Там же, д. 11, ч. 5, л. 1.

⁸⁹ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 78 (1882 г.), д. 368, л. 1; О переправке литовских изданий из-за границы см.: там же, оп. 91 (1893 г.), д. 504, л. 1–6.

⁹⁰ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 5, л. 40 об.

⁹¹ Там же, д. 14, ч. 4, л. 181.

⁹² *Залевский К.* Национальные партии в России // *Общественное движение в России в начале XX века.* Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 284.

⁹³ О «Vargas», издающемся в Тильзите на литовском языке, см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 123.

Литвы, Польши, Украины и других, образованных на федеративных началах. Одновременно с этой партией возник и «Рабочий союз Литвы»⁹⁴.

В июне 1902 г. помощник начальника Виленского ГЖУ ротмистр Терентьев представил своему руководству специальную записку о литовском движении. По его данным в Вильно существовала «Литовская партия» (называвшаяся также Литовской национальной партией), обязанная своим возникновением и организацией врачу А. Домашевичу (Домашавичюсу), ксёндзу И. Амброжевичу и др. Первое время, с 1894 по 1898 г., когда партия находилась под влиянием и руководством А. Домашевича, она называлась Литовской социал-демократической и её программа была соответствующей. Но с арестом Домашевича и других его соратников Литовская социал-демократическая партия во главе с И. Амброжевичем, братьями Вилейшисами, Ноневичем и Малиновским, выбросив из названия партии слова «Социал-демократическая», «стала преследовать главным образом национально-сепаратистские цели, интересуясь задачами революционных групп только отчасти»⁹⁵.

В этой партии усилилась антирусская и антипольская направленность, а её Литовский комитет поставил соответствующие задачи для укрепления национального чувства. Как отмечал один из членов этой партии Ф.В. Петрусевич, «литовское движение имеет направление национальное, противоправительственное, долженствующее создать отдельное государство Литву»⁹⁶. В 1890-х гг. полиция обратила внимание ещё на одну литовскую организацию, которая называлась в переводе с литовского «Плеяда» или «Созвездие Плеяды», а также Литовская народная партия. Созданная в 1894 г., она была обнаружена в г. Мариамполе Сувалякской губ., её членами состояли Ф. Витковский, Кочергис, Чеснос и др. В партию входило шесть кружков. Они сотрудничали в литовских газетах, издававшихся за границей, распространяли их в Литве. Известны также кружки литовских студентов в Петербурге и Москве, а также листовки, которые распространялись в 1890-х гг. среди литовского населения. В одной из таких листовок под названием «Братья-литовцы», выпущенной в мае 1897 г., выражается недовольство запрещением издавать литовскую литературу, категорически не принимаются русские буквы и содержится призыв не читать и не распространять литовские книги русской печати⁹⁷. На первый взгляд листовка содержала требования в области культуры, но в ней имелся также и заметный политический подтекст. Уже в 1895 г. начальник Ковенского ГЖУ, характеризующий литовское движение, подчёркивал, что оно «имеет весьма серьёзное антиправительственное направление, принимающее из года в год всё более широкие размеры»⁹⁸. 1899 г. была подготовлена обширная записка «Исторический очерк литовского революционного движения в России, составленный на основании сведений, имеющихся в делах Департамента полиции»⁹⁹.

В Латвии ещё в 1868 г. появилось Рижское латышское общество – первая национальная организация латышей, а с 1893 г. можно говорить о движении

---

⁹⁴ Постников Н. Литовская социал-демократическая партия // Политические партии России... С. 318; *он же*. Рабочий союз Литвы // Там же. С. 497; *он же*. Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий в России. С. 181–183; Видмантас Э.Ю. Социал-демократическая печать и рабочее движение в Литве в 1895–1907 гг. Вильнюс, 1977.

⁹⁵ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 5, л. 4 об.

⁹⁶ Там же, л. 7.

⁹⁷ Там же, д. 14, ч. 4, л. 70–73 об., 53–154.

⁹⁸ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 93 (1895 г.), д. 1158, л. 1.

⁹⁹ Там же, л. 117–133.

под названием «Яуна страва» («Новое течение»), главным печатным органом которого стала газета «Диенас лапа», издававшаяся с 1886 г. под редакцией П. Стучку и Я. Райниса. Это движение вело борьбу с национализмом, но в 1897 г. большинство его участников были арестованны. В августе 1899 г. латышские социал-демократические кружки объединились в Рижскую социал-демократическую организацию. В 1900 г. возник Латышский социал-демократический союз¹⁰⁰. Как и многие другие народности, латыши имели свои зарубежные кружки и организации. В Еженедельных записках Департамента полиции за 1899 г. имеется следующее свидетельство: «В одной из предыдущих записок было доложено о систематическом распространении в Курляндской губернии революционных воззваний от имени Латышского социал-демократического общества в Бостоне. Подобные же прокламации вновь обнаружены в октябре месяце в Гробин-Газенпотском уезде той же губернии, где они оказались прибитыми к дверям некоторых промышленных заведений и частных домов»¹⁰¹.

В Латвии социал-демократы имели довольно сильные позиции, но, естественно, они не могли быть отрешены от задач национального и религиозного характера. В этом регионе, где сосуществовали лютеранство, католичество и православие, отнюдь не всё было спокойно и в области взаимоотношений между разными конфессиями. Например, в январе 1883 г. произошли столкновения католиков и лютеран в м. Заросле Иллукстского уезда Курляндской губ.: произошла драка между крестьянами лютеранского и римско-католического вероисповеданий, причём лютеранин Бергман застрелил из револьвера католика Матеша. Порядок восстановили лишь жандармы¹⁰².

Были заметны противоречия между латышами и немцами и по вопросу назначения пасторов¹⁰³.

Религиозные мотивы можно проследить и по источникам, отражающим положение в Эстонии. Кстати, в официальных материалах «пробуждение национального самосознания среди латышей и эстов» приписывалось последствиям реформ 1880-х гг. в Прибалтийском регионе¹⁰⁴. В 1882 г. возникло движение в пользу перехода эстонцев в православие в надежде получить большие земельные наделы¹⁰⁵. В 1883 г. оно продолжалось¹⁰⁶. В этой связи тогда же распространялись листовки на эстонском языке¹⁰⁷.

Ещё в 1869 г. Дерпте был проведён первый всеэстонский певческий праздник, ставший регулярным и оказавший большое влияние на формирование эстонского национального самосознания. Власти усмотрели политическую подоплёку в деятельности Нарвского общества трезвости. Вызвало подозрение у них и Общество грамотных эстонцев¹⁰⁸. В то же время можно говорить о зарождении эстонского национального движения, которое первоначально было

¹⁰⁰ Залевский К. Указ. соч. С. 271; Постников Н. Латышская социал- демократическая рабочая партия // Политические партии России... С. 303; *он же*. Латышский социал-демократический союз // Там же. С. 305.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 33.

¹⁰² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 255 (1883 г.), д. 4, л. 20 об.–21.

¹⁰³ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1880, л. 9–9 об., 3–19.

¹⁰⁴ Там же, л. 13.

¹⁰⁵ Там же, л. 180–181, 187–189 об.

¹⁰⁶ Там же, оп. 79 (1883 г.), д. 173, ч. 5, л. 3–3 об., 29; ф. 103, оп. 255, (1883 г.), д. 4, л. 171 об.–174; ф. 102, оп. 255 (1884 г.), д. 7, л. 102.

¹⁰⁷ Там же, ф. 102, оп. 255 (1883 г.), д. 5, л. 244–245.

¹⁰⁸ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 770, л. 22 об., 114.

направлено против привилегированного положения немецкого дворянства. В 1872–1892 гг. функционировало эстонское общество литераторов, основателем которого стал К.Р. Якобсон, ещё в 1860-х гг. известный своей общественно-политической и литературной деятельностью. В эстонском национальном движении выделяют два направления: буржуазно-демократическое (К.Р. Якобсон, М. Веске, И. Келер) и буржуазно-клерикальное (Я. Хурт, И.В. Яннсен). В 1890-х гг. действовали «Эстонская свободомыслящая прогрессивная партия» и «Демократическая партия». С 1896 г. начала выходить газета «Почтальон», издаваемая в будущем видным эстонским общественным и политическим деятелем Я.Я. Тыниссоном, в начале XX в. лидером Эстонской народной партии прогресса. В 1890-х гг. в Эстонии началось распространение марксизма, возникли первые марксистские кружки¹⁰⁹. Требования деятелей эстонского национального движения во многом походили на соответствующие программы других прибалтийских общественных движений. Прежде всего они включали лозунги простора для развития эстонского языка и эстонской литературы, но в них можно проследить и политические устремления, вплоть до отделения Эстонии от России. Во всяком случае уже в 1892 г. в Департаменте полиции было заведено специальное дело, где отмечалось среди эстонцев и противоположительственное движение¹¹⁰.

В Департаменте полиции имеется множество материалов о еврейском движении 1890-х гг. В упоминавшемся большом деле под названием «Национальные движения, имеющие характер политический», несколько частей или томов посвящены сионистам. 1890-е гг. стали временем зарождения сионистского движения, сразу же принявшего международный характер. В мае 1900 г. в Департаменте полиции была составлена специальная записка о сионистском движении среди еврейского населения России, где оно связывалось с пробудившимся в начале 1880-х гг. в среде различных наций антисемитским течением, выразившимся также и в еврейских погромах. Это повлекло за собой стремление к объединению еврейского народа и возрождение идеи создания собственного государства в Израиле. Ранее видный американский банкир барон Гирш приобрёл земли в США для переселения евреев, но это предприятие вызвало только разочарование. Поэтому было решено отправить евреев на историческую родину – в Палестину, где стали организовываться еврейские земледельческие колонии.

В разных регионах России создавались «палестинские» кружки с центральными комитетами в Москве и Одессе. Ввиду противоречий между партией «американцев» и «палестинцев» московский комитет вскоре прекратил свою деятельность. Одесский комитет продолжил сбор средств для переселенцев. Кроме того, в Одессе было организовано особое общество «Езра» с целью развития национального движения и стимулирования переселения евреев в Палестину. Подобные кружки функционировали в Вильно, Минске, Россиенах Ковенской губ. и других местах. Распространению идеи переселения в Палестину способствовала деятельность Т. Герцля – редактора одной из венских газет, издавшего в 1895 г. брошюру «Еврейское государство». Далее последовали созывы сионистских конгрессов, первый из которых состоялся в августе 1897 г. в Базеле. В них активно участвовали российские евреи.

¹⁰⁹ Залевский К. Указ. соч. С. 281–283; Кривеньский В. Тыниссон Я.Я. // Политические партии России... С. 629; Постников Н. Эстонская народная партия прогресса // Там же. С. 715; Граф М.Э. Политические партии в Эстонии. Тарту, 1975.

¹¹⁰ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 770.

Вскоре после Базельского конгресса Я.М. Бернштейн-Коган, в будущем видный еврейский общественный деятель, организовал сионистское общество с десятью кружками в Кишинёве, число членов которого в первые же месяцы существования достигло 800 человек. Бернштейн-Коган стал играть роль посредника между сионистскими кружками в России и венским центром. Подобные кружки, где велась работа по самообразованию, изучению древнееврейского языка, еврейской истории и культивированию еврейского национализма, создавались в Москве, Петербурге, Киеве, Гомеле, Сувалках, Одессе, Минске и других городах и местечках. В ноябре 1898 г. в Одессе существовало более 40 сионистских кружков. Главными пунктами распространения подобных организаций считались Киев, Кишинёв, Одесса и Харьков.

Проводились денежные сборы, так называемые шекельные пожертвования. В Смоленске в кружок сионистов входили 150 шекеледателей. В Орле действовал кружок из 125 человек, во главе которого стоял Я.А. Слоним. Число шекеледателей постоянно возрастало: во время второго сионистского конгресса их было 80 тыс., а во время третьего – 104 тыс. человек. Большинство из них происходили из русских евреев. Как подчёркивал директор Департамента полиции С.Э. Зволянский, на запросы некоторых местных властей и жандармских управлений о линии поведения по отношению к пропаганде сионизма «Департамент рекомендовал ограничиться пока наблюдением, впредь до получения дальнейших указаний, в зависимости от предстоящего рассмотрения общего вопроса о сионизме»¹¹¹.

Таким образом, поначалу российское правительство заняло выжидательную позицию по отношению к сионистским инициативам. Более того, начальник Одесского жандармского управления в декабре 1897 г. даже писал, что сионистское движение, будучи исключительно национально-еврейским, «в политическом отношении серьезной опасности не представляет»¹¹². Но еврейский вопрос обострялся. Он касался проблем акциза, затронул евреев-земледельцев¹¹³ и др. С одной стороны, заметный рост еврейского населения в России, превысившего по переписи 1897 г. 5 млн человек, и особая ситуация, в которой находились евреи в стране, где существовала черта их оседлости, вели к заметному их оскудению, увеличению процента еврейской бедноты. В 1891 г. был издан особый закон о выселении из Москвы и Московской губ. евреев-ремесленников. Введение винной монополии лишило средств к существованию 30 тыс. еврейских семейств¹¹⁴. Только в Одессе, где жило значительное число евреев (по переписи 1897 г. – 124 тыс.), пауперы составляли третью часть¹¹⁵. С другой стороны, выделялась богатая прослойка торговцев, арендаторов, финансистов, противоречия которых с другими нациями существенно обострялись.

В скором времени количество сионистских кружков достигло 786¹¹⁶, а в мае 1900 г. – 2 тыс.¹¹⁷ Причём Устав одесского комитета был утверждён правительством¹¹⁸. На четвёртый конгресс сионистов, который состоялся в Лондоне, из 500 делегатов 250 приехали из России. Прошли внутривосточные съезды

¹¹¹ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 2, л. 20–56.

¹¹² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 94 (1896 г.), д. 1185, л. 40.

¹¹³ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1580, л. 1–3; оп. 97 (1899 г.), д. 570, л. 33–33 об., 57–58.

¹¹⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 2, л. 9 об.

¹¹⁵ Там же, л. 10.

¹¹⁶ Там же, л. 18.

¹¹⁷ Там же, лит. А, л. 33 об.

¹¹⁸ Там же, л. 34.

сионистов – съезд сионистов Кавказа¹¹⁹, районный сионистский съезд в Каменец-Подольске¹²⁰. Однако доля евреев, выезжающих в Палестину, оставалась незначительной и отношение к сионизму стало меняться. В нём увидели инструмент консолидации евреев. В печати появились статьи против сионизма. Так, в газете «Свет» за 21 января 1903 г. проводилась мысль, что сионизм является опасностью для всех народов и с ним нужно бороться. 28 августа 1902 г. газета «Новое время» писала: «Сионисты сейчас стремятся к иному. Они хотят поддержать в евреях их национальность, которая будто бы исчезает». Поменяло своё отношение к сионизму и российское правительство. Циркуляром министра внутренних дел В.К. Плеве от июня 1903 г. сионизм был окончательно запрещён¹²¹. Однако к тому времени в целом еврейское национальное движение заметно оживилось, причём не все его участники склонялись к сионизму, часть из них выступали его противниками.

Ещё в начале 1890-х гг. началось формирование кружков еврейских марксистов, получивших вскоре название Бунд, учредительный съезд которого состоялся в сентябре 1897 г. в Вильно. В 1890-х гг. выделились также сторонники видного еврейского историка С.М. Дубнова, выступившего со своим манифестом под названием «Письма о старом и новом еврействе». Дубнов выступил против ортодоксального иудаизма и сионизма, хотя сотрудничал и с бундовцами, и сионистами. Несколько позднее он стал лидером Еврейской народной партии¹²². В 1890-х гг. известны и другие еврейские организации¹²³.

В неоднократно цитировавшемся мною деле о национальных движениях есть сведения и о мусульманском движении. Власти, естественно, не могли не обратить внимание на настроения среди мусульманского населения страны, которое насчитывало тогда примерно 14 млн человек. Одним из источников возбуждения дела стала деятельность крымского татарина И. Гаспринского, некогда учившегося в Одесской гимназии, побывавшего в Париже, где он познакомился с младотурками, а затем с 1883 г. издававшего в Симферополе газету «Тарджуман» («Переводчик») на татарском и русском языках. Но, самое главное, он стал автором новой грамматики татарского языка, где применил значительно более простой, чем прежний, метод обучения. Это вызвало противодействие традиционалистов, интересы которых были значительно задеты. Началась борьба двух методик. В противовес Гаспринскому в начале 1899 г. в Казани увидело свет сочинение муллы Г. Мухиддинова «Стальные пики против нового метода». И, как отмечается в специальной записке князя Шаховского «Новые течения в татарской печати», помеченной 22 ноября 1900 г., «полемика между представителями двух направлений в татарской школе сразу сильно обострилась и, вместе с тем, стала принимать национальный, общественный и культурный характер»¹²⁴.

Это движение не могло не обратить на себя внимания властей, тем более что в мае 1898 г. произошло Андиганское восстание в Средней Азии, связанное с усилением панисламистской пропаганды и подавленное вооружённой силой¹²⁵. В конце века в страну стали проникать не только панисламистские, но и пантюркистские идеи, явно настрожившие центральную власть. Отмечалось

¹¹⁹ Там же, л. 321.

¹²⁰ Там же, лит. Б, л. 18–20.

¹²¹ Там же, лит. Б, пр. 3, л. 4.

¹²² Познански Р. Дубнов С.М. // Политические партии России... С. 195.

¹²³ ГА РФ, ф; 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 446.

¹²⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 3, л. 6.

¹²⁵ Гафуров Б. Об Андиганском «восстании» в 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2.

более частое посещение мусульманскими священникам Стамбула, но на запрос МВД министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, ссылаясь на посла России в Турции И.А. Зиновьева, не подтвердил связь младотурецкого движения с внутривосточным движением мусульман¹²⁶. Самоорганизация мусульман России стала более заметной уже в самом начале XX в., когда 8 марта 1906 г. был составлен «Устав Всероссийского мусульманского союза», и начали собираться мусульманские съезды¹²⁷.

Обращаясь к регионам, где было заметное национальное движение, нашедшее отражение в делах Департамента полиции в виде специально заведённых по этому поводу архивных дел¹²⁸, не следует терять из виду и те окраины Российской империи, по которым таких отдельных дел не заводилось. Это, конечно, свидетельствовало об отсутствии там в самом конце XIX в. сколь-нибудь значительных национальных движений, но отнюдь не означало, что там не было никаких национальных проблем. Для примера рассмотрим такую окраинную губернию, как Бессарабия. А. Болдур подчёркивал: «Не известно никакого молдавского политического национального объединения, подобного тому, что было на Украине. Действительно, молдавское общество в Бессарабии не находилось в движении». При этом он назвал несколько имён представителей боярства, которые в связи с польским восстанием 1863 г. мечтали о восстановлении молдавской нации и о последующем её объединении с Молдовой. Он приводил и настроения другого рода, упомянув со ссылкой на П. Михайловича (Паул Михаил) брошюру некоего И. Чиореску «Голос румын Бессарабии», отпечатанную в Кишинёве в 1864 г., где говорится о благодеяниях русского режима и обвиняется румынское правительство в преследовании Церкви и тайной поддержке польских повстанцев¹²⁹. В межвоенный период на румынском языке вышло несколько работ, где сообщалось о национальных чаяниях молдаван Бессарабии, но не давалось информации о конкретном национальном движении в конце XIX в. в рамках этого региона¹³⁰.

В послевоенный период первым к истории национального движения в Бессарабии обратился И.Г. Будак¹³¹. Он довольно подробно рассказал о народнических кружках в губернии в 1870–1880-х гг., а одну из глав своей монографии назвал «Национальное движение в Бессарабии». Автор отмечает, что в 1883 г. группа молдавских дворян предложила произносить в дворянском и земском собрании речи и на молдавском языке, на что не получила разрешения властей. Далее он пишет, что при земских выборах в Бессарабии ещё в 1876 г. выделились две «партии». Одну из них, «партию» молодых молдаван-прогрессистов, возглавил председатель губернской земской управы П.В. Дическу, а другую – товарищ председателя Кишинёвского окружного суда по гражданскому отделению Ф.Ф. Крупенский. Вторая партия одержала победу, но обе они продолжили свою деятельность в среде бессарабского дворянства.

¹²⁶ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 3, л. 65–65 об.

¹²⁷ Там же, л. 175, 177–178 об.

¹²⁸ В связи с Критским восстанием 1890-х гг. в России отмечалась активизация российских греков, проживавших на юге страны (Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 95 (1897 г.), д. 325, л. 10–36).

¹²⁹ *Boldur A. V. Contribuții la studiul Istoriei Românilor. Istoria Basarabiei. Vol. 3. Sub dominațiunea rusească (1812–1918)*. Chișinău, 1940. P. 183.

¹³⁰ *Boga L. T. Lupta pentru limba românească și ideea Unirii la România din Basarabia după 1812. Chișinău, 1932; Ciobanu Ș. Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă. Chișinău, 1923; idem. Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Chișinău, 1933.*

¹³¹ *Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинёв, 1959.*

Привёл И.Г. Будак и выдержку из политического отчёта Бессарабского губернского жандармского управления за 1885 г., где отмечалось: «Что касается до местной интеллигенции, принадлежащей по рождению к молдавской национальности, то приходится отметить характерную черту, резко выдающую каждого молдаванина-интеллигента – лелеемые каждым из них мечты об отделении Бессарабии от России и присоединении оной к Румынскому королевству, внутренними порядками которого они зачастую вслух восторгаются. К этому считаю долгом добавить, что описанные мечты до настоящего времени пока ещё не выражались ни в открытой в этом смысле пропаганде, ни в другом каком-либо революционном движении»¹³². Будак упомянул также о кружке в Кишинёвской семинарии, явно национальной направленности, и о землячестве студентов-бессарабцев в Юрьевском (Дерптском) университете, интересовавшихся национальными проблемами и румынскими издательствами.

Работа Будака была самой крупной по данной проблематике из опубликованных в советское время. Правда, в вышедший через пять лет сборник о крестьянском и общественно-политическом движениях в Бессарабии он не поместил документы, имеющие отношение к национальному вопросу¹³³. Из исследований советского периода, имевших прямое отношение к молдавскому национальному движению, следует отметить солидную статью С.Г. Исакова о юрьевском землячестве бессарабцев¹³⁴. Среди современных изданий следует отметить книги Г. Негру и Ю. Фрунташу, опубликованные в Кишинёве¹³⁵. Г. Негру поместил в приложениях ряд документов, многие из которых были упомянуты, но не опубликованы И.Г. Будаком. Однако о конце XIX в. никакой новой информации в этих книгах нет.

В целом, во второй половине XIX в. в Бессарабии наиболее заметные проявления национального вопроса можно усматривать в связи с делами Кассо–Котруца, А. Хашдеу и избранием нескольких бессарабцев в румынское культурное общество, будущую Румынскую академию. Все они получили отражение в материалах III отделения за 1860-е гг. Среди бессарабского дворянства отмечено два основных направления, одно из которых называлось молдавским блоком. Но кроме разговоров и дискуссий во время дворянских и земских выборов никаких действий оно не предпринимало. Время от времени возникал вопрос об использовании молдавского языка в образовании, богослужении и делопроизводстве. Другие проблемы национального характера прослеживаются значительно слабее.

Я заново изучил ежегодные отчёты бессарабских жандармских властей, причём не только по губерниям, но и по отдельным уездам. Приведу фрагмент отчёта помощника начальника Бессарабского ГЖУ за декабрь 1883 г. по Хотинскому и Сорокскому уездам: «Низший класс населения положительно предан правительству... в высшем же классе населения... и в особенности между молдаванами проявляются личности, которые, хотя открыто и не высказываются из боязни, но тем не менее... есть недовольные». В отчёте помощника начальника Бессарабского ГЖУ по Ясскому и Оргеевскому уездам за 1 января 1884 г. говорится: «Постоянные мои наблюдения за настроениями умов среди

¹³² Там же. С. 380.

¹³³ См.: Положение крестьян и общественно-политическое движение в Бессарабии (1861–1895 годы). Документы и материалы. Кишинёв, 1964.

¹³⁴ Исаков С.Г. Бессарабские студенты в Тарту и их участие в местном революционном движении // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 340. Вопросы истории Эстонской ССР. Т. 8. Тарту, 1974. С. 117–156.

¹³⁵ Negru Gh. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000; Fruntașu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002. Chișinău, 2002.

крестьянского и вообще рабочего населения обоих уездов дали полное основание вынести твёрдое убеждение в полной их покорности и преданности государю императору и правительству Его Величества. Того же, к сожалению, нельзя сказать о местной интеллигенции, принадлежащей по национальности к местным молдаванам-помещикам. Добрая половина этих последних положительно ненавидит всё русское, в тайне ругают русские порядки перед нашими. Считаю, впрочем, долгом оговориться, что явных агитаций в этом отношении мною замечено не было»¹³⁶.

Через несколько лет в отчёте за январь 1888 г. по Хотинскому и Сорокскому уездам отмечалось, что ситуация там в целом спокойная, но при этом подчёркивалось, что «интеллигентный класс означенных уездов обращает на себя внимание и мало заслуживает доверия правительства, ибо класс этот, состоя преимущественно из молдаван, греков, армян и поляков, более сочувственно относится к соседним государствам: Австрии, Румынии и Молдавии (sic! – В.Г.), нежели [к] России; сочувствие это выражается даже в мелочах; незначительное число землевладельцев, по происхождению русских, настолько слилось с природным местным населением, что не может отделить от него своих интересов и также сочувственно относится к России»¹³⁷.

В общегубернском годовом отчёте, составленном в марте 1889 г., говорилось, что сельское население «в политическом отношении находится в состоянии полной апатии», при этом отмечалась политическая неблагонадёжность предводителя дворянства Бельцкого уезда Н.С. Кассо, владельца 18 тыс. десятин земли¹³⁸, который «систематически выживает в подведомственных ему учреждениях русский элемент, заменяя русских чиновников молдаванами». Кассо признавался вредной личностью ещё в 1863 г.¹³⁹ О подобной его деятельности писалось и в следующих жандармских отчётах, составленных в марте 1890 г.¹⁴⁰ и в 1894 г.¹⁴¹ Кстати, в этом последнем отчёте подчёркивалось: «Никакой национальной вражды между народностями, населяющими Бессарабию, вообще не заметно»¹⁴². На Н. Кассо и его брата Аристида, отца будущего российского министра Л.А. Кассо, обращалось внимание и в дальнейшем¹⁴³. Таким образом, в источниках отмечались моменты настроенческого характера¹⁴⁴, а также отдельные личности с националистическими тенденциями, но ни о каком национальном молдавском движении в конце века речи не шло.

В целом, 1890-е гг. вошли в историю России как время заметного подъёма национальных движений в разных регионах страны. Тогда были выработаны их программы, выдвинулись лидеры, началось сотрудничество между различными движениями подобного рода, хотя и в зачаточной форме. Это, конечно, вызвало обеспокоенность центральных властей, которые не смогли выработать необходимого противоядия, полагаясь традиционно на методы силового противодействия. 1890-е гг. можно рассматривать как первый этап национально-освободительного движения в России. Второй этап последовал после революции 1905 г., третий – в 1917 г.

¹³⁶ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 80 (1884 г.), д. 88, ч. 21, л. 13–13 об., 20–20 об.

¹³⁷ Там же, оп. 84 (1884 г.), д. 89, ч. 50, л. 17–17 об.

¹³⁸ Национальный архив Республики Молдова (далее – ANRM), ф. 297, оп. 1, д. 15.

¹³⁹ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 87 (1889 г.), д. 43, ч. 26, л. 3, 8–9.

¹⁴⁰ Там же, оп. 88 (1890 г.), д. 47, ч. 19, л. 4 об.–5.

¹⁴¹ Там же, оп. 92 (1894 г.), д. 152, ч. 46, л. 6.

¹⁴² Там же, л. 2.

¹⁴³ *Negru Gh.* Op. cit. P. 144.

¹⁴⁴ О настроениях в Бессарабии в 1882–1884 гг. см.: ANRM, ф. 297, оп. 1, д. 15, л. 1–156.

«Наши чёрные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX – начале XX в.

Александр Полунов

**«Our black coreligionists»:
the idea of religious kinship of Russia and Ethiopia
in the late nineteenth and early twentieth centuries**
Alexandr Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Одним из наиболее необычных и внезапно выдвинувшихся в фокус общественного внимания направлений внешней политики России с середины 1880-х гг. было стремление установить контакты с Абиссинией¹. Страницы прессы, массовых изданий для народа и заметок первых русских путешественников полнились ссылками на близость русских и абиссинцев по вере, «почерпнутой из одного источника», на «сильное тяготение» абиссинцев «к православной России», на необходимость оказать помощь «единоверному нам маленькому народу» в борьбе против внешних врагов и даже на то, что «долговременный перерыв в отношениях абиссинцев с православной Церковью... не помешал им сохранить православие», а их богослужение совершается вполне «согласно с чином православной Церкви»².

При этом специалисты практически сразу указали на ошибочность представлений о «единоверии» абиссинцев и русских. В 1888 г. профессор Петербургской духовной академии В.В. Болотов, знаток древних восточных языков и истории Церкви, в статье о религии абиссинцев отметил, что, исповедуя монофизитский вариант христианства, осуждённый ещё на IV (Халкидонском) Вселенском соборе в 451 г., они вполне серьёзно и сознательно относятся к своей вере, а потому никак не могут считаться близкими к православию³. Однако статья Болотова, замеченная на Западе⁴, почти не оказала влияния на русское

© 2015 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00183.

¹ Современное название – Эфиопия. В статье используется название «Абиссиния», более распространённое в конце XIX в.

² Наши чёрные единоверцы / Сост. В. Бучинский, В. Балахнов. СПб., 1900. С. 3; *Пуцькович Ф.Ф.* Абиссинцы. Чтение для народа. Изд. 5. СПб., 1910. С. 16; *Ефрем (Цветаев), архим.* Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 67, 70; *Фёдоров В.* [Машков В.Ф.] Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб., 1889. С. 19.

³ *Болотов В.В.* Несколько слов из церковной истории Эфиопии: к вопросу о соединении абиссин с православной Церковью // Христианское чтение. 1888. № 3–4. С. 467–469.

⁴ Итальянцы, стремившиеся в это время подчинить Абиссинию своему колониальному господству и выступавшие против контактов этой страны с Россией, широко распространяли (в

общественное мнение, в котором по-прежнему преобладала убежденность в духовном родстве России с «чёрными единоверцами».

Самое удивительное, что официальные власти, призванные, казалось бы, руководствоваться в своих действиях трезвым расчётом и опираться на строго проверенные данные, разделяли – видимо, вполне искренно – популярное мнение о единоверии России и Абиссинии. Так, консул в Иерусалиме Д.Н. Бухаров, обосновывая в 1888 г. в письме к послу в Константинополе А.И. Нелидову необходимость оказать покровительство местной общине абиссинцев, утверждал, что это послужит «упрочению искренних, по-видимому, к нам симпатий единоверного народа, коими нет причины пренебрегать». Сам Нелидов в 1889 г. писал министру иностранных дел Н.К. Гирсу, что Россия не должна признавать вмешательство европейских держав «в наши сношения с единоверной нам и ищущей непосредственных связей с нами Абиссинией». Морское ведомство, в свою очередь, считало в 1896 г. необходимым помочь Абиссинии обзавестись портом на Красном море в том числе и потому, что это поможет стране «войти в прямые и непосредственные сношения с единоверным русским народом». Об «общности религии» двух стран говорилось и в инструкции, составленной в МИД для П.М. Власова, направленного в 1897 г. в Абиссинию в качестве первого официального представителя России. Наконец, сам Николай II, в дипломатической переписке обращался к негусу (императору) Абиссинии как к «главе и повелителю единоверного народа», ссылаясь в беседе с абиссинским посланцем на историю сношений России с «православной Абиссинией» и заявлял, что «дружба и любовь, построенные на единстве христианской веры, есть прочный залог для сближения»⁵.

В ряде случаев дипломаты, крайне далёкие, казалось бы, по характеру своей службы от богословских вопросов, пускались в пространные историко-догматические рассуждения, призванные доказать тяготение к России «чёрных единоверцев». Это приводило даже к конфликтам с духовным ведомством, казалось бы заинтересованном в распространении православия за пределами России. Так, когда в 1898 г. двое юношей-абиссинцев, направленных в Петербург на учёбу, перешли в православие (покинув, таким образом, Абиссинскую церковь), тот же Власов выразил протест, настаивая на том, что если мысль о единоверии двух стран и не верна, всё же «не нам следовало [бы] разочаровывать в ней эфиопов и... лишать их этих, допустим, хотя бы и иллюзий». В то же время в своём письме он упорно пытался доказать, что, несмотря на догматические различия, вера абиссинцев объективно близка к православию. Разочаровывать богословствующего дипломата пришлось непосредственно К.П. Победоносцеву, разъяснившему, что Св. Синод смотрит на абиссинцев «как на монофизитов по вероисповеданию» и «не делает никакого различия между ними и прочими монофизитами». Российская Церковь, напоминая обер-прокурор, «ничем не давала повода думать, что она абиссин считает христианами не инославными, а православными»⁶.

перевод) статью Болотова среди абиссинцев, стремясь доказать, что между африканскими христианами и русскими нет никаких религиозных связей (*Хренков А.В.* Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 135).

⁵ Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в.; Сборник документов. М., 1998. С. 105, 124, 212, 246, 249, 426.

⁶ Российско-эфиопские отношения... С. 311–316, 317–319.

В чём же заключалась причина прочности и широкого распространения стереотипа о единоверии русских и абиссинцев? Каково было его происхождение и значение в духовной, идеологической и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX в.? Какую роль духовно-идеологические (в том числе религиозные) мотивы играли во внешней политике Российской империи, насколько велика была тогда степень её идеологизации и как соотносились прагматические и идеалистические соображения при определении внешнеполитического курса?

Говоря о предпосылках формирования представлений о «чёрных единоверцах», нужно учесть, что они широко распространились в середине 1880-х гг. – в период тяжёлого кризиса как внешней политики России, так и обособившей её в предыдущие десятилетия идеологии. Вскоре после Берлинского конгресса стало ясно, что славянские народы, поддержке которых уделялось большое внимание в 1860–1870-х гг., оказались «неблагодарными младшими братьями». Обретя или закрепив с помощью России независимость, молодые балканские государства не только не образовали некое «славянское» или «православное» братство, но, напротив, немедленно погрузились в пучину междоусобных раздоров и приступили к принудительной ассимиляции иноэтничного населения на своей территории, безоговорочно следуя идее собственного «великодержавия». Случавшиеся при этом провалы и поражения от соседей часто списывались на «неправильную политику» России. Русофилы, ранее достаточно влиятельные в Сербии и Болгарии, начали подвергаться преследованиям⁷.

Ориентация балканских элит на страны Запада и их желание ввести в своих странах западные политические порядки породили в русском обществе (прежде всего в его консервативных кругах) острое чувство разочарования. «Россия является для австрийских и турецких славян не целью их стремлений, как мы себе иногда воображаем, а лишь средством к их европеизации... – вынужден был признать В.А. Гринмут. – Ценят они нас лишь до тех пор, пока они находятся в беде... Но лишь только они из этой беды выходят, они забывают даже о нашем существовании»⁸. Становилось ясно, что близость к русским по языку и крови, о чём столько говорилось в 1860–1870-х гг., не обеспечила основу для складывания новой, специфически славянской культуры и альтернативного Западу общественного уклада. Всё шире распространялась мысль о том, что лингвистические и этнографические факторы сами по себе не могут служить ориентирами для внешней политики. Теперь требовалось найти новых «младших братьев» – таких, которые напоминали бы по своему положению прежних (страдали, переживали угнетение и нуждались в помощи), но отличались от них в лучшую сторону своими моральными качествами. Важно было также, чтобы с ними ощущалась некая духовная связь. Тут Абиссиния и обратила на себя внимание публицистов и дипломатов.

Любопытно, что очень важную роль в возбуждении общественного интереса к абиссинцам в 1880-х гг. сыграли люди, ранее в той или иной мере являвшиеся активистами «славянского дела». Так, в МИД едва ли не первым вопросом о необходимости сближения с Абиссинией поставил в 1885 г. генеральный кон-

⁷ Айранетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 362–369, 377–390.

⁸ *Spectator* [Гринмут В.А.]. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7. С. 374, 379.

сул в Каире М.А. Хитрово, известный своими славянофильскими взглядами⁹. Его поддержал и близкий ему по духу посол в Константинополе А.И. Нелидов. И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, К.П. Победоносцев, члены Петербургского славянского благотворительного общества В.И. Аристов, А.А. Киреев, В.И. Ламанский и его председатель (с 1888 г.) гр. Н.П. Игнатъев – все в той или иной степени способствовали установлению контактов России с Абиссинией в 1880-х гг.

В донесениях дипломатов, в сочинениях публицистов славянофильского круга, в массовых изданиях абиссинцы изображались как идеальные «младшие братья», наделённые всеми достоинствами прежних «братьев», но лишённые их недостатков. Считалось, что несмотря на длительную изоляцию от окружающего мира (а, возможно, и благодаря ей) древний абиссинский народ сохранил патриархальную чистоту и простоту нравов, утраченную другими, прежде всего западными обществами. В незамысловатости образа жизни абиссинцев усматривали не доказательство их «примитивности» и «дикости», а лишь внешнюю оболочку, скрывающую сокровища древней культуры, к которой «чёрные христиане» первоначально принадлежали. Абиссиния, утверждал известный консервативный публицист М.П. Соловьёв, является «последним звеном античного мира, не затронутым и не перерождённым ни варварскими, ни мусульманскими нашествиями. Народ, живущий в ней, тот же, цари которого сносились с фараонами, Соломоном, Птолемеями, римлянами и византийцами»¹⁰.

Чернокожие христиане, казалось, были открыты, прямодушны, честны и преисполнены чувства собственного достоинства, отличавшего их, по мнению большинства русских авторов, от типичных обитателей Востока, наделённых «рабской» психологией. По словам полковника Л.К. Артамонова, сопровождавшего первую официальную русскую миссию в Абиссинию в 1897 г., от обстановки императорского дворца в Аддис-Абебе во время приёма веяло «чем-то очень древним, классическим, византийским». «Это уверенный в себе и полный чувства собственного достоинства государь, окружённый толпой вассалов и феодалов», «но не деспот вроде среднеазиатского хана, снимающий головы с придворных по первой прихоти», писал полковник о негусе 18–20 февраля 1898 г. герцогу Г.Г. Мекленбург-Стрелицкому¹¹. В бою абиссинцы могли проявлять жестокость (объяснимую обстоятельствами их тяжёлой истории), но в то же время были способны на благородство и великодушие к поверженному врагу. Так, в ходе столкновений с итальянцами чернокожие христиане представали «рыцарями и джентльменами», тогда как их «цивилизованные» противники «напоминали собой дикую, варварскую толпу, которая кроме бездушия, варварства и позорной трусости, ничего не проявляла»¹².

Находясь под ударами многочисленных врагов (как мусульман, так и европейских колонизаторов), абиссинцы нуждались в дружеской поддержке, но не как беспомощные жертвы обстоятельств. Они заслужили эту помощь именно потому, что сами, будучи отважными воинами, веками защищали родину с оружием в руках. «Надо удивляться, – писал побывавший в Абиссинии в 1889 и 1891–1892 гг. поручик В.Ф. Машков, – что при таких ужасных условиях, в

⁹ См., в частности, записку, поданную Хитрово в МИД в 1885 г.: Российско-эфиопские отношения... С. 75–78.

¹⁰ Соловьёв М.П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. № 4. С. 797.

¹¹ ГА РФ, ф. 694, оп. 1, д. 613, л. 10–10 об.

¹² Ефрем (Цветаяев), архим. Указ. соч. С. 100.

какие была поставлена небольшая, бедная и слабая духовным развитием страна, она не только отстояла свою независимость, но и сохранила чистой свою веру, обычаи, язык и национальность»¹³. Другому путешественнику, Н.С. Леонтьеву, Абиссиния напоминала Черногорию, также населённую «рыцарским и отважным» народом¹⁴. Уподобление «чёрных единоверцев» лучшим из славян, безусловно, усиливало симпатии к ним в среде читающей публики и позволяло вписать сведения о них в систему устоявшихся представлений об окружающем мире. К тому же события, происходившие в Абиссинии в конце XIX – начале XX в. удивительно напоминали о прошлом России.

Любой русский путешественник, попадавший на рубеже веков в страну «чёрных христиан», без труда опознавал в её традиционном укладе явления, известные из рассказов об истории Руси, а в её современном развитии – приметы модернизации, схожей с той, которую в конце XVII – начале XVIII в. осуществил Пётр I. Поведение и политика негуса Менелика II, вступившего на престол в 1889 г., буквально до деталей напоминали действия царя-преобразователя и вызывали особое восхищение у русских современников. С его воцарением, писал журналист Ю. Елец, «повсюду начались постройки, сооружения, проведение новых путей сообщения, убранство каналов и плотин, для чего выписаны были европейцы-архитекторы и инженеры». В то же время, отмечал Елец (и это было важно для тех, кто всерьёз интересовался Абиссинией в России), африканский монарх достаточно критически относился к европейской культуре как таковой «и желал всегда брать лишь те стороны цивилизации, которые согласовывались с духом и характером его народа»¹⁵. Безусловно, это лишь усиливало энтузиазм русских авторов и порождало стремление помочь абиссинцам пройти по тому пути, который некогда преодолела Россия.

«Мягкий» вариант модернизации, не затрагивающий основы культурного своеобразия и традиционного общественного строя страны, должен был, по мысли россиян, сохранить исконное благочестие Абиссинии и её проникнутый церковностью бытовой уклад – всё то, благодаря чему, как уверял один из духовных публицистов, жизнь абиссинцев в конце XIX в. напоминала «по своему характеру жизнь и нравы наших благочестивых предков в допетровский период нашей истории»¹⁶. Консервативно и религиозно настроенные авторы не без зависти рисовали величественную (правда, во многом вымышленную ими) картину африканской страны-монастыря, правители которой ведут полумонашеский образ жизни, покровительствуют церкви и смиренно выслушивают поучения иноков, где строго соблюдаются все церковные обряды, главными центрами образования и культуры являются монашеские обители, духовные лица, подобно Пересвету и Осляби, ведут войска в бой, люди «проникнуты покаянным чувством», а для народа «нет других интересов, кроме религиозных»¹⁷.

¹³ Фёдоров В. Указ. соч.. С. 28.

¹⁴ Это сравнение приводилось в докладной записке, поданной Н.С. Леонтьевым начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву 4 июля 1895 г. (Российско-эфиопские отношения... С. 178). Абиссинию также сопоставляли с Грузией – маленькой горной христианской страной, долго отстаивавшей свою независимость от мусульман (Соловьёв М.П. Указ. соч. № 8. С. 741).

¹⁵ Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией: По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 56–58.

¹⁶ Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 1. С. 119.

¹⁷ Долганев Е.Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8. С. 251 (вторая пагинация); 1896. № 1. С. 116 (вторая пагинация).

«Страна чёрных христиан», по мнению её русских приверженцев конца XIX в., не просто напоминала Россию в прошлом, но и осознанно тяготела к своей «старшей сестре», относясь к ней совсем не так, как к другим европейским государствам. «Мы ничего не просим и не ожидаем от России, – заявил, по словам участника экспедиции в Абиссинию 1895 г. один из абиссинских вельмож – рас Маконен (Мэконнын), – но единственное желание всех нас, чтобы она относилась к нам с симпатией, верила в дружбу единоверного ей народа... В Россию мы верим, потому что она дала жизнь многим христианским народам и никого никогда не обманывала»¹⁸. Подобные высказывания, обильно рассеянные по российской дипломатической переписке, дневникам и воспоминаниям путешественников и т.п., подразумевали, что Россия просто не могла остаться равнодушной, слыша обращённые к ней мольбы. «Сильные и просвещённые страны Европы, – писал священник Иоанн Вуколов, имея в виду, конечно, в первую очередь Россию, – должны во имя Христова спасти малую Абиссинию, сильную древнеотеческой верой и любовью к родине... Европейские христиане должны прийти к абиссинцам только во имя Христа, без всяких задних и своекорыстных видов»¹⁹. Постепенно всё более чётко вырисовывался образ «чёрных христиан» как новых «младших братьев», ожидающих от России бескорыстной помощи и самопожертвования, являющегося будто бы её долгом как великой державы²⁰. Не хватало, пожалуй, только обоснования представлений о духовном родстве, единоверии «младшего брата».

Между тем о религиозной близости россиян и абиссинцев ещё в 1840–1860-х гг. рассуждал известный церковно-общественный деятель, глава русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский), ставший впоследствии епископом. Мечтая о глобальном церковно-каноническом переустройстве всего православного Востока, он надеялся присоединить к православию так называемые древневосточные (дохалкидонские) церкви, включая и Абиссинскую. В целом, его масштабные вселенско-теократические планы имели мало общего с вопросами, обсуждавшимися в 1880-х гг., однако сформулированные им аргументы использовались в богословских и общественно-политических дискуссиях вплоть до начала XX в. По мнению Порфирия, для понимания религиозности «чёрных христиан» нужно учитывать не столько детали догматики и теологические тонкости, доступные лишь незначительной части духовенства, сколько проявления веры в обыденной жизни – её выражение в молитвах, обрядах, соблюдении постов и праздников, почитании икон и святых. А здесь, по его наблюдениям, различий между русскими и африканскими христианами было немного: «Народ в простоте веры слушает апостольскую обедню и во время этой обедни славословит Бога, благодарит Его, предаёт себя

¹⁸ *Ефрем (Цветаев), архим.* Указ. соч. С. 72.

¹⁹ *Вуколов И., свящ.* Указ. соч. С. 96.

²⁰ Подобный взгляд был весьма распространён в русских текстах об Абиссинии. «Россия, историческими судьбами поставленная во главе восточного христианства и нравственно ответственная за судьбу каждого его отдельного члена, согласно своим вековым традициям едва ли может оставаться спокойной зрительницей [того], как политически и духовно тяготеющая к нам страна... потеряет свою самостоятельность», – писал В.Ф. Машков в записке, направленной в 1890 г. в Главный штаб (Российско-эфиопские отношения... С. 138–139). А поручик А.К. Булатович на пути в Абиссинию в 1899 г. объяснял майору Ж.-Б. Маршану (известному благодаря эпизоду в Фашоде), что основой российской политики в африканской стране является «выражение традиционного сочувствия наших государей и России к слабейшим угнетённым христианам» (*Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии.* М., 1987. С. 37).

и весь живот свой Христу Богу». «В богослужении и обрядах их видно чистое православие, как в абиссинских озёрах видно чистое небо», – заявлял архимандрит²¹.

Порфирий исходил из того, что влияние монофизитства, если и затронуло абиссинцев, то господствовало преимущественно в верхах клира и олицетворялось митрополитом (абуней), традиционно назначаемым Александрийской коптской патриархией. Однако к середине XIX в. нравственные качества митрополитов и сама практика их назначения из-за рубежа вызывали у абиссинцев всё большее недовольство. Русской Церкви с её терпимым отношением к национальным особенностям разных религиозных общин следовало только помочь «чёрным единоверцам» освободиться от канонической власти иноземцев. «Мы не будем вмешиваться, – утверждал архимандрит, – во внутреннее управление Абиссинской церкви, как вмешивался двор римский, зная, что она всегда управлялась сама собой по правилам апостольским и соборным». Но «с радостью дадим им то, что имеем сами, т.е. независимую иерархию, туземно-народное просвещение, изящные искусства»²².

В 1851 г. Порфирий как глава Иерусалимской миссии выразил желание лично посетить Абиссинию, дабы способствовать укреплению её религиозных связей с Россией. Он обдумывал возможность введения в Абиссинии новых церковно-канонических порядков – в частности, посвящения епископов не коптским патриархом, а Св. Синодом. Спустя 10 лет аналогичную поездку пытался предпринять и преемник Порфирия на посту главы Иерусалимской духовной миссии епископ Кирилл (Наумов), также считавший, что абиссинцы желают выйти из-под власти коптов и ожидавший найти в Абиссинии «значительные остатки древлеправославной обрядности»²³. Однако ни та, ни другая поездка не были санкционированы МИД.

Российские дипломаты в 1840–1870-х гг. предельно осторожно, если не безразлично, относились к контактам с африканской страной и вовсе не проявляли интереса к ее верованиям. Попытки самих «чёрных христиан» завязать отношения с Россией также не имели успеха. Когда предшественник Менелика негус Иоанн (Йоханнис IV), ведя тяжёлую войну с мусульманским Египтом, прислал Александру II два письма с просьбой о помощи (в 1872 и 1878 гг.), ответа не последовало, хотя к одному из них был приложен драгоценный крест – явный намёк на религиозную близость с Россией и призыв к христианской солидарности²⁴. Пассивность российской дипломатии объяснялась, видимо, прежде всего нежеланием лишней раз раздражать западные державы и стремлением действовать в рамках «европейского концерта», надежды на эффективность которого для обеспечения интересов России сохранялись вплоть до Берлинского конгресса.

К началу, а особенно в середине 1880-х гг. в консервативных кругах русского общества, а отчасти и среди дипломатов, внимание к Абиссинии заметно возросло, что проявилось, в частности, в записке, составленной М.А. Хитрово

²¹ Порфирий (Успенский), еп. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. I. С. 317, 335.

²² Порфирий (Успенский), еп. Восток христианский. Участие России в судьбах Абиссинии // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. II. С. 419, 423.

²³ Российско-эфиопские отношения... С. 47–51.

²⁴ Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 10–12, 19–21.

в 1885 г. В ней отмечалось, что африканская страна нуждается в помощи России, поскольку в условиях активизации колониальных захватов она «сделалась весьма лакомым куском для всевозможных политических любостязаний». Между тем «ныне в Абиссинии начинают уже проявляться некоторые признаки стремления к просвещению». Если же вступившая на путь прогресса страна сохранит свою независимость, то ей, полагал дипломат, как единственному христианскому государству на континенте в недалёком будущем «предстоит несомненно значительная роль в наступающей цивилизации Африканского материка». Издавна сталкиваясь с вооружённым натиском европейцев, абиссинцы, по словам Хитрово, «ненавидят и опасаются католиков и протестантов, все симпатии их на стороне восточного православия». Россия же «находится в отношении к Абиссинии в совершенно исключительном положении»: «В горах полудикой Абиссинии, как и на всём Востоке, живёт смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдалённого Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства». Поэтому Хитрово предлагал немедленно приступить к установлению связей с Абиссинией, воспользовавшись распространёнными в этой стране симпатиями к России²⁵. Для этого к «чёрным христианам» следовало направить неофициальную миссию во главе с русским духовным лицом.

Разумеется, в эпоху апогея европейского колониализма правительственные и общественные круги России руководствовались отнюдь не только религиозно-идеалистическими мотивами, обсуждая возможные материальные выгоды от сближения со «страной чёрных христиан»: выдвигались проекты создания Русско-Африканской торговой компании, учреждения в столице Абиссинии Русского банка, делались попытки организовать силами российских предпринимателей добычу золота во владениях Менелика. Однако все эти начинания не дали результата. Сказывалась географическая отдалённость Абиссинии от России, низкая конкурентоспособность товаров и слабость частного капитала, владельцы которого наотрез отказывались действовать в Африке без гарантий правительства, с середины 1890-х гг. всё больше увлекавшегося экономической экспансией на Дальнем Востоке. В итоге, к началу XX в. России, в отличие от ряда европейских государств, даже не удалось заключить с Абиссинией торговый договор. В целом, по справедливому замечанию И.С. Рыбачёнок, в данном регионе робкие попытки России «создать экономическую базу для упрочения политического влияния бесславно провалились»²⁶. Сбылось прозорливое предсказание Порфирия (Успенского), ещё в 1866 г. отметившего: «Не нам торговать там»²⁷.

В конечном счёте, именно духовно-идеологические соображения оказались важнейшим (если не решающим) фактором сближения России и Абиссинии. Это было заметно уже в ходе подготовки африканской экспедиции Н.И. Ашинова 1888–1889 гг. Значительную роль в поддержке предприятия «вольного казака» сыграли Хитрово и его непосредственный начальник Нелидов, а также многие ветераны «славянского движения», включая Игнатьева, Ламанского и Победоносцева²⁸. Признавая, что установление связей с Абиссинией «может

²⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 75–78.

²⁶ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 358.

²⁷ Порфирий (Успенский), еп. Восток христианский... С. 424.

²⁸ Об экспедиции Н.И. Ашинова см.: Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

иметь для нас немалую важность», Победоносцев писал 16 июля 1888 г. Александру III: «По всей вероятности, в таких делах удобным орудием бывают подобные Ашинову головорезы»²⁹.

Поскольку церковный компонент изначально играл большую роль в планах Ашинова, «вольному казаку» удалось попасть на приём к митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) и получить от него «храмоздательную грамоту» на основание в Абиссинии православной церкви и монастыря во имя св. Иоанна Крестителя. Разделяя широко распространившиеся к тому времени в обществе представления о единоверии России и Абиссинии, русский первоиерарх также вручил авантюристу письмо к Йоханнису IV, в котором прославлял «высокое покровительство», оказываемое абиссинским монархом «единой, евангельской и апостольской вере и святой православной Христовой Церкви»³⁰.

Накануне экспедиции, летом 1888 г., Ашинов привёз в Россию из абиссинского монастыря в Иерусалиме иеромонаха Георгия (Гийоргиса) и диакона Михаила (Микаэля), которых выдавал за посланцев негуса. Абиссинцы (вместе с представителями англикан, христианами Японии и посланцами славянских земель) приняли участие в проводившемся тогда праздновании 900-летия крещения Руси, что должно было свидетельствовать о вселенском размахе русского православия. Георгий и Михаил побывали в Петербурге, Киеве – главном месте проведения торжеств – и других городах, где их торжественно принимало православное духовенство (в Петербурге им даже предоставили кельи Александро-Невской лавры). Как утверждал Ашинова, служивший у них переводчиком, они везде «выказывали о своих братских чувствах к русским и необходимости духовного объединения церквей»³¹.

Русские священнослужители во главе с архимандритом Паисием (бывшим экономом подворья Афонского Пантелеймоновского монастыря в Константинополе) официально считались руководителями направленной в Африку духовной миссии, тогда как сам Ашинов формально являлся лишь начальником её конвоя. Известие о предстоящей экспедиции, во многом благодаря её религиозному характеру, вызвало заметный отклик в русском обществе. За короткий срок удалось собрать пожертвования на довольно большую сумму – 10–15 тыс. руб. «Слух об отправляющейся миссии в Абиссинию проник повсюду, – вспоминал Ашинов, – и ко мне начали являться массами просящие взять их с собой»³². В ходе экспедиции «атаман вольных казаков» всячески подчёркивал её религиозный характер: на кораблях совершались богослужения, на месте высадки – у полуразрушенного форта Сагалло (переименованного в станицу «Новая Москва»), на берегу Красного моря, была устроена походная церковь во имя свт. Николая и поднят флаг духовной миссии, увенчанный восьмиконечным крестом. «Сердце русское радовалось при виде православного русского креста, в далёкой Африке в первый раз поставленным (так в тексте. – А.П.)», – с пафосом восклицал позднее Ашинов³³.

По словам Ашинова и ряда его соратников, миссия, ещё находясь в пути, вызвала благожелательный интерес со стороны обитавших на побережье

²⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 188.

³⁰ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч I, л. 4–5.

³¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 92, д. 598, т. I, л. 168–168 об.

³² Там же, л. 170.

³³ Там же, т. II, л. 29.

Красного моря чернокожих мусульманских племен, выражавших симпатии к православию. Это якобы вызвало панику у местных католических миссионеров, находившихся под покровительством властей близлежащей французской колонии Обок. «Они с ужасом увидели, – писал впоследствии “атаман вольных казаков”, – что мы, не дойдя ещё до Абиссинии, страны православной и требующей только братской поддержки от Русской Церкви, были встречены дикими племенами с любовью и что нашу временную походную церковь во имя св. Николая Чудотворца посещали местные инородцы и началось дело обращения сих народов в православие»³⁴. Ашинов и его соратники утверждали, что именно по настоянию католических миссионеров французы после нескольких предупреждений расстреляли станицу «Новая Москва» из корабельных орудий, принудительно вывели ашиновцев в Обок, отправив их оттуда в Россию. Трудно сказать, в какой степени это верно. Однако для весьма жёстких действий (обстрел в течение 15–20 мин. полуразрушенного укрепления, не имевшего артиллерии, прицельная стрельба по бегущим безоружным людям) у французов действительно должны были быть какие-то веские основания, а к их числу мог относиться и страх перед усилением русского религиозного влияния в Африке.

Несмотря на свой трагифарсовый характер и печальный финал, экспедиция Ашинова всё же способствовала русскому проникновению в Абиссинию, получившему после 1889 г. дополнительный стимул. В 1889 и 1891–1892 гг. в Абиссинии побывал (при поддержке Военного министерства) поручик В.Ф. Машков, а в 1894 г. – отставной гвардии поручик Н.С. Леонтьев, воспользовавшийся содействием Русского географического общества. Машков стал первым из русских, кому удалось встретиться с императором Абиссинии. Беседы с Менеликом убедили его не только в симпатиях абиссинцев к России, но и в отсутствии глубоких догматических разногласий между ними и православными. Услышав рассказ Машкова про учение о двух природах Христа, негус якобы заявил, «что абиссинцы вовсе не монофизиты и веруют вполне согласно с нами, русскими, и что если бы они “веровали иначе, то перестали бы быть христианами”»³⁵.

В 1891 г. вместе с Машковым в «страну чёрных христиан» Св. Синодом были направлены иеромонах Тихон (Оболенский), бывший врач одного из гвардейских полков, и причетник Григорий. И хотя до Абиссинии духовные лица так и не добрались, сам факт их участия в экспедиции много говорил о том значении, которое власти придавали религиозной составляющей русско-абиссинских связей³⁶. «Весь наш к ней интерес и всё её для нас значение вытекают именно из предположения о нашем единоверии», – писал в отчёте о своей поездке 1889 г. Машков³⁷. На необходимость укрепления в Абиссинией «сочувствующего нам восточного церквоучения, ищущего, как кажется, возможности

³⁴ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. I, л. 32 об.

³⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 129.

³⁶ Всерьёз опасались религиозных контактов между Россией и Абиссинией и представители западных государств в Африке. Так, после прибытия Машкова в 1891 г. на берег Красного моря губернатор Обока Л. Лагард, сыгравший важную роль в разгроме миссии Ашинова, всячески уговаривал иеромонаха Тихона не отправляться в глубь континента. После того, как боязливый Тихон вернулся в Россию, участников экспедиции без проблем пропустили в Абиссинию. Примечательно и то, что когда Машков и его спутники проезжали через Каир, англичане приложили все усилия, дабы сорвать их встречу с коптским патриархом (*Хренков А.В.* Машков в Эфиопии... С. 130–132).

³⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 137.

сблизиться с православием», указывал 19(31) декабря 1889 г. в письме к Гирсу и Нелидов. В Африке, напоминал он, поддерживая Машкова, «подвергается опасности подчинения Западу единственный христианский народ восточного исповедания, восточных преданий, разделяющий надежду и веру всего Востока в силу и призвание России». «Наш долг, – заключал дипломат, – оборонять эти верования и тем охранять полученное нами политическое наследие, плод вековых трудов наших предков»³⁸.

Экспедиция Н.С. Леонтьева, ставшего как бы преемником Машкова, не состояла, в отличие от предыдущей, под покровительством каких-либо ведомств Российской империи. Однако ни Леонтьев, ни сопровождавший его иеромонах Ефрем (в миру – доктор М.М. Цветаев) не выступали, конечно, как обычные частные лица. Поездка о. Ефрема была санкционирована митрополитом Санкт-Петербургским Палладием (Раевым) и близким к Победоносцеву прокурором Московской синодальной конторы кн. А.А. Ширинским-Шихматовым. Таким образом, ему придавалось определённое полуофициальное значение. По прибытии в Африку о. Ефрема представили абиссинцам как русского архиерея («папас москов») – Леонтьев вынужден был пойти на эту мистификацию, дабы скрыть от «чёрных единоверцев» весьма невысокий сан прибывшего с ним духовного лица³⁹. В течение всего путешествия абиссинцы, по словам о. Ефрема, охотно принимали от него благословение, прикладывались к иконам, местное духовенство приветствовало его по-братски. Иеромонах утверждал даже, что ему довелось отслужить молебен в одном из абиссинских соборов⁴⁰.

Экспедиция Леонтьева–Ефрема стала одной из высших на тот момент точек в развитии религиозных контактов между Россией и Абиссинией. В консервативных кругах русского общества активно обсуждались тогда казавшиеся близкими перспективы объединения двух Церквей после того, как выявится вероучительная близость или даже идентичность их исповеданий. При этом повторялись и даже усиливались доводы, высказанные некогда Порфирием (Успенским), вновь и вновь провозглашалось, что клеймо «еретиков» было наложено на абиссинцев по недоразумению, их отделение от Вселенской Церкви в V в. объяснялось случайными неблагоприятными обстоятельствами, массы же простого народа и местного духовенства чужды монофизитству и с симпатией относятся к православию. Как доказывал М.П. Соловьёв, «народ, столь живучий, столь глубоко проникнутый национальным самосознанием, так стойко ограждающий свою смиренную веру, столь близкую к православию», достоин того, «чтобы справедливо и беспристрастно рассмотрели его вероучение и сняли с него сомнительное обвинение в отступлении от единства Вселенской Церкви», а «на России лежит обязанность прислушиваться к немолчно и неустанно вопиющим голосам тех, кто давно жаждет пересмотра своего дела и устранения препятствий к восстановлению их в праве верных сыновей Церкви»⁴¹.

Новый импульс надеждам на соединение Русской и Абиссинской церквей придало прибытие в 1895 г. в Россию посольства, направленного Менеликом в ответ на миссию Леонтьева. В составе его находился настоятель собора в Харэ-

³⁸ Там же. С. 123–125.

³⁹ Хренков А. Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева // Азия и Африка сегодня. 2001. № 4. С. 36–37.

⁴⁰ Ефрем (Цветаев), архим. Указ. соч. С. 38–46, 50–84, 111.

⁴¹ Соловьёв М.П. Указ. соч. № 4. С. 812; № 9. С. 209–210.

ре⁴² священник Гэбрэ Егзиабхэр, которого сопровождавший послов Леонтьев представлял как епископа. Духовная близость, если не единство, вероисповеданий двух стран демонстрировались при этом ещё шире, чем раньше. Во всех городах России миссию встречало православное духовенство. Народ, официальные лица и даже император с императрицей принимали от Гэбрэ Егзиабхэра благословение. В храмах абиссинскому священнику воздавались архиерейские почести. Была организована встреча посольства с Победоносцевым и высшим духовенством России, в ходе которой объединение церквей обсуждалось как дело ближайшего будущего. Митрополит Палладий (Раев), голос которого имел особое значение, говорил абиссинцам, «что церкви разделяются тезисами веры, а с тезисами Абиссинской церкви православные тезисы почти одинаковы, разница же в обрядах не есть существенное»⁴³. Общественное мнение было к таким разговорам уже подготовлено. «Может быть, в недалёком будущем нашему отечеству предстоит великое дело восстановления чисто православного учения в этой издавна сходной с православным Востоком стране, – ещё в 1893 г. писал об Абиссинии священник Иоанн Вуколов. – И это не праздная мечта воображения»⁴⁴. «Высшее русское духовенство высказалось уже в смысле полной возможности единения церквей Российской и Абиссинской», – безапелляционно заявлял Н.С. Леонтьев в записке, поданной по начальству в 1895 г., ещё до прибытия посольства негуса⁴⁵. Завершив свою деятельность в России, абиссинцы, по словам о. Ефрема, возвращались домой с «подготовленным вопросом о единении церквей»⁴⁶. Сам о. Ефрем после поездки в Африку (и, видимо, в ознаменование заслуг, связанных с нею) возведённый в сан архимандрита, писал, что в 1895 г. уже был решён вопрос о его посвящении в епископы и назначении главой направляемой в Абиссинию православной миссии⁴⁷. Однако перспектива сближения и даже соединения двух церквей, казавшаяся в середине 1890-х гг. столь близкой, так и осталась не реализована. С чем это было связано?

Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Видимо, в 1890-х гг. одновременно с эйфорией по поводу возможного духовного единения росло понимание всей сложности догматических расхождений. Развенчанию иллюзий способствовал и состоявшийся в Петербурге в 1898 г. переход в православие двух абиссинцев. Возможно, сказалась и чисто человеческая усталость престарелого обер-прокурора Победоносцева, который долго поддерживал идею конфессионального сближения России и Абиссинии, но с середины 1890-х гг. постепенно начал отходить от дел, переживая разочарование в своих прежних идеалах⁴⁸. Кроме того, в конце 1898 г. скончался митрополит Палладий, про-

⁴² Харэре – крупный провинциальный центр в Абиссинии.

⁴³ *Ефрем (Цветав), архим.* Указ. соч. С. 123–163.

⁴⁴ *Вуколов И., свящ.* Указ. соч. С. 97.

⁴⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 176.

⁴⁶ *Ефрем (Цветав), архим.* Указ. соч. С. 168.

⁴⁷ Там же. С. 138. Специальная православная миссия в Абиссинию так и не была послана, однако в состав санитарного отряда Русского общества Красного Креста, прибывшего в страну в 1896 г., входил иеромонах Александр, состоявший при походной церкви. По словам начальника отряда генерала Н.К. Шведова, абиссинцы охотно посещали православное богослужение и восхищались его красотой. Когда отряд покидал страну, о. Александр принял участие в своеобразной церемонии, призванной, по-видимому, свидетельствовать о высокой степени единения Русской и Абиссинской церквей: он отслужил православный молебен, сразу после которого был отслужен молебен абиссинским духовенством во главе с абуней Матеосом (Российско-эфиопские отношения... С. 200, 219).

⁴⁸ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 295–308.

являвший, судя по всему, значительный интерес к установлению более тесных связей со страной «чёрных единоверцев».

Так или иначе, в области религиозных взаимоотношений с Абиссинией российские власти постепенно стали проявлять всё большую осторожность, граничившую с безразличием и желанием избегать каких-либо контактов. Так, когда в 1902 г. Менелик II решил направить в Россию в качестве посла абуну Матеоса, министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф (видимо, по «старой памяти») попросил Победоносцева организовать торжественный приём главы Абиссинской церкви православным духовенством и разместить его в помещениях Александро-Невской лавры. Однако обер-прокурор ответил решительным отказом, заявив, что «Абиссинская церковь и местная их иерархия принадлежит к Коптской церкви монофизитского учения и не имеющей общения с нашей Церковью», а это «исключает решительно возможность общения церковного»⁴⁹. Когда в 1904 г. намечался разрыв Абиссинской церкви с Коптской патриархией и вновь встал вопрос о возможности посвящения епископов для Абиссинии Св. Синодом, Победоносцев, несколько смягчив свою оценку догматических различий, всё же счёл, что «было бы неблагоприятно» принимать какие-либо меры⁵⁰.

Разумеется, нельзя сказать, что с конца 1890-х гг. всякие проявления взаимных религиозных симпатий русских и абиссинцев полностью прекратились⁵¹. Сам Менелик II и высшие абиссинские сановники по-прежнему охотно говорили о своём единоверии с русскими и приглашали на церковные церемонии представителей дипломатического корпуса России, а те, в свою очередь, сообщали об интересе «чёрных христиан» к православному богослужению, ходатайствовали о присылке икон и крестиков для раздачи абиссинцам. Однако о масштабных проектах объединения Церквей речь больше не шла. Более того, российским представителям предписывалось поддерживать отношения с абиссинским духовенством «на чисто дружеской почве», соблюдая в конфессиональной сфере «крайнюю осторожность»⁵².

Тем не менее влияние представлений о вероисповедной близости русских и абиссинцев и необходимости помогать «младшим братьям» не могло пройти бесследно. Абиссинцы на рубеже XIX–XX вв. по-прежнему находились в опасности, продолжали оставаться «угнетёнными», а значит, даже будучи монофизитами, нуждались в поддержке. Это отчётливо проявилось в 1896–1897 гг., когда в очередной раз обострились отношения между абиссинцами, проживавшими в Иерусалиме и традиционно покровительствовавшими им богатыми единоверцами – коптами и армянами. В сложившейся ситуации российские дипломаты готовы были вывести абиссинскую общину из-под юрисдикции армян и коп-

⁴⁹ Российско-эфиопские отношения... С. 398–399, 401–402, 405–407. В Петербурге Матеос всё же был встречен православным духовенством, хотя в Одессе такая встреча не состоялась (Победоносцев специально писал об этом епархиальному начальству). См.: РГИА, ф. 797, оп. 72, отд. 2, ст. 3, д. 195, л. 7, 17–17 об.

⁵⁰ Российско-эфиопские отношения... С. 472.

⁵¹ Так, иеромонах Антоний (Булатович), бывший офицер лейб-хварадии Гусарского полка, в 1890-х гг. несколько раз побывавший в Африке и входивший в окружение Менелика II, а затем принявший постриг в русском монастыре на Афоне, в 1911 г. безуспешно пытался учредить в Абиссинии афонское подворье и духовную миссию для распространения православия (*Булатович А.К.* Указ. соч. С. 115–117).

⁵² *Соколов А.* Православный прозелитизм на Ближнем Востоке и в Эфиопии: мифы и действительность // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 10. С. 65.

тов, передав её (никак не меняя вероисповедной принадлежности) под покровительство Русской духовной миссии и консульства. Проект, нарушавший права сразу трёх религиозных общин Иерусалима – коптов, армян и православной греческой Иерусалимской патриархии – не был реализован, однако негласная поддержка, оказанная представителями России, всё-таки помогла абиссинцам в определённой мере улучшить своё положение в Иерусалиме⁵³.

Значительную роль сыграли россияне и в возвращении абиссинцам святых мест – когда-то принадлежавших им земельных участков и строений при храме Гроба Господня в Иерусалиме и в других местах Палестины. Располагавшие в древности и в эпоху Средневековья обширными владениями в Святой земле, абиссинцы постепенно утратили их и к началу XX в. уже не могли самостоятельно восстановить свои права. Помочь вызвался отставной чиновник Н.Н. Шедевр – бывший сотрудник Н.С. Леонтьева, долгое время проживавший в Абиссинии и на Ближнем Востоке. В архивах Османской империи он выявил документы, подтверждавшие принадлежность ряда святых мест в Иерусалиме африканским христианам. Благодаря усилиям Шедевра, главный объект их притязаний – древний монастырь Дейр-эс-Султан – в 1906 г. был по указанию султана отобран у захвативших его коптов и передан абиссинцам⁵⁴. В дальнейшем Шедевр обнаружил ещё 18 документов, закреплявших за ними владение частью святых мест. В этой деятельности его активно поддерживало Императорское православное Палестинское общество, возглавлявшееся вел. кн. Елизаветой Фёдоровной (крупные суммы получал он и из личных средств великой княгини)⁵⁵. Прекрасно понимавший, каким образом можно воздействовать на своих высокопоставленных покровителей, Шедевр, обращаясь к ним, широко использовал идеи «долга сильных перед слабыми», «необходимости помощи угнетённым», образы «большой» и «маленькой сестры»⁵⁶. В письме-отчёте управляющему делами Палестинского общества генералу М.Н. Степанову он красочно описывал, как члены абиссинского правительства, особенно старики, рыдали, слушая рассказ о святых местах, захваченных у абиссинцев иноземцами (в основном, коптами)⁵⁷. Начало Первой мировой войны фактически положило конец деятельности Шедевра: в ноябре 1915 г. он скоропостижно скончался в Могилёве, где пытался получить аудиенцию у Николая II и лично доложить ему о своей деятельности по поиску иерусалимских святынь.

Война, а затем революция надолго прервали религиозные контакты между Россией и Абиссинией. Безусловно, представления об их конфессиональной близости (или даже единоверии) несли в себе значительный заряд идеализма. Они отражали не столько реалии международных отношений и действительного положения Абиссинии, сколько идейные и духовные запросы русского общества рубежа веков, его потребность переосмыслить положение России в мире, придать новый смысл российской внешней политике, найти новый объ-

---

⁵³ Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 194–198.

⁵⁴ Там же. С. 198–203.

⁵⁵ Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург). Архив. Разряд III, оп. 1, д. 34, л. 152–152 об. Впрочем, помощь Шедевра абиссинцам была не вполне безвозмездной: в знак благодарности они обязывались передать России две часовни при храме Гроба Господня (из семи, исторически им принадлежавших) – тогда русское духовенство получило бы возможность самостоятельно совершать в храме славянское богослужение.

⁵⁶ Там же, л. 180–181.

⁵⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 551.

ект попечения – «далёких младших братьев» вместо прежних, оказавшихся неблагодарными. Внешняя политика в данном случае направлялась импульсами, не только чуждыми прагматики, но и носившими в чём-то иррациональный характер. Трудно рассуждать об эффективности подобной политики, о наличии у неё неких осязаемых результатов, хотя в случае с Абиссинией такие результаты всё же были. Определённая (пусть во многом и воображаемая) религиозная подоплёка придавала действиям российской дипломатии в этой стране большую целенаправленность, что объективно осложняло действия врагов Абиссинии – Италии и Англии, являвшихся также противниками России. Поддержка Петербурга помогла Абиссинии укрепить свои границы и остаться единственной страной «чёрной Африки», не захваченной в XIX – начале XX в. европейскими колонизаторами. Широкое распространение идеи «единоверия» и «религиозной близости» способствовало укреплению дружественных отношений двух стран. И это сыграло свою роль в обстоятельствах, которые вряд ли предвидели дореволюционные энтузиасты сближения с «чёрными единоверцами»: после Гражданской войны Абиссиния приняла немало беглецов из России и стала одним из очагов русской эмиграции⁵⁸.

---

⁵⁸ Крылова Н.Л. «Хорошо иметь любимую женщину и преданного кота»: Павел Булыгин в Абиссинии // Восточный архив. 2008. № 17. С. 71–76.

Латинская Америка в восприятии русских путешественников XIX – начала XX в.

Кристина Буйнова

Latin America in the eyes of Russian travellers the late nineteenth and early twentieth centuries

*Kristina Buinova (Moscow State Institute of International relations
of the Ministry of Foreign Affairs, Russia)*

Путешествие – «самое высшее, самое воспитательное и самое благородное из наслаждений XIX века»¹, довольно быстро превратилось для россиянина из самоцели в уникальный личный опыт и этап становления самосознания – «Искомый результат путешествия, – утверждал И.А. Гончаров во “Фрегате «Паллада»», – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют её!». Возможно,

именно поэтому самые отчаянные отправлялись за океан – к антиподам, туда, где «чужое» сильнее оттеняло «своё».

После основания в 1812 г. селения Росс далёкая Латинская Америка стала несколько «ближе». Маршруты продовольственных экспедиций Российско-американской компании неизбежно проходили через порты Бразилии, Чили, Перу – «по столбовой дороге наших американских путешественников»². Поток путешественников, приостановившийся во время Первой мировой войны, возобновился в начале 1920-х гг. Однако уже в 1925 г. решением XIV съезда ВКП(б) и специальными постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) выезд за границу был ограничен даже для деятелей науки и культуры. Дипломатические отношения между Советской Россией и государствами Латинской Америки до середины 1940-х гг. отсутствовали.

С XIX в. по 1920-е гг. в Латинской Америке побывало не менее сотни россиян (из них более трети – с конца 1880-х по середину 1910-х гг.), не считая участников кругосветных плаваний. Это были учёные, дипломаты, представители творческой интеллигенции, общественные деятели, а также авантюристы. Обычно они были молоды, особенно те, кто оказался вдали от дома по долгу службы. Молодёжь охотно подвергала себя риску исследования дебрей terra incognita в надежде совершить научное открытие.

В начале XIX в. в Латинской Америке русские чаще всего посещали монархическую Бразилию. В 1850-х гг. возросло внимание к Центральной Америке (во многом это было связано с готовившимся строительством канала). В дальнейшем те, кто преследовал коммерческие интересы, отправлялись преимущественно в Аргентину, а романтики – в Мексику и на Кубу. В Мексику (с августа 1924 по январь 1930 г. поддерживавшую дипломатические отношения с СССР) ехала и бóльшая часть россиян, посетивших Латинскую Америку в 1920-х гг.

В своих заметках путешественники на основе личного опыта – собственных впечатлений от увиденного, вынесенного из разговоров с местным населением и прочитанного в местной прессе – описывают города, природные условия, людей, характеризуют политическое устройство государств и положение католического духовенства, рассказывают о трудностях и проблемах, с которыми им пришлось столкнуться. При этом далеко не все они хорошо владели испанским и португальским языками. Так, когда с крепости Санта-Крус команде Беллинсгаузена кричали в рупор по-португальски, они отвечали по-русски, «что, вероятно, и вопрошающим было непонятно»³. Группа советских велосипедистов век спуская прибегала к «артистическим способностям, жестам и мимике»⁴.

Пересекавшие на поезде американо-мексиканскую границу отмечали огромную разницу между американским югом и мексиканским севером: «Нет той сдержанности бесстрастных янки, и эта разница особенно резко бросается в глаза при приезде в Мексику из страны долларов»⁵. Те же, кто увидел

---

² Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света. Сочинение лейтенанта В.З. Ч. 2. СПб., 1840. С. 10.

³ *Беллинсгаузен Ф.Ф.* Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов, совершённые на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Восток». Ч. 1. СПб., 1831. С. 108, 98.

⁴ *Князев А., Фрейдберг И.* Вокруг света на велосипеде. М.; Л., 1929. С. 73.

⁵ *Витковская С.В.* Кругом земли. Путевые воспоминания. СПб., 1915. С. 538. См. также: *Беркенгейм А.М.* Жизнь в пампасах Южной Америки // *Землеведение.* 1895. Кн. 2–3. С. 286–287.

землю после длительного путешествия по океану, прежде всего описывали то, что бросалось в глаза с палубы. «Только порт. Синее море. Белая крепость», – писала А.М. Коллонтай о Кубе⁶. Прибывший туда же В.В. Маяковский вспоминал контрастные цвета гавани: «На фоне зелёного моря чёрный негр в белых штанах продаёт пунцовую рыбу»⁷. А.Б. Лакиеру, напротив, казалось, что «небо спорило с морем в яркости синевы, и с этим цветом совершенно гармонировали голубые загородные дома гаванцев, отражавшиеся в заливе»⁸. Интересно, что знакомство с островом, даже поверхностное, неизбежно вызывало размышления о кубинской неволе. Лакиер большую часть своих заметок посвящает рабству, Стрельцов – патриотизму партизан, Коллонтай ругает американский капитализм, а Маяковский отмечает в стихотворении «Блэк энд уайт», что «В Гаване всё разграничено чётко: У белых доллары, у чёрных – нет».

Тот же контраст между цветущей природой и ужасами рабства наблюдался и в Бразилии. «Многие описывали великолепную природу Бразилии, но никто ещё, пожалуй, не смог найти слов, способных передать всё очарование её дивной красоты..., – утверждал О.Е. Коцебу. – Природа предназначила этот край для беззаботного наслаждения жизнью и для счастья своих созданий». Однако тут же он констатирует, что для некоторых этот рай оказался адом: по прибытии его сразу же неприятно поразил вид чёрных рабов⁹. О том же писали и его современники¹⁰.

С годами эта ситуация практически не менялась, и в 1830–1850-е гг. новому поколению путешественников оставалось лишь немногословно соглашаться со своими предшественниками: до середины XIX в. восторги от дикой природы сочетались с тем, что рабство, хотя и порицалось, но, с неохотой, признавалось неизбежным. Мнение о том, что «никакой другой народ, кроме негров, не в состоянии был перенести в столь жарком климате все тяжкие работы», было расхожим. «Прискорбна мысль, – заключал Ф.П. Литке, – что одна из плодотворнейших стран в свете не может быть возделываема... не лишая некоторого числа на несчастье рождённых людей драгоценнейшего и священнейшего природного права свободы»¹¹. Впрочем, прошло ещё три десятилетия, бразильское рабство ушло в прошлое, а природа сохранила свой блеск и продолжала восхищать непривычный к такой роскоши русский глаз.

Конечно, климат и растительность Латинской Америки очень различались по регионам и поясам. Так, путешествовавшие по Мексике, в зависимости от того, какую часть страны они посетили, либо жаловались на однообразный пустынный и безжизненный пейзаж¹², либо не уставали восхищаться «вели-

⁶ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1. М., 2001. С. 259.

⁷ Маяковский В.В. Моё открытие Америки // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 271.

⁸ Лакиер А.Б. Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе. Т. 2. СПб., 1859. С. 274.

⁹ Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. // Коцебу О.Е. Путешествия вокруг света. М., 2011. С. 545.

¹⁰ См., в частности: [Ломоносов С.Г.] Картина Бразилии // Современник. 1839. Т. XIII. С. 3–5.

¹¹ Литке Ф.П. Дневник, ведённый во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» (1817–1819) // Шур Л.А. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971. С. 95.

¹² Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. С. 164; Протопопов С.Д. Проездом по Мексике (из записной книжки путешественника) // Русское богатство. 1896. № 9. С. 90; Бальмонт К.Д. В странах солнца // Весы. 1905. № 6. С. 22.

колепной растительностью» и необычными цветами¹³. Но все они сетовали на «гнетущую» жару¹⁴. Кроме того, «изобретательная мексиканская природа», в буквальном смысле слова убивала разреженностью воздуха и мучила колючками и москитами¹⁵.

С тропиками Центральной и Южной Америки первыми встретились моряки, совершавшие кругосветные плавания. Незнакомый климат, «поражавший даже и простых людей»¹⁶, и «страшное безобразие природы»¹⁷ считались нездоровыми. В середине XIX в. вид поглощённых джунглями развалин вытеснял «чувство гордого самодовольства грустным сознанием ничтожества», хотя «блистательная победа человека над природой» ещё казалась возможной, пусть и ценой «тяжёлых жертвований»¹⁸.

Но чем дальше продвигался прогресс, тем больше стихия страшила людей. «Эта природа не только пугает, но и душит, – краса её не веселит, а утомляет зрение»¹⁹, – жаловался российский посланник в Бразилии А.С. Ионин. Вел. кн. Александр Михайлович, который провёл три часа в фуникулёре, идущем сквозь джунгли, где «всё говорило о миллионах веков хаоса», «тропическая тайга» повергла в священный трепет. Дрожа от головы до ног, он «понял истинное значение слов Талмуда, утверждающего, что нет ничего ужаснее, чем лицемерие истинного облика Создателя»²⁰. Русских добровольцев на Кубе, рубивших такие джунгли мачетами, больше беспокоила эпидемия жёлтой лихорадки²¹. Страшным ежедневным испытаниям подвергались участники студенческой экспедиции 1914–1915 гг. и советские учёные, впервые отправившиеся в глубь Южной Америки²². Писатель В.П. Крымов считал тропический климат «здоровым только для москитов». Один вид заплесневевших за ночь ботинок заставлял «полюбить нашу студеную зиму, нашу слякоть и нашу снежную вьюгу, даже петербургский туман»²³.

Гораздо меньше эмоций вызывала южноамериканская пампа. Кажется, интерес к ней сразу же пропал, как только обнаружилось, что без «свирепых индейцев и кровожадных зверей»²⁴ диковинные «пампасы» являются обычной

¹³ Врангель Ф.П. Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику // Шур Л.А. Указ. соч. С. 256; Путешествие А.И. Воейкова в Центральной Америке (Из писем его к барону Ф.Р. Остен-Сакену. 1(13) января 1875 г.) // Известия Императорского русского географического общества. Т. XI. Отд. II. СПб., 1876. С. 154; Маяковский В.В. Указ. соч. С. 275; Коллонтай А.М. Дипломатические дневники... Т. 1. С. 280.

¹⁴ Врангель Ф.П. Указ. соч. С. 254; Деволян Г.А. В царстве Монтезумы // Исторический вестник. 1905. № 4. С. 306; Витковская С.В. Указ. соч. С. 583.

¹⁵ Князев А., Фрейдберг И. Указ. соч. С. 77, 86–87, 108; Коллонтай А.М. Дипломатические дневники... Т. 1. С. 270, 277, 282.

¹⁶ Завалишин Д.И.. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 68.

¹⁷ Впечатления моряка... Ч. 2. С. 26.

¹⁸ Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. М., 1991. С. 65; он же. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии // Отечественные записки. 1854. Т. 94. Отдел науки и художества. С. 30.

¹⁹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 3. СПб., 1893. С. 134.

²⁰ Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. Т. 1. Париж, 1933. С. 95–96.

²¹ П. С-овъ [Стрельцов П.П.]. Два месяца на острове Кубе // Вестник Европы. 1898. № 5. С. 148, 134.

²² Танасийчук В.Н. Пятеро на Рио Парагвай (документальная повесть). М., 2003.

²³ Крымов В.П. О рулетке Монте-Карло, Южной Америке, гастрономии, модах и о прочем. СПб., 1912. С. 98, 118; он же. В стране любви и землетрясений. Пг., 1915. С. 110.

²⁴ Крюков Н.А. Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. СПб., 1911. С. 10–11.

степью. Видевшие южную оконечность материка с другой стороны запомнили ещё менее жизнерадостные картины. Мыс Горн поражал контрастом своего «зловещего» облика с «прекрасной Бразилией»²⁵. У иных мореплавателей, испуганных этим видом, «пропадала даже радость», от того что они увидели землю²⁶. «Мною овладело чувство, как будто я не только где-то очень далеко на чужбине, не просто даже в Новом свете, а там где-то... на том свете», – писал Ионин²⁷.

Первые упоминания о туземцах в записках русских путешественников отрывочны и туманны. В глубь материка никто не проникал, всё, известное об аборигенах, было пересказом случайно услышанного. Тем не менее в немногочисленных отзывах об индейцах заметна эволюция от руссоистских рассуждений о несчастных детях природы до заявлений об умственной отсталости, основанных на антропометрии. Сказывалось и влияние приключенческой литературы²⁸. Маяковский, который «до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду», никак не мог признать их в «сотнях маленьких людей», которые орала, дрались и кланчили мелочь на пристани. «И вот стою, оторопев, как будто перед моими глазами павлинов переделывают в куриц», – признался жестоко обманутый поэт²⁹.

И всё же в облике latinoамериканцев виделось нечто романтическое. «Сколько египетских лиц и фигур я видел! – восклицал К.Д. Бальмонт. – Некоторые лица совершенно библейские»³⁰. Г.А. Деволлан считал, что индейцы Мексики достойны кисти Мурильо³¹. А.М. Коллонтай утверждала, что они – «народ талантливый и живописный», а «европейцы должны казаться после них очень однобокими и бедными чувством живописности»³². Сильное впечатление мексиканцы произвели и на Б.Ф. Добрынина, высказавшего предположение, что «ольмеки... прибыли с обломков затонувшего материка Атлантиды»³³.

«Пришрое» население Латинской Америки таких восторгов не вызывало. Любопытно, что при этом путешественники не смешивали испанцев с португальцами и находили в них много различий. А.С. Ионин даже сравнивал «химическую антипатию» между испанской и португальской Америкой с отношениями России и Польши³⁴. Испанцы-креолы подчас производили впечатление людей праздных, корыстных и «утопающих в глубоком невежестве»³⁵. По мнению С.Д. Протопопова, они отличались прежде всего «необыкновенными скачками», которыми «умеют порой испанцы убежать от результатов собственной просветительной деятельности»³⁶. Португальцев, живших в Бразилии,

²⁵ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 563–564.

²⁶ Наседкин В. Пятнадцать лет скитаний по земному шару. М., 1932. С. 66; Вышеславцов А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания А. Вышеславцова в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.; М., 1862. С. 464.

²⁷ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 75.

²⁸ Князев А., Фрейдберг И. Указ. соч. С. 103.

²⁹ Маяковский В.В. Указ. соч. С. 273, 283.

³⁰ Бальмонт К.Д. Указ. соч. № 6. С. 25.

³¹ Деволлан Г.А. Указ. соч. № 4. С. 304.

³² Коллонтай А.М. Дипломатические дневники... Т. 1. С. 297, 274.

³³ Добрынин Б.Ф. Мексика (географический этюд) // Землеведение. 1926. Т. 28. № 3–4. С. 64.

³⁴ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1892. С. 29.

³⁵ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 568; Литке Ф.П. Указ. соч. С. 122.

³⁶ Протопопов С.Д. Указ. соч. С. 107.

путешественники называли ленивыми, жестокосердными и бесчувственными³⁷. Чувствительный удар по их репутации наносило рабство.

Впрочем, вскоре (примерно через поколение) после отмены рабства в латиноамериканских странах собирательные понятия «испанцы» и «португальцы» в записках использоваться перестали. Со второй половины XIX в. речь в них шла уже об «аргентинцах», «бразильцах», «чилийцах» и т.д., хотя никто из авторов не мог ещё дать описания типичного представителя той или иной нации. Согласно наблюдениям Л.А. Лашеевой, «аргентинец – существо, у которого нет ничего за душой, ни веры, ни религии, ни традиции, ни даже предков. Назовите его испанцем, – он плюнет вам в лицо, назовите индейцем, – он вас зарежет. Это хозяин страны»³⁸. Но безусловным любимцем русских был обитатель аргентинской пампы – гаучо, изображавшийся как харизматичный головорез³⁹, русским казаком «по ту сторону земли»⁴⁰.

Из любопытства путешественники старались отличать друг от друга разные типы лиц, угадывать представителей разных индейских племён, находить разницу между мулатами, метисами, креолами и неграми. В целом доброжелательное отношение русских к цветным в век расовых теорий не было формальной «толерантностью». Судя по запискам, их авторам просто не приходило в голову усматривать в цвете кожи нечто большее, чем цвет кожи. При этом местные жители были явно менее разборчивы. «Тут все оттенки, и человек чуть-чуть светлее ваксы уже считает себя белым, – писал В.П. Крымов. – Я беседовал с чёрной леди, так, приблизительно, цвета жареного кофе. Она говорила: – Мы, белые»⁴¹.

Не реже, чем цвет кожи, путешественники вспоминали чрезвычайное добродушие коренного населения Латинской Америки⁴². «И вы, может быть, думаете, что этот народ когда-нибудь бросит свою сигаретку, перестанет смотреть на донн и будет, подобно американцу, говорить с утра до вечера о долларах?», – спрашивал у читателей Лакиер⁴³.

На «донн» засматривались и сами русские, ведь абсолютное большинство авторов записок составляли мужчины, многие из которых были моряками, а «от того, кто пробыл 56 дней в море, невозможно и требовать абсолютной истины в отчёте о виденном... особенно когда оно в женском роде»⁴⁴. Описание женщин они нередко начинали с преамбулы, в которой либо заверяли читателей в

---

³⁷ Литке Ф.П. Указ. соч. С. 100; Матюшкин Ф.Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина // Шур Л.А. Указ. соч. С. 35; Беллинсгаузен Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 104; Ломоносов С.Г. События в области Пара // Современник. 1841. Т. XXIII. С. 31; Впечатления моряка... Ч. 1. С. 54. Ч. 2. С. 122–123.

³⁸ Басанин М. На чужбине. Записки эмигранта // Исторический вестник. 1901. Т. LXXXV. С. 867.

³⁹ Чихачёв П.А. Поездка через Буэнос-Айресские пампы // Отечественные записки. 1844. Т. XXXIV. Отдел II. С. 5–7; Максимов А.Я. На Далеком Востоке // Максимов А.Я. Полное собрание сочинений. Т. 8. СПб., 1901. С. 91; Вышеславцев А.В. Указ. соч. С. 520; Беркенгейм А.М. Указ. соч. С. 44–45; Ионин А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 201.

⁴⁰ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 213; Т. 3. С. 187; Крымов В.П. О рулетке Монте-Карло... С. 126–127, 143; Чихачёв П.А. Указ. соч. С. 6, 57.

⁴¹ Крымов В.П. В стране любви... С. 93.

⁴² П. С-овъ. Указ. соч. С. 144; Розен Р.Р. Из «Воспоминаний» // «Чудесная реальность» Мексики в русском зеркале. Из века шестнадцатого в век двадцать первый. М, 2008. С. 142; Маяковский В.В. Указ. соч. С. 292.

⁴³ Лакиер А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 280.

⁴⁴ Впечатления моряка... Ч. 2. С. 41.

своём иммунитете⁴⁵, либо признавали возможность «галлюцинации зрения»⁴⁶. О жительницах Бразилии упоминали прежде всего говоря об их удалении от общества. Впрочем, редкие встречи с ними заставляли иногда думать, что они «лучше бы сделали, если бы не показывались вовсе», так как те были «положительно все дурны собой»⁴⁷. Испанские же креолки чаще казались русским мужчинам красавицами.

Неженатые мужчины редко отказывали себе в удовольствии живописать прелести женщин экзотических стран (так, в пушкинском духе они наперебой восхищались «хорошенькими» и «поразительно маленькими» ножками латиноамериканок⁴⁸), тогда как женатые высказывались осторожнее и, наряду с комплиментами красоте, упоминали об их невежестве⁴⁹. Отдельный интерес вызывала степень отзывчивости красавиц⁵⁰. Некоторые путешественники, в том числе вел. кн. Александр Михайлович и Н.Н. Миклухо-Маклай, даже поддались в Латинской Америке романтическим увлечениям⁵¹. Яркая внешность или природный шарм, но что-то заставляло путешественников вспоминать легендарные образы (почти всегда царских кровей). В кубинской креолке Лакиеру чудилась Лукреция Борджия⁵². Вид панамки вызывал в воображении Ротчева «тип Клеопатры»⁵³. Вышеславцов ожидал увидеть в набожных прихожанках Монтевидео «самых романических героинь»⁵⁴, а Бальмонту простая мексиканка казалась египетской царевной⁵⁵. Учёные были более сдержанны. При этом «естественники» почти никогда не писали о женщинах, а этнографы видели в них такой же объект исследования, как и в мужчинах.

Но самые едкие замечания делали, конечно, путешественницы. С. Витковская уверенно заявляла: в её любимой Мексике «хорошеньких мало, красавицы прямо редки, и, что особенно обидно, черноокие смуглянки как бы хотят скрыть природный золотистый оттенок своей кожи и пудрятся без всякой меры»⁵⁶. Коллонтай с едва ощутимым сочувствием констатировала, что женщины в Мексике «рано стареют»: «Лицо – сплошные морщины, а ей всего 32 года!»⁵⁷

⁴⁵ Литке Ф.П. Указ. соч. С. 107; Фесун Н. Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж». Ч. 1. СПб., 1863. С. 38

⁴⁶ Вышеславцов А.В. Указ. соч. С. 558.

⁴⁷ Там же. С. 557; Ионин А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 29.

⁴⁸ «Красота ножки американской испанки вошла в поговорку, и я не стану говорить о ней, потому что боюсь заговориться», – писал Чихачёв, тут же цитировавший Байрона (*Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 14). См. также: Впечатления моряка... Ч. 2. С. 40, 41, 64; *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. С.46–47; *Лакиер А.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 277; *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 480, 541; *Фесун Н.* Каллао и Лима // *Морской сборник.* 1855. №7. С. 105; *Максимов А.Я.* Указ. соч. Т. 8. С. 37; *Протопопов С.Д.* Указ. соч. С. 86.

⁴⁹ *Коцебу О.Е.* Указ. соч. С. 559; *Врангель Ф.П.* Указ. соч. С. 253; *Лакиер А.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 279–280; *Деволлан Г.А.* Указ. соч. № 4. С. 304.

⁵⁰ *Литке Ф.П.* Указ. соч. С. 126; *Матюшкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 48; Из записок адмирала Д.С. Арсеньева. 1860 // *Русский архив.* 1910. Кн. 3. № 10. С. 293.

⁵¹ *Александр Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 98; *Миклухо-Маклай Н.Н.* Путешествия 1870–1874 // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 386–387.

⁵² *Лакиер А.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 287.

⁵³ *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. С. 47.

⁵⁴ *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 481.

⁵⁵ *Бальмонт К.Д.* Указ. соч. № 6. С. 27.

⁵⁶ *Витковская С.В.* Указ. соч. С. 548.

⁵⁷ *Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники... Т. 1. С. 271.

В Латинской Америке русские убеждались в том, что человеческая природа везде одинакова⁵⁸. И наблюдения за индианками, – казалось бы, полной противоположностью салонных барышень, – чаще всего свидетельствовали об их схожести. Крымов, узнавший, что у индейцев в Коста-Рике из племени таламанка власть наследует не сын короля, а сын старшей сестры короля, восклицал: «Мир, видимо, искони таков. Жёны искони изменяют мужьям, даже и у индейцев таламанка!»⁵⁹ «Есть и свои таланты, – писал Г.Г. Манизер о другом племени, – даже гении, вожди народа, нравственный авторитет которых колоссален, есть и бесшабашные лентяи, целыми днями валяющиеся и даже на охоту идущие только под влиянием приставаний жены, и молчаливые деловые люди, и болтуны весёлого нрава, и кокетливые барышни... Подумать только, что это общество – общество людоедов!»⁶⁰

Одной из интереснейших сторон латиноамериканской жизни для путешественников из Российской империи была политика. Целый материк «неустоявшихся в брожении областей»⁶¹ привлекал к себе внимание как либералов, так и консерваторов, для которых экстравагантная практика государственных переворотов была в диковинку. Мало кому удавалось застать местные республики в состоянии стабильности. Более того, среди приезжавших были желающие нарочно увидеть «революцию». А.В. Вышеславцов ждал беспорядков, при которых «всякий полицейский может схватить и сунуть нас в самую грязную тюрьму», но обнаружил в городе необъяснимую тишину и спокойствие. «Говорите после этого об ужасах революционных городов!», – иронизировал он⁶². А.Г. Ротчев, напротив, и не думал о чём-то подобном, но неожиданно попал в Коста-Рике в перестрелку⁶³. Протопресвитер Константин Изразцов и вовсе привык к постоянным «революциям и разным неурядицам», уверившись, что случались они «к нашему благополучию, по неисповедимым путям Всевышнего!»⁶⁴

В восприятии политических реалий Латинской Америки русскими путешественниками не прослеживается каких-либо возрастных или социальных закономерностей. При этом, как правило, учёных-естествоиспытателей политика не интересовала вовсе, а этнографы, историки и экономисты лишь изредка уделяли ей внимание. Гораздо подробнее политические сюжеты освещаются в путевых заметках мореплавателей, литераторов и дипломатов.

Наиболее остро путешественники критиковали латиноамериканские режимы в 1830-х гг. Начиная с последней четверти XIX в. негативные оценки встречаются всё реже. При этом в первой половине XIX в. для описания происходящего в республиках ими использовались выражения «смута», «распри», «брожения», «переворот» или просто «события»⁶⁵, термин же «революция»

⁵⁸ *Литке Ф.П.* Указ. соч. С. 156; *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 36; *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 119; *Блаватская Е.П.* Разоблачённая Изиды. М, 1992. С. 208, 459–460; *Ионин А.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 218.

⁵⁹ *Крымов В.П.* В стране любви... С. 139–141.

⁶⁰ *Манизер Г.Г.* Из записей русского путешественника по Южной Америке // Латинская Америка. 2003. № 3. С. 73.

⁶¹ *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. С. 58.

⁶² *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 520.

⁶³ *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. С. 57–58.

⁶⁴ *Изразцов К.Г.* Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской российской миссии в Южной Америке. СПб., 1904. С. 20.

⁶⁵ Впечатления моряка... Ч. 2. С. 129; *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 31; *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. С. 58; *Ломоносов С.Г.* Указ. соч.

встречается лишь в очерках Коцебу, вышедших в 1831 г. в Веймаре на немецком языке. Со второй половины 1850-х гг. напротив, понятие «революция» начинает употребляться часто и бессистемно. И только после 1905 г. авторы записок о Латинской Америке стали различать «перевороты», «провозглашение независимости», «беспорядки» и, собственно, «революции»⁶⁶.

Причину нестабильности они нередко видели в порочном круге испорченных нравов и постоянных беспорядков. Вырваться же из него, казалось, возможно лишь при вмешательстве той или иной внешней силы, под которой почти всегда подразумевались англосаксы⁶⁷. Другие связывали несостоятельность демократических форм правления с низкой политической культурой и недостаточной сознательностью населения. П.А. Чихачёв, ещё в 1830-х гг. объездивший всю Южную Америку, писал, что «демократические формы здесь у всех на языке, хотя никто не понимает их»⁶⁸. «Боже, – восклицал обычно сдержанный Ионин, – вот здесь всё другое, и небо, и воздух, и деревья, и звери, и даже люди совсем новые... а принципы 89 года всё те же – всё те же затверженные, и всем наскучившие, и большей частью пустые слова»⁶⁹. Многие путешественники вообще сомневались в возможности существования прочных республиканских институтов «на такой первобытной почве»⁷⁰. В отличие от тех, кто искал источник всех бед в «крови» и «нравах», они не считали панацеей европейскую эмиграцию, но и других выходов из сложившейся ситуации не указывали⁷¹.

Ответственность за политический хаос в стране русские обыкновенно возлагали на правительство. В иных странах оно, по их мнению, находилось «в руках диких генералов», а армия и полиция проявляли себя скорее в искусстве военных переворотов, чем в деле поддержания порядка⁷². «Чрезвычайно дурная и корыстная администрация» повсеместно обвинялась в попустительстве, взяточничестве и «тунеядном стремлении к занятию коронных должностей»⁷³. Так, Врангель полагал, что в Мексике «нет ни одного чиновника, которого нельзя было бы подкупить», и «ни нравственности, ни патриотизма здесь не найдёшь»⁷⁴. О ловкости кубинских чиновников, осуществлявших чуть ли не чичиковские махинации с почившими рабами, писал Лакиер⁷⁵. Состояние южноамериканских государств постоянно характеризуется в путевых заметках как «полнейшая анархия», «беспорядочность», и т.п.⁷⁶

---

⁶⁶ *Деволлан Г.А.* Указ. соч. № 4. С. 302; *Бальмонт К.Д.* Указ. соч. № 4. С. 10; *Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 69; *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 12; *Манизер Г.Г.* Необразильцы // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 295; *П. С-овъ.* Указ. соч. С. 137; Из записок адмирала Д.С. Арсеньева. С. 280.

⁶⁷ *Арсеньев Д.* Республики Южной Америки // Морской сборник. 1862. № 4. С. 93, 100; Из записок адмирала Д.С. Арсеньева. С. 266; *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 83, 85; *Максимов А.Я.* Указ. соч. Т. 8. С. 14—15, 272; *Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г.И. Лангсдорфа.* М., 1995. С. 44; *Протопопов С.Д.* Указ. соч. С. 85.

⁶⁸ *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 31.

⁶⁹ *Ионин А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 31.

⁷⁰ *Манизер Г.Г.* Необразильцы. С. 298; *Маяковский В.В.* Указ. соч. С. 287; *Коцебу О.Е.* Указ. соч. С. 551; Впечатления моряка... Ч. 2. С. 125, 129.

⁷¹ *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 31.

⁷² *Арсеньев Д.* Республики Южной Америки. С. 98.

⁷³ *Жилинский Я.Г.* Испано-американская война. Отчёт командированного к испанским войскам на Кубе. СПб, 1899. С. 237–238.

⁷⁴ *Врангель Ф.П.* Указ. соч. С. 239, 256.

⁷⁵ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 326.

⁷⁶ *Максимов А.Я.* Указ. соч. С. 120; *Фесун Н.* Из записок офицера, служившего на фрегате

Со временем путешественники всё чаще иронизировали над местными властями, отмечая, что быть президентом здесь – «это красиво, шикарно, благодаря этому можно иметь успех у женщин, а в Центральной Америке это главное»⁷⁷. Соответственно и «стать депутатом» – это «сложная наука, часто чисто коммерческая задача, причём выборы обычно сопровождаются побоищами, не без пристрастия полиции»⁷⁸. Амбиции латиноамериканских правительств объяснялись при этом «политическим воображением» и тщеславием⁷⁹, жадной «ракет и бомб, буффонады или революции»⁸⁰. Одни наблюдатели относились к этому с неприязнью⁸¹, другие – с отстранённым любопытством⁸².

При изображении латиноамериканских реалий систематически встречаются театральные мотивы. «Блестящий спектакль», «балаган», «комедия отказа»⁸³, – именно так воспринималась деятельность местной администрации. Чилийские солдаты – «жалкие пародии на воинов»⁸⁴, карибский парад – «балаганная комедия»⁸⁵, уругвайский флот – «микроскопический»⁸⁶, современная постройка – «то ли сенат, то ли театр»⁸⁷. Ионин подробно описывал примирение Аргентины и Уругвая, которое шторм превратил из великолепного праздника на море в «печальную пародию»: «За час ещё казавшиеся орлами, генералы походили уже на мокрых куриц... Триумф превращался в карикатуру»⁸⁸. Крымов, называвший южноамериканские республики не иначе как «марионеточными», утверждал, что в этих странах «трагическая судьба инков, кровь, измены и убийства перемешались с опереткой»⁸⁹. Чихачёву даже казалось, что Провидение «нарочно ведёт их длинным путём страданий... чтоб, вразумлённые опытом, они могли предстать пред очами человечества в могучем составе крепко сложенных монархий»⁹⁰. Глядя на это, одни, как Лангсдорф, желали своим читателям: «Оставьте все сомнения в стороне, пребывайте на своём месте и вкушайте ваш хлеб в тишине и покое под защитой цивилизованного государства»⁹¹. Другие же, как Ионин, призывали задуматься: «Здесь всё происходит как-то просто, наглядно, грубо даже; ложь и aberrации видны тотчас же, сейчас можно разобрать белые нитки... Нам, обитателям Старого Света, не мешает иногда поискать на самих себе этих белых ниток Нового Света»⁹².

«Аврора» // Морские сражения русского флота. Воспоминания. Дневники. Письма. М, 1994. С. 354; Чихачёв П.А. Указ. соч. С.31.

⁷⁷ Крымов В.П. В стране любви... С. 85.

⁷⁸ Манизер Г.Г. Необразильцы. С. 297.

⁷⁹ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 117; Фесун Н. Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж». С. 36.

⁸⁰ Крымов В.П. О рулетке Монте-Карло... С. 127.

⁸¹ Чихачёв П.А. Указ. соч. С. 48; Крюков Н.А. Указ. соч. С. 12; Фесун Н. Каллао и Лима. С. 113.

⁸² Патканов С.К. В стране маясов // Наблюдатель. 1895. № 6. С. 126; Маяковский В.В. Указ. соч. С. 287; Крымов В.П. О рулетке Монте-Карло... С. 127; Ионин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 223.

⁸³ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 557; ККоллонтай А.М. Мексиканские дневники Александры Коллонтай // Латинская Америка. 1979. № 5. С. 188; Вышеславец А.В. Указ. соч. С. 498, 510.

⁸⁴ Фесун Н. Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж». С. 42.

⁸⁵ Аренс Е. Из плавания на клипере «Стрелок» в 1883–1885 гг. // Русское обозрение. 1890. Т. 4. № 8. С. 603.

⁸⁶ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 6.

⁸⁷ Маяковский В.В. Указ. соч. С. 281.

⁸⁸ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 6.

⁸⁹ Крымов В.П. В стране любви... С. 148.

⁹⁰ Чихачёв П.А. Указ. соч. С. 72.

⁹¹ Дневник русской комплексной академической экспедиции... С. 238.

⁹² Ионин А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 218–219.

Помимо особенностей политической жизни, у россиян вызывало интерес безраздельное господство в Латинской Америке «католического закона»⁹³. Иберийский вариант католицизма – огонь *auto da fe*, суд инквизиции и мрачные монашеские ордена – будоражили их воображение⁹⁴, несмотря на то, что почти все, кто писал об этом, на момент поездки были старше 30 лет.

Характеризуя местный религиозный быт, путешественники обычно обращали внимание на внешний вид церквей и монастырей, набожность населения, праздничные процессии, статуи и изображения святых, а также на роль католического духовенства и миссионеров. Архитектурные достоинства костёлов, как правило, рассматривались с учётом городского ансамбля, причём вкусы авторов могли заметно отличаться. Так, Беллинсгаузен писал, что в Рио-де-Жанейро «все вершины холмов заняты монастырями, украшающими наружный вид города»⁹⁵, а Коцебу обнаружил в столице Бразилии «великое множество неуклюже построенных церквей и монастырей»⁹⁶. Были и те, кому местная церковная архитектура не нравилась в силу их эстетических представлений или же вследствие духовной чуждости⁹⁷.

Переступив порог храма, путешественники пытались определить количество собравшихся, ощутить степень их увлечённости молитвой, проникнуть в чувства верующих: «Всякий на минуту обращается в самого себя; всё безмолвствует, всё молится!»⁹⁸ Другие, напротив, иронизировали над показной набожностью паствы. Рассказывая про «случайные» взгляды, вздохи, перебирание чётков, шуршание веером и прочие ухищрения кубинок, Лакиер указывал, что «для туземцев церковь есть приятный *rendezvous*, и не один креол умеет рассчитать степень любви к нему по игре веера его донны и по условным знакам»⁹⁹. Максимов описывал, как молодые чилийки стараются по завершении мессы выйти из храма в толпе поклонников¹⁰⁰. Маяковский безапелляционно заявлял, что «мексиканские синьорины и синьориты пользуются собором как проходным двором, для того чтобы, оставив в ждущем шофёре впечатление религиозной невинности, выскользнуть с другой стороны в объятия любовника или под руку поклонника»¹⁰¹.

Любовников у противоположного входа видели не все, зато никогда не оставались незамеченными многочисленные религиозные процессии¹⁰². Размах и торжественность подобных зрелищ поражали воображение: «Заиграла музыка, зазвонили в колокола, и потянулся попарно длинный ряд знамён, хоругвей, рас-

---

⁹³ Журнал мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг. // Труды института истории естествознания и техники. Т. 27. М, 1959. С. 295.

⁹⁴ Протопопов С.Д. Указ. соч. С. 93.

⁹⁵ Беллинсгаузен Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 101.

⁹⁶ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 554.

⁹⁷ Матюшкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 38; Максимов А.Я. Указ. соч. Т. 8. С. 236; Протопопов С.Д. Указ. соч. С. 97.

⁹⁸ Фесун Н. Каллао и Лима. С. 112; Витковская С.В. Указ. соч. С. 565; Деволлан Г.А. Указ. соч. № 5. С. 636. См. также: Крымов В.П. В стране любви.... С. 130; Бальмонт К.Д. Указ. соч. № 6. С. 32.

⁹⁹ Лакиер А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 278.

¹⁰⁰ Максимов А.Я. Указ. соч. Т. 8. С. 236–237.

¹⁰¹ Маяковский В.В. Указ. соч. С. 282.

¹⁰² Лакиер А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 296; Литке Ф.П. Указ. соч. С. 124; Беллинсгаузен Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 102.

пятый, свеч, детей, клириков... Народ стал на колени, и с какого-то перекрёстка полетели букеты ракет, а с приготовленных эстрад заиграла музыка»¹⁰³.

Однако эстетически чуждый вид разряженных статуй неприятно поражал русских путешественников и вызывал у них в лучшем случае недоумение. Лакиер, увидев в процессии две статуи, никак не мог понять, кого же они изображают: «Одни говорили, что это Христофор Колумб и рядом с ним Иисус Христос, другие – что Колумб у ног короля испанского»¹⁰⁴. Ионин находил истерзанные фигуры Христа отвратительными и удивлялся тому, насколько такие проявления веры «бесцеремонно-нахальны, наивны и безобразны»¹⁰⁵. Краснов с негодованием отзывался о древнем католическом соборе в Мексике как о «языческом капище ацтеков»: «На уродливых горельефах вы с большим напряжением воображения узнаете изображения святых и Христа... Одна фигура была одета в чёрный костюм испанского гранда, в кружевном воротнике и с генеральскою звездою, другая изображала богатую донну»¹⁰⁶. Даже симпатизировавшей всему мексиканскому Витковской не импонировала местная религиозная эстетика: «Всё напыщенно, театральное и совсем не вызывает должностного чувства»¹⁰⁷.

Влияние католического духовенства в Латинской Америке также приводило большинство авторов в негодование. Безраздельное господство в стране одной конфессии вело, по их мнению, к распущенности среди духовенства и к изуверству среди прихожан¹⁰⁸, а также способствовало социальной несправедливости¹⁰⁹. «Патерам» приписывались «сильная склонность обращать всё в деньги» и «хлебодество»¹¹⁰, а также невежество и суеверие¹¹¹. «Священничество с огромным числом монахов представляет для страны истинное бедствие, – утверждал протестант Врангель, – суеверие, безнравственность, нетерпимость возвращаются и лелеются этим паразитическим сословием»¹¹². Путешественники начала XIX в. отмечали ещё и распутный образ жизни южноамериканского духовенства¹¹³. Матюшкин писал, что редкого монаха можно встретить «в трактире без бутылки или без креолки»¹¹⁴. Уважительных отзывов российских подданных удостоили, пожалуй, лишь миссионеры – «истинные учителя веры»¹¹⁵. «Их крепкая вера, их высокое самоотвержение выкупают их ошибки», – признавал Чихачёв, не сочувствовавший католикам¹¹⁶.

Неприязнь к католицизму составляла характерную черту русских путевых записок XIX и начала XX в, хотя их авторы не были так единодушны в отноше-

¹⁰³ *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 579. См. также: *Деволлан Г.А.* Указ. соч. № 5. С. 636; *Врангель Ф.П.* Указ. соч. С. 253; *Князев А., Фрейдберг И.* Указ. соч. С. 84; *Дневник русской комплексной академической экспедиции...* С. 112.

¹⁰⁴ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 297.

¹⁰⁵ *Ионин А.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 21–22.

¹⁰⁶ *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания // Книжки недели. 1897. № 10. С. 177.

¹⁰⁷ *Витковская С.В.* Кругом света. С. 565–566.

¹⁰⁸ *Литке Ф.П.* Указ. соч. С. 124.

¹⁰⁹ *Коцебу О.Е.* Указ. соч. С. 579; *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 564.

¹¹⁰ *Врангель Ф.П.* Указ. соч. С. 196; *Литке Ф.П.* Указ. соч. С. 100; *Максимов А.Я.* Указ. соч. Т. 8. С. 226–227; *Вышеславцов А.В.* Указ. соч. С. 588; *Князев А., Фрейдберг И.* Указ. соч. С. 84.

¹¹¹ *Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники... Т. 1. С. 298, 298; *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 60; *Воронов Ю.Н.* Полгода в Колумбии. (Впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г.) Л., 1929. С. 13; *Максимов А.Я.* Указ. соч. Т. 8. С. 227.

¹¹² *Врангель Ф.П.* Указ. соч. С. 240, 256.

¹¹³ *Литке Ф.П.* Указ. соч. С. 125.

¹¹⁴ *Матюшкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 53.

¹¹⁵ *Максимов А.Я.* Указ. соч. Т. 8. С. 75.

¹¹⁶ *Чихачёв П.А.* Указ. соч. С. 7.

нии к другим конфессиям. К примеру, восточные верования зачастую вызывали у них симпатию¹¹⁷. Так или иначе, обобщив свои наблюдения за религиозностью в Латинской Америке, путешественники обычно констатировали, что католическим миссионерам и священнослужителям удалось добиться лишь внешней христианизации. Так, Лангсдорф был убеждён, что крещёные индейцы лишь потому посещают мессу, что «их к этому принуждают; в остальное же время не хотят ничего знать ни о португальцах, ни о религии и после заоя ходят в леса»¹¹⁸. Впрочем, в подобных явлениях можно было усматривать как свидетельство «колонизаторской неспособности испанцев»¹¹⁹, так и, напротив, особую гибкость католичества, которое «сумело приспособить внешнюю сторону религии к туземному мировоззрению»¹²⁰.

В целом, «царство антиподов» служило русскому человеку в XIX – начале XX в. и зеркалом, и лупой. На необъятных просторах Америки, как полагал А.С. Ионин, «всё... разрастается и экзажеруется до невероятия – и наши качества, и наши недостатки, и наши растения, и наши утопии, и религия, и отрицание»¹²¹. Таким образом, путешествия позволяли увидеть свои недостатки и утопии в гипертрофированном виде. А приложение нового знания к жизни начиналось с публикации этих размышлений в виде путевых заметок.

---

¹¹⁷ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. С. 109; Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. С. 85–86; Александр Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 109.

¹¹⁸ Дневник русской комплексной академической экспедиции... С. 69.

¹¹⁹ Протопопов С.Д. Указ. соч. С. 85.

¹²⁰ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 554–555; Литке Ф.П. Указ. соч. С. 100; Коллонтай А.М. Дипломатические дневники... Т. 1. С. 295; Арнс Е. Указ. соч. С. 601–602; Деволян Г.А. Указ. соч. № 5. С. 636; Крымов В.П. В стране любви... С. 93; Воронов Ю.Н. Указ. соч. С. 32, 46. Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. С. 177.

¹²¹ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

Николае Кретзулеску – полномочный министр Румынии в Санкт-Петербурге (1881–1886)

Адриан-Богдан Чеобану

Nicolae Kretzulescu, a minister plenipotentiary of Fomania

*Bogdan Ceobanu (Department of history,
Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania)*

Прошло более века со дня смерти видного румынского государственного деятеля и дипломата Николае Кретзулеску (1812–1900), но до сих пор нет основательного исследования о его дипломатической карьере¹. Данная статья по-

---

© 2015 г. А.-Б. Чеобану

Исследование выполнено при поддержке стратегического гранта POSDRU/159/1.5/S/140863, Project ID 140863 (2014), софинансирование по которому осуществлено European Social Fund within the Sectorial Operational Program Human Resources Development 2007–2013.

священности Кретзулеску на посту полномочного министра Румынии в столице Российской империи с мая 1881 г., когда он был назначен на этот пост, по апрель 1886 г., когда подал в отставку.

Николае Кретзулеску родился в Бухаресте, в 1839 г. окончил медицинский факультет Парижского университета, после чего вернулся на родину с целью организовать систему здравоохранения в Валахии; участвовал в революции 1848 г. и 4 августа был назначен ревизором в «администрации Великой Валахии». После подавления революции он покинул страну, но вернулся в 1849 г., когда господарём Валахии стал Б. Штирбей. Кретзулеску занимал должности директора в Министерстве иностранных дел (1854–1855) и министра финансов (1857), участвовал в политической жизни и после объединения Румынских княжеств в 1859 г. В июле 1862 г. он был назначен председателем Совета министров и министром внутренних дел, а с июня 1864 г. – министром юстиции и министром по делам культов в правительстве, возглавляемом М. Когэлничану. После 1870 г. Кретзулеску был избран депутатом состава избирателей Мусчел, а 12 марта 1871 г. согласился стать министром юстиции и временно исполняющим обязанности министра общественных работ в правительстве, возглавляемом Л. Катарджиу. В декабре 1873 г. Кретзулеску начал свою дипломатическую деятельность как дипломатический агент Румынии в Берлине (с января 1874 г. по май 1876 г.), с 1879 г. он – министр по делам культов и образования, а с января 1880 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр Румынии в Риме².

В марте 1881 г. ушёл из жизни Я. Гика, являвшийся полномочным министром Румынии в России с 1878 г., и правительство страны оказалось перед вопросом, кого назначить на его место. Почему выбор пал именно на Кретзулеску? После 1878 г. в румынской дипломатии существовала практика назначения крупных политиков на посты в европейских столицах. Дело в том, что в начале 1880-х гг. профессиональных румынских дипломатов, которые бы последовательно проходили все дипломатические ранги вплоть до полномочного министра, не существовало. С другой стороны, по мнению кн. Л.П. Урусова, русского полномочного министра в Румынии (1880–1886), назначение Кретзулеску на пост в царской столице мотивировано тем, что король Карол I желал быть представленным при царском дворе человеком без такого политического прошлого, которое могло бы внушать недоверие императорскому правительству³.

Ещё одной причиной назначения Кретзулеску, на мой взгляд, стал тот факт, что в марте 1878 г. дипломат опубликовал брошюру «Размышления о возвращении бессарабских уездов»⁴. В ней он подверг критике образ действий румынского правительства и парламента в 1878 г., а также негативную по отношению к России реакцию румынской прессы на бессарабское «дело», из-за которых, писал он, «мы потеряли симпатии нашей сильной соседней нации»⁵. Дипломат высказал мнение, что политика румынского правительства была в то время «несерьёзной». С точки зрения румынского дипломата А.Э. Лаховари, опубликовав эту брошюру, «Кретзулеску пошёл навстречу желанию царя стереть унижение, перенесённое Россией после подписания Парижского мирного договора. Он

¹ См.: *Xenopol A.D. Nicolae Kretzulescu: Viața și faptele lui 1812–1900*. București, 1915. P. 111–137; *Barbu G. Nicolae Kretzulescu*. București, 1964. P. 110–237; *Căpușanu A.A. Diplomați români de elită – o istorie incompletă a diplomației române prin diplomați*. Vol. I. București, 2009. P. 104–108.

² *Barbu G.* Op. cit. P. 110–262; *Căpușanu A.A.* Op. cit. P. 104–108.

³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 597, л. 68.

⁴ *Kretzulescu N. Cugetări asupra retrocedării județelor din Basarabia*, București, 1878.

⁵ *Ibid.* P. 8.

указал на значение и на многочисленные выгоды, которые могла бы принести Румынии разумная политика по отношению к сильной соседней стране»⁶. Более того, добавлял Лаховари, назначение Кретзулеску министром в Петербург «было подобием запоздалой благодарности бухарестских официальных лиц»⁷.

Наконец, третьей возможной причиной назначения Кретзулеску могли стать матримониальные связи румынского дипломата в русском обществе. Он был женат на Софии Яковенко, дочери И. Яковенко, бывшего секретаря русского консульства в Бухаресте, ставшего затем директором почтового ведомства Румынских княжеств. С. Яковенко очень ценили в румынском обществе⁸. Мне уже приходилось писать, что в конце XIX в. большинство румынских министров в Петербурге находились в прямых или косвенных родственных связях с представителями русского общества⁹.

Назначенный министром в мае 1881 г., Кретзулеску приехал в Петербург через месяц, и по его настоятельному желанию секретарём миссии второго класса был назначен уже упоминавшийся Лаховари, который через год стал его зятем. Из воспоминаний Лаховари известно, что «одной из первых забот Н. Кретзулеску было найти подходящее для миссии здание». Вдвоём они посетили несколько домов и, в конечном счёте, выбрали первый этаж дома Мясоедова, где «салоны для приёмов, да и жилые комнаты были просторными и светлыми»¹⁰. Почему выбор подходящего помещения оказался так важен? Лаховари отмечает, что «в его элегантных салонах должны были проходить роскошные приёмы, вечера, балы или театральные представления, в которых бы играли роли молодые члены дипломатического корпуса»¹¹. После Берлинского конгресса бухарестские политические деятели осознали, что «сегодня наш полномочный министр имеет тот же ранг, что и все остальные европейские министры; теперь его будут приглашать на все представления, на все обеды, устроенные министрами или представителями других стран, и он, в свою очередь, должен приглашать их, потому что все они находятся на равных»¹². Предыдущий румынский министр при российском дворе Я. Гика «говорил, что разорился из-за больших расходов на приличный дом и на все требования этикета»¹³.

В 1881 г. полнокровной светской жизни в Петербурге не было, поскольку русское общество ещё находилось в шоке от убийства Александра II. Только в апреле 1882 г. румынская миссия устроила спектакль, в котором молодые члены дипломатического корпуса, аккредитованного при российском дворе, поставили пьесы «*La lettre chargée*», «*Le télégramme*», «*Le plus beau jour de la vie*»¹⁴. В начале 1882 г. в частном письме к Э. Стэтеску Кретзулеску так описывал свои впечатления от жизни в русской столице: «Здесь положение то же: члены царской семьи вместе с двором живут, как пленники, в закрытой Гатчи-

⁶ Arhivele Naționale Istorice Centrale (далее – ANIC), fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 39–41.

⁷ Ibid., f. 41–42.

⁸ *Cantacuzino S. Din viața familiei I.C. Brătianu*. București, 1993. P. 75–76.

⁹ См.: *Ceobanu A.-B. Ruși și români: diplomație și relații matrimoniale în a doua jumătate a secolului XIX* // Anuarul Institutului de Istorie A.D. Xenopol. T. XLVII. Iași, 2010. P. 181–192.

¹⁰ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 38.

¹¹ Ibid.

¹² *Organizarea instituțională a Ministerului Afacerilor Externe. Acte și documente*. Vol. I. 1859–1919 / Ed. de I. Mamina, G. Neacșu, G. Potra. București, 2004. P. 387.

¹³ Ibid.

¹⁴ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 141, f. 3.

не; время от времени говорят о новых арестах, но за что, кого арестовали и что будет с арестованными, никто ничего не может знать. Говорят, что во дворце интриги продолжают... После обеда в дружеской беседе господин Гирс выразил своё сожаление по поводу сложившейся ситуации и сказал мне, что гибель императора Александра II является большой потерей для России; он отозвался весьма нелестно о нынешнем императоре, говоря, что царь слишком любит семейную жизнь и что ему не хватает опыта отца... Не можете себе представить, какая здесь дороговизна жизни... с конца сентября по настоящее время я еле-еле справляюсь с нашими многочисленными расходами»¹⁵.

Первыми, кто нанёс визит семье Кретзулеску в Петербурге, стали супруги Гирс: Николай Карлович в 1881 г. был товарищем министра иностранных дел, а уже через год получил портфель министра, а его супруга Ольга приходилась дочерью Е.М. Горчаковой и Г. Кантакузино. Из воспоминаний Лаховари и его жены Аны мы узнаем, что во время пребывания Кретзулеску в Петербурге у него с Гирсом сложились очень близкие отношения: «Дружба Гирса с Н. Кретзулеску началась ещё в Яссах, когда Гирс был там консулом¹⁶. С годами эта дружба стала столь крепкой, что во время миссии в Петербурге мы часто проводили время в их семье, где нас принимали, как родных»¹⁷.

21 апреля 1882 г. от имени своих правительств Гирс и Кретзулеску подписали российско-румынскую «Конвенцию об отказе от взаимных претензий, проистекающих из войны 1877–1878 гг.». Необходимость в конвенции была обусловлена тем, что после Берлинского конгресса, по решению которого южная Бессарабия вернулась в состав Российской империи, между двумя государствами шли трудные переговоры, приведшие в 1878–1881 гг. к обострению их отношений. Со временем румынские политики стали с большой похвалой отзываться о Кретзулеску и о его «большой заслуге» перед родной страной, состоявшей именно в подписании апрельской конвенции¹⁸. Зять Кретзулеску считал, что решение споров между двумя странами не было бы возможным без существенной поддержки Гирса. Этот аспект подчёркивал и сам Кретзулеску в беседе с А.Кандиано-Попеску: «Россия предоставила нам займ в размере 8 миллионов лей (винтовки Крынка и проч.), мы требовали от неё возмещать нам убытки за износ железных дорог и др. После войны Россия потребовала от нас ещё 3 миллиона. Я добился отказа России от этих претензий, и император сделал это только ради меня, ибо я угрожал Гирсу, что откажусь от своего поста в Петербурге, если он не сумеет уладить это дело»¹⁹.

Другим доказательством дружбы и взаимного уважения между Кретзулеску и Гирсом является случай с газетой «*Journal de Saint-Petersbourg*». В феврале 1883 г. в контексте дискуссий о праве Румынии на совещательный голос на Лондонской конференции о судоходстве на Дунае, в этой газете была напечатана негативная статья о Румынии. Претензии этого государства иметь голос на конференции автор статьи счёл непомерными, поскольку, как он считал, только державы имели право принимать решения по дунайскому вопросу. Румынский министр в Петербурге не остался равнодушным к статье и при встрече

¹⁵ Ibid., d. 132, f. 2.

¹⁶ Н.К. Гирс, секретарь русского консульства в Яссах в 1841–1847 гг., в 1858–1863 гг. генеральный консул России в Румынских княжествах. Его дочь Ольга в 1886 г. вышла замуж за румынского дипломата Г. Росетти-Солеску.

¹⁷ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 49.

¹⁸ Ibid., d. 309, f. 66.

¹⁹ *Candiano-Popescu A. Amintiri din viața-mi. Vol. II // Ed. de C. Corbu. București, 1999. P. 71.*

с Гирсом предупредил его, что подаст в отставку, если против газеты не будут предприняты меры. Гирс заверил Кретзулеску, что не одобряет тон и стиль статьи и обещал лично поговорить с редактором издания²⁰. Через несколько дней газета обнародовала опровержение статьи, отметив, что не имела намерения ущемлять интересы и права Румынии как прибрежного государства в ходе работы Европейской дунайской комиссии и Лондонской конференции²¹.

В начале 1883 г. началась подготовка к коронации Александра III. Румынию представляли министр Н. Кретзулеску, секретарь миссии первого класса А.Э. Лаховари и секретарь миссии второго класса Д. Пертикари в качестве атташе²². Кроме них из Бухареста приехали генеральный инспектор артиллерии Э. Арион и адъютант короля Карола I Э. Казимир²³. Дипломаты отмечали, что торжества по случаю коронации продолжались почти три недели, прошли «в помпезной азиатской роскоши и оказали на участвующих в них молодых людей ошеломляющее впечатление»²⁴. Осенью того же года Кретзулеску ненадолго приехал в Бухарест, где несколько раз встретился с русским министром в Румынии Урусовым. В донесениях, отправленных в МИД, Урусов писал, что считает Кретзулеску тонким дипломатом, и что ему следует оставаться на посту в царской столице²⁵. Беседы Урусова с Кретзулеску часто имели и неофициальный характер. Так, Кретзулеску сообщил своему коллеге, что предложил королю Каролу I посетить Петербург, и получил в ответ заверения, что это произойдёт в ближайшее время²⁶. Достоверность данной информации сомнительна, поскольку ни в биографической литературе о Кароле I, ни в документах той эпохи упоминаний о таком намерении короля не обнаружено.

В Петербурге Кретзулеску активно интересовался и культурной жизнью. Благодаря его деятельности на этом поприще в феврале 1884 г. профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский известил румынского дипломата о том, что в университете открыт специальный курс румынского языка и литературы²⁷. Через месяц новый ректор университета И.Е. Андреевский благодарил дипломата за подарок – его книгу «Описательная анатомия». 25 апреля 1885 г. Кретзулеску стал почётным членом университета²⁸.

Кретзулеску заботился и об улучшении торговых отношений между Румынией и Россией. С этой целью он провёл переговоры с членом Общества для содействия русской промышленности и торговле И.С. Познанским. Оба пришли к заключению, что промышленники России и Румынии пренебрегают коммерческими взаимоотношениями²⁹. Этот вывод был обоснованным, если иметь в виду цифры торгового оборота между двумя странами в тот момент: экспорт Румынии в Россию составлял 4.44% общего объёма (в Австро-Венгрию – около 50%), а объём импорта из России – лишь 3%³⁰.

²⁰ Documente diplomatice române. Ser. I. Vol. 11. București, 1883 // Realizat de A. Ciupală, R. Dinu, A. Lukács. București, 2006. P. 105–106.

²¹ Ibid. P. 112–113.

²² Подробнее см.: *Чеобану А.Б.* Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 61–68.

²³ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 140, f. 44.

²⁴ Ibid., d. 825, f. 50–51.

²⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 612, л. 194.

²⁶ Там же, л. 53.

²⁷ *Cazan N., Rădulescu Zolner Ș.* România și Tripla Alianță 1878–1914. București, 1979. P. 140.

²⁸ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 66, f. 2, 3, 17.

²⁹ Documente diplomatice române. Seria I. Vol. 11. București, 2006. P. 226–227.

³⁰ *Ardeleanu C.* Comerțul exterior și navigația prin Gurile Dunării. Serii statistice (1881–1900). Galați, 2008. P. 22–32.

Летом 1884 г., будучи в отпуске в Бухаресте, Кретзулеску впервые пытался подать в отставку с поста посланника в царской столице и обратился с этой просьбой к министру иностранных дел Д.А. Стурдзе, мотивируя её, помимо прочего, не очень хорошими отношениями между румынским и российским правительствами³¹. Стурдза отставку не принял, заявив, что нельзя возлагать дела миссии на плечи «слишком молодых секретарей»³². Кретзулеску вернулся в Петербург, но летом 1885 г. вновь попросил об отставке. Представители влиятельных бухарестских кругов вновь смогли убедить его пересмотреть своё решение³³. Действительно, в течение следующих месяцев стране потребовался опытный дипломат для улаживания румыно-российских отношений. Это было связано с ситуацией на Балканах, где в сентябре 1885 г. разразился первый после Берлинского конгресса кризис.

Как справедливо заметил румынский историк Д. Каин, конгресс 1878 г. «слишком мало имел в виду интересы и стремления народов зоны и оставил много нерешённых проблем»³⁴. Одной из них была ситуация к югу от Дуная, где автономное княжество Болгария находилось под османским сюзеренитетом, а Восточной Румелией правил османский губернатор. Восстанием 6(18) сентября 1885 г. в городе Филиппополе этот губернатор был свергнут; таким образом произошло объединение Румелии с Болгарией под скипетром князя Александра Баттенберга. Случившееся застало врасплох и русское, и европейские правительства. Александр III в этот момент находился в Дании, а Гирс – в отпуске³⁵. Османские дипломаты испытали чувство *dejà vu*, вспоминая о событиях 1859 г., когда румыны подобным образом решили прибегнуть к политике свершившегося факта. Вместе с тем в беседе с главой британской дипломатии лордом Солсбери османский посол в Лондоне Мусурус-паша напомнил ему, что Румыния была отделена от Османской империи Дунаем, а объединение Восточной Румелии с Болгарией поощряет «панславянскую пропаганду», цель которой – достичь ворот Константинополя³⁶. Румынский посланник в Стамбуле Г.М. Гика доносил об «изумлении и переполохе», вызванными болгарскими событиями³⁷, а из Петербурга временный поверенный в делах В. Кучурияну сообщил об «общем удивлении» в России³⁸.

В следующие дни по поводу болгарских событий Петербург энергично протестовал и принял решение о выводе всех своих офицеров, находившихся на военной службе в Болгарии, что повергло болгар в настоящий шок³⁹. Рос-

³¹ Кретзулеску имеет в виду случай с К.А. Морузи, секретарём русской миссии в Бухаресте, который не проявил должного уважения к либеральному правительству и Каролу I. Вследствие переговоров между А.Э. Лаховари, секретарём румынской миссии в Петербурге, и Н.К. Гирсом Морузи был отозван из Румынии (*Ceabanu A.-B. La Légation de Russie à Bucarest, 1880–1886. Représentants et activité // Revue des Études Sud-Est Européennes. 2012. T. L. P. 302–304.*

³² ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 374, f. 1–2.

³³ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, fond Dosare Personale, litera K, nr. 2, nepaginat.

³⁴ *Cain D. Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900. București, 2012. P. 54.*

³⁵ *Medlicott W.N. The Powers and the Unification of Two Bulgarias, 1885: Part I // The English Historical Review. Vol. 54. 1939. № 213. P. 71.*

³⁶ *Ibid. P. 85.*

³⁷ *Documente diplomatice române. Seria I. Vol. 12, 1884–1885. Râmnicu Vâlcea, 2010. P. 601.*

³⁸ Любопытно, что 10/22 сентября 1885 г. министр иностранных дел И. Кымпиняну выразил своё недовольство «небрежностью» В. Кучурияну, который не доносил в Бухарест «никакой полезной информации» (*Ibid. P. 606–609.*)

³⁹ *Jelavich Ch. Tsarist Russia and Balkan Nationalism. Berkeley, 1962. P. 218.*

сия хотела, чтобы объединение Болгарии стало только её «делом» и в меньшей мере делом болгар и Баттенберга⁴⁰, отношения с которым к тому времени резко ухудшились. По словам временного поверенного в делах Великобритании в Бухаресте П. Сандерсона, в этом новом контексте Румыния заняла «пацифистскую»⁴¹, «выжидательную» позицию, а среди румынских политических лидеров цариле беспокойство⁴².

Озабоченность румынского правительства была понятна, учитывая ходящие в стране слухи, что в Бессарабии сконцентрированы русские войска, а в Хотине мобилизовано приблизительно 5 тыс. человек⁴³. В течение октября секретарь румынской миссии в Петербурге Г. Росетти-Солеску провёл несколько встреч с русскими дипломатами, которые положительно оценили корректное поведение Румынии, продолжавшей поддерживать восстановление *statu-quo ante*. О том же шла речь на встречах Кретзулеску с Гирсом⁴⁴. Сдержанное отношение Румынии по отношению к событиям к югу от Дуная неудивительно. Зажатая между Россией и Болгарией, Румыния постоянно подвергалась риску вторжения как с севера, так и с юга, и в таких условиях приоритет румынской дипломатии состоял в том, чтобы избежать любой напряжённости в отношениях с Россией или с другой державой, которая могла бы привести к превращению Румынии в театр военных действий⁴⁵. Румынскому правительству ещё не было ясно, на кого лучше сделать ставку, чтобы не испортить хороших отношений с соседями.

2(14) ноября Сербия объявила Болгарии войну под предлогом нападения болгар на сербские пограничные посты⁴⁶. На фоне этих событий Гирс выразил своё недовольство решением Румынии отправить на границу с Россией несколько полков. По его мнению, это решение выражало «враждебность и провокацию против соседнего государства». Кретзулеску проинформировал русского дипломата об отсутствии у румынского правительства скрытых намерений и о том, что эта мера была принята исключительно по рекомендации ветеринарной комиссии. Гирса данные разъяснения удовлетворили⁴⁷.

Бухарестские политики, в свою очередь, были недовольны тем, что Россия использовала Дунай для перевозки оружия в Рушук и Видин⁴⁸. Кретзулеску провёл несколько бесед с русским министром иностранных дел и по поводу слухов о перемещении русских войск по линии Бендеры-Галац; причём эти слухи Гирс опроверг⁴⁹. В начале сербо-болгарского конфликта складывалось впечатление, что Сербия выиграет войну, пользуясь своей превосходящей военной силой и тем, что болгарская армия осталась без русских офицеров, отозванных на родину. Однако сербы потерпели унижительное поражение при Сливнице, и только политико-дипломатическая интервенция Австро-Венгрии остановила болгарское наступление⁵⁰.

⁴⁰ *Buşă D. Modificări politico-teritoriale în sud-estul Europei între Congresul de la Berlin și primul război mondial (1878–1914). București, 2003. P. 136.*

⁴¹ *Damean S.L. Diplomați englezi în România 1881–1914. Craiova, 2009. P. 123.*

⁴² *Documente diplomatice române. Vol. 12. P. 639.*

⁴³ *Ibid. P. 658.*

⁴⁴ *Ibid. P. 670, 687, 695, 748, 752.*

⁴⁵ *Dinu R. Introducere // Ibid. P. X.*

⁴⁶ *Catană B. Relații diplomatice româno-sârbe 1880–1913. Craiova, 2009. P. 123.*

⁴⁷ *Documente diplomatice române. Vol. 12. P. 786, 796, 801.*

⁴⁸ *Buşă D. Op. cit. P. 144.*

⁴⁹ *Cazan Gh. Cu privire la politica României față de Rusia în anii 1879–1893 // Analele Universității C.I. Parhon, Seria Științe Sociale, anul IX, nr. 16, 1961. P. 118.*

⁵⁰ *Jelavich Ch. Op. cit. P. 230.*

10/22 декабря 1885 г. Сербия и Болгария подписали акт о перемирии и решили, что мирные переговоры будут вестись в Бухаресте⁵¹. В начале 1886 г., когда боевые действия закончились, и следовало заключение мира, Кретзулеску подал в отставку с поста посланника в Петербурге, причиной чего, как он писал, стали «мои частные интересы, удалённость от моих детей и не в последнюю очередь трудность частых поездок отсюда в Петербург»⁵². Столицу Российской империи он покинул в апреле 1886 г. С уходом Кретзулеску завершился важный этап в истории румыно-российских отношений. После 5 лет, проведённых в столице Российской империи, Кретзулеску в 1891–1893 гг. был полномочным министром в Париже, после чего отошёл от дипломатической деятельности. В 1895–1896 и 1897–1898 гг. он занимал должность президента Румынской академии.

---

⁵¹ *Buşă D.* Op. cit. P. 145–147.

⁵² ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 136, f. 3.

Советский Союз на Нионской конференции по борьбе с пиратством (10–14 сентября 1937 г.)

Ирина Хормач

USSR at the Nyon conference on sea piracy, September, 1937

Irina Khormach (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

Многие десятилетия термин «пиратство» ассоциировался со Средневековьем. В 1950–1980-х гг. о нём вновь вспомнили: в рамках ООН были приняты юридические акты по борьбе с пиратством, причём оно характеризовалось как противоправное действие частных лиц. В последние годы это понятие стало вновь актуальным в связи с сомалийскими пиратами. Но был период – время гражданской войны в Испании (1936–1939), – когда вопрос о пиратстве обсуждался на заседаниях Лиги Наций и на созданной ею конференции в г. Нионе (Швейцария). Здесь 14 сентября 1937 г. представители СССР, Великобритании, Франции, Турции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии и Египта подписали важное для всего международного сообщества соглашение о коллективных мерах борьбы с пиратскими действиями в Средиземном море подводных лодок военно-морских сил генерала Ф. Франко, Германии и Италии, осуществлявших блокаду Испанской республики.

О Нионской конференции кратко упоминается в обобщающих трудах, посвящённых истории международных отношений и внешней политики Советского Союза¹, и в некоторых зарубежных исследованиях². Более полно о конференции – как свидетели этих событий – писали министр иностранных дел Великобритании Э. Иден³ и полномочный представитель СССР в этой стране И.М. Майский⁴. Некоторым аспектам рассматриваемой темы посвятила свою статью В.В. Малай⁵, однако в историографии ещё не рассматривались вопросы, касающиеся значения Нионской конференции в борьбе с таким преступлением международного характера 1930-х гг, как пиратство, а также роли Советского Союза в работе этого форума. Цель статьи – восполнить этот пробел, основываясь как на опубликованных источниках, так и на мало исследованных архивных материалах, хранящихся в Архиве внешней политики МИД РФ.

Проблема международного пиратства возникла в период гражданской войны в Испании. Тогда командование генерала Франко, а также поддерживавшие его Германия и Италия стали использовать свои военные корабли, самолёты и подводные лодки для захвата (а подчас и уничтожения) торговых судов законно избранного 16 марта 1936 г. республиканского правительства Испании и других держав, проходивших вдоль её берегов и имевших возможность, по их мнению, оказать республиканцам помощь оружием, боеприпасами и продовольствием⁶.

Отчасти эта проблема была связана с деятельностью Международного Лондонского комитета по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании (далее – Комитет), образованного в августе 1936 г. для наблюдения за выполнением подписанного 27 европейскими государствами соглашения о запрещении экспорта и транзита оружия в эту страну (с 17–18 июля 1936 г. против республики воевали испанские фашистские мятежники, а затем – итало-германские интервенты). К работе Комитета для совместного решения проблемы недопущения иностранных войск и военной помощи воюющим сторонам в Испании и вывода уже имевшихся на её территории добровольческих контингентов были привлечены Италия и Германия?⁷ Однако в результате их действий и политики Англии и Франции, опасавшихся расширения испанского демократического движения и склонявшихся к достижению компромисса с государствами фашистского блока, работа Комитета всё больше заходила в тупик. Невмешательство держав в решение этой проблемы могло закончиться удушением фашистскими государствами Испанской республики⁸.

Массированные пиратские захваты судов начались осенью 1936 г, причём более всего страдал торговый флот СССР (безусловно, торговые суда других государства тоже регулярно становились жертвами пиратских набегов, но в меньшей степени – корабли Британии мог защитить её Средиземноморский

¹ Всемирная история. Т. 9. М., 1962. С. 349–350; История внешней политики СССР. Т. 1917–1945. М., 1986. С. 318; История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917–1945. М., 1986. С. 179–180.

² См., например: *Cattel D. Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War*. Losangeles, 1957. P. 76.

³ *Eden A. Facing the Dictators: The Memoirs of Antony Eden earl of Avon*. Boston, 1962.

⁴ *Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962.

⁵ *Малай В.И.* Нионская международная конференция (1937 г.) и курс Великобритании на политическую изоляцию СССР. М., 1989 (деп. в ИНИОН).

⁶ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. 20. М., 1976. С. 25–26.

⁷ *Майский И.М.* Указ. соч. С. 22–24.

⁸ ДВП. Т. 20. С. 5–7, 8–10.

флот, и для Франции, ввиду её географического положения, проблемы с охраной своих судов не было, другие же страны не так активно пользовались средиземноморскими путями). С 30 октября 1936 г. по 10 апреля 1937 г. нападениям испанских мятежников при прохождении Гибралтара подверглись 84 советских судна (8 танкеров, остальные – сухогрузы, перевозившие уголь, зерно и другие товары): 74 – в районе Гибралтара, десять – у северо-западных берегов Испании и в Средиземном море. Эти корабли курсировали между советскими портами и гаванями Германии, Голландии, Италии, Франции, Англии, Турции и ряда стран Ближнего Востока, и лишь один из них направлялся в Испанию с грузом продовольствия. 21 советское судно остановили в пути военные корабли и вооружённые тральщики мятежников и без завода в свои порты обыскали, проверили на предмет соответствия документов и перевозимого груза. 52 торговых корабля завели в Сеуту и другие порты на срок до суток и после обыска отпустили, девять – задержали в своих портах на несколько суток. Неоднократно допускалась частичная конфискация груза (в основном угля).

Все нападения были очень похожи. Так, пароход «Днестр», шедший из Гамбурга в Батуми с транзитным грузом для Ирана, 30 октября 1936 г. при входе в Гибралтар был задержан крейсером испанских мятежников «Альмиранте Сервера», его обыскали, затем отпустили. В том же проливе следовавший из Батуми в Эртвельде танкер «Союз водников» (с грузом 10 тыс. т газойля для германской фирмы «Бензол-Фербанд») 11 ноября обстрелян тем же крейсером (советское судно повреждено), обыскан, отведён в Сеуту, через шесть суток отпущен (на обратном пути всё повторилось). Пароход «Петровский», следуя из Роттердама в Порт-Саид с попутным грузом 5900 т немецкого угля, 12 ноября был задержан в том же месте и отведён в бухту Камарильяс, затем – в Фероль, а 17 ноября отпущен. Теплоход «Вторая пятилетка» на пути из Антверпена в Батуми (с транзитным грузом для Ирана в районе Ла Корунья) был задержан 17 ноября, отведён в бухту Камарильяс, после обыска отпущен. Пароход «Чубарь» шёл из Роттердама с грузом 5600 т германского угля в итальянский порт Ливорно, 25 ноября его обстреляли в Гибралтарском проливе, остановили, обыскали; 27 ноября снова задержали в Средиземном море и отвели в бухту Пальма; 2 декабря отпустили. Теплоход «Рион» шёл из Данцига в Батуми с транзитным грузом для Ирана, был задержан в Гибралтаре военным судном мятежников 29 ноября, после проверки документов отпущен. Там же 30 ноября остановили танкер «Эмба», следовавший из Туапсе в порт Авенмаус с грузом 10 тыс. т нефтепродуктов, после проверки документов его отпустили и т.д.

Задерживались советские сухогрузы независимо от маршрута и портов назначения, в том числе следовавшие из нацистской Германии в фашистскую Италию. Нападения происходили практически ежедневно, иногда – два–три раза в день, а 1 декабря 1936 г. были остановлены и насильно направлены в испанские порты пять (!) советских торговых судов. Теплоход «Комсомол», направлявшийся из Поти в бельгийский порт Гент с грузом марганцевой руды, 14 декабря был подожжён и потоплен. В сообщении, полученном 15 декабря агентством «Рейтер» из Гибралтара от английского судна «Бритиш Айльс», описывался пожар и предполагалось, что советская команда подобрана испанским кораблём. Один из свидетелей этой катастрофы капитан бельгийского судна «Президент Франки» отмечал, что рядом с горящим советским теплоходом находился испанский крейсер под флагом националистов, который вёл стрельбу разрывными гранатами, поражавшими центральную часть «Комсомола».

Бельгийское судно запросило командира крейсера: можно ли спасти команду советского теплохода? Ответный сигнал означал: «Вся команда спасена». При приближении «Президента Франки» крейсер прекратил бомбардировку и удалился на полной скорости. Обнаружив спасательную лодку, бельгийцы направились к ней, но, завидев это, испанский крейсер вернулся и на большой скорости протаранил судёнышко⁹. 5 января 1937 г. в Бискайском заливе был захвачен пароход «Смидович», шедший из Ленинграда с грузом продовольствия, проданного «Экспортхлебом» республиканским торговым организациям, его завели в порт Эль-Ферроль, груз конфисковали, а команду интернировали¹⁰.

Поскольку ситуация ухудшалась с каждым днём, а Комитет занимался исключительно проблемой вывода иностранных войск из Испании, 12 января 1937 г. Москва решила прозондировать возможность постановки вопроса о «формах косвенного вмешательства – пребывании в испанских водах германских и итальянских военных судов, выполняющих функции разведки и непосредственно помогающих флоту мятежников, и незаконное задержание торговых судов». Но последний пункт следовало поднять позднее, как отмечал народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов в своём письме советскому представителю в Комитете И.М. Майскому, чтобы не задерживать проведение в жизнь решения о прекращении посылки войск в Испанию. В тот же день по указанию наркома Майский и полпред СССР во Франции В.П. Потёмкин сообщили министрам иностранных дел Э. Идену (Великобритания) и И. Дельбосу (Франция), что почти все советские торговые суда при переходе через Гибралтар «подвергаются со стороны судов Франко задержкам и остановкам в марокканских портах», один теплоход потоплен. Также было заявлено, что советское правительство не может мириться с нарушением международных правил и бесчеловечным обращением с командами и пассажирами судов. Учитывая, что от подобных актов страдают и другие государства, Москва, прежде чем начать действовать самостоятельно, просила сообщить, какие меры, по мнению Лондона и Парижа, можно принять в целях предотвращения угрозы миру¹¹. Дельбос обещал Потёмкину связаться с председателем Совета министров и морским министром Франции, после чего дать ответ¹². Иден же сказал Майскому, что не знает, что можно сделать. При этом он отметил, что британским военным кораблям отдан приказ защищать свои коммерческие суда, сообщив также, что Комитет готовит схему наблюдения (которую можно расширить) за косвенными формами вмешательства в портах и на сухопутных границах Испании¹³.

К 29 января технические эксперты Комитета представили схему морского контроля, предусматривавшую разделение испанского берега на несколько зон и курсирование в каждой из них кораблей соответствующей страны для соблюдения безопасности плавания. Французский представитель Ш. Корбен предложил «интернациональную патрульную службу» для всех зон, т.е. каждую из них должны были охранять суда разных государств. Против этого выступало Британское адмиралтейство, опасаясь технических и административных труд-

⁹ АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 3, л. 3–20.

¹⁰ ДВП. Т. 20. С. 226; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 3, л. 3–17.

¹¹ ДВП. Т. 20. С. 25–26.

¹² Там же. С. 693–694.

¹³ Там же. С. 27–28, 33.

ностей, а СССР, наоборот, склонялся к принятию «интернациональной» схемы¹⁴.

Так вопрос о пиратстве перешёл в сферу конкретного обсуждения, и 3 февраля 1937 г. СССР присоединился к «Правилам действия подводных лодок по отношению к торговым судам в военное время», подписанным в Лондоне 6 ноября 1936 г. Согласно этому документу, подводные лодки по отношению к торговым судам должны были следовать международным правилам, принятым для надводных военных кораблей. В частности, кроме случаев «упорного отказа остановиться» после соответствующего предложения или сопротивления осмотру или обыску, судно военное могло потопить торговое или лишить его возможности плавания только после доставки пассажиров, экипажа и судовых бумаг в безопасное место. Судовые шлюпки рассматривались как «безопасное место» лишь при благоприятных погодных условиях, близости земли или присутствия другого судна, готового принять пассажиров в экипаж¹⁵.

15 февраля члены Комитета пришли к компромиссу в вопросах о добровольцах и схеме контроля, установив даты для введения соглашений в действие: о добровольцах – с 20 февраля, контроле – с 6 марта. А 19 февраля в Комитете Майский поставил на обсуждение вопрос об одновременном введении морского контроля и пресечения пиратства франкистов. Как он и ожидал, советскую инициативу не поддержали. Кроме того, представитель Великобритании лорд Плимут заявил, что контроль только регистрирует нарушение, не предусматривая борьбу с пиратством¹⁶.

Через месяц, когда ситуация усугубилась, и Франция стала опасаться, что после установления контроля итальянские и немецкие суда, везущие контрабанду, будут подымать у себя испанский флаг¹⁷, Москва решительно выступила против распространения контроля на суда законного испанского правительства, причем корабли Франко «должны третироваться как мятежные пиратские суда и, во всяком случае, должны быть контролируемы. Нельзя приравнивать испанское правительство к мятежникам»¹⁸.

В 20-х числах апреля 1937 г. уже десятки норвежских, датских, финских и других судов задерживались Франко в Гибралтаре, уводились в Марокко, а их груз конфисковывался, хотя и не содержал никакой военной контрабанды и часто был адресован даже не в испанские порты. 27 апреля на заседании подкомитета Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия (при полной поддержке советского представителя) подняли вопрос о мерах борьбы с пиратством в случае захвата в испанских водах судов, имевших на борту контролёров Комитета. Вопрос о захватах судов кораблями Франко обсуждался и 30 апреля, причём, по словам Майского, скандинавы были возмущены полным равнодушием англичан к судьбам их судоходства (французский же представитель молчал). Только благодаря энергичному вмешательству Майского «похоронить вопрос» не удалось – решили обсудить его на майском пленуме Комитета¹⁹.

На очередном заседании 5 мая были внесены два предложения: советское – назначить комиссию экспертов для срочного рассмотрения вопроса и подготов-

¹⁴ Там же. С. 699–700.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 76, 85–87, 693.

¹⁷ Там же. С. 710.

¹⁸ Там же. С. 141.

¹⁹ Там же. С. 692–693.

ки доклада о мерах по защите судоходства в районе Испании, и английское – запросить правительства представленных в Комитете стран о фактах нарушения свободы судоходства, выяснив их мнение о юридических аспектах вопроса в случае нахождения на борту задержанного судна контролёров Комитета. Последнее предложение взяли за основу, а после обсуждения в проект внесли пункт о практических мерах борьбы с пиратством. Майский не стал настаивать на немедленном образовании комиссии экспертов²⁰. К сожалению, обещание Плимута как председателя Комитета вернуться к вопросу о пиратстве не было выполнено, так как работу сессии прервали по случаю коронации короля Великобритании Георга VI.

В конце августа – начале сентября пиратство, теперь уже и «итальянское», ввиду своей полной безнаказанности приняло угрожающие размеры, причём бесчинствовали больше всего подводные лодки. Это вызвало энергичные протесты не только общественности, но и судоходных компаний Англии и Франции²¹. 26 августа французский поверенный в делах в Лондоне заявил Идену, что Париж предпринимает меры по защите своих кораблей, но считает, что их страны должны провести переговоры с Римом до сентябрьской Ассамблеи Лиги Наций, чтобы попытаться снять напряжение в районе Средиземного моря. Иден полагал, что переговоры бессмысленны, но принял полученное через два дня предложение Дельбоса организовать в Женеве совместную встречу средиземноморских держав (Франции, Великобритании, Югославии, Греции, Турции и Египта), а также, возможно, России, Болгарии и Румынии для выработки мер безопасности для навигации. Представители английского и французского правительств назначили встречу в Женеве на 2 сентября, само же предложение легло в основу Нионской конференции²².

Но уже 30 августа в Средиземном море итальянские военные корабли взорвали греческое судно, напали на испанское; в ночь с 31 августа на 1 сентября в шести милях от Валенсии неопознанная подводная лодка выпустила три торпеды по английскому эсминцу «Хэвок»²³. В августе это была уже восьмая атака на британские корабли и 18-я – на нейтральные суда. Непосредственно же перед двусторонней встречей 2 сентября британский танкер «Водворт» был торпедирован и потоплен у юго-восточного берега Испании. Иден был уверен, что часть замеченных пиратских подводных лодок, имевших маркировку армии Франко, принадлежала Италии и Германии²⁴. После того, как в первые две недели сентября ещё не менее шести британских кораблей были атакованы²⁵, английский парламент потребовал обязательного сопровождения торговых судов ВМС Великобритании. Однако Иден, считавший подобные меры бесполезными, ускорил подготовку плана проведения Средиземноморской конференции. Именно там можно было добиться от обеих враждующих в Испании сторон отказа вывода своих субмарин за пределы её внутренних вод. Кроме того, требовалось договориться и о том, чтобы подводные лодки других стран не заходили за строго определённую линию – в противном случае международ-

²⁰ Известия. 1937. 8 мая.

²¹ *Eden A.* Op. cit. P. 518.

²² *Ibid.* P. 518–519.

²³ *Ibid.* P. 519.

²⁴ *Ibid.* P. 520.

²⁵ *Малай В.В.* Указ. соч. С. 3.

ные силы имели бы право атаковать и уничтожить любую подводную лодку, обнаруженную в открытом море.

Адмиралтейство и МИД Великобритании разработали план раздела Средиземного моря на зоны контроля, согласно которому Англия и Франция играли бы главную роль в надзоре за западной частью бассейна, а Россия и некоторые восточноевропейские страны – за Эгейским морем. Участники соглашения должны были применять силу против субмарин, атакующих торговые суда или подозреваемых в этом²⁶.

Москва в принципе была готова к такому соглашению – участились нападения субмарин и на советские суда. 30 августа в 120 км к востоку от Алжира итальянская подводная лодка потопила сухогруз «Тимиразев», следовавший из Кардиффа в Порт-Саид с грузом угля, 1 сентября в 15 милях от о. Скирос было совершено нападение на судно «Благоев», направлявшееся из Мариуполя в Сет с грузом пека (имелись человеческие жертвы). 6 сентября советский полпред Б.Е. Штейн передал МИД Италии ноту протеста, в которой говорилось, что акты, предпринятые итальянским ВМФ в свободной зоне плавания против торговых судов СССР, нарушали пакт о дружбе и ненападении от 2 сентября 1933 г.²⁷ Министр иностранных дел Италии Г. Чиано, естественно, отрицал причастность его страны к указанным действиям²⁸.

Советская нота протеста по времени совпала с предложением Англии и Франции созвать 10 сентября 1937 г. конференцию для изучения мер по борьбе с пиратством, которые положат конец существующему положению в Средиземном море и укрепят нормы международного права, касающиеся мореплавания. На форум были приглашены державы: средиземноморские – Италия, Югославия, Албания, Греция, Турция и Египет; черноморские – СССР (по настоянию Франции), Румыния и Болгария, а также Германия («на последующей стадии» предусматривалась возможность сотрудничества и с другими странами)²⁹.

Республиканская Испания тоже обращалась к Лиге Наций с призывами о вмешательстве в ситуацию. В частности, 23 августа 1937 г. её генеральный секретарь получил ноту с требованием рассмотреть вопрос о нападении итальянских ВМС на испанские торговые суда согласно ст. 11 Устава Лиги³⁰. Любопытно, что требования Испании приняли, но саму страну на конференцию не пригласили. Поэтому 7 сентября советское правительство в своём обращении к Лиге, подтверждавшем согласие участвовать в работе форума, просило объяснить: на каком основании Германия, не являвшаяся средиземноморским государством, приглашена, а Испания – нет, хотя её интересы «особо серьёзно» нарушались агрессивными действиями пиратских военных кораблей³¹. Советская сторона не только не получила разъяснений, но в ответ на занятую ею принципиальную позицию 9 сентября Италия отказалась участвовать в конференции, затем то же сделала и Германия³².

Местом проведения конференции по борьбе с пиратством (10–14 сентября) неслучайно был выбран небольшой городок Нион, расположенный в 15 км от

²⁶ *Eden A.* Op. cit. P. 520–523.

²⁷ ДВП. Т. 20. С. 488.

²⁸ АВП РФ, ф. 98, оп. 21, д. 42; ДВП. Т. 20. С. 749.

²⁹ ДВП. Т. 20. С. 490.

³⁰ АВП РФ, ф. 098, оп. 20, д. 665, л. 30.

³¹ ДВП. Т. 20. С. 489–490.

³² *Documents of German Foreign Policy. Ser. D. Vol. 3. P. 405. Documents of British Foreign Policy. Ser. 2. Vol. 19. P. 245, 247.*

Женева, где с 13 сентября по 6 октября планировалось проведение XVIII Ассамблеи Лиги Наций. Таким образом, участники Нионской конференции могли работать, не прерывая заседаний форума международной организации и ряда сессий органов Лиги (98-я и 99-я сессия её Совета; 2-я сессия «Специальной комиссии по применению принципов Устава»; 3-я сессия Консультативного комитета по Дальнему Востоку и 7-я сессия Комиссии изучения вопроса о Европейском Союзе)³³.

Утром 10 сентября Иден и Дельбос договорились о следующем: для ускорения пресечения пиратских нападений они будут настаивать на экстренном привлечении всех морских сил, находящихся в Средиземном море, а чтобы не погрязнуть в дискуссиях, ограничатся вопросом борьбы только с подводными лодками (нападения надводных кораблей и самолётов предложили рассмотреть в ходе работы Ассамблеи Лиги)³⁴. Этот англо-французский проект и представил Дельбос, избранный председателем конференции на её первом пленарном заседании. Средиземное море предлагалось разделить на зоны, охрана которых поручалась отдельным государствам приблизительно по следующей схеме: западная часть – Англии и Франции; восточная – Греции и/или Югославии; коридор, охватывающий Мальту – Англии; северная часть Эгейского моря – СССР и Турции. В этих зонах каждая субмарина, атакующая торговое судно (кроме испанского), не соблюдающая Лондонскую конвенцию от 22 апреля 1930 г, могла быть уничтожена. Для облегчения задачи участники конвенции обязались не направлять свои подводные лодки в Средиземное море, кроме «определённых» случаев, но и тогда субмарины должны были передвигаться только на поверхности, в сопровождении надводных военных судов, обязательно известив об этом остальные державы³⁵.

Глава советской делегации Литвинов, выступивший первым во время общей дискуссии, заявил, что конференция является шагом к созданию коллективной безопасности для мирного судоходства на водных путях. Назвав пиратство средневековым пережитком, нарком подчеркнул, что имевшие место случаи нападения являются «типичным государственным пиратством, поскольку на подводных лодках были закрашены их названия и спрятаны национальные флаги, а экипаж был одет в замаскированную форму», хотя название этого государства и цели, которые оно преследует, общеизвестны. Кроме того, заявил Литвинов, под понятие «пиратство» также должны быть подведены действия надводных судов и самолётов, задержавших и потопивших уже несколько десятков торговых судов в Средиземном море и в Атлантическом океане, и необходимо говорить об обеспечении свободы плавания во всех морях. При этом нарком, чтобы подчеркнуть обязательность исполнения решений Нионской конференции для международного сообщества, постоянно связывал её работу с деятельностью Лиги Наций. Он выразил сомнение в целесообразности деления Средиземного моря на зоны (так как участники конвенции не обладали одинаковой морской мощью, охрана не могла быть равномерной, а судно великой морской державы могли потопить и при прохождении через слабо защищённую зону) и предложил использовать смешанные отряды. Литвинов также высказался против уничтожения подводных лодок только в случае несоблюдения Лондонской конвенции, которая имела в виду военное, а не мирное время. Он считал, что это

³³ ДВП. Т. 20. С. 489–490; *Eden A.* Op. cit. P. 521.

³⁴ *Eden A.* Op. cit. P. 525.

³⁵ АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 1–7; Conference Mediterranenne. C.M. / C.R.1 / P. 1–31.

был путь легализации войны и признания прав стороны, воюющей за Франко, т.е. перевода гражданской войны на международный уровень³⁶.

Англичане признали чрезвычайную важность замечаний советского наркома и согласились сделать оговорку, что конвенция не легализует войну, не одобряет атаки на коммерческие суда и не признаёт ни за кем права воюющей стороны. Однако Литвинов настаивал на чётком определении того, что любая подводная лодка, пытающаяся совершить нападение на коммерческое судно, «подлежит уничтожению». Французы и англичане обещали на следующий день представить новый текст соглашения, хотя французский представитель считал, что предлагаемые правила и так фактически делают невозможным нападение подводных лодок, поскольку субмарина не может предоставить средств спасения, и любое её нападение будет нарушением прежних конвенций. В заключение Литвинов предложил после разрешения проблемы «подводного пиратства» приступить к обсуждению вопроса борьбы с нападениями на коммерческие суда надводных судов и самолётов. Французы поддержали инициативу, но Иден «морщился»³⁷.

Вечером 10 сентября состоялось первое заседание Постоянного комитета Нионской конференции, на котором текст проекта дорабатывался главами делегаций и техническими экспертами. При обсуждении советский нарком пытался добиться принятия системы смешанного контроля над зонами для обеспечения безопасной навигации. Однако остальные посчитали, что каждому участнику конвенции следует самому охранять свою зону, кроме участков, где контроль должен быть смешанным – англо-французским³⁸. В тот же день Литвинов сообщил в НКВД, что, по его впечатлению, эта конференция затеяна Великобританией и Францией с целью потеснить Италию в Средиземном море, направив туда большое количество эсминцев, препятствуя курсированию в нём подводных лодок³⁹.

На втором заседании Постоянного комитета, которое проходило 11 сентября, обсуждение проекта продолжилось. Теперь англичане и французы предложили не делить Средиземное море на зоны – они были готовы взять на себя основной фронт защиты торговых путей в западной части бассейна и Эгейское море; от Суэца до Гибралтара, от Дарданелл до Гибралтара и от североафриканских портов до Марселя (для этого требовалось не менее 60 судов), а странам Восточного Средиземноморья и Советскому Союзу предлагалось контролировать собственные территориальные воды и помогать в патрулировании главного пути, выделив «некоторое количество» миноносцев (правда, Лондон и Париж и на этом не настаивали).

Предлагаемый план резервировал патрулирование некоторых районов в Тирренском море за Италией, которая, по словам Идена, имела бы возможность посылать свои корабли на охоту за собственными субмаринами. Английский министр не рассчитывал, что Муссолини согласится на это предложение, но оно могло создать основу для «сделки» и вынудить эту страну отказаться от пиратства. Одновременно Париж и Лондон предложили обсудить проект инструкции для ВМС десяти участников конференции⁴⁰.

³⁶ ДВП. Т. 20. С. 493–494.

³⁷ Там же. С. 492–495.

³⁸ Conference Méditerranéenne. C.M. / Comité permanent C.P. / P.V.1 / 10 septembre 1937. P. 1–19, 31–36; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 52–54.

³⁹ ДВП. Т. 20. С. 750–751.

⁴⁰ *Eden A. Op. cit.* P. 527.

Во время перерыва в заседаниях Литвинов телеграфом передал Потёмкину (назначенному заместителем наркома иностранных дел) текст готовящейся конвенции и выразил мнение, что она обеспечит участникам, в том числе и СССР, полную охрану если не судов то, во всяком случае, их команд. Остальные страны дали своё согласие, дело было за Москвой. Нарком предлагал согласиться при условии недопущения легализации останки и потопления торговых судов (даже с соблюдением известных правил) и признания за Франко прав воюющей стороны⁴¹. В ответ Литвинов немедленно получил указание – добиваться включения в проект перечисленных формулировок⁴². Но к этому моменту многие из возражений наркома уже учли, при этом особенно «выпукло» отметив непризнание прав воюющих сторон. Однако по настоянию организаторов конференции перечисленные в проекте меры по охране судоходства не распространялись на суда Испанской республики, а в отношении уничтожения пиратских подводных лодок по-прежнему сохранялась оговорка о соблюдении правил войны. Тем не менее Литвинов высказывался за подписание соглашения, подчёркивая, что конференция прошла всё-таки без участия Италии и Германии, а Англия и Франция, оспаривая господство Италии в Средиземном море, признали наличие там интересов СССР. Нарком просил срочно сообщить решение и прислать телеграммой полномочия на подписание конвенции за подписью М.И. Калинина или В.М. Молотова, либо заявить об отказе⁴³. Переговоры шли очень интенсивно, практически не прекращаясь, и уже до полуночи 11 сентября было достигнуто согласие по всем принципиальным вопросам. Литвинов, не дождавшись ответа Москвы, принял предложения организаторов конференции.

Тем временем проект конвенции направили в Рим для ознакомления⁴⁴, а на следующий день французы обратились к Литвинову с просьбой поддержать уже подписанное всеми остальными делегатами конференции обращение к Италии об охране ею судоходства в Тирренском море. В ответ нарком заметил, что, обвиняя Италию в нарушении свободы судоходства, нельзя одновременно поручать ей охрану этой свободы. 13 сентября Литвинов получил из Москвы письменное разрешение дать согласие на подписание конвенции. Ему также поручили информировать испанскую делегацию на Ассамблее Лиги Наций о мотивах решения Кремля, сделав акцент на «целесообразность демонстративной изоляции Германии и Италии и положительный эффект удара, наносимого престижу фашистской Италии в бассейне Средиземного моря»⁴⁵.

Утром 14 сентября на втором пленарном заседании Нионской конференции все соответствующие документы были, наконец, подписаны. После выступления председателя форума глава советской делегации заявил, что с большим удовлетворением подписал соглашение, поскольку всякая акция по борьбе с агрессией, «выражающаяся не только в увещаниях, протестах, декларациях и резолюциях, но также в действиях, должна быть особенно приветствуема». А в данном случае речь идёт о международном соглашении, частично осуществляющем идеи коллективной безопасности и региональных соглашений. Нарком

⁴¹ Conference Méditerranéenne. С.М. / С.Р. / P.V.2/11 septembre 1937. P. 1–5; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 6; д. 3, л. 24–27.

⁴² ДВП. Т. 20. С. 501–502.

⁴³ Там же. С. 751.

⁴⁴ *Eden A.* Op. cit. P. 527.

⁴⁵ ДВП. Т. 20. С. 502.

отметил и «любезную предупредительность» стран-участительниц конференции в отношении пожеланий и предложений советской делегации. «Быстроту удачи» конференции (основные документы были согласованы практически за сутки) он объяснил главным образом принадлежностью её участников к фронту мира, их приверженностью к коллективной безопасности, региональным соглашениям, соблюдению международных обязательств и других идей, лежавших в основе пакта Лиги Наций. Опыт данного форума и конференции в Монтрё⁴⁶ показал, заявил Литвинов, что только на основе представленных на них идей возможно полезное международное сотрудничество, направленное на устранение опасностей, угрожающих миру⁴⁷. Литвинов в своём выступлении подчёркнуто связывал успех этой международной конференции с Уставом Лиги Наций.

В Нионском соглашении говорилось, что в связи с испанским конфликтом подводными лодками в Средиземном море совершались нападения на торговые суда, не принадлежащие ни к одной из борющихся в Испании сторон, и эти акты являлись нарушением норм международного права (ч. IV Лондонского договора от 22 апреля 1930 г, подтверждённого в протоколе, подписанном в Лондоне 6 ноября 1936 г.), что должно квалифицироваться как пиратские действия. Не признавая ни за одной из противоборствующих в Испании сторон осуществлять права воюющей стороны или контролировать морское судоходство в открытом море, государства-участники условились о следующих коллективных мерах против пиратских действий, совершенных названными судами.

§ 1. Участники дадут инструкции своим морским силам поступать согласно параграфам 2 и 3 в целях защиты нейтральных торговых судов.

§ 2. Каждая подводная лодка, которая нападёт на такое судно, нарушая нормы международного права, будет контратакована и по возможности уничтожена.

§ 3. Эти же меры будут применяться к любой подводной лодке, встреченной по соседству с пунктом, где недавно подверглось нападению в нарушение норм судно, не принадлежащее ни к одной из борющихся в Испании сторон, если будут основания считать её виновницей нападения.

§ 4. Для практического выполнения этих решений участвующие правительства условились о следующем: 1) В западной части Средиземного моря и в Мальтийском проливе (за исключением зоны в Тирренском море, где надзор может быть определён особыми постановлениями) реализация мер в открытом море и территориальных водах участвующих держав лежит на британском и французском флотах. 2) В восточной части Средиземного моря, за исключением Адриатического моря: а) в территориальных водах выполнение лежит на каждом из соответствующих правительств; б) в открытом море, вплоть до входа в Дарданеллы, контроль осуществляют британский и французский флоты в опасных зонах. Остальные договаривающиеся государства обязаны по возможности предоставлять этим флотам запрашиваемую помощь, в частности разрешение выполнения надзора в их территориальных водах и пользование их базами. 3) Границы зон и их распределение могут быть пересмотрены при изменениях в обстановке.

---

⁴⁶ На Международной конференции, проходившей в Монтрё 22 июня – 21 июля 1936 г. с участием СССР, была подписана Конвенция о режиме Черноморских проливов.

⁴⁷ Conference Méditerranéenne. С.М. / С.Р.2. / Р. 1–8; АВР РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 14–17; ДВП. Т. 20. С. 503–505.

§ 5. Для облегчения выполнения постановлений участники договорились ограничить использование своих подводных судов в Средиземном море: перед выходом в море они обязаны оповестить каждого из участников и передвигаться только по поверхности в сопровождении надводных судов. Каждая держава будет иметь для учебных целей указанные в приложении определённые зоны, в которых на их субмарины не распространяются ограничения. Каждая держава будет следить за недопущением присутствия в своих территориальных водах иностранных подводных судов, кроме случаев вынужденного захода или в предусмотренных условиях.

Державы договорились также для облегчения выполнения конвенции рекомендовать своим торговым судам следовать в Средиземном море по главным путям. Вместе с тем не вводилось никаких ограничений для надводных судов. О намерении выйти из соглашения следовало подать заявление за 30 дней. Соглашение сопровождалось картой и двумя приложениями. В первом из них определялись районы, резервированные для учений субмарин. Англии были выделены зоны в районе Гибралтара, Лемноса, Мальты, Кипра; Болгарии и Египту – Нил; Франции – Тунисский залив, зона Тулона, залив Хаммамет (Тунис); Греции – Коринфский и Афинский заливы; Турции – район территориальных вод, прилегающих к Проливам и милитаризованной зоне Смирны (турецкое правительство зарезервировало и три другие зоны – пролив Дарданеллы, Мраморное и Чёрное моря); Югославии – между пунктами Северный и река Бояна; СССР и Румынии – ничего, так как они не требовали соответствующих зон. Во втором приложении и на картах обозначались «пути, которые каждая участвующая держава может рекомендовать своим торговым судам»⁴⁸.

На третьем пленарном заседании Нионской конференции, проходившем в Женеве 17 сентября, обсуждались детали исполнения соглашения в области контроля и патрулирования. Выступили представители Греции, Франции, Турции, отмечавшие сложность осуществления конвенции и опасность ошибочных обвинений. Литвинов также высказал свои замечания и уточнения, часть которых была учтена⁴⁹. На вечернем заседании обсудили окончательную редакцию итогового документа и подписали очень важное Дополнительное соглашение (неотъемлемую часть Нионского) – о распространении его действия на надводные корабли и воздушные суда, о возможном принятии дополнительных мер против пиратства в Средиземном море. Согласно подписанному документу, любой надводный корабль, участвующий в охране торгового судоходства в открытом море по Нионскому соглашению, оказавшись свидетелем нападения, произведённого в указанных условиях, должен: а) если нападение совершено воздушным судном, открыть по нему огонь; б) если нападение совершено надводным кораблем, вмешаться в меру своих возможностей, чтобы помешать этому, обратившись с призывом к подкреплению, если оно окажется поблизости от него. Каждая из участвующих держав обязывалась «регулировать» положение в своих территориальных водах. Дополнительное соглашение было подписано

⁴⁸ Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. № 16. 27 апреля 1938 г. С. 257–276; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 3, л. 32–35, 41–42; д. 5, л. 2–9, 32–35, 41–42; League of Nations. The Nyon Arrangement and the Agreement Supplementary to the Nyon Arrangement. N official. C.409.M.273. 1937. VII. P. 3–7, 8–15.

⁴⁹ Conference Méditerranéenne. C.M./C.P./ P.V.3/17 septembre 1937. P. 1–8; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 44–49.

в единственном экземпляре и передано на хранение в архив Секретариата Лиги Наций⁵⁰.

Для выработки рекомендаций по реализации соглашений в Париже прошёл цикл совещаний на уровне морских экспертов. СССР представляли П. Смирнов и Г. Лашкевич, занявшие активную позицию. Работа началась уже 13 сентября 1937 г. и продолжалась в течение месяца. На эти совещания пригласили и итальянских экспертов (ещё во время переговоров о Нионском соглашения ряд участников высказались за присоединение к нему Италии)⁵¹. Они сначала настаивали на предоставлении им права патрулирования почти по всему Средиземному морю, включая и Эгейское море. Получив решительный отказ, итальянцы просили предоставить им участок между Мальтой и Пантеллерией из маршрута от Дарданелл до Гибралтара, контролируемого Великобританией и Францией. Англичане считали, что уступку стоит сделать, переложив ответственность за происходящее на этом отрезке судоходной линии на Рим. Дельбос просил Москву с этим согласиться, подчёркивая, что для советских судов будет сохранён непрерывный маршрут. 28 сентября Литвинов ответил, что считает итальянцев «безответственными» и, если речь идёт об изменении Нионского соглашения, то СССР – против. Если же имеется в виду сепаратное соглашение между Италией, Францией и Англией, и две последние останутся перед остальными участниками в ответе за весь маршрут, то он запросит правительство. Нарком считал такой компромисс вполне приемлемым, но сомневался, что его примут итальянцы, которые, возможно, захотят присоединиться к соглашению. Если бы Рим отказался от такого предложения, то Литвинов предложил бы Москве потребовать вновь созвать Нионскую конференцию⁵².

29 сентября 1937 г. Потёмкин телеграфировал, что у руководства нет возражений против предложенного Литвиновым компромисса, но в случае его отклонения не стоит требовать нового созыва Нионской конференции, которая явилась бы реваншем для Италии. Было решено заявить, что, формально не возражая против предложения Англии и Франции, Советский Союз возлагает на них морально-политическую ответственность за возможные злоупотребления со стороны Италии оказанным ей доверием⁵³.

На следующий день британские, французские и итальянские морские эксперты приняли техническое соглашение, текст которого и карту районов, охрана которых передавалась флотам указанных государств, 16 октября Дельбос отправил на имя полпреда СССР во Франции Я.З. Сурица (в сопроводительной ноте выражалась надежда на согласие). Однако проект экспертов переходил границы Нионского соглашения, предусматривавшего отступление лишь в отношении Тирренского и Адриатического морей. Москва считала, что техническое соглашение, касавшееся лишь трёх его участников, не должно было задевать интересы остальных государств. Поэтому 25 октября 1937 г. НКВД сообщил, что не считает нужным высказываться по существу и подтвердил, что

⁵⁰ League of Nations... С. 409. М. 273. 1937. VII. Geneve. 23 Septembre. 1937; Conference Mediterraneenne. С. М. / С. R. 4. / Р. 1–4; С. М. / С. R. 3. Р. 1–17; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 18–25, 50–53; д. 3, л. 44–45; д. 5, л. 1–12.

⁵¹ Conference Mediterraneenne. С. М. / С. E. / P. V. I / Р. 1–10; P. V. 2. / Р. 1–6; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 4, л. 76–80; ДВП. Т. 20. С. 757.

⁵² ДВП. Т. 20. С. 527.

⁵³ Там же. С. 528.

за охрану коммерческого судоходства на интересующих его путях в Эгейском и Средиземном морях ответственными являются Франция и Англия⁵⁴.

29 октября Майский изложил Идену позицию Кремля. Тот остался удовлетворен, но Рим заявил, что для него решения Нионской конференции неприемлемы, так как Италия имеет жизненные интересы в Средиземном море и должна иметь равные с другими государствами условия. После этого британский и французский морские штабы договорились, что на протяжении действия Нионского соглашения военно-морские и военно-воздушные силы обеих держав будут содействовать контролю доверенных им территорий⁵⁵.

Естественно, решения Нионской конференции были рассмотрены на очередной сессии Ассамблеи Лиги Наций (инициатором выступил представитель республиканской Испании). Испанский премьер Хуан Лопес Негрин в своей речи на пленарном заседании Ассамблеи 17 сентября потребовал включения его страны как полноправного участника в нионскую систему охраны судов на Средиземном море. Вопрос был передан в VI (политическую) комиссию Ассамблеи⁵⁶, которая на своих заседаниях 27 и 28 сентября занималась испанскими проблемами. Представители Англии и Франции пытались ограничиться ссылкой на уже достигнутые решения, но после обсуждения вопроса при участии испанской делегации на закрытых совещаниях Совета 5 октября была выработана соответствующая резолюция. В ней одобрялось Нионское соглашение, «не предрешая вопроса о мероприятиях, имеющих быть принятыми в дальнейшем», а также осуждались пиратские нападения, совершаемые против каких бы то ни было торговых судов (что испанскую делегацию частично удовлетворило)⁵⁷.

В целом Нионская конференция имела позитивное значение – принятое на ней постановление о борьбе с пиратством обеспечивало значительное уменьшение опасности гибели торговых судов от подводных лодок. Даже США и Англия, по наблюдениям советских дипломатов, расценивали результаты этого международного форума как особо успешные. Иден же после подписания соглашения встретился с представителями печати и на вопрос, означает ли подписанное соглашение конец пиратству, ответил: «Если последует новое нападение, я съем свою шляпу». Позднее в мемуарах он написал, что, к счастью, у него было мало поводов сожалеть об этом обязательстве⁵⁸.

В отличие от многих других договоров, Нионское соглашение стало осуществляться немедленно после подписания: флагман Средиземноморского флота Великобритании линкор «Бархам» сразу начал курсировать от Мальты до французской зоны патрулирования – Северной Африки, две английские эскадры гидросамолётов были направлены из Англии на Мальту, а Средиземноморский флот Великобритании совершил поход к турецким территориальным водам⁵⁹. В результате пиратские нападения на торговые суда различных стран в Средиземном море на какой-то период почти полностью прекратились. «Эффект Нионского соглашения превзошёл самые лучшие ожидания, – писал

⁵⁴ Там же. С. 757–758.

⁵⁵ *Eden A.* Op. cit. P. 529, 531.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 22, л. 32.

⁵⁷ Там же, л. 37–38.

⁵⁸ *Eden A.* Op. cit. P. 530.

⁵⁹ *Ibid.* P. 529.

Майский. – Волна пиратства в Средиземном море сразу упала. Зимой 1937/38 года нападения на испанские суда стали редким явлением»⁶⁰.

Нионская конференция по борьбе с пиратством имела не только большое практическое значение для международного торгового мореплавания, но и явилась одним из немногих актов реального сопротивления агрессору, повлияв на позиции фашистской Италии и нацистской Германии, в определённой степени укротив проявления их агрессивных устремлений. Она создала новую правовую основу для борьбы с агрессией на море. Особенно важной на конференции была роль Советского Союза. Его представители поставили вопрос о необходимости пресечения пиратства как агрессии международного уровня, активно участвовали в разработке конвенции, особенно тех её статей, которые ставили пиратство вне закона и не позволяли агрессору уйти от ответственности. Нионская конференция стала редким примером единодушия государств Лиги Наций в борьбе за коллективную безопасность.

---

⁶⁰ *Майский И.М.* Указ. соч. С. 158.

«Сказки» служилых людей московских чинов Государева двора и боярские списки 1660-х гг. в делопроизводстве Разрядного приказа

Максим Белоусов

«Skazki» of Moscow rank servicemen of the *Gosudarev dvor* and the lists of boyars in records of *Razriadny prikaz*

Maxim Belousov (Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Для изучения истории Государева двора России XVII в. особое значение имеют боярские списки – ежегодно составлявшиеся в Московском столе Разрядного приказа перечни членов Государева двора с регулярно вносившимися сведениями об их пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности. Одной из актуальных проблем исследования боярских списков является изучение их функционирования в делопроизводстве Разрядного приказа, в том числе и выявление источников информации, отражавшейся в них. Установлено, что из «сказок» служилых людей в боярские списки попадали сведения о количестве принадлежавших им дворов либо отсутствию у них поместий и вотчин¹. В «сказках» служилых людей была отражена их готовность к полковой службе, в частности указывалось количество «людей з боем», служивших в полку со своим господином². До сих пор, однако, исследователи практически не обращались к «сказкам» служилых людей, основывая свои выводы лишь на данных боярских списков. Поэтому представляется безусловно необходимым сопоставление сведений «сказок» членов двора с боярскими списками.

Для проведения сопоставительного анализа используем комплекс из 167 поданных московскими дворянами в Разряд в январе–марте 1661 г. «сказок»³ и данные боярских списков 1660-х гг. Количество «людей з боем» при именах членов Государева двора указано в боярском списке 1663 г.⁴ (далее – БС16). Количество дворов, принадлежавших служилым людям, отмечено в списке 7174 (1665/66) г.⁵ (далее – БС30) и списке июля 1666 г.⁶ (далее – БС11). В «наличном» «именном» боярском списке 1667 г.⁷ (далее – БС15) при именах служилых

© 2015 г. М.Р. Белоусов

¹ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 9 (Столбцы Московского стола), д. 253; Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: В 2 т. Т. 1. Казань, 2008. С. 196.

² Белоусов М.Р. Указ. соч. С. 98.

³ ГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 323, столп. 2, л. 1–166.

⁴ Там же, д. 355, столп. 3.

⁵ Там же, д. 678, столп. 2.

⁶ Там же, д. 379, столп. 2.

⁷ Там же, д. 253.

людей московских чинов приписан текст, содержащий сведения о готовности к полковой службе и числе крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах. В результате проведённого сопоставительного анализа установлено, что данные «сказок» 1661 г. нашли полное соответствие в комплексе из двух, трёх или четырёх боярских списков 1663–1667 гг. лишь в 18 случаях из 167).

«Сказки» января–марта 1661 г. (РГАДА, ф. 210, оп. 9, л. 323, столб 2)	Боярские списки
Л. 2: «169-го году генваря в 22 день по указу великого государя... сказал Ивашко Петров сын Пушечников: Служу я по московскому списку, а в государеве жалованье в поместье за мною в Галицком уезде крестьянских и бобыльских десеть дворов. Людей за мною на государеве службе з боем за моею бедностью не будет». Помета: «10, нет».	БС16, л. 83 [пометы о числе «людей з боем» нет]; БС30, л. 63 – «10».
Л. 3: «169-го году феврюля в 3 день сказал Ондреи Васильев сын Шарапов: Служу я государю по московскому списку во дворянях. А в поместьи и в вотчине государева жалованья в Колужском и в Вологодском уезде за мною всего дватцать пять дворов крестьянских и бобыльских. А как буду я на государеве службе в сотни, и за мною будут в сотни два человека на конех з боем. То моя сказка, а сказку писал Ондреи Васильев сын Шарапов своею рукою». Помета: «25 д[воров], 2 ч.».	БС16, л. 82 – «2 ч.»; БС30, л. 61 – «25».
Л. 31: «169-го году генваря в 22 день сказал Алексеи Матвеев сын Ходырев: Поместья за мною нет ни единой четверти. А в вотчине в Олексинском уезде был один бобыль, и тот в моровое поветрее вымер. А в полк людей мне взять негде. То моя и скаска». Помета: «Пусто, нет».	БС16, л. 92 [пометы о числе «людей з боем» нет]. БС15, л. 199 – «на коне, поместья нет, а вотчина пуста».
Л. 45: «169-го году генваря в 26 день сказал дворянин Степан Борисов сын Бутиков: Великого государя на службе будет у меня три человека на конех з боем. А поместница и вотчинка за мною в Олексинском, да во Мценском, и в Московском уезде по переписным книгам крестьянских и бобыльских сто дватцать дворов». Помета: «120 д[воров], 3 ч.».	БС16, л. 72 – «3 ч.»; БС30, л. 49а – «120»; БС11, л. 50–«120».
Л. 52: «169-го году генваря в 15 день сказал дворянин князь Василеи княж Дмитреев сын Ухтомской: За мною государева жалованья в Похонском уезде в Ухорском стану и в Патраболской волости кресьянских и бобыльских трицать восемь человек. А за мною будут на государеве службе два человеки. То моя и скаска. А скаску писал я, князь Василеи, своею рукою». Помета: «38, 2 ч.».	БС16, л. 79 – «2 ч.»; БС30, л. 59 – «38»; БС11, л. 55 – «38»; БС15, л. 172 – «на коне, з боем 2 ч, в поместье и в вотчине крестьянских и бобыльских 38 дворов, да с тово ж служит сын ево князь Данило из житья».
Л. 53: «169-го году генваря в 26 день сказал дворянин Петр Алексеев сын Камынин: По святой непорочнаи евангелскои заповеди господни поместья за мною и вотчин в Серпеиском, и в Резанском, и в Казелском, и в Городецком уездех всего девятнатцать дворов крестьянских и бобыльских. А буду на службе великого государя, а за мною будет человек з боем. То моя и скаска». Помета: «19, 1 ч.».	БС16, л. 95 – «1 ч.»; БС30, л. 75 – «19».
Л. 54: «169-го году генваря в 26 день сказал дворянин Андреи Всеволожской: В Валодимерском и в Кинишемском уездех за мною и в вотчине и в поместье сорок четьыря двора кресьянских и бобыльских. А на государеве службе в полку будет за мною з боем два человека. А скаску писал я, Ондреи, сам своею рукою». Помета: «44, 2 ч.».	БС16, л. 90 – «2 ч.»; БС30, л. 47 – «44»; БС11, л. 61 – «44».
Л. 71: «169-го году генваря в 23 день сказал дворянин Иван Яковлев сын Нашокин: По святой непорочной евангилскои заповеди поместница за мною во Ржове Володимерове да в Обалецком уездех дватцать чатьре двора. А в полк великому государю будет два человека з боем. То моя и скаска. А скаску писал приказу Холопя суда площадной подьяччи Нефедко Игнатъев». Помета: «24, 2 ч.».	БС16, л. 83 – «2 ч.»; БС30, л. 62 – «24»; БС11, л. 57 – «24»; БС15, л. 177 – «на коне да лошедь проста, з боем 2 ч, в поместье крестьянских и бобыльских 24 д[вора]».
Л. 75: «169 году генваря в трети день сказал Микита Кузмин сын Вельяминов, дворянин: Государева жалованья за мною в поместья	БС16, л. 78 – «2 ч.»; БС30, л. 56 – «36».

по переписным книгам в Тульском и в Олексевском уездах крестьянских и бобыльских тридцать шесть дворов, да ис тех же дворов в прошлом и в нынешнем году взято даточных шесть человек. А на государеве службе со мною в полку будет з боем два человека. То моя и сказка». Помета: «36, 2 ч.».	
Л. 76: «169-го году генваря в 23 день по указу великого государя... дворянин Оброска Иванов сын Чебышов сказал: Я во государева жалованья поместье за мною в Козелске, да в Мосалске, да на Резани, а крестьянских и бобыльских дватцать четыре дворишка, а людишка в моровоя поветря и на службах померли. А на службе великого государя будет за мною человек Фетка Васильев на кони со всею службою. Да с тово ш моево поместьица служит беспомеснаи сынишка мой, жилец Васка. То моя и скаска». Помета: «24, 1 ч.».	БС16, л. 75 – «1 ч.»; БС30, л. 53 – «24».
Л. 78: «169-го году генваря в 24 день сказал дворянин Иван Федоров сын Монастырев: Государева жалованья поместья и вотчины на Кинешме за мною крестьянских и бобыльских сорок дворов. На государеве службе будут за мною два человека з боем. То моя и скаска». Помета: «40, 2».	БС16, л. 81 – «2 ч.»; БС30, л. 61 – «40».
Л. 79: «169-го генваря в 23 день сказал дворянин Володимер Михайлов сын Новосилцов: В государеве жалованье за мною в поместье и в вотчине в Володимере, да в Юрьеве, да на Олатаре крестьянских и бобыльских сто пятьдесят дворов. А на государеве службе со мною будет в сотне четыре человека со всею службою. То моя и скаска»^ Помета: «150, 4».	БС16, л. 67 – «4 ч.»; БС30, л. 38 – «150»; БС11, л. 49 – «150».
Л. 80: «169-го генваря в 22 день сказал Данила Никитин сын Воробин: По святой Христове непорочной заповеди поместья и вотчины за мною в Ерославле, да на Костроме, да в Пешахонье сто шестьдесят четыре двора. А государю в полк за мною пять человек на конях с оружем. То моя и скаска». Помета: «164, 5 ч.».	БС16, л. 75 – «5 ч.»; БС30, л. 53 – «164».
Л. 83: «Лета 7169-го году генваря в 22 день сказал по святой непорочной евангелъской заповеди господни Матфеи Васильев сын Секирин: Великого государя жалованья за мною поместьеца и вотчинка в Резанском уезде, а крестьянских и бобыльских семь дворишков. А в полк великому государю у меня будет два человека. То моя и скаска». Помета: «7, 2».	БС16, л. 78 – «2 ч.»; БС30, л. 57 – «7»; БС11, л. 55 – «7»; БС15, л. 171 – «на коне, з боем 2 ч, в поместье крестьянских 7 д[воров]».
Л. 128: «169-го февраля в 9 день по государеву... указу сказал Гаврило Иванов сын Колупаев Приклонской: Служу я по московскому списку. Государева жалованья за мною в Нижегородском уезде шесть дворов крестьян. А будет за мною великого государя службе человек». Помета: «6, 1 ч.».	БС16, л. 83 – «1 ч.»; БС30, л. 63 – «6»; БС11, л. 57 – «6»; БС15, л. 178 – «на коне, з боем 2 ч, в поместье крестьянских и бобыльских 6 д[воров]».
Л. 131: «169-го году февраля в 13 день сказал Иван Иванов сын Ододуров: Служу я великому государю по московскому списку во дворянях. А в поместье за мною и в вотчине во Твери, да на Вологде, да в Галиче, да на Кинешме, да в Рузе крестьянских и бобыльских сто тридцать пять дворов. А на государеве службе будет за мною людей четыре человека. То мая и скаска. А скаску писал я, Иван Ододуров, своею рукою». Помета: «135 д[воров], 4 ч.».	БС16, л. 83 – «4 ч.»; БС30, л. 64 – «135»; БС11, л. 57 – «135»; БС15, лл. 179–180 – «на коне да лошадь проста, з боем ч[еловек], а в поместьях и в вотчинах крестьянских 135 дворов».
Л. 136: «169-го году февроля в 8 день сказал дворянин Кирила Семенов сын Ушаков: Твоево государева жалованья в Тульском и в Соловском уезде помесных и вотчинных крестьянских и бобыльских сто восемь дворов. А за мною, холопом твоим, в полку будет четыре человека». Помета: «108, 4 ч.».	БС16, л. 74 – «4 ч.»; БС30, л. 53 – «108»; БС11, л. 51 – «108».
Л. 154: «169-го марта в 9 день сказал дворянин Осип Степанов сын Арсеньев: Государева жалованья за мною в Олексинском уезде в поместье по переписным книгам крестьянских и бобыльских дватцать пять дворов, и ис тех крестьянских дворов отделил я детям своим болшим шесть дворов. А я з достойных дворов служу великому государю по московскому списку... А на службе Беликова государя будет за мною человек з боем. То моя и скаска». Помета: «25 д[воров], 1 ч.».	БС16, л. 81 – «1 ч.»; БС30, л. 61 – «25»; БС11, л. 57 – «25».

Как видно из приведённых примеров, число «людей з боем» в сказках не соответствует их количеству в БС15 лишь у Г.И. Колупаева-Приклонского и И.И. Одогурова. В остальном данные «сказок» служилых людей нашли полное соответствие в боярских списках. Гораздо более показательными являются наблюдения о соответствии количества «людей з боем» в «сказках» января–марта 1661 г. их числу в БС16. Совпадений численности «людей з боем» по этим источникам 153⁸. Из остальных 14 московских дворян, подавших сказки в 1661 г., 10 к сентябрю 1663 г. скончались, поэтому в БС16 они не значатся; двое были отставлены от службы. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что при внесении в БС16 помет о количестве «людей з боем» составители боярского списка использовали сведения «сказок», поданных московскими дворянами в январе–марте 1661 г.

Немногочисленность же случаев совпадений сведений «сказок» января–марта 1661 г. о готовности к полковой службе и числе крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах с соответствующими данными комплексов из двух, трёх или четырёх боярских списков 1663–1667 гг. объясняется временным разрывом между «сказками» и боярскими списками. В течение шести лет после 1660/61 г. служилые люди ещё дважды подавали «сказки», сведения которых учитывались в БС30, БС11 и БС15. Комплекс «сказок» служилых людей московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских) от июня 1664 г. позволяет более детально осветить вопрос о делопроизводственной практике учета сведений «сказок» в боярских списках середины 1660-х гг.

Указанный источниковый комплекс имеет заголовок 1664 г.: «Таковы скаски великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцу подавали на его государеве смотре перед Грановитою в сенех полку боярина и воевод князя Якова Куденетовича Черкаского с товарищи столники, и стряпчие, и дворяня московские, и жилцы, и городовые дворяня и дети боярские июня в 20 числе нынешняго 172-го году... И против сих сказок в боярском списку отметить над имяны их, сколко за кем крестьянских и бобыльских дворов, а службам их зделать список впредь)»⁹. Документ скреплен по сствам с оборота дьяком Василием Семеновым¹⁰. Количество дворов, принадлежавших служилым людям, не было указано в «подлинном» боярском списке 7172 (1663/64) г.¹¹ Видимо, соответствующие пометы были сделаны уже в не сохранившемся «подлинном» боярском списке 7173 г.¹² В БС30, составленном в 7174 г., численность крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах служилых людей отмечена.

В рассматриваемом комплексе «сказок» нами изучены 83: 29 «сказок» стольников, 34 – стряпчих, 20 – дворян московских¹³. Данные «сказок» июня 1664 г. о количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах служилых людей были использованы в БС30 и БС11. Кроме того, сведения «сказок» ряда служилых людей находят полное соответствие в БС15. Так, в

⁸ Учитывалось в том числе отсутствие в БС16 пометы о количестве «людей з боем», если в «сказке» служилого человека говорилось о том, что у него «людей з боем» нет.

⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 354, столп. 3, л. 1.

¹⁰ По данным Н.Ф. Демидовой, В.Г. Семёнов был пожалован в дьяки 14 августа 1664 г. (Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700: Биографический справочник. М., 2011. С. 505).

¹¹ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 356, столп. 2.

¹² Белоусов М.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 57–58.

¹³ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 354, столп. 3, л. 2–68, 70–75, 78, 79, 82, 87–92, 94.

«сказке» стряпчего Ф.М. Синявина, написанной 17 июня 1664 г., говорится: «Государева жалованья... за мною в вотчине и в поместье по переписным книгам двадцать адин двор. А буду я на государеве службе на коне, да человек с простым конем, да за мною ж два человека з боем, и на те люди государева жалованья денги взяты. Да с того ж моево поместья и с вотчин служит ему, великому государю, бесмомесныя два сынишка, Петрушка да Мишка, из житья, ин оне на службе великого государя по наряду со мною были»¹⁴. При имени Ф.М. Синявина в БС11 сделана помета «21»¹⁵, а в БС15 приписано: «На коне, лошадь проста, в поместье и в вотчине крестьян 21 двор, с того ж служат 2 сына из житья, людей з боем 2 ч[еловека]»¹⁶.

Очевидно, однако, что часть служилых людей подала к сентябрю 1667 г. новые «сказки». Так, например, в «сказке» стряпчего И.Г. Шестакова, написанной 17 июня 1664 г., говорится: «На службе великого государя... буду я на коне, да две лошади простых, да три человека з боем. А государева жалованья взял на два человека. А поместья и вотчины за мною в розных городех сто дворов крестьянских и бобыльских»¹⁷. В БС30 и БС11 при имени И.Г. Шестакова сделана помета «100»¹⁸. А в БС15 текст, приписанный при его имени, явно восходит к вновь поданной «сказке»: «На коне, 2 лошади простых, з боем 4 ч[еловека], в вотчинах крестьян 93 двора»¹⁹.

Необходимо также отметить, что по неизвестным причинам при составлении БС15, несмотря на наличие «сказок», поданных в июне 1664 г., использовались сведения более ранних «сказок». Так, стряпчий А.И. Карамышев 18 июня 1664 г. подал следующую «сказку»: «На государеве... службе буду я, стряпчеи Алешка Иванов сын Корамышев, сам на коне, да конь прост, да два человека людей, на которых жалованья взял. Вотчин и поместья за мною пятьдесят семь дворов крестьянских»²⁰. В БС30 и БС11 количество дворов при его имени указано в соответствии с данными этой «сказки» – 57²¹. Но в БС15 сведения основываются на данных более ранней «сказки» 7161 г.: «На коне, да лошадь проста, з боем 2 ч[еловека], в вотчинах крестьян 14 дворов»²².

В результате проведённого сопоставительного анализа установлено, что в БС30 и БС11 при именах 64 из 83 стольников, стряпчих и дворян московских количество крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах служилых людей указано в соответствии со «сказками» 1664 г. Полное соответствие сведений «сказок» 1664 г. пометам при именах служилых людей в БС15 выявлено в 31 случае. Следовательно, в списках 7174 г. использовались в основном сведения «сказок» июня 1664 г., а в «наличном» «именном» списке сентября 1667 г. в значительной степени отразились данные вновь поданных «сказок».

Как было сказано выше, при внесении в БС16 помет о количестве «людей з боем» составители боярского списка использовали сведения «сказок», поданных в Разрядный приказ в январе–марте 1661 г. В «сказках» служилых людей полка кн. Я.К. Черкасского, поданных 20 июня 1664 г. на государевом смотре в

¹⁴ Там же, л. 35.

¹⁵ Там же, д. 379, столп. 2, л. 32.

¹⁶ Там же, д. 253, л. 83.

¹⁷ Там же, д. 354, столп. 3, л. 4.

¹⁸ Там же, д. 678, столп. 2, л. 24; д. 379, столп. 2, л. 26.

¹⁹ Там же, д. 253, л. 64.

²⁰ Там же, д. 354, столп. 3, л. 14.

²¹ Там же, д. 678, столп. 2, л. 30; д. 379, столп. 2, л. 31.

²² Там же, д. 253, л. 78.

сенях перед Грановитой палатой, также отразились данные о численности «людей з боем», сообщавшиеся «сказками» января – марта 1661 г. Так, стряпчий П.Т. Оладьин в своей «сказке» 1664 г. отметил, что за ним «людей... будет пять человек, и с теми, на которых взято ево, великаго государя, жалованья денги... А государева жалованья взял на три человека»²³. В БС16 при его имени сделана помета «3 ч[еловека]»²⁴. Это означает, что в его «сказке» 1661 г. были указаны трое «людей з боем», на которых П.Т. Оладьин впоследствии получил жалованье. Дворянин московский И.И. Замыцкий в «сказке» от 7 февраля 1661 г. указал, что с ним «на ево, великого государя, службе... будет человек з боем»²⁵. В июньской «сказке» 1664 г. он написал, что на службе с ним будет «з государева денежного жалованья человек на лошади с карабином да другой»²⁶. Таким образом, в новой «сказке» И.И. Замыцкого названы два «человека з боем», на одного из которых – фигурировавшего в предыдущей «сказке» – было получено жалованье. Подобных случаев можно привести несколько. В «сказках» служилых людей, поданных в июне 1664 г., отразились сообщавшиеся в «сказках» января–марта 1661 г. сведения о количестве «людей з боем», но не выставившихся на полковую службу, а тех, на которых было получено «государево денежное жалованье»²⁷.

Стряпчий Б.А. Зубов объясняет в «сказке» причину, по которой он не смог получить жалованье на «людей з боем»: «А как моей братьи государево жалованье давали, и я в то число был на государеве службе, и того государева жалованья я и на людишак своих не имал»²⁸. Однако при имени Б.А. Зубова БС16 нет пометы о количестве «людей з боем»²⁹. Это, очевидно, говорит о том, что в «сказке» Зубова 1661 г. было отмечено отсутствие у него «людей з боем». В пользу такого предположения свидетельствует анализ «сказок» московского дворянина И.Т. Беклемишева. В его «сказке» от 29 января 1661 г. говорится: «А на службу великого государя со мною человека з боем не будет»³⁰. Показательно, что в БС16 при имени И.Т. Беклемишева пометы о количестве «людей з боем» нет³¹. В «сказке» же июня 1664 г. Беклемишев пишет: «А на люди государево жалованье не имал»³². Если, однако, предположить, что в БС16 при именах служилых людей московских чинов указывалась не численность «людей з боем» из «сказок» 1661 г., а количество «людей з боем», на которых было получено денежное жалованье, то отсутствие в этом списке пометы о количестве «людей з боем» при имени Б.А. Зубова вполне объяснимо приведенными выше сведениями его «сказки» от июня 1664 г. Но такому объяснению противоречит сопоставительный анализ июньской 1664 г. «сказки» стольника М.М. Корташова и БС16. В «сказке» М.М. Корташова отмечено: «А государева жалованья денег на людей я не имал»³³. В то же время в БС16 при его имени сделана поме-

²³ Там же, д. 354, столп. 3, л. 2.

²⁴ Там же, д. 355, столп. 3, л. 46.

²⁵ Там же, д. 323, столп. 2, л. 121.

²⁶ Там же, д. 354, столп. 3, л. 46.

²⁷ Там же, д. 323, столп. 2, л. 47, 53, 56, 130.

²⁸ Там же, л. 3.

²⁹ Там же, д. 355, столп. 3, л. 49.

³⁰ Там же, д. 323, столп. 2, л. 27.

³¹ Там же, д. 355, столп. 3, л. 92.

³² Там же, д. 354, столп. 3, л. 50.

³³ Там же, л. 24.

та «1 ч[еловек]»³⁴. Следовательно, в этом боярском списке при именах стольников, стряпчих и дворян московских указывалось количество «людей з боем» из их «сказок» 1661 г. Таким образом, указание на получение или неполучение государева жалованья на «людей з боем» является формальным обязательным элементом «сказок» июня 1664 г., поскольку в «сказки» 1661 г. заносились сведения о численности «людей з боем», отправлявшихся на полковую службу со своим господином.

В «сказках» 1664 г. некоторых служилых людей излагаются факты биографий «людей з боем», повлекшие прекращение их службы (смерть, гибель, измена, побег), и, реже, свидетельствующие об их верности служебному долгу. Так, дворянин московский В.Б. Лихачев пишет: «А великого государя жалованья взял я на шесть человек меденых денег, и ис того числа один человек умер. Да в прошлом, во 171-м, году великому государю изменили, а от меня з государевы службы из Смоленска збежали четыре человека, а снесли животов моих и лошадей свели болши пятисот рублей на серебряные денги, и объявились в Литовской стороне два человека, а два человека пропали безвестно. И про то ведомо великим и полномочным послом»³⁵. В «сказке» стольника кн. Д.И. Жирового-Засекина написано, что за ним «три человека з боем, да з боем же два человека... а третей человек тех жалованных людей убит на государеве службе в полку боярина и воеводы князь Якова Куденетовича Черкассково; и всех людей будет... з боем пять человек»³⁶. Стряпчий Г.И. Безобразов указывает: «З боем два человека, на которых имал я государева денежное жалованье, и те мои людишка были со мною на государеве службе в полку у боярина и воеводы у князя Якова Куденетовича Черкасскова с товарищи, и ныне те мои людишка на государеве службе со мною будут жа, а третей человек будет со мною на государеве службе сверх тех людей на лошади з боем жа, с карабином да с саблею»³⁷. Стряпчий Е.Ф. Пестриков в «сказке» написал: «А жалованья взял я на одного человека, и тот человек и с конем убит в нынешнем во 172-м году, как ходил боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровской ис Корачева против полских и крымских людей»³⁸. В «сказке» его брата, стряпчего В.Ф. Пестрикова, говорится: «А жалованье великого государя имал на дву человек, и ис тех людей побежал человек на коне и с ружьем, как пошел боярин и воевода князь Яков Куденетович Черкасской с товарищи из Можайска»³⁹. Стряпчий Я.А. Михнев указал количество полковых служб, на которых были его «люди з боем»: «А государева денежная жалованья имал я на дву человек, и те, государь, мои люди посля тово государева жалованья были со мною на трех службах, и в нынешнем, государь, году те мои люди два человека, идучи з государевой службы ис Почепа, дорогою збежали»⁴⁰. В некоторых «сказках» сообщается и размер денежного жалованья, полученного на «людей з боем»: стряпчий Н.И. Чевкин, например, указывает, что ему «государева жалованья дано... на два человека по тритцоти рублей медных денег»⁴¹.

³⁴ Там же, д. 355, столп. 3, л. 33.

³⁵ Там же, л. 45.

³⁶ Там же, л. 78.

³⁷ Там же, л. 13.

³⁸ Там же, л. 22.

³⁹ Там же, л. 30.

⁴⁰ Там же, л. 34.

⁴¹ Там же, л. 6, 43.

В «сказке» стряпчего И.С. Коковинского приводится размер жалованья стряпчих: «А как моей братии государева жалованья давана по пятидесять рублей, и мне тово государева жалованья против моей братии не дано»⁴². Последнее указание заставляет рассмотреть вопрос о значении сокращённой пометы «д», сделанной при именах служилых людей московских чинов в БС16. В моей работе о боярских списках эта помета раскрывалась как «д[аточные]»⁴³. Однако такое её значение следует признать ошибочным. В «сказке» стольника В.Я. Колтовского, датированной 20 июня 1664 г., упомянуты даточные люди и «люди з боем», выставленные с принадлежащих ему земель: «А великого государя жалованья поместья за мною и вотчин... сто осмнатцать дворов, да... приданая вотчина по рядной записи, и тринацать дворов кресьянских... И с тех моих вотчин по приказу боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского с товарищи взято даточных два человека на конях и с ружьем. А что мне, Василью, доно великого государя жалованья медных денег девяноста рублей, и за те денги взято у меня даточных людей три человека на конях и с ружьем, и ныне даточныя люди пять человек на твоей, великого государя, службе в Федорове полку Зыкова»⁴⁴. При имени В.Я. Колтовского в БС16 сделана помета «з ч[еловека], помёты же «д» нет»⁴⁵. Из изложенного следует, что помета «д» не может являться сокращением слова «даточные». Учитывая же показания «сказки» И.С. Коковинского («и мне тово государева жалованья против моей братии не дано») и отсутствие при его имени в БС16 пометы «д»⁴⁶, можно заключить, что эта помета является сокращением слова «дано». Соответствует такому выводу и следующее наблюдение: в «сказке» московского дворянина А.И. Мятлева, поданой в июне 1664 г., указано, что он «государева денежного жалованья не имовал»⁴⁷; в БС16 при его имени пометы «д» нет»⁴⁸. Таким образом, несмотря на ограниченность указаний источников, можно с некоторой долей вероятности утверждать, что помета «д» была сделана в БС16 при именах стольников, стряпчих и московских дворян, получивших «государево жалованье деньги» за службу 7169–7171 гг.

Известно, что побудительным мотивом к подаче служилыми людьми «сказок» являлся соответствующий царский указ (см., например, начало «сказки» стольника В.Я. Колтовского: «172-го июня в 20 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца сказал столник Василей Яковлев сын Колтовской»⁴⁹). Исследование делопроизводственной практики Разрядного приказа позволяет заключить, что временной разрыв между указами о представлении служилыми людьми «сказок» составлял в 1660-х гг. три года и, соответственно, «сказки» подавались в 1661, 1664 и, очевидно, 1667 гг. Также понятно, что подавали «сказки» не все служилые люди, а лишь отправлявшиеся на полковую службу. А поскольку целью составления боярских списков являлся учёт пригодности служилых людей к службе, а также местонахождения и служебной деятельности дворовых, то боярские списки должны были оперативно учитывать све-

⁴² Там же, л. 21.

⁴³ Белоусов М.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 128, 214–315; Т. 2. С. 4–463.

⁴⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 354, столп. 3, л. 36.

⁴⁵ Там же, д. 355, столп. 3, л. 15.

⁴⁶ Там же, л. 45.

⁴⁷ Там же, д. 354, столп. 3, л. 52.

⁴⁸ Там же, д. 355, столп. 3, л. 101.

⁴⁹ Там же, д. 354, столп. 3, л. 36.

дения вновь поданных «сказок». Сведения «сказок» о численности «людей з боем», выплате или невыплате «государева денежного жалованья», количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах были занесены в несколько «подлинных» и «наличных» боярских списков для организации полковой службы стольников, стряпчих и московских дворян. При этом сведения вновь поданных «сказок» учитывались в боярских списках, составленных вскоре после их подачи. Если в дальнейшем служилый человек не подавал «сказку», то в более поздних боярских списках продолжали отражаться сведения ранней «сказки». Делопроизводственная взаимосвязь «сказок» и боярских списков наиболее отчётливо видна в том, что в структуре «сказок» являются обязательными те части, сведения которых учитываются боярскими списками (количество дворов, численность «людей з боем», указание на выплату денежного жалованья). Эта взаимосвязь позволяет усмотреть в сокращённой помете «д», сделанной при именах служилых людей в боярском списке сентября 7172/1663 г., слово «дано» – делопроизводственную регистрацию выплаты стольникам, стряпчим и дворянам московским денежного жалованья за службу 7169–7171 гг.

О.Р. Айрапетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014

O.R. Ayrapetov. Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). Moscow, 2014

Столетие начала Первой мировой войны, широко отмеченное официальными мероприятиями, новыми памятниками, выставками, международными конференциями и многочисленными публикациями, с одной стороны, показало, насколько широк круг исследователей, изучающих различные аспекты трагических событий 1914–1918 гг., как разнообразны их подходы, оценки и пристрастия. С другой стороны, «юбилейный» жанр не всегда способствовал активизации научных споров. Возможно, другой причиной этого стало обращение историков преимущественно к новым, неизученным ранее культурным и социальным сюжетам.

Между тем существует острая потребность в свежем, «авторском» взгляде на, казалось бы, хорошо известные проблемы военной и политической истории. На этом фоне появление новой книги доцента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова кандидата исторических наук Олега Рудольфовича Айрапетова стало заметным событием. Его репутация незаурядно эрудированного, оригинально мыслящего и, как правило, остро пишущего и выступающего историка обеспечивала успех издания. Выпущенное впервые в начале 2014 г. факультетом государственного управления МГУ¹, оно уже летом было переиздано².

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук В. Ганин (Институт славяноведения РАН) и С.В. Тютюкин (Институт российской истории РАН), а также кандидаты исторических наук В.Б. Аксёнов (Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики), Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), М.А. Колеров (Издательство «Три квадрата»), Д.Г. Мартиросян (Научно исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ), А.А. Смирнов (Московский архитектурный институт) и А.С. Пученков (Санкт-Петербургский государственный университет).

Modestni Kolеров: История самоубийства империи

(Trikvadrata Publishing house, Russia):

A history of an Empire's suicide

Первый в современной русской науке интегральный очерк участия Российской империи в Первой мировой войне, синтезирующий экспозицию, логику и хронику военных событий с их дипломатическими, политическими предпо-

---

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1: 1914 год. Начало. М.: ИД КДУ, 2014. 336 с.; Т. 2: 1915 год. Апогей. М.: ИД КДУ, 2014. 316 с.

² Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.; 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 624 с.

сылками и общественными факторами, за которыми стоит вековой лес традиционных исторических схем, новых национальных и реликтовых партийно-имперских мифологий, написан не коллективом, а одним историком – Олегом Рудольфовичем Айрапетовым – и это ярко выражается в его узнаваемом авторском стиле и зрелости его интеллектуального языка. В труде Айрапетова этот синтез осознан как задача, а его осуществление лишено диспропорций в аргументации. Выстраивая в плотную ткань исследования большой массив новых или по-новому поданных фактов и доводов, автор внятно демонстрирует, где, когда и как в литературе действия на русском фронте войны получили детальное освещение, а где остались на периферии внимания. При этом исследователь никогда не забывает о собственном месте в этой интернациональной исторической традиции, говоря о России – «мы», «нас», «нам»...

Автор этого редкого по замыслу и качеству научного труда настолько энциклопедически, давно и свободно владеет разнообразным материалом по теме³, что его основная мысль звучит убедительно, громко и, думаю, точно: описание участия России в Первой мировой войне — это история самоубийства общества и государства, редкой безответственности правящей династии и свергавшего её политического класса, почти не замеченного подвига русской армии и флота, тяжёлой жертвы народа, которая оказалась в тени последовавших потерь 1917–1945 гг. Это – эпос имперского бремени России, на которое она была исторически обречена и без которого не существовала. Не так давно в интервью Айрапетов дал ёмкое резюме случившегося: в Первую мировую войну Германия не только нанесла военное поражение России, но и прямо уничтожила, разорвала её как государство.

Разумеется, это событие мирового масштаба оставило целую Атлантиду источников и многочисленные культурные слои покрывающих их национальных мифов. Поэтому глаз ремесленника привычно ищет, кроме архивов и литературы, и новые методическиеходы. Приятно отметить давно уже ставшее характерным для О.Р. Айрапетова использование современной событиям периодической печати, особенно ежедневной⁴, и оперативное сопоставление газетной реальности с данными историографии. Сожаление вызывает лишь некоторая библиографическая неполнота ссылок, в которых не указаны имена авторов и названия статей, а также места издания цитируемых газет. Между тем эти сведения представляются важными, особенно в условиях критически плохого состояния подшивок отечественной прессы.

Ценной является и подборка биографий упоминаемых в книге лиц (в том числе малоизвестных), представляющая собой впечатляющую галерею человеческих судеб с середины XIX – до середины XX в. Досадным упущением в ней выглядит только отсутствие сведений о русском посланнике в Белграде Н.Г. Гартвиге, буквально отдавшем жизнь в дипломатической борьбе за интересы России и Сербии. Сильное впечатление производит и кратко воссоздаваемая О.Р. Айрапетовым драматургия личных поступков исторических деятелей, принимавших важнейшие решения (ультиматумы Австро-Венгрии и Германии, объявление всеобщей мобилизации в России и т.п.). Наряду с биографическими

³ Библиографию работ О.Р. Айрапетова за последние 25 лет см.: Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 5(клетию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М., 2012.

⁴ См. также: Вишневы Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1993.

данными весьма полезно было бы включить в текст книги и ключевые документы – *in extenso* или в существенных выдержках. Иначе отсутствие, например, изложения австро-венгерского ультиматума, предъявленного Сербии 23 июля 1914 г., может вызвать недоумение.

Автор часто приводит точные данные о количестве войск и их вооружении, номера и названия частей и соединений. Они могут даже показаться избыточными, но полезны при дальнейшем использовании книги. Давний исследовательский интерес Айрапетова предопределил его особое внимание к деятельности Генерального штаба, являвшегося наряду с такими супер-ведомствами, как Министерство финансов и министерство МВД, одним из столпов имперского строя России.

Опираясь на глубокое знание истории внешней политики императорской России XIX–XX вв.⁵, Айрапетов тщательно раскрывает географические, политические, экономические и идеологические цели войны, отмечая, что именно отсутствие ясности и дефицит общенационального консенсуса относительно стоящих перед Россией задач стали одними из главных причин поражения в войне как антигерманской, несмотря на её популярность. «Парадокс заключался в том, – пишет Айрапетов, – что в то время как с Россией вели тотальную войну, т.е. войну народа с народом, она и в лице своего военно-политического руководства, и в лице общественности так и не смогла подняться до того, чтобы вести такую же войну со своими противниками». Особенно это касалось «образованной части русского общества, вообще фатально нестойкого к неудачам». Напротив, «немцы смотрели в будущее без боязни и поэтому не церемонились соблюдением правил приличия прошлого» (I. С. 56–57, 59). Отмобилизованная в духе цивилизационного, миссионерского и этнического шовинизма Германия являла собой тогда первый в XX в. образец тотального военно-политического, общественно-экономического и идейно-культурного *воюющего* единства. И, видимо, даже капитуляция перед Австро-Венгрией и Германией нисколько не отвратила бы ценой национального достоинства угрозу войны.

История идейно-философского, литературно-художественного предвкусения, вызывания и пропагандистского сопровождения войны в разных странах, в общих чертах описанная отечественными исследователями ещё в межвоенный период⁶, оправданно оставлена О.Р. Айрапетовым без особого внимания, хотя, пожалуй, было бы полезно дать несколько небольших критических экскурсов, показывающих меру зависимости «культурного фронта» от национализма, империализма и милитаризма. Масштабной задачей для будущих трудов остаётся и комплексное рассмотрение экономической и военно-политической истории Первой мировой войны. Только оно способно хотя бы отчасти подвести к пониманию всей реальной независимости политических решений эпохи империализма и борьбы за ресурсы от текущих торговых и промышленных связей, которые, кстати, никак не воспрепятствовали началу войны России со своим основным партнёром Германией. Для рейха, преследовавшего колониальные цели, планы экономического подчинения Российской империи оказались привлекательней существующих выгод от мирного сотрудничества с ней. В настоящее время индустриальная предыстория войны, тесно связанная с созданием массовых армий и многочисленными европейскими проектами установления

⁵ См.: Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

⁶ Цехновицер О. Литература и мировая война. 1914–1918. Л., 1938.

военной диктатуры, проводящей протекционистскую и националистическую политику, активно изучается учёными разных стран.

Не углубляясь в собственно экономические сюжеты (что отняло бы немало времени и неизбежно увело бы от темы исследования), Айрапетов, однако, отнюдь не избегает их, освещая строительство военных флотов, государственные инвестиции в развитие железных дорог на будущих театрах боевых действий, социально-экономические факторы, влиявшие на качество человеческих ресурсов. Описание им роли железнодорожных коммуникаций, имевших принципиальное значение как для стратегического планирования, так и для индустриализации народного хозяйства, послужит надёжной опорой для будущего синтетического очерка войны. Русская наука жизненно заинтересована в продолжении этого труда. Ярко характеризуется в книге и тяжелейшая судьба сербского крестьянства в предвоенной Боснии – кричащий пример грубой исторической несправедливости, заметно повлиявшей на политическую борьбу сербов за национальное освобождение.

Более строго автору следовало бы использовать понятия «Царство Польское» (к тому времени устаревшее и вытесненное такими, как Привислинский край, Привислинские губернии, Варшавское генерал-губернаторство), «Украина», «Социалистический интернационал». Конечно, нет никакой ошибки в том, чтобы называть II Интернационал «социалистическим», но всё же «социалистическим интернационалом» обычно именуют современный, действующий с 1950-х гг., не имеющий прямого отношения к существовавшему до Первой мировой войны. Кстати, следовало сказать, что несмотря на антивоенную позицию, сформулированную в 1912 г. на Базельском конгрессе II Интернационала, уже в 1914 г. его несущая основа – немецкая социал-демократия в своём абсолютном большинстве, вопреки базельской резолюции, но в соответствии с давними национал-патриотическими традициями Ф. Энгельса и А. Бебеля, стала частью консолидированной немецкой нации, воюющей против англо-французского «Запада» и русского «Востока».

Александр Пученков: Царь на войне

Alexandr Puchenkov (St. Petersburg State University, Russia): The Tsar at war

Как справедливо отметила Т.М. Китанина, «Первая мировая война – война полуизвестная, полузабытая, почти не оставившая в нас исторической памяти». Действительно, «в силу сложившихся трагических обстоятельств – непопулярности войны, утроенной революционной пропагандой и удесятёрённой катастрофическим недостатком вооружения»... в первые полтора года военных действий; в силу наступившей в октябре 1917 г. социалистической революции, как крышкой прихлопнувшей интерес к войне, – за пределами нашей памяти остались многие значительные события внутренней жизни общества и страны в целом, достойные глубокого изучения и исторического осмысления»⁷. Именно поэтому появление новой книги О.Р. Айрапетова, работы которого всегда интересно читать⁸ представляется исключительно важным.

⁷ Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. I. СПб., 2003. С. 3.

⁸ См., в частности: Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998; он же. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 201–203. Подробнее см.: Ганин А.В. Олег Рудольфович Айрапетов: двадцать лет научной работы / Величие и язвы Российской империи... С. 5–16.

Большое внимание О.Р. Айрапетов уделяет внутренней жизни Ставки в 1914–1915 гг., и взаимоотношениям генералов и царя. Как известно, П.Н. Миллюков писал о «вечно неготовой воле и мысли императора» Николая II⁹. «Ничтожность» Николая II как государственного деятеля отмечалась обычно и в советской историографии¹⁰. Как же проявил он себя на войне и насколько, обоснованным было его решение лично заменить летом 1915 г. вел. кн. Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего?

Первая мировая война, поставив перед самодержавием сложные и подчас неразрешимые проблемы, оказалась для русской государственности серьёзнейшим испытанием. В условиях небывалого по масштабам вооружённого конфликта как никогда требовалось упорядочить взаимодействие между военными и гражданскими властями. Между тем назначение Верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича лишь усиливало обособленность полевого управления. Пользуясь своим служебным положением и статусом члена Императорской фамилии, он мог практически бесконтрольно вмешиваться в сферу деятельности правительственной администрации¹¹. При этом подчинялся великий князь только царю¹².

Кроме того, по мере разрастания боевых действий вел. кн. Николай Николаевич становился всё более и более самостоятельной фигурой. Обстановка военного времени, естественно, не позволяла ему согласовывать все свои распоряжения ни с царём, ни тем более – с Советом министров. В силу этого он понемногу превращался в фигуру не менее значимую, чем император, и, по наблюдениям Б.И. Колоницкого, зачастую воспринимался в обществе не только «как полководец-победитель, но и как единственный уникальный вождь-спаситель России»¹³. Вместе с тем полной свободой рук вел. кн. Николай Николаевич, конечно, не обладал, и не будучи главой государства не мог, например, в должной мере использовать возможности тыла для обеспечения армии всем необходимым. «Я всегда раньше думал, что Верх[овный] главн[окомандующий] Николай Николаевич будет энергичнее, – записал в дневнике 7 июня 1915 г. штабс-капитан В.М. Цейтлин, – что он как великий князь справится с Петербургом... Кажется, что и Николаю Николаевичу борьба с тылом не по силам, а для нас это – катастрофа»¹⁴. Надо бы, полагал офицер, «созвать Гос[ударственную] думу и передать ей всё дело снабжения армии, дав полномочия диктатора Ник[олаю] Николаевичу, иначе мы пропадём»¹⁵. Вероятно, подобного рода разговоры доходили и до царя. И, несмотря на то что в беседах с чинами Ставки вел. кн. Николай Николаевич всегда демонстрировал свои верноподданнические чувства по отношению к императору, боязнь узурпации им преро-

⁹ Миллюков П.Н. Роковые годы // Русские записки (Париж). 1939. Т. XIV. С. 121.

¹⁰ См., в частности: Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 151. О книге Н.Н. Яковлева см.: Ганелин Р.Ш. Политические ситуации конца XX – начала XXI вв. и исторические оценки причин гибели царизма // В России двадцатого века. Статьи разных лет. СПб., 2014. С. 784–811.

¹¹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. JL, 1988. С. 155, 158.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 441. На это обратил внимание ещё Н.Н. Головин: «Вокруг имени великого князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нём черты любимого вождя». (Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 320).

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВИВС), ф. 13-Р, оп. 1, д. 2, л. 58.

¹⁵ Там же, л. 57.

готив короны стала, по сути, одним из главных мотивов принятого Николаем II решения вступить в должность Верховного главнокомандующего и объединить руководство войсками и администрацией¹⁶.

Впрочем, не следует забывать, что ещё до начала войны царь был полон решимости лично возглавить армию, причём императрица Александра Федоровна тогда отнюдь не поддерживала это желание мужа. По свидетельству А.А. Поливанова, летом 1915 г. исправлявшего должность военного министра, 4 августа Николай II сказал ему, что «намеревался исполнить это уже после объявления войны, но уступил тогда убеждениям Совета министров... а теперь, когда армия в трудном положении, он считает себя нравственно обязанным присоединиться к ней и взять на себя руководство дальнейшим ведением войны». Поливанов пытался осторожно возражать, говоря, что император берёт на себя задачу, «превосходящую силы человека, ибо положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством». Однако «получил ответ, что министры будут ездить в Ставку, и он сам от времени до времени будет приезжать в Царское Село и что вообще он долго и много размышлял по поводу своего намерения, и его решение принято им твёрдо»¹⁷. «В Николае II, – вспоминал депутат Государственной думы октябрист Б.А. Энгельгардт, – было развито чувство долга, правда, своеобразно понятого. Он считал, что должен разделить тяготы войны с каждым солдатом армии и наивно думал, что он это осуществит, переехав в Могилёв и выслушивая ежедневно доклады начальника штаба о положении на фронте. Однако на его решении возглавить армию ещё больше сказались опасения, которое в нём усиленно поддерживала жена, что если Николай Николаевич победоносно закончит войну, то его популярность возрастет настолько, что он начнет мечтать о престоле... Царь всегда ревниво относился к популярности своих родственников и министров, как ни странно, видя в ней умаление своего авторитета. Он готов был даже подозревать верно-подданного великого князя в покушении занять престол»¹⁸.

По мнению безвременно ушедшего петербургского историка Д.В. Эйдука, «для Николая II смысл принятия им верховного командования состоял в том, чтобы дать отвлечённо звучащему понятию об императоре, как о “Верховном вожде” армии, а значит и всей борющейся с врагом нации, реальное обоснование»¹⁹. При этом «в основе поступка государя лежало представление об особой связи народа и царя. Николаю II казалось, что если во главе войск станет царь, Помазанник Божий, то солдаты воспрянут духом, будут храбрее драться с врагом»²⁰. И.В. Алексеева считает, что для Николая II это «была последняя, отчаянная попытка остановить падение своего престижа в армии и спасти находящуюся у “Последней черты” монархию»²¹. Не следует забывать и то, что, как отмечает О.Р. Айрапетов, «к лету 1915 г. почти все монархи, стоявшие

¹⁶ Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 189; Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 60; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 198.

¹⁷ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. Т. I. М., 1924. С. 203.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 57, л. 2, б.

¹⁹ Эйдук Д.В. К истории политического кризиса лета 1915 г.: смена верховного главнокомандующего глазами русской общественности // Материалы студенческого научного общества исторического факультета СПбГУ. Вып. 1. СПб., 2003. С. 260.

²⁰ Там же. С. 261.

²¹ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009.

во главе стран-участниц войны, лично возглавили свои вооруженные силы» (II, 186). Скорее всего, Николай II признавал это естественным и целесообразным. Неслыханный демарш министров, выступивших против решения «несчастливого» царя и направивших ему коллективное письмо со своими возражениями, вызвал лишь раздражение. «Мы полагали, – признавался управляющий МВД кн. Н.Б. Щербатов, – что государь лично, не обладая никакими способностями военными, ни тактическими, ни стратегическими, ничего не внесёт полезного в смысле военном, но внесёт в Ставку все те отрицательные стороны, которые всегда Двор приносит в военную среду; это раз. Затем, пребывание государя в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной... А затем, отдавали себе отчёт, что оставление императрицы здесь (в Петрограде. – *А.П.*) могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно»²².

Сменив в августе 1915 г. вел. кн. Николая Николаевича, император возложил на себя всю полноту ответственности за ход войны. Традиционно это расценивается как его роковая ошибка. Недостаточно волевой и решительный, Николай II часто противопоставляется подчеркнuto суровому и непреклонному вел. кн. Николаю Николаевичу, сохранившему, по словам Б.И. Колоницкого, «громадную популярность... несмотря на поражение российских армий»²³. Не случайно, конечно, великий князь пользовался авторитетом и среди противников большевиков в период Гражданской войны, и в эмиграции²⁴. Однако он явно «не дотягивал» до масштаба по-настоящему государственного лидера. По словам В.Г. Бортневского, «великий князь не совсем соответствовал той роли, которую ему многие предназначали» и «не проявил необходимой воли, решительности и инициативы ни в роковые для страны дни Февральской революции, ни в Гражданскую войну, ни на чужбине, когда, благодаря прежде всего бескорыстной поддержке генерала Врангеля, стал во главе русского зарубежного воинства»²⁵. Нельзя не вспомнить и растерянное, близкое едва ли не к истерике, поведение вел. кн. Николая Николаевича в дни, предшествовавшие подписанию манифеста 17 октября 1905 г.²⁶ О «слабости» вел. кн. Николая Николаевича и его «неумении держать в руках даже себя, не говоря уже о фронте в тяжёлое время», пишет и О.Р. Айрапетов (II, 199).

Тем не менее у членов Императорской фамилии решение царя лично возглавить армию вызывало по меньшей мере сомнения. Так, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в своём дневнике с ужасом и негодованием писала о желании её невестки Александры Фёдоровны, чтобы «Ники взял на себя Верховное командование вместо великого князя Николая Николаевича»: «Нужно быть безумным, чтобы желать этого!» Беседуя с сыном, она умоляла его «не делать этого, когда всё плохо для нас, и добавила, что если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина». Однако ей пришлось констатиро-

²² Падение царского режима. Стенографические отчёты. Т. VII. Л., 1927. С. 220.

²³ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 478. О «громадной популярности» вел. кн. Николая Николаевича свидетельствовал и генерал А.С. Лукомский (*Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М., 2012. С. 271).

²⁴ Подробнее см.: *Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 гг.: Очерки политической истории*. СПб., 2013. С. 199–201.

²⁵ *Бортневский В.Г. «Судить нас будет Господь Бог...»* (К публикации мемуаров Н.В. Савица) // *Бортневский В.Г. Избранные труды*. СПб., 1999. С. 200.

²⁶ *Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.; Реформы и революция*. СПб., 1991. С. 211–214.

вать, что Николай II «совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране»²⁷. Вел. кн. Андрей Владимирович гораздо осторожнее высказывался о решении царя, отметив 24 августа 1915 г.: «Николай Николаевич случайно попал на этот пост, после того, что Совет министров упросил Государя не брать верховное управление армией, в начале войны»²⁸. 1 сентября 1915 г. он признал в дневнике, что «государь, опираясь непосредственно на свою армию, представляет куда большую силу, нежели, когда во главе армии был Николай Николаевич, а он сидел в Царском Селе. Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимание на смещение Николая Николаевича»²⁹. Вместе с тем Андрей Владимирович не сомневался, что император «должен быть вне возможных на него нападков», и ему следует «стоять высоко, вне непосредственного управления». В то время как «с принятием Государем командования армией, естественно, все взоры будут устремлены на него с ещё большим вниманием». «И ежели на первых порах на фронте будут неудачи, кого винить? – недоумевал он 24 августа. – Ещё соображение. Ежели дела государства потребуют его присутствия в Петрограде, на кого он оставит армию?»³⁰

Для высшего генералитета с самого начала было очевидно, что верховное командование царя станет в значительной степени символическим.

«Слишком уж мало подходил Николай II к роли вождя в этой великой войне и по своим дарованиям, и по характеру, и по своей роковой незадачливости», – утверждал А.А. Поливанов³¹. «Было общеизвестно, – писал в мемуарах и А.А. Брусилов, – что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал, и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него всё должен будет решать его начальник штаба»³². «Генералитет и офицерство, – вспоминал А.И. Деникин, – отдавало себе ясный отчёт в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: “Кто будет начальником штаба?” Назначение генерала Алексева успокоило офицерство»³³. По словам мемуариста, Алексеев тогда же стал «фактическим распорядителем всех вооружённых сил Российского государства»³⁴. Адмирал А.Д. Бубнов также считал, что «фактически он, генерал Алексеев, а не император Николай II исполнял функции верховного командования»³⁵. Сам Алексеев

²⁷ Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. С. 89.

²⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 175.

²⁹ Там же. С. 179.

³⁰ Там же. С. 177–178. О своей «двойкой реакции» на вступление царя в должность Верховного главнокомандующего вспоминал и вел. кн. Александр Михайлович: «Хотя и можно было сомневаться в полезности его длительного отсутствия из столицы для нашей внутренней политики, всё же принятие им на себя этого ответственного опыта было в отношении армии совершенно правильным» (Великий князь Александр Михайлович: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 252).

³¹ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 209.

³² Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 145. Любопытно, что и Брусилов, и командующий Западным фронтом генерал В.И. Гурко долго не воспринимали всерьёз циркулировавшие в армейской среде слухи о намерении царя стать Верховным главнокомандующим, воспринимая их как «домыслы» (Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 189).

³³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. М., 2003. С. 135.

³⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 294.

³⁵ Бубнов А.Д. В Царской ставке // В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 108.

сообщал жене 23 августа 1915 г., что принимается за «большое и ответственное дело, в котором нет и не будет для меня какой-либо поддержки и нравственной, и советом, и словом»³⁶.

Большевики изображали позднее М.В. Алексеева, ставшего к тому времени основоположником Белого движения на Юге России, «серым штабным ничтожеством»³⁷.

Перешедший на сторону советской власти генерал М.Д. Бонч-Бруевич в ранней редакции своих воспоминаний, не подвергавшейся ещё «литературной обработке», заявлял, что «Алексеев смотрел на войска как на какие-то шашки, направляемые и передвигаемые распоряжениями высшего командования». Признавая начальника штаба Николая II «большим тружеником», Бонч-Бруевич называл его «военное творчество» «убогим»³⁸. Однако исследования последних лет заставляют усомниться в таких оценках³⁹. Несомненно, Алексеев являлся – и по общему военному кругозору, и по масштабам полководческой и государственной деятельности – одной из наиболее крупных фигур русской Императорской армии. И хотя в офицерской среде бытовало мнение, что Михаил Васильевич «слаб арактером»⁴⁰, по свидетельству В.М. Цейтлина, все признавали генерала «умницей»⁴¹.

Император, как полагает С.В. Куликов, испытывал к Алексееву «личную симпатию», основанную «на сходстве их индивидуальностей»⁴². Однако помимо симпатии, большое значение имел высочайший профессионализм Михаила Васильевича. К тому же к придворным интригам он никакой склонности не имел. Во всяком случае император не сомневался в его личной преданности и доверял ему вплоть до своего отречения. На фронте тем временем, как свидетельствовал Деникин, «перемена Верховного не вызвала большого впечатления». Прежде всего это касалось солдат, ведь «государь в их глазах всегда был главой армии»⁴³. Впоследствии А.А. Керсновский писал, что летом 1915 г. «на Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил царь», решение которого встать во главе армии «было единственным выходом из создавшейся критической обстановки»⁴⁴. Так или иначе Восточный фронт мировой войны действительно вскоре стабилизировался, а снабжение русской армии продовольствием и боеприпасами значительно улучшилось. Некоторые офицеры отмечали, что «произошло в буквальном смысле чудо!»⁴⁵

В целом же, как показывает книга О.Р. Айрапетова, на посту Верховного Главнокомандующего Николай II, прекрасно сознавая важность исхода войны для исторического будущего России, попытался мобилизовать все свои волевые качества, властно проводя в жизнь те политические решения, которые

³⁶ Цит. по: *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 404.

³⁷ *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 47.

³⁸ ОР РГБ, ф. 369, к. 422, д. 4, ч. 2, л. 72, 281, 410. [1931 г.].

³⁹ *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2013.

⁴⁰ Письма ротмистра лейб-гвардии Уланского полка А.В. Поливанова родным (октябрь 1916 – май 1917 г.) / Публ. В.Н. Кузнецова // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 77.

⁴¹ АВИМАИВВИВС, ф. 13-Р, оп. 1, д. 2, л. 53.

⁴² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань. 2004. С. 206.

⁴³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 294.

⁴⁴ *Керсновский А.Л.* История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 306.

⁴⁵ *Гиацингов Э.Н.* Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 55–56.

ему представлялись полезными и целесообразными для достижения победы, и стараясь при этом не оглядываться на советы семьи, Двора или «общественности», противоречившие его представлениям о благе государства. Представление о монархе, управляемом капризами амбициозной жены и советами Г.Е. Распутина, давно уже является устаревшим и нуждается в пересмотре.

Андрей Смирнов: Причины неудач русской армии
Audrey Smirnov (Moscow Architectural Institute Russia):
Causes of the failures of Russian army

Первые два тома новой, ещё не завершённой работы О.Р. Айрапетова представляют собой настоящий прорыв в изучении Первой мировой войны. При редком знании и чувстве эпохи автор не первый раз уже⁴⁶ успешно применяет комплексный подход к анализу внешней политики и военной истории, которые не сводятся в его работах к боевым действиям и дипломатии, а рассматриваются как равнодействующая самых различных факторов – от цен на пшеницу и показателей экспорта и импорта до влияния общественного мнения, от размера расходов на армию и запаса снарядов на одно полевое орудие до личных качеств начальников отдельных управлений, от систем ручного огнестрельного оружия до взаимоотношений между придворными сферами и морским ведомством и т.д. И это именно работающая, несущая конструкция, позволяющая понять и объяснить многое в событиях 1914–1917 гг., а не механическое нагромождение не связанных друг с другом фактов, чем, в частности, грешили советские работы 1940–1950-х гг., в которых показатели выплавки чугуна и роста классовой борьбы искусственно «пристёгивались» к описанию, например, кампании 1805 г., только потому, что надо было показать соотношение «базиса» и «надстройки».

О.Р. Айрапетову удалось установить основные причины неудач русской армии в 1914–1915 гг. К сожалению, неоднократно указав их при анализе конкретных боев и операций, автор не пишет о том, как они сказывались на ходе кампаний 1914 и 1915 гг. на Русском фронте в целом. Один из таких факторов – плохое управление войсками со стороны высшего командования – хорошо известен исследователям⁴⁷. Тем не менее Айрапетов сумел глубже показать, чем оно было обусловлено. «Отсутствие единства в мыслях и действиях, – отмечает он, – читалось практически на всех уровнях принятия решений в русской армии» (I, 149). Фактически это подтверждает правоту генерала от инфантерии В.Я. Флуга, который ещё в 1926 г., говоря о проявившихся во время войны недостатках высшего командного состава России, констатировал присущее «русскому интеллигентному классу» чрезмерное развитие аналитического мышления в ущерб синтетическому, умалюющее «способность образованного русского человека к созидательной (умственной. – А.С.) работе и к «смотрению на дело в целом»⁴⁸. Увлечение мелочами, частностями сплошь и рядом шло в ущерб целому и доходило до забвения главной цели, достижению которой должна служить отработка деталей – установления идеи, которая будет поло-

⁴⁶ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи...

⁴⁷ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 172–176.

⁴⁸ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции (Российский военный сборник. Вып. 16). М., 1999. С. 294, 304.

жена в основу синтеза⁴⁹. Об этом свидетельствовало и подробно показанное Айрапетовым раздвоение, а то и «растроение» русской стратегической мысли в 1914 – начале 1915 г., когда, не покончив ни с восточнопрусской, ни с галицийской группировками противника, вел. кн. Николай Николаевич изъясил из нацеленных на них армий несколько корпусов для организации наступления на познанско-берлинском направлении. Столь же характерно было и стремление Н.Н. Рузского и Н.И. Иванова подчинить стратегические решения исключительно интересам их фронтов. Во всём ощущалось отсутствие единства в целеполагании, которым должна отличаться (и у германцев действительно отличалась) вся работа по планированию военных действий и управлению войсками.

Не менее остро сказывалась и нехватка у рядового и унтер-офицерского состава русской армии 1914–1917 гг. общего развития. Между тем требования к нему заметно возросли не только потому, что в начале XX в., с его расчленёнными боевыми порядками пехоты, рядовой чаще, чем ещё в 1877 г. (не говоря уже о 1812 г., когда на поле боя господствовали сомкнутые колонны) оказывался в ситуации, заставлявшей думать и действовать самостоятельно. Известный уровень общего развития был необходим и для формирования того патриотического и гражданского сознания, которое, например, помогло германскому солдату стойко держаться до самого конца войны. Именно недостаток его у основной массы нижних чинов привёл к моментальному разложению армии Российской империи после издания 1 марта 1917 г. Петросоветом пресловутого приказа № 1. Вчерашние крестьяне рассуждали тогда: «мы вятские, до нас немец не дойдёт», а царя, который велел воевать, теперь нет. Напомнив (цитатой из аналитической записки германского Генерального штаба 1913 г.) о бесстрашии и нетребовательности русского солдата, о его способности быстро восстанавливать боевой дух, Айрапетов справедливо заметил: «Но проблема была в том, что он должен был быть лучше» (I, 56). Да, и в 1914–1915 гг. русский солдат сравнительно быстро приходил в себя после неудач, но *перед этим* часто падал духом быстрее и сильнее, чем германский: ему не хватало сознательного восприятия происходящего, а без этого нельзя было обеспечить устойчивость и «моральную упругость» при неблагоприятных обстоятельствах. Для поражения же оказывалось достаточно и кратковременной деморализации войск. «Войсковые организмы царской России, – писал А.А. Свечин, командовавший в 1915–1917 гг. 6-м Финляндским стрелковым полком, – являлись очень нежными и чувствительными, и весьма восприимчивыми к началам разложения. Я убедился в этом ещё весной 1904 г. под Тюренченом, когда наблюдал почти мгновенный переход от ура-патриотического настроения к грабежу денежных ящиков и офицерских чемоданов, к самой бесшабашной панике... Русские полки успешно работали только в атмосфере порядка и авторитета». Однако «обстановка современного боя» не всегда позволяла сражающимся быть на виду у начальника⁵⁰.

Конечно, факты быстрого «перехода от ура-патриотического настроения» «к самой бесшабашной панике» встречались в 1914–1915 гг. и среди герман-

⁴⁹ Подробнее см.: Смирнов А.А. «Бессистемность, свойственная нам вообще» (к вопросу о факторах, влиявших на отечественную военную историю) // Выбор пути (сборник статей памяти В.Л. Махнача). М., 2010. С. 239–259; *он же*. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 2. М., 2013. С. 253–260.

⁵⁰ Свечин Л.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–18 гг. М.; Л., 1930. С. 14–15.

ских частей. Примером может служить бегство их 35-й пехотной дивизии и 71-й пехотной бригады 36-й пехотной дивизии под Гумбинненом 7(20) августа 1914 г. Служивший тогда лейтенантом 5-го гренадерского полка 36-й дивизии К. Хессе вспоминал, как «в диком бегстве», без винтовок и касок, устремились в тыл передовые взводы 7-й роты; «в состоянии полного разложения» откатились и другие подразделения 5-го гренадерского и соседнего 128-го пехотного полков, но «в особенности охвачены паникой» были части 35-й дивизии⁵¹... Однако это случилось при первом столкновении с противником, когда даже хорошо подготовленные и дисциплинированные, но необстрелянные части могут оказаться парализованы (как под Тюренченом). В последующих боях паника у немцев (например, в батальоне 4-го гренадерского полка 2-й пехотной дивизии под Уздау 14(27) августа 1914 г.) не выходила за пределы подразделения. И никогда, даже под Праснышем (где в феврале 1915 г., как пишет Айрапетов, единственный раз удалось добиться «крупного окружения немецких войск, сопровождавшегося расстройством тыла и управления» (II, 33)), у них не бывало столь быстрого прекращения сопротивления при неудаче, как, например, у русских под Танненбергом. Под Праснышем немцы, потеряв много людей пленными, всё-таки организованно вышли из «мешка». А под Танненбергом, как вспоминал командовавший тогда 10-й ротой 1-го пехотного Невского полка граф Г.П. Беннигсен, уже в неразберихе при встрече в ночь на 17(30) августа в Грюнфлиссском лесу окружённых войск XIII и XV армейских корпусов «люди в большинстве частей разбежались и перемешивались»⁵². Безуспешные же попытки прорыва 17 августа совсем деморализовали солдат и привели к потере управления даже подразделениями. К утру 18(31) августа, судя по записи, сделанной в плену со слов однополчан бывшим командиром 3-го пехотного Нарвского полка Н.Г. Загнеевым, образовалось «большое скопление людей в лесу, и всё как бы ускользнуло из рук»⁵³.

Власть без должного внимания относилась к гражданскому и патриотическому воспитанию масс, соответствующая работа велась лишь среди солдат срочной службы. Не случайно приведённые выше свидетельства о быстром разложении окружённых под Танненбергом войск оставлены офицерами Невского и Нарвского полков, где процент запасных был наибольшим из всех кадровых частей русской пехоты августа 1914 г. (до 80%⁵⁴). В XV корпусе он был меньше – и, соответственно, меньше процент не разбежавшихся и не «ускользнувших из рук» сразу после неудачи. Так, на момент сдачи в плен, после «крайне упорного сопротивления», во 2-м батальоне 22-го пехотного Нижегородского полка оставалось, по свидетельству командовавшего тогда батальоном подпоручика С. Сынпяна, около 60 солдат, и только «30–40 солдат (едва ли больше) сверх указанных 60 рассеялись и могли попасть в плен поодиночке»⁵⁵.

Влияние на «моральную упругость» частей социально-классового состава их нижних чинов ещё нуждается в серьёзном изучении. О.Р. Айрапетов приводит слова участника боёв 1914 г. о том, что запасные из рабочих Петербургского

⁵¹ Hesse K. Der Feldherr Psychologos. Ein Suchen nach dem Fthrer der deutschen Zukunft. Berlin, 1922. S. 28–29, 32, 36.

⁵² Беннигсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военная быль. 1959. № 38. С. 6.

⁵³ ГА РФ, ф. Р-6176, оп. 1, д. 1, л. 26 об.

⁵⁴ Подсчитано по: Беннигсен Г.П. Указ. соч. № 35. С. 14; ГА РФ, ф. Р-6176, оп. 1, д. 6, л. 16.

⁵⁵ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 42, л. 12. Слова «сверх указанных 60» вставлены В.В. Чернавиным в запись от 10 января 1926 г. позднее.

промышленного района, влившиеся при мобилизации в части XXII армейского корпуса, «оказались прекрасным элементом»⁵⁶. Однако до Первой мировой войны в русской армии преобладало представление о большей устойчивости солдат из крестьян и меньшей – из рабочих, мещан и «пролетариев с наделом» (отходников, не порвавших с сельским хозяйством)⁵⁷. Правда, судя по сведениям о боевой работе русской армии в Первую мировую войну, собранным в 1923–1938 гг. сотрудником Русского заграничного исторического архива в Праге генерального штаба генерал-майором В.В. Чернавиным и представляющим собою, по сути, случайную выборку, у данного мнения были как сторонники, так и противники.

Полковник А.В. Бржезицкий утверждал в 1927 г., что уроженцы Рязанской губ. прибывавшие на пополнение его 2-го Кавказского стрелкового полка, были «неудовлетворительными» именно «как привыкшие к отхожим промыслам и непатриотично настроенные». «Совершенно неудовлетворительный материал в физическом и моральном отношении», – отозвался в 1926 г. полковник чехословацкой армии Я.Я. Червинка об уроженцах Варшавы, присланных в июле 1914 г. в лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк, где он тогда служил⁵⁸. Но М.М. Липинский (в августе 1914 г. подпоручик 5-го гренадерского Киевского полка 2-й гренадерской дивизии), беседуя с Чернавиным 27 ноября 1927 г., не подтвердил «мнение о том, что пополнения из московского района (фабричные, вообще жители гор[ода] Москвы) оказались морально ненадёжными и только понизили качество солдатского состава» 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий. 14 декабря 1927 г., выслушав бывшего офицера 3-й гренадерской артиллерийской бригады, Чернавин записал: «Он отрицает мнение, что якобы пополнение из Московск[ой] губ[ернии] и жителей г[орода] Москвы (влитое по мобилизации) оказались (так в тексте. –А.С.) неудовлетворительными и понизили качество частей»⁵⁹. С этими офицерами гренадерских дивизий были солидарны и их сослуживцы, не опрашивавшиеся Чернавиным. Так, М.И. Пестржецкий, командовавший в начале войны 12-м гренадерским Астраханским полком 3-й гренадерской дивизии, в своих мемуарах дважды повторил, что пополнившие в июле 1914 г. полк московские запасные (и в том числе фабричные рабочие) прибыли на фронт «вполне надёжными солдатами»⁶⁰. О том же вспоминал и бывший командир 12-й роты астраханцев П.В. Сушильников. «Та беспорядочная, шумная толпа мастеровщины, которая запрудила при разбивке казарменный двор, – писал он про первый бой роты, – теперь, под влиянием кадров, полностью восприяла боевую обстановку»⁶¹.

С другой стороны, бывший командир 2-го дивизиона 3-й гренадерской артиллерийской бригады А.Ф. Макалинский 14 ноября 1925 г. писал Чернавину о толпах беглецов, потерявших всякий солдатский облик после первых боёв 13–14 (26–27) августа в районе Замостья и, видимо, принадлежавших к той

⁵⁶ Демьяненко Я. Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль (Париж). 1960. № 40. С. 10.

⁵⁷ Подробнее см.: Смирнов А.А. Русский солдат как зеркало русского национального характера // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 1999. С. 356–358.

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 29, л. 8; д. 21, л. 127.

⁵⁹ Там же, д. 41, л. 45, 46. Слова «влитое по мобилизации» вставлены Чернавиным позднее.

⁶⁰ Пестржецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011. С. 47.

⁶¹ Сушильников П.В. Из воспоминаний Астраханского гренадера (1914). 14 августа 1914 г. // Русский военно-исторический вестник (Париж). 1950. № 7. С. 41.

же 3-й гренадерской дивизии (участвовавшей тогда в составе XXV армейского корпуса в Томашовском сражении). Собранные 14(27) августа, они, как излагал содержание письма Чернавин, «неудержимо разбежались, преднамеренно перемешивались, скрывали звание, номера рот и проч.». Разбежаться стало даже не участвовавшее в бою прикрытие дивизиона⁶². Поскольку в бегство 3-я гренадерская дивизия обратилась тогда отнюдь не целиком, можно предположить, что разбежались всё-таки запасные, т.е. фабричные и другие горожане. О 1-й и 2-й гренадерских дивизиях Чернавину сообщали, что, когда к 19 августа (1 сентября) 1914 г., после сражения под Красником, в полках Гренадерского корпуса осталось по 200–300 штыков, «это всё были кадровые солдаты; запас, выставленный гренадерам Москвой и её губернией, исчез в течение двух недель, составив в подсчётах потерь гл[авным] образом рубрику “без вести пропавших”»⁶³.

К числу основных факторов неудач русской армии в 1914–1915 гг. следует отнести и не раз отмеченное Айрапетовым численное превосходство тяжёлой полевой артиллерии германцев. Так, настроение солдат 105-го пехотного Оренбургского полка 27-й пехотной дивизии было выше всяких похвал, но 4(17) августа в бою у Шталюпёнена они обратились в бегство именно под огнём 150-мм гаубиц. Бывший командир III армейского корпуса, в который входила 27-я дивизия, Н.А. Епанчин едва ли был прав, объясняя тот факт, что полк «оказался весьма нестойким», с низким моральным духом инородцев, влившихся в него при мобилизации⁶⁴. Во всяком случае, командовавший в те дни 27-й дивизией К.М. Адариди в 1925 или 1926 г. сообщал Чернавину, что разбавление полков дивизии мобилизованными «местными элементами» «на их боевой ценности не отразилось и не могло отразиться, так как пополнение было из молодых, недавно уволенных в запас». К тому же, среди них оказалось так много добровольцев, что «части вышли на войну с порядочным сверхкомплектom»⁶⁵.

Нельзя не отметить, что в книге Айрапетова, пожалуй, подробнее, чем где-либо ещё в отечественной историографии, характеризуется состояние австро-венгерской армии. Распространённое мнение о её слабости уже ставилось (хотя и в завуалированной форме) под сомнение⁶⁶. Соотношение потерь русских и австро-венгров на Восточном фронте в 1914–1917 гг. было примерно 1 : 1, а это может указывать на отсутствие значительного превосходства одной из сторон⁶⁷. Айрапетов также приводит серьёзные доводы в пользу того, что в 1914 г. у Австро-Венгрии «была неплохая армия», и «нельзя преувеличивать влияние национального фактора на поведение» её частей (I, 98–99).

Действительно, и в 1916 г., и раньше австро-венгерские части на Русском фронте «дрались с большим ожесточением, особенно в составе мелких подразделений, стреляли до тех пор, пока русские войска не подходили к ним вплотную, наносили огромные потери» и только потом «бросали ружья и относительно легко массами сдавались в плен»⁶⁸. В этом видны классические при-

⁶² ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 41, л. 49.

⁶³ Там же, л. 44.

⁶⁴ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 406.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 52, л. 283 об.–285.

⁶⁶ *Каширин Б.В.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 44–45.

⁶⁷ *Соколов Б.В.* СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М., 2013. С. 18–34, 112.

⁶⁸ *Базаревский А.* Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. Прорыв укрепленной полосы и форсирование реки. М., 1937. С. 108.

знаки хорошей дисциплинированности и боевой выучки. А.Е. Егоров, в 1914 г. командовавший ротой 165-го пехотного Луцкого полка, увидев 13(26) августа у деревни Княже, как в первом бою чешские (sic!) части сдавались, только сделав последний выстрел по атакующим в упор, навсегда расстался с довоенным представлением о том, что «австрияки» не окажут упорного сопротивления⁶⁹. Л.В. Саянский, попавший на австрийский фронт осенью 1914 г., в 1915 г. утверждал, что австрийцы «сильные и упорные враги», которые «умеют умирать, дорого продавая свою жизнь». По его словам, русские солдаты «их уважают и считают равными себе»⁷⁰. В то же время М.Л. Грицюк (в 1914 г. фельдфебель 127-го пехотного Путивльского полка) в 1929 г. писал, что «в отношении стрелкового искусства, а также маневрирования частей войск, самоокапывания, стойкости солдата и пр[оч.] мы были на голову выше австрийцев»⁷¹.

Так или иначе, труд О.Р. Айрапетова не только выводит изучение истории Первой мировой войны в нашей стране на новый уровень, но и ставит перед исследователями не решённые ещё задачи.

Давид Мартиросян: Война в Закавказье

*David Martirosian (Ministry's of defense Research Institute, Russia):
Fighting in Transcaucasia*

Всем специалистам, изучающим Русско-турецкий (Кавказский) фронт Первой мировой войны, будет интересно ознакомиться с новой книгой О.Р. Айрапетова, ставшей весомым вкладом в современную историографию.

В опубликованных им томах дан развёрнутый анализ военных действий в Закавказье в 1914–1915 гг. Говорится в них и о военных преступлениях турецких войск против мирного христианского населения (армян, ассирийцев, греков). При этом автор не только привлёк максимально возможное для обобщающей работы количество опубликованных источников, но и оригинально интерпретировал содержащиеся в них данные. Хотя, конечно, без прочной опоры на базовые архивные фонды трудно избежать фактических ошибок и субъективизма в изложении тех или иных спорных сюжетов.

Так, в главе, посвящённой зимней кампании 1914/15 г. (I, 222–236), автор решительно утверждает, что вступление Турции в войну, несмотря на многочисленные донесения разведки и дипломатов, застало Россию врасплох. Это может создать у читателя ошибочное впечатление, будто в Кавказском военном округе вовсе не ожидали нападения турок. Между тем в дальнейшем говорится лишь про некоторые ошибочные представления командования о характере предстоящих боёв на второстепенных участках театра военных действий. Конечно, с определёнными оговорками можно согласиться с тем, что под влиянием гражданской администрации начальство округа совершило ошибку, поверив в лояльность местного мусульманского населения. Именно поэтому для военных оказался неожиданным масштаб восстания, охватившего ряд приграничных территорий.

Тем не менее с первых же дней войны русские генералы, следуя «Высочайшим указаниям главнокомандующему войсками Кавказского военного округа

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 23, л. 3.

⁷⁰ *Саянский Л.В.* Три месяца в бою: Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г.: Сборник историко-литературных произведений. М., 2014. С. 96.

⁷¹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 45, л. 23.

на случай войны с Турцией» 1910 г., взяли инициативу в свои руки. 19 октября (1 ноября) 1914 г. части Ольгинского, Сарыкамышского, Кагызманского и Эриванского отрядов перешли границу. На главном – Эрзурумском – направлении основная роль отводилась Сарыкамышскому отряду, который возглавил командир 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Н.Н. Баратов. Боевые действия этого отряда, продолжавшиеся до 11 (24) ноября, известны в отечественной историографии как Кёприкёйское встречное сражение. Поскольку оно предусматривалось в предвоенных планах, едва ли следует говорить о неподготовленности России к столкновению с Турцией.

Айрапетов впервые обращает внимание широкого круга читателей на «Аджарское восстание» – мятеж протурецки настроенных мусульман, бушевавший на территории Батумской и Карсской областей Российской империи с ноября 1914 по апрель 1915 г. В советское время он практически не изучался, поскольку явно не вписывался в представления о национально-освободительной борьбе покорённых царизмом народов Кавказа. В результате автору пришлось, опираясь на статьи военных корреспондентов петроградских газет, восстанавливать хронологию и детали тех событий. Отдавая должное упорству и целеустремленности Айрапетова, следует всё же признать ограниченную информативность подобных сообщений в условиях военной цензуры, что делает неизбежным наличие многочисленных пробелов в этой части книги.

Анализируя оперативные решения русского командования в период проведения Сарыкамышской операции, Айрапетов справедливо критикует действия генерал-лейтенанта А.З. Мышлаевского. Но, опираясь преимущественно на источники личного происхождения, исследователь невольно допускает неточности. По мнению Айрапетова, в декабре 1914 г. критическая ситуация на Кавказском фронте сложилась из-за того, что Мышлаевский проигнорировал результаты проведённой в июле 1914 г. штабной игры, подтвердившей возможность выхода крупных сил противника через Бардузский перевал к Сарыкамышу. Однако, согласно архивным документам, игра проходила с учётом обстановки летнего времени, а операция началась зимой, при морозе и заваленных снегом горных дорогах и перевалах. Поэтому не только Мышлаевский, но и практически весь командный состав Кавказской армии не ожидал, что турки предпримут столь рискованный манёвр. Кроме того, сосредоточившись на описании боёв в районе Сарыкамыша, автор вынужден жертвовать освещением менее заметных, но крайне важных для понимания операции обстоятельств.

Столь же сложно было соблюсти «золотую середину» между необходимостью компактно очертить перипетии русско-турецкого конфликта, возникшего зимой 1914/15 г. в северо-западной части Персии, и изложением всех существенных нюансов, характеризующих историческую ситуацию стремления местной русофобски настроенной элиты изгнать чужеземцев, опираясь на поддержку турок, и особенностей превращения «нейтрального» государства в арену противостояния. Говоря о направлении в Персию экспедиционного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова (II, 245–246), автор не поясняет, почему во второй половине 1915 г. в Петрограде возобладали сторонники силового решения персидской «проблемы». Сам Айрапетов склоняется к тому, что ввод русских войск был неизбежен для предотвращения вступления Персии в войну на стороне Германии и Турции. В этом он явно следует за русской эмигрантской историографией, не учитывая многочисленные

исследования советского периода⁷². Между тем подобное развитие событий свидетельствовало о провале проводившейся до того политики. Прибегнув к помощи армии в борьбе с германо-турецкими наёмниками и отрядами местной оппозиции, российские дипломаты признали, что ситуация вышла из-под их контроля. В итоге корпус Баратова без особого труда справился с противостоящими ему формированиями, однако вовлечение ещё одной страны в вооружённый конфликт означало, помимо прочего, что и без того обширный и сложный по природно-климатическим условиям Кавказский фронт увеличивался на несколько сотен километров, достигнув к началу 1916 г. своей максимальной длины в 1 200 км. Рассматривать это как пример дальновидности и военной эффективности довольно сложно.

***Фёдор Гайда: «Священное единение», которого не было
Fedor Gaida (Lomonosov Moscow State University, Russia):
«The holy unity» that never existed***

В своей новой книге О.Р. Айрапетов показывает тесную взаимосвязь военных действий и внутривластной борьбы в России в 1914–1915 гг., подводя читателя к размышлению о непосредственных причинах крушения империи. Военное руководство серьёзно влияло тогда на расстановку сил в стране и, наоборот, политические события в тылу в конечном счёте сыграли определяющую роль в поражении русской армии. Первая мировая война не стала для России «Второй Отечественной» именно потому, что слишком сильны были те, кто стремился использовать столкновение с внешним врагом для победы над своими противниками внутри государства. При этом Айрапетов очень далёк от мысли, будто Россия проиграла войну из-за заговорщической деятельности неких вражеских агентов (подобные современные «концепции» являются лишь своеобразной реинкарнацией старого либерально-оппозиционного мифа о «тёмных силах», мешавших победе).

Айрапетов обращает внимание на принципиальные особенности «священного единения», которое было объявлено в России летом 1914 г. по примеру её западных союзников. О «патриотическом угаре» оппозиции говорить не приходилось, а все, кто в него поверил, совершили фатальную политическую ошибку. Тем более, что борцы с самодержавием и не скрывали своих планов. Судя по речи, произнесённой П.Н. Милюковым 26 июля 1914 г., думские кадеты отнюдь не отказывались от борьбы с правительством на весь период войны и обещали вернуться к ней, «когда настанет время». Лидер «Партии народной свободы» говорил об этом даже несмотря на угрозу закрытия ведущей кадетской газеты «Речь», фактическим руководителем которой он являлся (I, 71, 74). Вскоре после создания Земгора кадетские «Русские ведомости» уже требовали новых уступок общественности⁷³ и писали, что для призрения семей воинов нужны не создававшиеся МВД бюрократические учреждения, а общественная инициатива⁷⁴. В начале войны умеренно-социалистический «День» утверждал:

---

⁷² Вызывает недоумение и то, что О.Р. Айрапетов избегает употребления устоявшихся в отечественной историографии обозначений тех или иных сражений и операций (Кёприкёйское встречное сражение, Сарыкамышская оборонительная операция и т.д.), хотя он, разумеется, хорошо знаком с трудами Н.Г. Корсуна и Е.В. Масловского.

⁷³ Щепкин Н. Союз городов России // Русские ведомости. 1914. 10 августа.

⁷⁴ Русские ведомости. 1914. 14 августа.

Россия «ждёт от правительства твёрдых заявлений, что над родиной нашей встаёт заря новой свободной жизни»⁷⁵. Октябристский «Голос Москвы» ещё накануне созыва «исторического заседания» Думы сообщал о возможных переменах в Совете министров и указывал, что правительство должно формироваться «преимущественно» из среды общественных деятелей. «Несмотря на всю важность европейских событий, – отмечалось в гучковской газете, – нельзя упускать из виду и вопросы внутренней политики»⁷⁶. В тот же день октябристский ЦК выпустил воззвание, в котором упоминалось о необходимости «усовершенствования внутреннего государственного порядка» после окончания войны⁷⁷. Но это вовсе не означало, что подготовка к нему не начнётся заранее. Иными словами, «священное единение» являлось лишь тактическим приёмом (причём достаточно прозрачным), рассчитанным на постоянные и масштабные политические уступки. И они делались с самого начала войны.

Земгор получал казённое финансирование и одновременно освобождался от государственного контроля. Многие чиновники видели в этом опасный недосмотр, но на самом деле подобная практика стала следствием рискованной политической игры. Поддержку данным общественным организациям оказывали Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич и главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин (I, 75–77), являвшийся в январе 1914 – августе 1915 г. наиболее влиятельным членом правительства. По сути это было продолжением «либеральной пьесы», инициированной Кривошеиным ещё до начала войны для установления стратегического сотрудничества с либеральной общественностью⁷⁸. В военную победу главноуправляющий не верил⁷⁹, и это лишь усиливало его желание сговориться с оппозицией, произведя перемены в Совете министров. Уже 30 июля внимательно следивший за расстановкой сил в правящих кругах генерал Е.В. Богданович сообщал Николаю II, что Кривошеин «начинает играть опасную, вредную роль», мечтает возглавить правительство или МВД, заручился поддержкой военного и морского министров, «завладел слабым и, увы, безвольным Горемыкиным и подкапывается под Н.А. Маклакова»⁸⁰.

Заинтересованные в общественной поддержке Ставка и правительственные либералы оказались союзниками в борьбе против военного министра В.А. Сухомлинова и министра внутренних дел Н.А. Маклакова (II, 173). Айрапетов показывает, как «снарядный голод», шпиономания и антигерманские настроения использовались во внутриполитической борьбе. Почва для массированного удара была создана ещё до начала Великого отступления 1915 г. Однако именно отступление войск стало поводом для наступления на власть: теперь громкие победы одерживались на внутреннем фронте. В первую очередь речь шла о размещении военных заказов, вызывавшем острую конкуренцию между петроградскими и московскими торгово-промышленными кругами. В кризисной обстановке успеха добивался тот, кто повышал градус политического давления,

⁷⁵ День. 1914. 26 июля.

⁷⁶ Политические слухи // Голос Москвы. 1914. 25 июля.

⁷⁷ Голос Москвы. 1914. 26 июля.

⁷⁸ *Гайда Ф.А.* «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2011. С. 192–202; *он же.* «Просто “мы”»: Кривошеин и кадеты в поисках согласия (1913–1914) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 4. С. 41–51.

⁷⁹ *Барк П.Л.* Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 19–24.

⁸⁰ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 1, л. 26–27.

легко прикрывавшегося «патриотической тревогой». Москвичи, привыкшие к оппозиционному задору, борьбу на этом этапе выиграли, в качестве приза получив военно-промышленные комитеты – гениальное изобретение, позволявшее эффективно осваивать казённые кредиты. Лидеры ВПК также попытались усилить своё влияние за счёт создания рабочих групп. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета должна была, по замыслу А.И. Гучкова, А.И. Коновалова и др., координировать стачечное движение по всей стране (сдерживать его на одних предприятиях и провоцировать на других, принадлежавших конкурентам, для срыва выполнения заказов и их последующего перераспределения). Поскольку иные рабочие организации фактически не действовали, данный план не был изначально обречён на провал. Однако рабочие отнеслись к новому начинанию без особого доверия. Рабочая группа ЦВПК вскоре развернула борьбу за свою самостоятельность от промышленников⁸¹ и, как верно отмечает Айрапетов, так и не стала их орудием (II, 207–209).

Оппозиция нуждалась в Государственной думе, поскольку только она, пусть и избранная на основании закона 3 июня 1907 г., могла вещать от имени всей страны. Максимально расплывчатый и по-своему беспрюгрышный лозунг «министерства доверия» позволил кадетам летом 1915 г. не только завладеть политической инициативой в Думе, но и возглавить широкие ряды оппозиции. Это означало стратегическое поражение Кривошеина. Конечно, Прогрессивный блок мог поддержать его назначение главой правительства (II, 202), но только в том случае, если оно будет техническим, подчинённым думскому большинству. По сути, это было повторением условий, выдвинутых кадетами гр. С.Ю. Витте в октябре 1905 г.: они не собирались вступать в его правительство и разделять с ним ответственность, но были готовы использовать его как послушного профессионала. Теперь же согласие власти на формирование Совета министров по указанию Прогрессивного блока в тот момент, когда немцы уже вошли в Варшаву, могло закончиться срывом в анархию. К тому же никакого согласованного списка «кабинета» у думского большинства не имелось и, пожалуй, быть не могло – он так и не появился вплоть до марта 1917 г. Когда оппозиции всё же пришлось сформировать «министерство доверия» из собственной среды, оно не продержалось и двух месяцев.

В августе–сентябре 1915 г. власть предприняла ряд шагов, направленных на прекращение «либеральной пьесы»: вел. кн. Николай Николаевич получил назначение на Кавказ, Дума была распущена, ультиматум правительственного большинства царю отвергнут, МВД возглавил А.Н. Хвостов. Однако все эти меры стали лишь ответными и вынужденными. Как отмечает Айрапетов, вступление Николая II в должность Верховного главнокомандующего вполне соответствовало общеевропейской практике. Одновременно император согласился лично присутствовать на торжественном открытии Особых совещаний и обратиться к их членам с речью, подготовленной А.А. Поливановым, незадолго до этого возглавившим Военное министерство. В ней говорилось, что совещаниям «с полным доверием» предоставляются «исключительно широкие полномочия», допускалась даже возможность созыва их совместного заседания под председательством царя⁸². Родзянко и иные депутаты тут же выступили с

⁸¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти: 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 167–168.

⁸² *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1953. С. 123–124.

критическими «деловыми» речами. После заседания Николай II беседовал с членами Думы, взял у кадета А.И. Шингарёва письменный доклад и пожал ему руку со словами: «Я очень, очень благодарю Вас за Вашу работу; я всё прочту; я знаю, что многое плохо у нас. Будем стараться это исправить». К концу собрания в зал вошла императрица Александра Фёдоровна с наследником и также приняла участие в общении с депутатами⁸³. Ничего фатального в решении Николая II возглавить армию не было, а реакция войск на него отнюдь не являлась столь однозначно отрицательной, как это казалось оппозиции (II, 186, 200–201). Между тем удаление великого князя позволило устранить из деятельности Ставки не только совершенно излишнюю, но и просто опасную политизацию. Как показали события, репутация монарха могла пострадать от военных неудач независимо от того, кто именно являлся главнокомандующим. Однако стратегических поражений в сентябре 1915 – феврале 1917 г. не было, отчасти даже, наоборот, боевые действия стали складываться более успешно.

За приостановку заседаний Думы после того, как переговоры депутатов парламентариев с министрами оказались сорваны, выступали даже соратники Кривошеина в правительстве. Попытавшийся после окончания сессии лоббировать политические требования Земгора министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, проявивший уже явную некомпетентность, уступил свой пост А.Н. Хвостову – мастеру политических манипуляций⁸⁴. Вплоть до начала 1916 г. думская оппозиция была серьёзно дезориентирована, пока сам Хвостов не запутался в хитросплетениях собственной политики⁸⁵. В результате, пользуясь возрастающими в стране проблемами, оппозиция сумела заставить власть играть по своим правилам. Однако, как показывает книга О.Р. Айрапетова, такое развитие событий вело к ожесточённой внутренней борьбе, ставившей под сомнение обороноспособность России.

Станислав Тютюкин: На внутреннем «фронте»

***Stanislav Tiutiukin (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences):
At the inner front***

Действия на внутреннем, антицаристском «фронте» (к которому с 1915 г. добавились и политические стачки рабочих, а также некоторые национальные движения) шли в годы войны по нарастающей. В основе их лежал тот социальный, идейно-политический, национальный и религиозный раскол российского общества, который ярко проявился ещё в 1905–1907 гг. и не был преодолён в период столыпинской «передышки». Больше того, в 1912 – первой половине 1914 г. он вновь стал всё отчётливее проявляться и лишь ненадолго оказался заглушён и деформирован патриотической эйфорией первых военных месяцев 1914–1915 гг.

Деятельность IV Государственной думы и особенно её радикального крыла (социал-демократической фракции и Трудовой группы) длительное время явно недооценивалась. Думу полупрезрительно считали «пустой говорильней», а большинство депутатов – неким чуть ли не антинародным элементом,

⁸³ *Каннист И.И.* Перед крушением империи // Возрождение. 1933. 30 марта.

⁸⁴ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти... С. 126, 130–132, 135; *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 96; *Глобачёв К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 95–96.

⁸⁵ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти... С. 159–166, 172–179.

прислужниками царизма и т.д. Между тем это было не так, и арест пятерых большевистских депутатов (Г.И. Петровского, А.Е. Бадаева, М.К. Муранова, Ф.Н. Самойлова и Н.Р. Шагова) вовсе не означал, что в Таврическом дворце больше не осталось революционеров и социалистов, поскольку меньшевистская фракция РСДРП и Трудовая группа, во многом близкая к партии эсеров, сохранялись, да и либералы в ходе войны эволюционировали влево.

Государственная дума являлась тогда единственной узаконенной общероссийской политической трибуной, с которой можно было, пользуясь депутатской неприкосновенностью и отчасти преодолевая «запретительную» манеру поведения председателя – октябриста М.В. Родзянко, критиковать власть за её ошибки, просчёты и упущения в деле обороны страны, организации народного хозяйства и жизни общества. К сожалению, автор книги слишком кратко пишет о позиции думских социал-демократов и трудовиков (а о чём-то и умалчивает), хотя она очень важна для понимания роли и настроений Думы в целом.

Первая после объявления войны однодневная сессия Государственной думы состоялась 26 июля. После речей Родзянко, главы правительства И.Л. Горемыкина и некоторых других официальных лиц слово, согласно тщательно разработанному заранее сценарию, было предоставлено руководителям крупнейших думских фракций (I, 71–74).

Первым из них на трибуну поднялся А.Ф. Керенский – член, а фактически руководитель Трудовой группы, представлявшей прежде интересы «мужицкого царства». К тому времени этот «калиф на час», как иронично пишет о нём Айрапетов, напоминая о его роли в 1917 г., уже составил себе довольно громкое имя и в Думе, и за её пределами, благодаря участию в общественном расследовании обстоятельств печально знаменитого Ленского расстрела сибирских рабочих в 1912 г. и в резонансном суде над М. Бейлисом, обвинявшимся в ритуальном убийстве и оправданном присяжными. Керенский ещё накануне на заседании Совета старейшин Думы предлагал направить Николаю II программу реформ, включавшую амнистию политических заключённых и эмигрантов, предоставление автономии Польше, провозглашение свободы деятельности рабочих организаций, изменение унижительного положения евреев и т.д. Осуществление этих мер свидетельствовало бы о некоторой либерализации царского режима в условиях войны, однако данное предложение было решительно отвергнуто Родзянко⁸⁶. Поэтому в своей краткой речи Керенский посетовал на то, что «власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренние распри», примириться с нерусскими народами империи и облегчить положение трудящихся классов. Позицию же своей группы он сформулировал так: сначала нужно защитить Россию от врага, а потом освободить её «от страшных внутренних пут»⁸⁷. Этим, судя по стенограмме, он даже сорвал аплодисменты «слева, в центре и на отдельных местах справа». Характерно, что сначала Керенский рассчитывал выступить 26 июля с единой декларацией от имени трудовиков и всех социал-демократов, но те отказались поддержать его патриотическое «оборончество».

Сложнее обстояло дело с выступлением представителя РСДРП. Айрапетов умолчал о том, что к тому времени в Думе действовали уже две марксистские фракции – большевистская и меньшевистская, каждая из которых имела право выставить своего оратора. Но пятёрка большевистских депутатов от рабочих

⁸⁶ Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006.

⁸⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчёты. Т. IV. М., 1995. С. 21.

оказалась тогда полностью дезориентирована недавним и поспешным, без всяких объяснений, отъездом за границу их лидера Р. Малиновского. Лишь позднее, в 1917 г., выяснилось, что он был провокатором и полиция, опасаясь его публичного скандального разоблачения, приказала ему немедленно покинуть столицу. Не сумев в этой ситуации вовремя подготовить собственную антивоенную декларацию, большевики согласились выступить 26 июля совместно с шестью меньшевиками, чем потом вызвали гнев В.И. Ленина. Текст заявления обсуждался обеими социал-демократическими фракциями⁸⁸, а огласить его с думской трибуны поручили выходцу из рязанских крестьян, токарю из Уфы меньшевику В.И. Хаустову.

Как раз накануне войны именно меньшевики обратились в Международное социалистическое бюро с ходатайством о том, чтобы предстоящий в августе 1914 г. в Вене очередной конгресс II Интернационала принял решение о новом, как в 1906 г., их объединении с большевиками для укрепления позиций РСДРП и подготовки новой революции в России. Конгресс этот в связи с началом войны не состоялся, сорвалось и объединение меньшевиков с большевиками, однако к моменту однодневной июльской сессии данный вопрос ещё обсуждался, причём в Вене он, скорее всего, был бы решён в пользу меньшевиков.

Известно, наконец, что Родзянко, особенно придиричиво относившийся к выступлениям социал-демократов, перед сдачей в печать стенограммы с речью Хаустова сильно её отредактировал⁸⁹, оставив в ней, однако, несколько явно невыгодных для власти мест. Так, в думском отчёте сказано, что, по мнению РСДРП, начавшаяся война – это великое бедствие для народов всех воюющих стран (!), но русские рабочие в силу ряда сложившихся обстоятельств (?) не смогли прежде открыто выступить с протестом (!) против неё. Война объяснялась политикой захватов (чьих и каких?), и ответственность за её начало возлагалась на правящие круги всех воюющих стран. Далее провозглашалось, что «пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа (!), во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они не исходили (Рукоплекания)». При этом трудно было понять, имелись ли в виду посягательства врага или русского правительства. И хотя, как отмечалось в заявлении, пролетариат воюющих стран «не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который он с собой несёт», но уж условия будущего мирного договора должны диктоваться не дипломатами, а самим народом, и только тогда теперешнее вооружённое столкновение окажется последним. Таким образом, антивоенный характер декларации РСДРП даже после сделанных Родзянко сокращений остался для депутатов и позднейших читателей вполне очевидным.

В советский период, как известно, слова о защите пролетариатом «культурных благ народа» однозначно интерпретировались как проявление меньшевистского социал-шовинизма (недаром зал этому рукоплекал). Но и сам Ленин осенью 1914 г. в своей статье «О национальной гордости великороссов» признавал, что рабочим отнюдь не чуждо это благородное человеческое чувство и они тоже любят свою родину и родной язык⁹⁰. Поэтому данное обвинение, ко-

⁸⁸ Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 345.

⁸⁹ Там же. С. 346. Анализ стенограммы (Государственная дума... Т. IV. С. 21–22) также свидетельствует о постороннем вмешательстве в текст.

⁹⁰ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 107.

торое было в своё время по существу единственным со стороны самых строгих уже советских критиков, теперь представляется надуманным.

Не совсем ясно, почему Айрапетов, далеко не полностью процитировав декларацию РСДРП и особо отметив содержавшееся в ней обещание социал-демократов от имени пролетариата защищать культурные блага народа, назвал их действия тактикой «революционного непобежденчества». Такое выражение никем раньше не использовалось и вряд ли будет понятно читателю. По сути же, ни депутаты, ни правительство так и не услышали от Хаустова, а точнее от тех интеллигентов, которые составляли его речь, каких-либо пожеланий побед русского оружия, обещаний социального мира в стране или признания начавшейся войны Отечественной.

Автор не упомянул о том, что 26 июля перед голосованием за дополнительные кредиты, передававшиеся в распоряжение правительства на военные нужды, обе фракции РСДРП покинули в знак протеста зал заседаний Думы, а трудовики воздержались от голосования. Кстати, меньшевики и трудовики аналогично поступали и в 1915–1916 гг. Ничего не сказано в двухтомнике и о проходившем в феврале 1915 г. суде над большевистскими депутатами, арестованными в ноябре 1914 г. на их партийном совещании в Озерках под Петроградом и сосланными в Сибирь без указания срока. Сначала им мог грозить даже расстрел, и поэтому член большевистского ЦК Л.Б. Каменев, который по поручению Ленина фактически руководил депутатами, убедил их отречься на следствии и на самом процессе от ленинского «пораженчества», несмотря на то что раньше, до своего ареста, не раз с ним солидаризировались. Очевидно, здесь сыграл свою роль, прежде всего, явный страх Каменева, который передан и депутатам. Впрочем, Ленину, находившемуся в эмиграции, проще и безопаснее было объявлять поражение царизма «меньшим злом» по сравнению с победой русских войск⁹¹. Характерно, что петроградские рабочие из чувства самосохранения также не захотели в 1914 и 1915 гг. бастовать в защиту большевистских депутатов.

Лидер же партии кадетов П.Н. Милюков 26 июля фактически наложил мораторий на все выступления членов своей партии против царизма, оговорив лишь, что «когда настанет время, фракция... вновь будет указывать на единственно возможный путь к внутреннему обновлению России», в соответствии с их прежней позицией. Не ставя правительству никаких условий и требований, Милюков заявил: «Мы просто кладём на весы борьбы нашу твёрдую волю одолеть насильника». На всех депутатских местах, как сказано в стенограмме, раздались тогда рукоплескания и голоса «браво»⁹².

В целом же летом 1914 г. царизм ещё полностью удерживал ситуацию в стране в своих руках: первая мобилизация в армию прошла довольно успешно, пьяные эксцессы части призывников вскоре были преодолены принятием «сухого закона», запрещавшего на время войны продажу алкоголя; стачки рабочих практически прекратились; строгая цензура создавала видимость некоего «единомыслия» в стране, а полиция резко усилила наблюдение за разного рода «неблагонадёжными» элементами. Однако уже в августе серьёзное поражение в Восточной Пруссии, как холодный душ, отрезвляюще подействовало и на армию, и на всё российское общество, ждавшее одних только побед над врагом. Правда, вскоре, как будто в утешение, последовали победы русского оружия в

⁹¹ Там же. С. 21.

⁹² Государственная дума... Т. IV. С. 24.

Галиции. Тем не менее рука, протянутая Милюковым царизму от имени всей либеральной оппозиции, буквально повисла в воздухе, так как ни на какие уступки обществу император идти не собирался.

Следующая думская сессия прошла в конце января 1915 г. и продолжалась всего три дня, о чём кратко пишет Айрапетов (II, 42–43). Милюков к тому времени уже потерял всякую надежду на возможность какого-либо соглашения с властью. Керенский и Чхеидзе критиковали правительство за арест большевистских депутатов и разгул цензуры, выступали за скорейшее заключение мира и прекращение войны. Керенский прямо назвал идущую войну «не нашей», но до её окончания всё же призывал защищать родину от врага, решительно отмежевываясь от «пораженцев». Главное же, по его мнению, заключалось в том, что народ «созрел к власти и идёт к созданию нового государства»⁹³.

В России росла волна недоброжелательности по отношению к людям с немецкими фамилиями, стала широко распространяться шпиономания, дело дошло до казни без достаточных улик жандармского подполковника С.Н. Мясоедова (II, 38–42, 56–59). Общественность была недовольна казавшейся ей подозрительной безынициативностью военного министра В.А. Сухомлинова.

Апрель–сентябрь 1915 г. прошли под знаком Великого отступления русской армии из западных районов империи на восток, причём вслед за войсками покидали родные места и потоки беженцев. Перед читателем второго тома труда Айрапетова (получившего нетрадиционное, но, к сожалению, так и не разъяснённое читателям название «Апогей») предстаёт многомесячная полоса крупных неудач наших войск. В этих боях фактически была потеряна вся русская кадровая армия, включая и её офицерский корпус, а в руках противника оказались Царство Польское, Литва и Галиция. Настоящим проклятием для русских войск стал острейший кризис вооружений и боеприпасов. О настроениях в тылу можно судить по достаточно подробно описанному автором трёхдневному антинемецкому погрому в Москве в мае 1915 г. (II, 80–85), прежде не освещавшемуся в историографии. Таким образом, 1915 г. оказался апогеем поражений царской России, тогда как впоследствии война всё больше стала принимать новый, позиционный и более рутинный характер.

Во второй половине 1915 г. в стране стали чаще возникать экономические затруднения, и народные массы, особенно рабочие, уже не так безропотно, как прежде, сносили военные тяготы и всё меньше понимали цели продолжения этого страшного кровопролития. Даже правительственные «верхи» уже готовы были идти на второстепенные уступки общественному мнению и определённую «достройку» государственного аппарата (Особые совещания по обороне, топливу и продовольствию), а либеральная оппозиция решила, наконец, если не на «штурм», то хотя бы на более плотную осаду власти. Поэтому можно только пожалеть о том, что Айрапетов уделил очень мало внимания более продолжительной, чем предыдущие, сессии Государственной думы, приуроченной к первой годовщине начала мировой войны (19 июля – 3 сентября 1915 г.).

Не считая более смелых и резких, чем раньше, речей депутатов, главным её достижением стало создание оппозиционного Прогрессивного блока, которым фактически руководили кадеты и их лидер Милюков. В состав блока вошли 236 из 397 наличных на тот момент депутатов (60%), а ещё 32 думца к нему при-

⁹³ Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Стб. 45–49.

мыкали (многие из них являлись масонами)⁹⁴. Вскоре блоком был установлен прямой контакт с частью членов Государственного совета. Между тем Николай II ему явно не доверял.

Главные требования Прогрессивного блока звучали достаточно скромно и сводились к созданию «объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны», причём основная его деятельность развернулась уже в 1916 г. Поскольку проведения серьёзных социальных реформ блок не планировал, ограничившись требованием автономии Польши, восстановления закрытых профсоюзов, прекращения преследования евреев и т.п., думские радикалы в него не вошли. Однако меньшевики и трудовики всё же успели высказаться с думской трибуны в откровенно революционном духе. Так, Чхеидзе уже 19 июля характеризовал ситуацию в России как кризисную и утверждал, что «правительство должно уйти, народ должен взять в свои руки судьбу страны»⁹⁵. А 14 августа 32 депутата (во главе с социал-демократами), беспокоившиеся о судьбе своих товарищей-большевиков, подняли вопрос о полном пересмотре их дела и возвращении из ссылки. Их арест открыто назвали незаконным и ошибочным видный кадет В.А. Маклаков и прогрессивный националист В.В. Шульгин. Но и тогда из этой затеи ничего не вышло, и из Сибири большевистских депутатов до 1917 г. так и не вернули.

Заметно активизировался летом 1915 г. А.Ф. Керенский. Незадолго до думской сессии он, как и в 1905–1906 гг., вступил в непосредственный контакт с эсерами, проведя 16–17 июля на своей квартире в Петрограде большое совещание неонародников. Сделав на нём два доклада, он пытался убедить слушателей в том, что «наступил момент для решительной борьбы за власть». Ближайшими же задачами революционных партий Керенский считал амнистию осуждённых по политическим и религиозным делам, созыв Учредительного собрания и предоставление всем россиянам политической свободы⁹⁶. В июле–августе Керенский неоднократно выступал в Думе. Особенно запомнилась депутатам его речь 8 августа, когда он впервые заявил – и это был настоящий вопль его души и верх смелости: «Мы должны сказать всем, кто сейчас не по праву держит в своих руках власть: уйдите, вы губите страну! Мы хотим её спасти, дайте нам управлять страной – иначе она погибнет»⁹⁷. Разумеется, управлять Россией Керенскому тогда не дали, а известный реакционер Н.Е. Марков 2-й ответил ему с трибуны: «С такой нервностью нельзя управлять... 180 млн российского народа. Вот почему мы подождём передавать вам власть (смех справа)»⁹⁸. Тем не менее это была первая публичная заявка Керенского на власть.

Летом 1915 г. по-настоящему «надавить» на власть думским радикалам и либералам не удалось, и 3 сентября депутатов снова на несколько месяцев распустили, и только Керенский при полном молчании коллег крикнул: «Да здравствует русский народ!». После этого он вновь вернулся к совместной работе с петроградскими эсерами, отходя от своего прежнего «оборончества», и старался расположить их в пользу решений состоявшейся в сентябре в Швей-

⁹⁴ См.: Дёмин В.А. Прогрессивный блок // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 707.

⁹⁵ См.: Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стенографические отчёты. Т. 1. Пг., 1915. Стб. 119–130.

⁹⁶ Сытченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 172–174.

⁹⁷ Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стенографические отчёты. Т. 1. Стб. 537.

⁹⁸ Там же. Стб. 540.

царии Циммервальдской международной социалистической конференции, выдержавшей мнение интернационалистов и пацифистов⁹⁹.

Несомненным достоинством книги Айрапетова является то, что он отмечает роль в общественно-политической жизни России рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, образованной осенью 1915 г. (II, 207–209). ВПК создавались тогда повсеместно для привлечения буржуазии к делу обороны страны, а рабочие должны были проходить при них «школу гражданственности» и содействовать обеспечению социального мира. Как известно, большевики не захотели участвовать в этих организациях и помогать тем самым буржуазии и царизму вести несправедливую и ненужную народу войну. Меньшевики же решили войти в рабочие группы ВПК, чтобы использовать их для организации и политического просвещения пролетариата. Долгое время в советской историографии это решение объявлялось проявлением оппортунизма, однако непредвзятый анализ деятельности рабочей группы ЦВПК во главе с рабочим К.А. Гвоздевым показал, что он и его товарищи сосредоточились тогда на чисто политической антиправительственной работе, объективно осуществляя подготовку Февральской революции 1917 г.

К сожалению, Айрапетов не приводит заявление, сделанное рабочей группой ЦВПК 3 декабря 1915 г. Очередной задачей пролетариата и всей российской демократии в нём провозглашалась борьба за созыв Учредительного собрания, немедленное осуществление всех гражданских свобод и широкого социального законодательства в пользу трудящихся, отмену всех национальных ограничений, признание за всеми живущими в России народами права на самоопределение, введение 8-часового рабочего дня, передачу земли крестьянам и немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам. При этом указывалось, что, отстаивая свои требования, рабочий класс будет энергично критиковать умеренность и соглашательство либеральной оппозиции, «толкая её на более решительную борьбу с режимом¹⁰⁰. И это была отнюдь не демагогия, иначе арестованные в конце января 1917 г. члены рабочей группы не находились бы под стражей вплоть до победы Февральской революции.

Остаётся надеяться, что и в последующих томах своей фундаментальной работы О.Р. Айрапетов будет отражать жизнь России в годы войны во всей её сложности и многообразии, не упуская из виду и процесс подготовки освобождения страны от царского режима, который постепенно становился настоящим анахронизмом.

Владислав Аксёнов: Массовые настроения и патриотическая пропаганда в начале Первой мировой войны
Vladislav Aksionov (Moscow State Technical University of radio technics, electronics, and automatics, Russia): Public mood and patriotic propaganda in the beginning of World War I

2014 год, как и ожидалось, оказался богатым на события, посвящённые 100-летию начала Первой мировой войны. Международные конференции, энциклопедические издания, коллективные и индивидуальные монографии,

⁹⁹ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский: страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 82–83.

¹⁰⁰ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 409. В рабочей группе ЦВПК было 10 членов – 9 меньшевиков (в том числе один провокатор) и 1 эсер.

кажется, наглядно опровергают постоянно звучащие в последнее время слова о том, что в российской исторической памяти Великая война оказалась забыта¹⁰¹. Конечно, известные идеологические перекосы, имевшие место как в отечественной, так и в западной историографии, не позволяют назвать состояние её изученности удовлетворительным. Однако в последние десятилетия вышли исследования, в которых подробно и глубоко освещаются отдельные социально-политические процессы 1914–1918 гг.¹⁰² О.Р. Айрапетов предпринял попытку создать обобщающий труд, лишённый схематизма и ангажированности. Проработанный автором огромный массив источников (прежде всего личного происхождения) позволил ему затронуть едва ли не максимальное количество сюжетов, важных для изучения Первой мировой войны. К сожалению, при этом Айрапетов уходит от характеристики степени изученности рассматриваемых им тем, что затрудняет оценку степени научной новизны его работы.

Вышедшие первые два тома книги, охватывающие события 1914–1915 гг., насчитывают более 80 печатных листов. В них в тесной взаимосвязи рассмотрены проблемы внешней и внутренней политики, военной и социальной истории. Анализируя обстоятельства сараевского убийства, воссоздаёт сложную, многофакторную картину, учитывающую как тяжёлое положение сербских кнегов, так и незаинтересованность правительства Сербии в военном противостоянии с Австро-Венгрией, рост антисербских настроений в империи Габсбургов, реакцию европейской общественности, осудившей убийство и давшей тем самым Австро-Венгрии определённый «карт-бланш», настроения отдельных политических деятелей, противоречивость военных стратегий, разрабатывавшихся в генеральных штабах будущих участников мирового конфликта. Указывая на то, что германские и австро-венгерские дипломаты желали заставить Россию решать неразрешимую задачу, Айрапетов справедливо усматривает в этом определённый авантюризм европейской политики тех лет (I, 34).

От анализа геополитической обстановки и позиций великих держав в условиях нараставшего конфликта Айрапетов переходит к социальной истории, характеризуя ожидания городских обывателей и обращая внимание, в частности, на несоответствие между официальной агитацией в центральной печати и настроениями, порою антивоенными, народных масс. По мнению автора, ссылающегося на воспоминания генералов А.И. Деникина и А.В. Горбатова, именно неграмотность русского солдата, достигавшая 50% личного состава частей, делала патриотическую пропаганду безуспешной (1,56). Это в целом соответствует (с погрешностью на 5–10%) выводам обстоятельного научного исследования А.Б. Астахова, который, опираясь прежде всего на архивные материалы и статистические сборники, установил, что количество неграмотных

---

¹⁰¹ Так, только в сентябре 2014 г. прошли две крупные международные конференции в Москве («Первая мировая война – пролог XX века» и «Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.») и одна в Твери («Российское земство: 50 лет мира, 3 года войны»), а издательством «Политическая энциклопедия» трёхтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне» (под ред. А.К. Сорокина) и коллективная монография «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» (отв. ред. Ю.А. Петров).

¹⁰² См., в частности: *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. *Булдаков В.П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011; *Астахов А.Б.* Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012; *он же.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.

новобранцев составляло 55–60%¹⁰³. Вместе с тем проблема состояла не только в неумении читать и писать, но и в принципиальных отличиях коллективных стереотипов и особенностей массового сознания различных слоёв населения. Так, даже умевшие читать крестьяне вследствие превалирования образно-метафорического мышления над рационально-логическим могли просто не понять необходимости контроля за черноморскими проливами или оказания помощи Сербии¹⁰⁴.

Распространение ксенофобии в германском, английском, французском и российском обществах описывается в книге преимущественно по материалам «Русского инвалида» – официального издания Военного министерства. Тем самым автор поневоле следует за государственной пропагандой, изображавшей эксцессы в российской столице исключительно как проявления справедливого гнева, вызванного известиями о притеснении немцами русских в Берлине. Отмечая попытки манипулирования массовым сознанием практически во всех вовлечённых в войну державах, Айрапетов полагает всё же, что «уровня немецкого организованного энтузиазма в России так и не достигли» (I, 60). Однако и в России патриотический энтузиазм приводил к физическому насилию над представителями враждебных держав, в том числе с летальным исходом.

Не менее сложен и вопрос о трансформации в июле 1914 г. революционных настроений рабочих в патриотические. Согласно статистическим отчётам Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, в 1913 г. в столице произошло 624 забастовки, из которых политических было 59%. В июне–июле 1914 г. в Петербурге их насчитывалось уже 337, а доля политических возросла среди них до 81%¹⁰⁵. В 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, а в 1914 г. (фактически за первые полгода, так как после начала войны их число резко сократилось) – 5 755 072. В июле в столице на Выборгской стороне возводились баррикады, бастующие вступали в вооружённые стычки с полицией, наблюдались перебои с трамвайным движением. В частной переписке обыватели делились друг с другом уличной молвой и предсказывали приближение революции: «Что теперь делается у нас в Петербурге, близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году». Кому-то казалось, будто «революция стучится в дверь»; другие полагали, что «это не революция, до революции ещё далеко, но это грозный симптом»¹⁰⁶. Между тем в день объявления войны рабочие принимали самое непосредственное участие в начавшихся в Санкт-Петербурге патриотических манифестациях. Айрапетов объясняет это порывом, охватившим россиян и оказавшимся сильнее «классово-революционных» принципов: «Водушевлением первых дней войны прониклись и рабочие северной столицы. Стачки, на которые особое внимание обращали не только германские дипломаты, прекратились» (I, 61). Схожие оценки звучали и в советской историографии¹⁰⁷. Однако на самом деле массовые стачки прекратились ещё за неделю до

¹⁰³ Астахов А.Б. Русский фронт... С. 32.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145; он же. Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. Київ, 2012. С. 386–410.

¹⁰⁵ РГИА, ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 12, 77.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 64, 75; д. 976, л. 10.

¹⁰⁷ Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. М., 1925; Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны

начала войны и за пять дней до мобилизации. 12 июля фабриканты отказались от локаута и большинство забастовщиков вернулись в свои цеха. Вероятность массовых расчётов, подобных локауту 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 тыс. человек, пугала пролетариев. Фактически конец июльскому движению положило не начало войны, а соглашение с предпринимателями. При этом патриотический энтузиазм не мешал столичным рабочим на знаменитой патриотической демонстрации 19 июля 1914 г. петь «Марсельезу» и «Варшавянку».

Особое внимание Айрапетов уделяет шпиономании, которая также во многом была вызвана государственной пропагандой. По словам автора, не будучи исключительно русским явлением, шпиономания целенаправленно разжигалась из Ставки, руководство которой стремилось с её помощью привить солдатам ненависть к врагу, а также скрывать собственные тактические и стратегические просчёты (I, 187). При этом единая природа шпиономании и ксенофобии хорошо видна в «деле Мясоедова», которое подробно рассмотрено Айрапетовым, прослеживающим общность интересов Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, желавшего скомпрометировать и «свалить» военного министра В.А. Сухомлинова, и представителей либеральной оппозиции (М.В. Родзянко, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова), использовавших заботу об армии для критики и дискредитации власти (II, 41). Поэтому вину за казнь Мясоедова и дальнейшее разжигание страстей автор отчасти возлагает на либеральную общественность. Печатный орган октябристов «Голос Москвы» и суворинское «Новое время» он считает также прямыми виновниками очередного всплеска шпиономании весной 1915 г. (II, 76). Однако, не отрицая роль либеральной печати в распространении слухов, необходимо признать, что ксенофобия, охватившая тогда едва ли не все политические и социальные группы российского общества, была характерна и для националистической, а в известной мере – и для церковной печати. Так, ещё в ноябре 1914 г. в «Московских церковных ведомостях» появилась статья профессора Московской духовной академии С. Глаголева «Патриотизм и христианство», в которой доказывалось, что русского нужно любить сильнее, чем немца. В 1915 г. «Московские церковные ведомости» обличали антиправительственные настроения как элемент «еврейской пропаганды». В ряде публикаций сама война рассматривалась в контексте эсхатологического столкновения славянства и германизма¹⁰⁸. Осудив в мае 1915 г. немецкий погром в Москве, «Московские церковные ведомости» тем не менее одобрили выселение немцев из первопрестольной¹⁰⁹.

В целом же книга О.Р. Айрапетова лишний раз убеждает в том, что для создания всесторонней истории Первой мировой войны требуется обобщение не только фактического материала, но и существующих научных концепций и подходов.

Андрей Ганин: Глубокая профессиональная аналитика
Audrey Ganin (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of sciences):
A deep professional analysis

и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М, 1979.

¹⁰⁸ Московские церковные ведомости. 1914. № 30–31. С. 554; № 44.

¹⁰⁹ Там же. 1915. № 25–26. С. 401.

В потоке юбилейной литературы, посвящённой Первой мировой войны, редко встречаются по-настоящему качественные работы. Среди них и первые два тома нового фундаментального труда замечательного отечественного историка О.Р. Айрапетова. Высочайшая научная квалификация и прекрасное знание событий эпохи, военной проблематики и истории внешней политики позволили ему создать работу, которая действительно отражает современный, пусть и субъективный, авторский, взгляд на историю войны и ее военно-политические и социально-экономические аспекты.

Блестяще владея историографией, автор умело использует документы Российского государственного архива военно-морского флота, Отдела рукописей РГБ, Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, архивов Армении, Великобритании и США (некоторое удивление вызывает лишь малочисленность ссылок на фонды РГВИА), мемуаристику, опубликованные источники, материалы периодической печати. При подготовке книги им был осуществлён систематический просмотр всех центральных газет России, выходивших в военные годы и публиковавших репортажи Ставки и сообщения фронтовых штабов.

В первом томе автор прослеживает предысторию и ход войны, начиная с организации Ставки в Барановичах. Особое внимание уделяется действиям в Восточной Пруссии и Галиции, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциям, боям на Кавказском фронте. Во втором томе освещаются стратегическое планирование в 1915 г., разгром 10-й армии и гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах, взятие Перемышля, подготовка Босфорской экспедиции, Великое отступление, обновление Ставки, Виленская операция, Свенцянский прорыв и опять же действия на Кавказском фронте.

Все эти события вписаны в книгу в широкий контекст внутривойсковой борьбы и международных отношений, изучением взаимосвязи которых автор занимается около 15–20 лет. О.Р. Айрапетова всегда отличали смелые исследовательские суждения, глубокая профессиональная аналитика и собственное видение даже тех сюжетов которые, казалось бы, считались давно изученными. Впечатляет и его кругозор, позволяющий то и дело приводить подходящие исторические примеры и аналогии из других эпох. Новый труд О.Р. Айрапетова написан прекрасным языком, легко читается и, несомненно, вызовет живой отклик, как у сложившихся историков, так и студентов и аспирантов, еще только начинающих свою научную деятельность.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

Обзоры и рецензии

Игорь Нарский

Рец. на: М. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S*.

Igor NarSKIY

(South Urals State Russia)

Rec. ad op.: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S.

Рецензируемую книгу нельзя отнести к историографическим неожиданностям. Фундаментальный труд объемом более 100 авторских листов, в который известный историк, профессор Гёттингенского университета Манфред Хильдермайер инвестировал восемь лет своей жизни, является продолжением не менее монументального обобщающего исследования по истории Советского Союза, увидевшего свет 15 годами раньше¹. Вместе с ним новая книга Хильдермайера образует, пожалуй, наиболее полное систематическое монографическое изложение истории России от древности до конца XX столетия в международной историографии последних лет.

В этой связи представляется целесообразным, после ознакомления читателя с концепцией и общим содержанием труда немецкого историка, в самом общем виде сопоставить обе книги. Поскольку они носят обобщающий характер, можно ожидать, что такое сравнение позволит заметить некие тенденции не только в творчестве видного социального историка, но и в развитии международной историографии последних лет.

По признанию автора, книга, как это часто бывает, получилась иная, чем первоначально планировалось. Она должна была стать исследованием отношений России с Центральной и Западной Евро-

пой. Однако желание осуществить задуманное не в стиле истории дипломатии (и, добавлю, забегая вперед, новой культурной истории), а в духе структурной (социальной) истории, обогащённой историей материальной культуры, привело к созданию произведения, описывающего как развитие России с древнейших времён до октября 1917 г., так и современное состояние его изучения. Центральной для авторской постановки вопросов, как и задумывалось, является проблема российско-европейских отношений, с XVIII в. зачастую описываемая в терминах «русской отсталости». Повторю: в центре внимания Хильдермайера – не дипломатическая история, которая, впрочем, также систематически представлена в книге, а сходство и различия основных черт исторического развития России и Европы западнее Польши.

Для решения поставленных задач автор избрал комбинацию хронологического и проблемного структурирования текста. Книга разделена на шесть частей в соответствии с основными периодами российской истории до 1917 г., хронологические границы которых автор традиционно проводит по крупным историческим событиям и датам правлений. Каждая из частей содержит тематические блоки, посвященные внутренней и внешней политике, социальным структурам, экономике,

---

* Хильдермайер М. История России. От Средневековья до Октябрьской революции. Мюнхен, 2013. 1504 с.

материальной и духовной культуре.

Первая часть (S. 31–124) посвящена Киевской Руси с IX в. по 1240 г. В ней автор пытается осторожно освободить проблему особенностей древнейшей истории восточных славян от наслоений раннего русского национализма XIX в., в рамках которого киевский период русской истории резко противопоставлялся московскому. Автор признаёт тенденцию к трансформации русского государства из торгового в сельскохозяйственное в рамках киевского периода, тем самым солидаризируясь с выводами современных исследований о нецелесообразности переоценки радикальности разрыва социально-экономической преемственности развития вследствие монголо-татарского нашествия. Однако в области политического строя золотоордынский период знаменует беспрецедентную цезуру.

Во второй части – «Монгольское господство и подъём Москвы (1240–1533)» (S. 125–225) очерчиваются основные события и процессы русской истории данного периода, а также различные модели её интерпретации. Автор демонтирует сложившиеся в XIX в. в российской общественной мысли и историографии интерпретационные клише, в том числе представление о «монгольском» и «византийском» наследии, которое превратилось в ключевую толковательную матрицу российской истории, пережившую новый расцвет в эпоху холодной войны. Вслед за исследованиями последних десятилетий Хильдермайер делает вывод о том, что монгольское вмешательство поддержало наметившиеся ранее тенденции развития и до последней трети XVII в. отложило поворот России к Европе.

Третья часть книги посвящена истории Московского царства 1533–1689 гг. (S. 235–404). Относительно ключевого этапа этого исторического периода – правления Ивана Грозного – Хильдермайер, вопреки преобладавшему в дореволюционной и советской историографии толкованию опричнины как явления, которое способствовало формированию централизованного государства, придерживается мнения, что опричный террор был следствием соединения клинической мании преследования Ивана IV с его не-

ограниченной властью и самодержавным самосознанием. Комбинация этих факторов вела к кровавому террору с садистическими обертонами, а не к формированию новой государственности и дворянской элиты. В этой части книги автор не выпускает из виду и главный интересующий его вопрос – об отношениях России с Европой. Они, по его убеждению, оставались амбивалентными и колебались между поисками контактов и желанием сохранить дистанцию, готовностью перенимать технические и естественнонаучные навыки, но сдерживать европейские культурные влияния. Эта амбивалентность, воплощённая, помимо прочего, в глубоком расколе светской и духовной элиты, сформировалась в Московском царстве и, считает автор, не только существовала вплоть до крушения царской империи в 1917 г., но сохранилась и в Новейшей истории России.

В четвёртой части книги, в соответствии с её названием, освещаются «абсолютизм, просвещённые реформы и развитие имперской власти» в 1689–1796 гг. (S. 405–694). В интерпретации этого периода Хильдермайер с оговорками следует наметившейся в международной историографии в последние десятилетия тенденции более трезво оценивать заслуги Петра I и Екатерины II. Первый российский император представляется в значительной степени не революционным новатором, а продолжателем начинаний своих предшественников и старой элиты. Автор удачно пользуется скульптурными образами Петра I, созданными Э.М. Фальконе и М.М. Шемякиным, чтобы сделать наглядными перемены в трактовке Петра Великого историографическим цехом. В итоге Хильдермайер все же склоняется к интерпретации Петра I как смелого реформатора, запечатлённого в образе всадника на вздыбленном коне, а не неподвижно сидящего деспота с непропорционально массивным телом, длинными, как лапы паука, руками и крошечной головой, – самодержца, плеткой загнавшего подданных в европейское Новое время.

В отношении эпохи Екатерины II автор солидаризируется с поворотом в её интерпретации, наметившимся в контексте поисков российскими историками оте-

чественного «либерального прошлого» и подъёмом интеллектуальной истории. Пафос «разоблачения» контраста между словами и делами императрицы справедливо сменился признанием плодотворности её реформ в длительной перспективе. В XIX в. многие из её начинаний наполнились реальным содержанием, в том числе в ходе земской и городской реформ 1864 и 1870 гг. Отношения России с Европой в XVIII в. характеризовались открытием России навстречу европейскому опыту и превращением Российской империи, наряду с Пруссией, в европейскую державу и главную умирительницу наполеоновской Франции. По мнению Хильдермайера, главными факторами стремительных успехов России стали одержимость российских правителей и элиты идеей преодоления русской отсталости, неприхотливость русских крестьян-солдат и способность российских правящих кругов и населения приспособиться к потребностям перманентной войны.

Пятая часть монографии посвящена российской истории между правлениями Екатерины II и Александра II. По мнению М. Хильдермайера, этот период, особенно «короткая» первая половина XIX в. после 1814 г., заслуживает значительно большего внимания и более тонкой интерпретации, чем обычного взгляда на него как на интермеццо между двумя эпохами реформ. Именно этот период, полагает автор, является ключом к пониманию состояния поздней Российской империи в десятилетия между «великими реформами» и революцией 1917 г. Деятельность Александра I и Николая I, в соответствии с исследованиями последних десятилетий, автор освобождает от устоявшихся клише – например, от противопоставления первого, либерального, и второго, консервативного периодов правления Александра I или от представления Николая I узколобым консерватором. Александр I был осторожен в отношении либеральных преобразований и до 1812 г., а в годы консервативно-мистического поворота не был чужд реформаторству. Его же преемник не заслуживает исключительно негативной оценки: Николай I проводил реформы, но специфическим образом, утаивая от общественности их подготов-

ку и не доверяя обществу участвовать в каких-либо переменах.

Главная тенденция в отношении с Европой запечатлена Хильдермайером в названии пятой части: «Половинчатые реформы и упущенное присоединение – от победителя к побеждённому». Консолидация «старых режимов» в конце XVIII в. перед лицом французской угрозы потерпела крах в последующие десятилетия на фоне триумфа нового национализма в Европе. Российская империя в середине XIX в. вновь оказалась на периферии Европы, воспринимаясь как воплощение отсталости – с деспотическим властителем наверху и бесправным населением внизу.

Периоду от «великих реформ» до революции 1917 г. посвящена последняя, самая объёмная часть книги (S. 879–1311). И не удивительно: история России 1855–1917 гг., наряду с историей сталинизма, в течение десятилетий приковывала к себе наибольшее внимание исследователей, в том числе и самого Хильдермайера, который сформировался и получил признание в Западной Германии и за её пределами благодаря крупным исследованиям о модернизации поздней Российской империи, о партии социалистов-революционеров и о российской революции².

Эпоху реформ Александра II историк по праву сравнивает с реформаторством Петра I, исходя из того, что «великие реформы» 1860–1870-х гг. были основаны на рискованном решении монархии разрушить один из краеугольных камней старого политического и социального порядка – крепостное право – вопреки противодействию старой элиты. Как и петровские реформы, преобразования Александра II основывались не только на убеждении в невозможности сохранить государство и общество в прежнем виде, но и на европейском опыте. Последствия реформ в относительно долгой перспективе – формирование современной промышленности, новых социальных структур, политических партий, смелые эксперименты в литературе, музыке и живописи – свидетельствовали о том, что Россия, особенно в начале XX в., сблизилась с Европой, как никогда прежде. Именно активное усвоение европейского опыта создало конфликты, которых империя, в конце концов, не

выдержала. Логично, что в этой части книги автор специально останавливается на дискуссии вокруг применимости модели «отсталости» к позднеимперской истории России (S. 1130–1156) и подчёркивает, что в том, виде, в каком она была предложена А. Гершенкроном более полувека назад, она исчерпала свой познавательный потенциал. Хильдермайер осторожно присоединяется к предложению обозначать Российскую империю, которая в последние десятилетия своего существования не может быть отнесена ни к «отсталым», ни к «развитым» странам, как «страну на пороге» (Schwellenland).

В «Заключении» (S. 1314–1346) Хильдермайер вновь возвращается к центральной для его исследования проблеме российской «отсталости» и отношений России с Европой. Тема отсталости России, по его мнению, в последние десятилетия утратила былую остроту в исторических исследованиях, что объясняется целым комплексом факторов – растущей критикой теории модернизации, культурным поворотом в историографии, обнаружением нормативного и конструктивистского характера «отсталости», утратившей статус «объективной реальности», постколониальными исследованиями и провинциализацией Европы, в результате чего прежние масштабы и ориентиры для измерения степени отставания оказались утраченными.

Вместе с тем Хильдермайер предпринимает попытку переосмыслить и вновь ввести в оборот термин и концепт «отсталости», огульный отказ от которого как от категории, якобы изобретённой историками для нормативного измерения прошлого с позиции сегодняшнего дня, лишает исследователя возможности понять ключевой мотив российских реформаторов, начиная, по крайней мере, с Петра I, считавших свою страну отсталой и стремившихся с этой отсталостью покончить. Автор предлагает отказаться от нормативного понимания термина «отсталость», отделив его от понятия «модернизация», и применять в качестве не окончательного диагноза, а инструмента для анализа содержательно и хронологически ясно ограниченных феноменов. Он пытается реализовать своё предложе-

ние, приведя два «каталога» процессов во взаимоотношениях России с Европой. Первый из них, «хронологический», кратко перечисляет основные этапы в отношениях к Европе. Второй, «систематический», предлагает терминологию форм восприятия европейских достижений. В зависимости от характера использования европейского опыта автор предлагает различать «рецепцию», «ассимиляцию», «абсорбцию», «субституцию», «позитивную интеграцию», «перекрещивание». Характер и степень усвоения европейского опыта зависели от исторического контекста – от сферы западных достижений и от эпохи, в которую осуществлялся трансфер европейского опыта. При таком подходе «отсталость» может трактоваться как важный, но частный момент в отношениях с Европой, а меры к её преодолению – как этапы сближения с Европой. В таком случае, считает Хильдермайер, сам этот термин может стать незаменимой аналитической категорией для понимания российской истории.

Чтобы оценить новую монографию профессора Хильдермайера, следует сопоставить её с его более ранним фундаментальным трудом³, выделив общие черты обеих работ и специфику рецензируемой, и таким способом попытаться обнаружить особенности позиции автора и, шире, – основные тенденции в развитии международной историографии. Прежде всего, обе книги отличает детализированное и добротное систематизированное описание событий и процессов, соответственно, советской и российской истории, что сказалось на объёме монографий. Их невозможно прочитать на одном дыхании, и они не входят в круг увлекательного чтения, но могут сказать на основании собственного опыта: обе монографии являются прекрасным справочным пособием и для организации учебного процесса по русской истории.

Во-вторых, в обоих случаях автор проложил такие границы объекта исследования, которые сделали его произведением лёгкой добычей критики со стороны коллег по историческому цеху. Подобно тому, как в монографии о советской истории СССР рассматривается в границах РСФСР, в рецензируемой книге дорево-

люционная Россия ограничена «областью восточнославянского расселения и господства» (S. 25), т.е. территорией государств-преемниц Киевской Руси плюс приобретениями Московского царства западнее Урала. Тем самым автор фактически отказался от рассмотрения имперской проблематики и анализа литературы на эту тему, изданной в последние годы. Ситуация усугубляется тем, что не только Россия, но и Европа представляется в рецензируемой монографии как некий монолит – именно так, как её понимали западниками и особенно славянофильски ориентированные русские интеллектуалы. Это делает проблематичным освобождение проблемы взаимоотношений России с Европой от клише нормативного подхода к «русской отсталости». Сам Хильдермайер объяснил сведение имперской истории к национальной, характерное для историографии XIX – начала XX в., невозможностью в одном томе объять необъятное и предпочтительностью ориентироваться в исследовании российской истории на взгляд из центра.

В-третьих, автор в обоих случаях избрал довольно конвенциональный подход к анализу и изложению материала, отдав предпочтение классической политической и социальной истории, дополненной привычной историей материальной и духовной культуры, которая, как в дореволюционных многотомниках по истории России и советских вузовских учебниках, излагается в рецензируемой книге в конце больших хронологических разделов.

Однако в этом пункте можно заметить и различия в подходах к «культурному повороту» в исторической науке и к его плодам в двух монографиях Хильдермайера. В отношении советской истории автор уделил специальное внимание актуальным попыткам интерпретировать историю XX в., прежде всего сталинизма, с точки зрения истории повседневности, опыта и сознания⁴. На моё критическое замечание 13-летней давности о том, что «миру представлений и опыта внимание уделяется не в той мере, в какой это было заявлено автором при постановке проблем⁵, он справедливо возразил, что «такой историографии в отношении Советского Союза не существует... Несущее

нельзя и синтезировать. Может быть, через двадцать лет это удастся восполнить»⁶. Этот аргумент, вполне правомерный применительно к состоянию изучения истории СССР на рубеже XX и XXI вв., в отношении истории России до 1917 г. был бы недостаточен и тогда, а тем более десятилетием позже, когда свет увидели десятки книг об истории повседневности, опыта, эмоций, пространства и гендера. Тем не менее кроме нескольких лапидарных упоминаний о «культурном повороте» в исторических науках, читатель не найдёт в книге немецкого историка информации о состоянии культурной истории России.

Нетрудно заметить и ещё одно различие в обращении с историографией интересующих Хильдермайера проблем. Автор «Истории Советского Союза» ориентировался почти исключительно на западные исследования. В контексте недоверия к качеству идеологически выверенной советской историографии это не вызывало удивления. В «Истории России» историографический фундамент составляют, напротив, труды дореволюционных русских историков, обогащённые интерпретационными формулами западных историков 40–50-летней давности – будь то критика П. Грегори «теории отсталости» А. Гершенкрона, формула «общество как государственное мероприятие» Д. Гайера или «двойная поляризация» российского общества (низы – либеральная элита – самодержавное государство) Л. Хеймсона.

Тем самым заявление автора монографии о том, что его книга должна «включать исследовательские интересы и методы последних десятилетий» (S. 24), представляется не вполне адекватным содержанию работы.

Чем объяснить такое дистанцирование Хильдермайера от культурно-исторического инструментария и наследия последних десятилетий? Во-первых, становление его как историка пришлось на эпоху взлёта в ФРГ социально-исторических исследований и сам он сделал научную карьеру как социальный историк. Он остаётся верен этому направлению историографии, в связи с чем читатель книги особенно выигрывает, познакомившись с сюжетами по истории XVIII – начала

XX в., которым он посвятил специальные исследования: с историей городского населения, российской индустриализации, «еврейского вопроса», революционного движения. Во-вторых, перспективы культурной истории сегодня выглядят менее оптимистично, чем в 1990-х гг., когда гёттингенский учёный писал «Историю Советского Союза». Эпоха постмодерна, в контексте которой выросла историография, готовая к эксперименту, к поиску «эффекта реальности», к рефлексии и самоиронии, закончилась 11 сентября 2001 г., сменившись нарастающим по мере обострения глобальных конфликтов давлением на историческую науку со стороны государств и обществ, которые вновь, как на протяжении XIX и большей части XX в., требуют от историка одной-единственной правды. Традиционная политическая и социальная история соответствуют этому ожиданию куда больше исследований, взрослых на «культурном повороте». Не исключено, что это подспудно также повлияло на предельно скромные позиции культурно-исторической перспективы в исследовании, в котором первостепенные для новой культурной истории проблемы *восприятия* Европы и европейского опыта заявлены как центральные. В-третьих, достижения культурной истории и её инструментарий в значительной степени уже освоены традиционной политической и социальной историей. Не случайно вопросы восприятия и поведения российских социальных групп – предмет истории культуры в антропологическом смысле слова – рассматриваются Хильдермайером в главах о состоянии и тенденциях развития российского общества.

Итак, подведём итоги. Перед нами – фундаментальный, добротный обобщающий труд по истории России до 1917 г., вышедший из-под пера историка с огромным исследовательским опытом. В качестве подробного и удобного, систематически составленного справочника эта

книга окажет услугу не только любителю истории, но и профессионалу. Автор предлагает освободиться в интерпретации одной из центральных проблем российской истории – отношений с Европой – за счёт освобождения от клише о «русской отсталости», в котором Европа играет роль нормативного масштаба и ориентира. То, что отказаться от проблемы «отсталости» историки не смогут из-за того, что представление о ней сидело в головах российской элиты и побуждало её к действиям как минимум в последние три века российской истории, совершенно очевидно. Но можно ли сделать понятие «отсталость» полезным концептом без оценочных коннотаций, используя понятие «Европа» так, как пользовались им исторические акторы – как интеллектуальную формулу и представление о некоем монолитном образцовом регионе? На этот вопрос я бы ответил отрицательно. Но он достоин дальнейшей дискуссии, и книга М. Хильдермайера вносит в неё серьёзный вклад.

Примечания

¹ *Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998.*

² См., например: *Hildermeier M. Die sozialrevolutionäre Partei Russlands: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln, 1978; idem/DxQ russische Revolution 1905–1921. Frankfurt a/M, 1989; и др.*

³ Мою позицию в отношении «Истории Советского Союза» М. Хильдермайера см.: *Нарский И.В. Хильдермайер М. История Советского Союза, 1917–1991: Возникновение и падение первого социалистического государства // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 163–166.*

⁴ См.: *Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion... S. 740–754.*

⁵ *Нарский И.В. Указ. соч. С. 165.*

⁶ Цит. по: *Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 20.*

Рец. на: EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union / Eds. Sanna Turoma, Maxim Waldstein. Farnham: Ashgate, 2013. 362 p. (Empires and the Making of the Modern World, 1650–2000)*

Ekaterina Boltunova

(National Research University Higher School of Economics, Russia)

Rec. ad op.: EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union / Eds. Sanna Turoma, Maxim Waldstein. Farnham: Ashgate, 2013. 362 p. (Empires and the Making of the Modern World, 1650–2000)

Империя не знает границ. Способов указать на это существует великое множество. Можно рассказать, например, как в 1714 г. персидский шах Хуссейн подарил Петру I слона, который, пройдя пешком полстраны, добрался до Петербурга, был поселён в особом павильоне на Царицыном лугу и стал «царём» Зверового двора. Так ««одомашнивание» экзотических новинок в символическом отношении [стало] релевантно идее расширения империи»¹. Можно описать, как в конце 1940-х гг. в Георгиевском зале Зимнего дворца – главном тронном зале Российской империи – на месте, где прежде стоял императорский трон, установили карту СССР, чем дали понять: это не только карта-логотип², это агрессивное нанесение логотипа «Российская империя» на карту новой страны.

Сборником «(Децентрализованная империя: новые пространственные истории России и Советского Союза» издательский дом Ashgate Publishing открывает новую серию «Империи и создание современного мира, 1650–2000». Максимально обобщённая формулировка темы и хронологический зазор в 300 лет открывают более чем широкое поле для дискуссии. Во введении составители С. Турома и М. Вальдштейн указывают, что Россия и Советский Союз по-прежнему занимают маргинальное положение в постколониальных исследованиях и пространстве новой имперской истории. Свою задачу

они видят в том, чтобы «депровинциализировать» Россию как объект исследования. В методологическом плане декларируются отход от привычной формулы «Россия vs. Запад», намерение исследовать наднациональные формы политической идентичности и «внезападный опыт империи». Сборник заявлен авторами как часть большого проекта, направленного на «провинциализацию Европы», т.е. на отказ в рамках академической дискуссии от использования «европоцентричной оптики» для изучения всего комплекса явлений и событий (с. 1–3).

На уровне конкретного материала сборник охватывает широкое проблемное поле – от исследований культурных смыслов и возможностей их формирования до вопросов социально-политического развития. Очевидное преимущество свободы выбора конкретных тем для разговора о реальном и воображаемом пространстве СССР и России имеет и свою оборотную сторону – положения, заявленные во введении, не обязательно находят поддержку в каждой конкретной статье. Авторы статей определяют позиции в отношении метода и источников, исходя из собственных представлений.

Сборник состоит из четырёх частей: «Евразийство и интеллектуальное конструирование пространства»; «Наука о пространстве и географическое знание»; «Политическая и культурная экономика

---

* (Де)централизованная империя: новые пространственные истории России и Советского Союза / Сост. С. Турома и М. Вальдштейн. Фарнхам: Ashgate Publishing, 2013. 362 с. Серия «Империи и создание современного мира, 1650–2000».

(пост)советского пространства»; «Репрезентируя империю: медиа, искусство, литература». Хронологически публикации охватывают весь XX в., однако в первой половине сборника в большей степени рассматривается переход от Российской империи к СССР, а во второй – изменения, произошедшие в советский и постсоветский периоды.

В двух первых частях сборника, в которых представлены статьи о евразийстве, а также о географии и естественных науках, обсуждаются вопросы интеллектуальных нарративов, связанных с формированием в России и СССР представлений о пространстве. Сборник открывает статья С. Глебова, известного своими работами о евразийском движении³. Она посвящена изучению контактов одного из самых значительных лингвистов столетия Р. Якобсона с лидерами евразийства, в частности с Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким. Автор фиксирует единство целого ряда их представлений. Якобсон и евразийцы критически воспринимали европейскую модернность: Якобсон отождествлял Европу с буржуазным конформизмом, чуждым интеллектуальному развитию, евразийцы считали её источником разрушительно-революционного начала. Кроме того, Якобсон, Савицкий и Трубецкой были схожи в оценках личности русской научной традиции, которую они воспринимали как особый целостный подход, основанный на телеологии, противостоянии позитивизму и эволюционизму. Якобсон, по мнению Глебова, не был (и не мог быть) полностью вовлечён в деятельность движения, но был способен критически переработать его идеологические постулаты для выстраивания собственной научной концепции. Евразийцы, в свою очередь, восприняли новый язык структурализма с его кажущейся способностью разрешить вопрос о соотношении цельности и многообразия.

Анализ процессов формирования евразийства отражён и в статье И. Торбакова «Между Россией, Украиной и Евразией: Георгий Вернадский и поиск идентичности». Автор рассматривает биографию и взгляды известного историка и показывает, как на его идеи повлияли поиски себя. Первоначально воспринимавший себя русским, он со временем, узнав от отца о своих украинских корнях, а также под

воздействием жизненных обстоятельств (революции, Гражданской войны и эмиграции), сформировал более сложную конструкцию собственной идентичности, которую Торбаков называет русско-украинской. Доктрина евразийства, по мнению автора, стала для Вернадского способом примирить конфликтность «расщеплённой идентичности». Основной тезис статьи о том, что евразийская система взглядов историка стала следствием его новой русско-украинской идентичности, сложно считать доказанным. Торбаков сам указывает, что труд Вернадского «Русская история», написанный в момент, когда автор осознавал себя русским, содержал немало евразийских трактовок и, судя по данным личной переписки историка, вполне мог быть назван «Эссе по истории Евразии» (см. р. 63–64). А если Вернадский-русский уже был Вернадским-евразийцем, то что именно меняет переход к русско-украинской идентичности?

Статья М. Лорель «Пространство как судьба: легитимизация Российской империи через географию и космос» посвящена теоретическому осмыслению территориальной и внетерриториальной экспансии. Статья представляет собой очерк представлений ряда мыслителей и философов, рассуждавших о пространстве и космосе: здесь и сторонники евразийства (Трубецкой, Савицкий), и Л.Н. Гумилёв с теорией «космизма», и советские основоположники теоретического познания космоса (А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский и др.). Завершают список «постсоветские неоевразийские интеллектуалы». Теоретические установки всех вышеперечисленных деятелей скорее систематизированы и каталогизированы, нежели проанализированы. Лорель легко перемещается от одной эпохи к другой и выдвигает в качестве вывода положение о том, что направленность Российской империи и СССР за пределы границ (будь то география или космос) была связана с кругом мессианских идей, вдохновленных православием и мифом о Москве – «Третьем Риме».

Статьи М. Лоскутовой «Регионализация, имперское наследие и советская географическая традиция» и Н. Бэрона «Создавая карту нелиберальной современности (illiberal modernity): наука о пространстве, идеология и государство

в России начала XX в.», помещённые в части сборника, посвящённой географическим представлениям и научному дискурсу, продолжают, по сути, разговор об интеллектуальной истории в контексте восприятия пространства в России и СССР. Работая на стыке социальной истории и истории науки, авторы стремятся показать, как концепции, выработанные в рамках научного поля (прежде всего географии), оказывали воздействие на круг общественных представлений и, сталкиваясь с государственной политикой новой страны при переходе от Российской империи к СССР, оказывались либо апропрированными для решения новых задач, либо, напротив, невостребованными.

Лоскутова ставит вопрос о том, почему в советской науке физическая и экономическая география имели высокий статус, а политическая и культурная занимали маргинальное положение. Она полагает, что вопреки устойчивым историографическим трактовкам такое положение вещей связано не столько с советским периодом, сколько с наследием дореволюционной русской географической традиции. В статье исследуется интерес к «регионализации», т.е. выявлению и/или определению, картографированию и описанию регионов страны, который с начала XIX в. стабильно проявляли географы, биологи, статистики и др. В поле зрения Лоскутовой оказалась деятельность К. Андреева, П.Н. Семёнова-Тян-Шанского и В.В. Докучаева. Значимым представляется анализ сопоставления земских кадастровых списков и влияния этого процесса на формирование традиции систематизации знаний о регионах, а позднее и на принятый советским Госпланом административно-территориальный подход.

Бэрн размышляет о том, как научная интерпретация пространственного дискурса оказалась связана с государственной идеологией. Он обращается к наследию Д.И. Менделеева и Е.Е. Святловского, а именно к их работам о перспективном планировании и социально-экономическом развитии России. Известно мнение Менделеева о том, что Российская империя в ходе территориальной экспансии достигла своих границ, что означало создание не только нового пространства, но и иной политической реальности. Учёный

полагал, что основными задачами для России в начале XX в. станут проведение научно-технического и экспертного анализа ресурсов и выработка новых политических, административных и экономических структур, способных увеличить экономический потенциал страны. Эти позиции были представлены в изданном Менделеевым в 1906 г. капитальном труде «К познанию России», содержащем многочисленные статистические данные о народонаселении регионов страны, вычисления параметров геополитического положения страны, таких как определение двух центров России – «центра поверхности» и «центра населённости». Первый из них, по подсчётам Менделеева, был расположен около границы Тобольской и Томской губерний, севернее Омска, а второй – в «Тамбовской губернии, на северо-восток от Козлова и на запад от Моршанска»⁴. Работы Менделеева по вычислению геодемографических центров стали отправной точкой для исследований Святловского, который активно разрабатывал и продвигал так называемый центрографический метод изучения населения. Святловский, как и ряд других последователей метода Менделеева, принял революцию, поскольку верил, что большевики смогут гарантировать дальнейшее рациональное и самодостаточное развитие страны. Однако методы постепенного планирования, сторонниками которых были Менделеев и Святловский, оказались ненужными, когда на первый план были выдвинуты идеи рекордно быстрого проведения масштабной модернизации СССР.

Вторая половина сборника, посвященная советскому и постсоветскому периодам истории России, представляется значительно более спорной с точки зрения представленных результатов. Ряд статей повествует о событиях и явлениях, известных и изученных если не хорошо, то ровно до той степени, когда простая перестановка фактов больше не создает впечатления новизны. Показательна статья У. Беста «Контролируемое пространство социалистического интернационализма и его трансгрессия: проекты СЭВ 1970–1980-х гг.» о практической реализации принципа интернационализма на примере работы Совета экономической взаимопомощи. Автор приходит к очевидному

выводу о несовпадении идеологического позиционирования и реального функционирования организации (тщательно выверенный отбор участников бригад, отсутствие контакта между рабочими группами стран соцблока, гендерные стереотипы, профанация декларируемых принципов и т.д.). Статья написана с привлечением обширной источниковой базы, однако остаётся открытым вопрос о том, насколько необходимо доказывать на новом материале общеизвестные вещи.

Другая крайность – статьи, в которых «предрассудок любимой мысли» блокирует развитие авторской концепции. Примером может служить статья А. Кохонен «Изображая Бесконечность: космическая гонка и космический ландшафт», посвященная противостоянию, которое СССР и США ввели в 1950–1960-х гг. Анализируя историю советской лунной программы, автор рассматривает дискуссию, развернувшуюся в мире после того, как в 1959 г. советская станция «Луна-3» сфотографировала невидимую с Земли часть лунной поверхности. Как известно, после обнаружения изображений Академия наук СССР предложила наименования разных объектов на поверхности Луны (Море Москвы, Хребет Советский и т.д.), что вызвало противодействие со стороны США, но было, в конце концов, утверждено Международным астрономическим союзом. Кохонен пришла к выводу, что акция носила пропагандистский характер и была значима для репрезентации страны за рубежом. Действительно, сам факт предпринятой СССР попытки апроприировать космический ландшафт не вызывает сомнения. Но стоило ли на этом останавливаться? Перспектива изучения материала, представленного в статье, значительно шире. Например, заслуживает отдельного разбора то, что стояло за названиями, предложенными СССР. Почему, например, на лунной карте рядом с советскими названиями появилось Море Мечты или отчего среди учёных, именами которых по инициативе СССР были названы объекты Луны, число русских и советских учёных оказалось так невелико? Рассуждения о пропаганде советской космической программы не позволили автору увидеть потенциал собственного источника. Более того, это именно та

позиция, которую составители сборника считают контрпродуктивной: во введении Турома и Вальдштайн призывали «исследовать скорее контекст, нежели структуру, проблему, нежели диагноз» (р. 3).

В сборнике немало статей, авторы которых склонны пренебрегать методологией, проводить широкие и часто небрежные сравнения, преувеличивать уровень взаимовлияния событий. Многие из статей публицистичны. Этот недостаток, надо признать, весьма распространённый в академических работах, посвящённых исследованию недавнего прошлого и, в особенности, постсоветской действительности, во второй части книги становится неотъемлемой чертой большинства текстов. Так, К. Пинноними в статье «Перестройка постсоветского пространства и репрезентация России как евразийского моста» рассматривает идею использовать транспортную инфраструктуру современной России для международного транзита и создания транспортных узлов. При этом тенденция формировать в России международные транспортные коридоры, без какого бы то ни было обоснования, увязывается с доктриной евразийства (см. р. 189).

В статье С. Турома «Реконструированная империя: пространственные и национальные нарративы в русской советской культуре 1960-х гг.» проблемой, как кажется, является методология. Работа посвящена советскому осмыслению пространства и нации в 1960-х гг. В качестве источников автор использует статьи из журнала «Вокруг света», несколько литературных текстов («Уроки Армении» А.Г. Битова, стихи И.А. Бродского), а также книгу П.Л. Вайля и А.А. Гениса «60-е. Мир советского человека». Турома уточняет, что книгу Вайля и Гениса, которую принято считать исследовательской работой, она рассматривает как источник мемуарного характера, но не уточняет – почему такой достаточно сложный в методологическом отношении шаг необходим при наличии огромного объёма других источников. Турома фиксирует различие оценок тех пространственных категорий, которые содержатся в отобранных ею текстах. Так, для авторов журнала «Вокруг света» аэропорт – это пространство мечты, а для Бродского он ловушка (см. р. 244–245). Равным обра-

зом просторы страны становятся то предметом гордости, то проклятьем. Турома интересует, впрочем, не это вполне понятное противоречие во взглядах, а единство образного ряда, имперского по своему наполнению: необозримое пространство страны, красота природы, её сила и мощь. Автор полагает, что, по крайней мере, применительно к постсталинскому поколению, можно говорить о создании новой советской идентичности, которая была артикулирована в терминах географии и культуры. Хотя постановка вопроса в статье представляется вполне обоснованной, а выводы – заслуживающими внимания, довольно сложно отделаться от ощущения, что вся статья не только произошла от известной строки И. Бродского «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря», но и держится на ней.

Завершает сборник статья К. Платта «Эксцентричная Орбита: картографирование русской культуры в Ближнем зарубежье» о рижской литературной группе «Орбита» и восприятии русской культуры в постсоветской Латвии. Текст разделён на две части, одна из которых представляет собой собственно анализ текстов указанной группы, а вторая повествует об образе России, русской культуры и самовосприятии русских в Прибалтике. Платт пришёл к выводу о стремлении членов группы «Орбита» не столько указать на наличие связей с Россией, сколько позиционировать собственное автономное положение по отношению как к латвийской, так и к русской культуре. Интересно замечание об использовании белого стиха, малопопулярного в России, как выражении особого статуса группы. Очерк представленный как таковой в статье менее удачен. Выводы строятся на основе ответов всего троих респондентов, при этом заданные вопросы не воспроизводятся. Переход от микроуровня (рассказов местных жителей о своём видении жизни в России и Латвии и о статусе русского языка и русской культуры в Прибалтике, бытовых рассуждениях о хамстве в России и «культурности» в Латвии) к макроуровню (рассуждениям о природе власти в России во времена Петра Великого) делает статью публицистичной. О том же говорит и отсутствие в ней чётких хронологических границ. Между

серединой 2000-х, о которой повествует автор, и настоящим моментом представления русской диаспоры о себе могли существенно измениться, а обнаруженное им в 2003 г. и обозначенное (зачастую по умолчанию) как «постсоветское» не обязательно актуально в 2014 г. Очевидно, проблема в том, что академически концепт «постсоветский» изжил себя. Сам термин, быть может, всё ещё указывает на географию, но он больше не объясняет суть происходящих процессов. 1991–2014 гг. – это почти два с половиной десятилетия. Такой же период отделял революцию 1917 г. от начала 1940-х гг. Это сравнение заставляет задуматься: где же граница «постсоветского»? И стоит ли теперь, в 2014 г., говорить о «постпостсоветском»?

Впреки установкам, изложенным во введении к сборнику, наиболее интересными оказываются статьи, в которых отражается не столько наднациональный, сколько национальный контекст. Такова, например, статья А. Кангас «Игры с империей: образы раннего советского государства в финской политической среде», посвящённая финскому политическому плакату 1918–1926 гг. Автор пришла к выводу, что после обретения независимости в декабре 1917 г. и вплоть до середины 1920-х гг. использование образа Российской империи применительно к Советской России было востребованной политической стратегией. Особое место отводится в статье изображениям периода Гражданской войны в Финляндии (1918), в которых столкновение финских левых («красных») и буржуазно-демократических сил («белых») было представлено не как внутреннее противостояние, а как попытка России дестабилизировать ситуацию извне.

Не менее выразительна статья «Обсуждая советский империализм в современной Польше: к вопросу о польском использовании постколониальной теории» Т. Зарыцкого, который отвечает на вопрос, почему постколониальная теория не получила поддержки в современной Польше. Зарыцкий ищет ответ в сфере социальной психологии. По его мнению, Польша традиционно позиционировала себя как независимого политического актора, не имеющего ничего общего с Россией, которая, в свою очередь, воспринималась как страна

варварская, отсталая, существующая в культурном и политическом отношении вне круга европейских государств. В качестве примера приводится так называемая доктрина Гедройца, выдвинутая польским публицистом и редактором журнала «Kultura» Е.Гедройцем и связанная с особым восприятием граничащих с Польшей Украины, Литвы и Белоруссии. Этот регион воспринимался как зона активного влияния Варшавы и своего рода буфер между Россией и Польшей. Признать наличие колониального прошлого значит признать собственное периферийное положение по отношению к России, отказаться от идеи культурного превосходства и ретроспективного видения собственной цивилизаторской миссии по отношению к восточному соседу. Кроме того, это повлекло бы за собой необходимость пересмотреть оценку деятельности польской интеллигенции и антикоммунистической оппозиции (в частности, движения «Солидарность»), увидеть социально-политическое, экономическое и культурное влияние имперского Петербурга и советской Москвы и, возможно, отказаться от утверждений об исключительной роли Польши в деле возрождения христианства в Европе. Ссылаясь на известную статью Д. Мура⁵, Зарыцкий также указывает на существование в большинстве стран Центральной и Восточной Европы культа славного прошлого, обуславливающего в Польше отказ «виктимизировать собственную историю» (р. 202). В тексте, кроме того, есть указание на то, что колониализм воспринимается как нечто, отсылающее к чёрной Африке (см. р. 197). Вместе с тем автор обращает внимание на изменение восприятия колониального дискурса в Польше в середине 2000-х гг., связанное, по его мнению, с вхождением страны в Евросоюз и необходимостью использовать язык, понятный Европе.

В целом, авторам сборника «(Де)централизованная империя» удалось показать особое пространственное измерение интеллектуальных нарративов и глубокую, сложно устроенную внутреннюю связь между «имперским» и «советским». Иначе обстоит дело с большинством статей, посвящённых «советскому» и «постсоветскому». Здесь заметно отсутствие единства

установок, пренебрежение методологией, а также крайность некоторых суждений⁶. Главная же проблема кроется, пожалуй, в нежелании преодолеть фрагментарное восприятие истории и культуры, отказ изучать то или иное явление исходя из более широкого контекстного видения. Но ведь персидский слон превратится в символ власти русского царя, только если понять, что такое барочная образность, а карта СССР в Георгиевском зале Зимнего дворца станет свидетельством изменений, произошедших в культурной памяти поколения, только если изучать то, как советское открыло для себя имперский дискурс. Иначе слон всегда будет проходить по каталогу как «потеха», а карта навсегда останется в разряде «пропаганда».

Примечания

¹ Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 50.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 193.

³ См.: Глебов С. Границы империи как границы модерна: антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Изобретение империи: Языки и практики. М., 2011. С. 292–316; *он же*. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.

⁴ Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1907. С. 142.

⁵ Moore D.C. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. 116. 2001. № 1. P. 111–128.

⁶ Нельзя не указать на плохую работу технического редактора. Книга плохо вычитана и пестрит опечатками. В сноске на с. 253 сохранилась помета, при помощи которой редактор призывал автора статьи обратить внимание на номер страницы («page number!!!»). Н. Бэрон транскрибирует слово «царский» как *tsarist* (р. 106, 110), а М. Лоскутова как *czarist* (р. 138). К. Пиннониemi анализирует иллюстративный материал с указанием на цвет, использовавшийся в оформлении плакатов, которые, однако, воспроизведены в книге в чёрно-белом виде (р. 176). Кроме того, сборнику явно недостаёт списка сокращений.

Валерий Любин

Рец. на: «Друг – зеркало для друга...»: российские итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2013. 352 с., ил.

Valerij Ljubin

Rec. ad. op.: «Drug – zerkalo dlya druga...»: rossiysko-italyanskie obschestvennyie i kulturnyie svyazi, X–XX veka. Moscow, 2013. 352 p.

В изданный Институтом российской истории РАН сборник статей вошли материалы международной научной конференции «Российско-итальянские общественные и культурные связи, XV–XX вв.¹ В книге представлены результаты новейших исследований видных российских и итальянских историков, искусствоведов, культурологов и правоведов. Авторы проанализировали недостаточно изученные в современной научной литературе вопросы, связанные с восприятием культурой и общественной мыслью России философского, политического, культурного и религиозного наследия Италии, проследили динамику общественно-политических контактов и культурных обменов между двумя странами на протяжении десяти столетий.

Сборник включает в себя три раздела: «Общественно-политические связи и общественная мысль», «Внешнеполитические связи» и «Культурные связи». В «Предисловии» отмечается, что особый вклад в подготовку издания внесли как итальянские учёные (университеты «Ла Сапиенца» и «Рома Тре» (Рим), «Л'Ориентале» (Неаполь), городов Турина, Перуджи и Салерно; их доклады опубликованы и на итальянском языке, и на русском), так и отечественные (Институт российской истории РАН, Российский институт культурологии, Государственная Третьяковская галерея, Государственный музей-заповедник «Горки Ленинские»). Там же подчёркивается, что двусторонние взаимоотношения наших стран «превратились в уникальный культурно-исторический феномен, получивший пристальное внимание со стороны российских и итальянских исследователей. Более того, эта громадная тема стала одной из

самых увлекательных, и всё потому, как показывает история России и Италии, что она оказалась настолько многогранной, разнообразной и неоднозначной, что сделалась поистине неисчерпаемой» (с. 5). Философский контекст столь продолжительного и сильного притяжения этих стран – таких ярких противоположностей, – представлен в мудром изречении персидского поэта XII в. Али Аухадеддина Анвари: «Друг – зеркало для друга, нет зеркала светлей!» (с. 7).

Первая часть издания открывается статьёй П. Каталано «Римская идея империи и Третий Рим. Священный город Москва», в которой указывается, что идея империи (царства) на Востоке непрерывно развивается и частично реализуется путём концентрации императорской (царской) власти, а также нового территориально-централизма, как в Константинополе, «Новом Риме» (названном так Вселенским собором 381 г.), так и в Новое время в Москве, «Третьем Риме» (концепция псковского старца Филофея, включённая в «Грамоту уложенную об учреждении Московского патриархата» в 1589 г.). С «материальной», а также с геополитической, демографической и экономической точек зрения, отмечает автор, решающее значение имело включение русских в состав римско-христианской ойкумены. И оно стало «формальным» в течение последнего века I тысячелетия благодаря договорам, заключённым между Русью и Восточной Римской империей (с. 11). В 1453 г. «романо-константинопольская» преемственность внешне прервалась, но после захвата турками-османами «Города на семи холмах – Константинополя» она получила новую силу в «Российском царстве»: Москва тоже будет «Городом

на семи холмах» (с. 12). Этот город, по мнению мыслителя Дж. Ла Пира, «гранит, на котором политически запечатлена тысячелетняя и мятежная мысль восточных народов» (с. 16).

В статье М.Б. Плухановой «Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI в.» утверждается, что в 20-х гг. XVI в., когда турецкая опасность для Европы достигла силы, сравнимой с эпохой бедствий 1453 г., Папский престол всеми мерами старался мобилизовать Польшу и Россию к обороне против мусульман, пытаясь одновременно привлечь русских под покровительство папы (с. 27).

Другой теме – влиянию западноевропейского опыта на декабристов – посвящена работа А.В. Семёновой «“Мы дышим новостями европейскими...”»: Италия декабристов» (с. 46–53). В очерке «Россия в зеркале: Крымская война 1853-1856 гг.» итальянский историк С. Бертолисси пишет: «Дипломатической изоляции России соответствовала во время конфликта и её логистическая отсталость: её внутренние сообщения были очень плохи, в то время как морская мобильность, продемонстрированная Англией и Францией, стала новым явлением в военном деле» (с. 79).

В статье П. Синискалько, посвящённой теме распространения в Италии русской религиозной мысли, отмечается, что она всегда вызывала большой интерес в этой стране, «особенно в последние 150 лет» (с. 87). Отдельное признание вызывают труды П. Флоренского, «возможно потому, что было понято его видение культуры как всеединства, озарённого тайной древнего и вечно нового в христианской любви (агапе), способной улавливать знаки времени, возможно, также в силу его свидетельствования, иными словами, мученичества» (с. 91).

Завершающая первый раздел книги работа А. Агости повествует о судьбе и деятельности лидера Итальянской коммунистической партии (ИКП) П. Тольятти, который «примерно восемь из восемнадцати лет своего изгнания» прожил в России, в Москве (с. 101). Он возглавил именно ту партию, которой предстояло стать самой сильной в Западной Европе,

и его видение международной ситуации фундаментально отличалось от подходов всех прочих итальянских политических деятелей. Автор замечает, что в 1956 г. после XX съезда КПСС «Тольятти не понравилась тональность секретного доклада Хрущёва, которая угрожала, по его мнению, распространением растерянности и деморализацией коммунистического движения» (с. 105). По мнению автора, благодаря усилиям Тольятти ИКП смогла внести «решающий вклад в поддержание и развитие парламентской демократии» в стране, а итальянские коммунисты воспитывались в демократических традициях (с. 106).

Статья В.Б. Перхавко «Начало русско-итальянских контактов (X–XIII вв.)» открывает второй раздел сборника. Подытоживая сведения, содержащиеся в работах ряда русских историков, автор прослеживает развитие русско-итальянских связей на протяжении трёх веков. Он отмечает, что первое знакомство итальянцев с русскими состоялось ещё в X в. в Константинополе. Из Херсонеса в Киев в 989 г. проник культ св. Климента, папы Римского. Вклад в его распространение в IX в. внесли просветители Кирилл и Мефодий. Ещё в 968 г. византийский император Никифор Фок направил два «русских» корабля (речь идёт о наёмниках из Руси) к берегам Южной Италии (с. 112). Впоследствии центрами контактов стали Константинополь, города Италии (Рим, Бари, Лука и др.), Киевской Руси, а также Крым (Херсонес, Судак-Солдайя, Феодосия-Каффа), где особое значение приобрела деятельность итальянских торговых факторий (с. 129).

В работе Дж. Б. Манискалько Базиле рассказывается о том, как цели миссии иезуита А. Поссевино в Московию в эпоху Ивана Грозного (одна из них – добиться «доктринального союза» России с католическим миром) остались не достигнуты. Сам же Поссевино так и не понял причин неудачи своей миссии (с. 148). Историк считает, что Иван IV предполагал пойти на какой-то компромисс в обмен на военные и политические преимущества в отношении соседней вражеской Польши, закрывавшей выход на Балтику, в котором Москва нуждалась для связей с Западом.

Однако он «не мог рисковать потерей народного консенсуса». Поэтому, заключает автор, миссия Поссевино была обречена на провал не только из-за вопросов веры, но «прежде всего – из-за политических проблем, которые были бы поставлены вопросами веры: риск для правителя быть оставленным своим народом» (с. 155).

О.Г. Агеева в статье «Дипломатический церемониал приёма послов Святого Престола в России во второй половине XVIII в.» сообщает, что положение при петербургском дворе папских нунциев полностью отвечало правилам, установленным его обычаями второй половины XVIII в. и соответствовавшим «европеизированному церемониалу 1744 г.» (с. 164). Однако весной 1799 г. отношения между Папским престолом и петербургским двором обострились из-за непризнания Римским папой императора Павла I главой Мальтийского ордена: нунций Лоренцо Литта 9 мая был выслан, «без церемониалов он покинул Россию и вернулся в Рим».

В работе И.А. Хормач, посвящённой теме восстановления отношения СССР и Италии в 1944 г., сказано о том, что СССР, не принимавшему участия в оккупации Италии, было трудно удерживать английских и американских союзников от сепаратных действий. Кремль добивался создания Военно-политической комиссии как органа, обеспечивавшего согласование политики трёх держав-союзниц. Такая комиссия была создана и в ней работали представители СССР. 29 сентября 1943 г. глава итальянского правительства П. Бадольо подписал «Дополнительные условия перемирия с Италией» (44 статьи политического, экономического и военного характера), а 13 октября Италия объявила войну Германии (с. 167). Но надежды Рима на то, что своим актом смены союзников он станет равноправным членом победившей коалиции, впоследствии не оправдались. Основные принципы советской программы послевоенного устройства уже к осени 1943 г. в общих чертах были выработаны Комиссией во главе с министром иностранных дел В.М. Молотовым. Созданная под руководством М.М. Литвинова Комиссия по подготовке будущих мирных договоров и послево-

енного устройства, занимавшаяся и проблемами политики в отношении Италии, сочла кабинет Бадольо неспособным искоренить фашизм в стране и установить демократический режим. Комиссия предлагала признать правительство, в которое вошли бы все демократические партии Италии. Оно должно было организовать партизанскую борьбу, изгнать из страны немецкие войска, провести демократические реформы. Англичане и американцы, исходя из своих интересов, оказывали давление на Москву в целях предотвратить «преждевременное признание правительства Италии» (с. 170). Но СССР не собирался идти на уступки в вопросе об установлении фактических отношений с Римом. Бадольо был возмущён тем, что англичане и американцы оказали нажим на его правительство. По прибытии в Москву итальянский представитель при правительстве СССР П. Кварони передал И.В. Сталину послание премьер-министра с благодарностью за поддержку «в деле обретения Италией своей автономии и суверенитета» (с. 172). 24 октября американскому поверенному в делах в Москве Дж.Ф. Кеннану была направлена нота с подтверждением решения Кремля возобновить полные дипломатические отношения с Италией и назначением послом в Риме М.А. Костылева (одновременно своих послов назначили Вашингтон и Лондон). Дипломатическое признание СССР итальянского правительства стало первым шагом в полосе дипломатических признаний Италии, и к концу 1944 г. она имела дипотношения уже с более чем 20 государствами (с. 174).

В третьем разделе книги представлены статьи: «Италия в курантах второй половины XVII столетия» (С.М. Шамин), «Произведения итальянских писателей в книжных собраниях русского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в.» (Н.Н. Аурова), «Сюжеты из русской истории в творчестве “российского итальянца” М.И. Скотти» (Л.А. Маркина), «Неосуществлённый проект копий римских катакомб в Музее изящных искусств имени Александра III» (И.В. Поткина), «Князь С.С. Абамелек-Лазарев и его вила в Риме» (Е.Н. Савинова), «Итальянский период жизни М.П. и А.С. Боткиных»

(Т.Ю. Юденкова), «Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода» (А.В. Голубев), «Взаимоотношения с Италией в контексте советской культурной дипломатии (вторая половина 1930-х годов)» (В.А. Невежин).

Особого внимания заслуживает работа Т.А. Пархоменко «Италия в жизни русской творческой элиты (от Московской Руси к Советской России)», где указывается, что «установившийся со времён Московской Руси творческий диалог с Италией не прерывался никогда» (с. 177). Автор отмечает большую роль в изучении Италии экскурсионных поездок россиян, вошедших в практику рубежа XIX–XX вв. во многом благодаря историку И.М. Гревсу, разработавшему экскурсионный метод изучения истории, который получил популярность у учащейся молодёжи. Италия в начале XX столетия являлась привлекательной «ареной борьбы» для российских бунтарей всех мастей и оттенков. Одним из центров притяжения стал поселившийся в Италии М. Горький. Он жил на Капри в 1906–1913 гг., потом уехал в Россию, затем вернулся в 1924 г. в Италию и до 1932 г. жил в Сорренто. Особое внимание Пархоменко уделила деятельности русской послереволюционной эмиграции в Италии.

Интересен и очерк С.А. Козлова «“Родной дом нашей души”: Восприятие Италии русскими людьми в XIX – начале XX в.», где исследуется тематика восприятия Италии в России. Подразделы статьи, представляющие различные образы Италии, названы «Счастливая природа», «Мозаики итальянской ментальности»,

«Царство культуры», «Священная почва или духовная родина», «Россия». В последнем подразделе речь идёт о том, что посещение Италии нередко становилось живительным импульсом к углублённым размышлениям о своей Отчизне. Так, философ Н.А. Бердяев отмечал, что русских пленяет в итальянском народе «избыток свободных творческих сил». По его мнению, «Италия должна стать вечным элементом русской души», «Италией мы лечим раны нашей души, истерзанной вечною русской ответственностью за судьбу мира, за всех и вся» (с. 263).

Широкое разнообразие тем работ, помещённых в сборнике, не всегда является его достоинством. Так, некоторые прозвучавшие на конференции доклады, публикуемые в виде статей, провидимому, были проходными и случайными для авторов, не являющихся специалистами по рассматриваемой тематике. Тем не менее все они пытались раскрыть, насколько это оказалось в их силах, разные проблемы насчитывающей много столетий истории российско-итальянских отношений.

В сборнике справедливо подчёркивается, что Италия прочно вошла в сознание русских людей (в основном, представителей дворянской интеллигенции) рубежа XVIII–XIX вв., а её многоликие образы занимали достойное место в русской культуре до начала Первой мировой войны. Эта страна – действительно «уникальный исторический и социокультурный феномен, заслуживающий дальнейшего осмысления» (с. 267).

В.П. Любин

Рец. на: Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг.: Тексты. Переводы. Комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012. 688 с.

Vladimir Arakcheev

(Ural Federal University and Institute of history and archeology, Ural branch of the Russian academy of sciences)

Rec. ad. op.: Russkiy arhiv Yana Sapegi 1608-1611 gg.: Teksty. Perevody. Kommentarii. Volgograd, 2012.688 p.

Рецензируемое издание является результатом работы коллектива историков и филологов под руководством профессора И.О. Тюменцева, труды которого по истории Смуты хорошо известны специалистам. Синхронно «Архиву Сапеги» И.О. Тюменцев, Н.А. Туликова, М. Яницкий и А. Плотников подготовили к печати дневник Сапеги и, таким образом, к настоящему времени издан комплекс источников, детально характеризующий деятельность в России этого кондотьера периода гражданской войны начала XVII в.¹ Масштаб проделанной работы значителен: в сборнике опубликовано 427 документов, 38% которых (167 единиц) являются либо архивными, либо впервые переведенными с польского языка. Такого существенного расширения источниковой базы по истории Смутного времени не было, пожалуй, с начала XX в.

Большая часть документов публиковалась ранее в таких известных изданиях, как «Акты исторические» или «Сборник Хилкова», однако публиковались они в хронологическом порядке без учёта их происхождения и места в составе архива Сапеги. И.О. Тюменцев и его коллеги предприняли весьма результативную попытку разбить все материалы по условным «фондам», связав их единством происхождения. Ясно, что не все документы были результатом работы штаба польского кондотьера: часть из них представляет собой трофеи, захваченные бойцами его отряда у противоборствующих сторон. Тем не менее, коль скоро они оказались в составе бумаг Сапеги и оказались вывезены из России, вполне справедливо рассматривать их как часть именно этого архива.

Публикация архива Сапеги позволила пересмотреть ряд устоявшихся представлений об одном из наиболее трагичных периодов Смуты. Опубликованные в комплексе 39 отписок и челобитных тушинских придворных, известных по более ранним публикациям, позволили представить масштаб захватов волостей и сел в приставства ротами армии Сапеги. И.О. Тюменцев обоснованно замечает, что получившие из состава дворцовых волостей феноменальные пожалования тушинцы не могли вступить во владение своими селами и получать с них доходы, что в конечном итоге стало причиной разочарования служилых людей в Лжедмитрии II и переориентации их на королевича Владислава (с. 95).

Сильнейшее впечатление производят документы, описывающие оборону Троице-Сергиева монастыря. С одной стороны, впечатляет мужество защитников обители, с другой – поразительные факты их повседневной жизни. Так, в письме троцкого слуги Г. Резанова говорится о серьёзном дефиците кожаной обуви («голенница в поршнях переносили»), в то время как в практически синхронном письме от 1 июля 1609 г. слуга М.В. Старицкой пишет о том, что в его распоряжении имеются 5–6 руб. и две лошади, но из-за блокады монастыря он не имеет возможности послать деньги родственникам в Москву (с. 242–243).

Исключительный интерес представляет письмо П. Ляпунова Я. Сапеге, датированное издателем по записи в «Дневнике» 25 июня 1611 г. с извещением об отправке послов для ведения переговоров (с. 157–159). Ко времени отправки письма уже существовал «триумvirат» П.

Ляпунова, кн. Д. Трубецкого и И. Заруцкого, и оставалось пять дней до принятия земского приговора от 30 июня 1611 г. Факт отправки подобного послания подтверждает предположения о глубоких разногласиях между руководителями I ополчения, проявившихся, в том числе, в попытках поиска возможных союзников. Стремление и Ляпунова, и Сапеги сохранять контакты не только в феврале, но и июне 1611 г. показывает гражданскую войну начала XVII в. как крайне сложное многополярное явление.

Одним из выдающихся результатов работы авторов стало обнаружение в фондах российских и зарубежных архивов и публикация 20 неизвестных документов, относящихся территориально к Переяславскому уезду и содержащих уникальные данные о системе повинностей, налагавшихся властями самозванца на посадских людей и крестьян. Публикаторы отметили факт взимания «непомерных налогов», которые было не в состоянии платить «разорённое гражданской войной податное население». Взимавшийся с тяглецов Муромского и Переяславского уездов «денежный налог по 80 руб. с сохи», по мнению авторов, «значительно превышал обычную норму». Публикаторы ссылаются на данные, приведённые в книге С.М. Каштанова, свидетельствующие о взимании в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1580-х гг. 28–32 руб. данных, полоняничных и ямских денег с сохи (с. 317).

Фискальная история России конца XVI – начала XVII в. только начинает изучаться, и до настоящего времени перед исследователем стоят множество трудно-разрешимых проблем. Ключевая из них состоит во фрагментарности данных за период Смутного времени, хотя некоторые цифры введены в научный оборот. Так, из дела Новгородской четверти 1676 г. известна выпись из цетверной книги В. Овцына 1606/07 г., согласно которой с сохи на Торговой стороне Новгорода взималась сумма в 41 руб. 23 алтына 5 денег². Эта сумма сопоставима с данными о пососном обложении других посадов в конце XVI – начале XVII в. Например, с посада Вологды взималось от 33 до 42 руб. с сохи, куда входили данные, ямские,

приметные, полоняничные и пищальные деньги.

С.Б. Веселовский констатировал резкий рост налогов после завершения Смуты: так, с городов, подведомственных Новгородской чети, в 1613/14 г. деньги за хлебные запасы взимались в размере 250 руб. с сохи, а оклад ямских денег в 1618 г. составлял 800 руб. с сохи³. Если воспринимать представленные цифры буквально, можно констатировать 30-кратный рост налогов за 30 лет. В контексте максимальных ставок – 1613–1618 гг. взимавшиеся агентами тушинского правительства в 1608 г. налоги в 80 руб. с сохи выглядят весьма умеренными, хотя и превышавшими ставки налогообложения в Новгороде в 1606/07 г. Очевидно, что в наших знаниях об уровне налогообложения в эпоху Смуты имеются существенные лакуны, не позволяющие пока дать убедительного объяснения изложенным явлениям.

Однако с некоторой долей уверенности можно заключить, что на ранних этапах управления в 1608 г. администрация тушинского «царя» пыталась использовать уже существующие фискальные механизмы. Судим об этом, прежде всего, по письму К. Янушковского с донесением о ходе сбора налогов в Ярославском и Романовском уездах. Денежные суммы, последовательно, в три приёма собираемые с посада Романова (730 руб. собраны Д. Черкасским, 600 руб. – Янушковским, который писал о том, что «будет добирать остаток той казны»), производят впечатление ординарных налогов, собираемых в соответствии с данными фискальных кадастров (с. 470).

Об использовании традиционных инструментов фиска говорит наименование должностных лиц местного управления «посланниками». Посланники представляли собой институт чрезвычайного финансового управления, регулярно использовавшийся правительством, по крайней мере, с 1560-х гг.⁴ В переяславских документах 1608 г. посланники упоминаются как фискальные агенты тушинского правительства: в декабре 1608 г. именно посланник Василий Иванович – (Никитич) Орлов собирал с посада Переяславля налоги в размере 80 руб. с сохи (с. 323, 335). Посланник Станислав Стамборский в ок-

тябре 1608 г. приводил к присяге на имя Лжедмитрия II население Аргуновской дворцовой волости. В челобитной старосты Аргуновской волости от октября 1608 г. посланниками, правившими государевы доходы, названы четыре человека, в том числе В. Орлов (с. 337–338). В документах конца 1608 г. упомянуты правившие налоги с Окружной дворцовой волости и дворцовых деревень Кинельского стана посланники Ф. Чернцов и К. Миляев (с. 343, 346).

В документах 1609 г. посланники уже не указываются, что, по всей видимости, свидетельствует об отказе тушинской администрации от апробированных фискальных институтов и переходе к архаичной практике приставств путём нерегламентированного взимания натуральных и денежных поборов непосредственно вооружёнными отрядами. Однако следует отметить, что тяглое население быстро принимало складывавшийся порядок вещей: разорённые грабежами пахоликов ротмистра Колецкого, крестьяне Верхнедубенского стана просили передать их в приставство некоему пану Сватку, а крестьяне подмосковной Вохонской волости в челобитной на имя Лжедмитрия II и Сапеги от 17 апреля 1609 г. назвали свою административную единицу «Вохонским приставством» (с. 307).

Изложенные факты заставляют поставить вопрос о сущности воинских формирований, оказавшихся под командованием Сапеги в 1608–1611 гг. Безусловно, его полкам были свойственны некоторые черты регулярной армии, что касается, прежде всего, порядка боевых построений, маршей, караульной службы. Однако в то же время данные источников говорят о конфедеративном характере этого соединения, чьей целью были грабежи и нажива.

Следует отметить особенности обеспечения армии Сапеги. В целом для правительственных армий России и Швеции было свойственно централизованное финансовое и материальное обеспечение: показателем этого являются сохранившиеся учётно-фискальные документы. Новгородский оккупационный архив сохранил две «Книги солдатских денег», содержащих убедительные данные о спо-

собах обеспечения корпуса Делагарди в Новгородской земле в 1614–1616 г.⁵ Ещё более значимым является факт использования полевой армией под командованием кн. Хилкова платёжной книги Торопецкого уезда во время кампании 1580 г. против войск Стефана Батория. Публикатор архива Б.Н. Флоря отметил наличие в его составе «фрагментов платёжницы Торопецких волостей», указав, что они никак не связаны с остальным материалом⁶. Однако вполне логично предположить, что фуражиры корпуса Хилкова использовали взятую в воеводской избе Торопца платёжную книгу, составленную не ранее 1575 г., для законного и документально обоснованного обеспечения армии за счёт местного населения⁷.

В наиболее ранних записях дневника Сапеги упоминаются факты фуражировок. Например, в записи от 31 декабря 1608 г. фиксируется нападение защитников Троице-Сергиева монастыря на дорогу, «по которой пахолики продовольствие возили к лагерю», и захват ими «больше десятка саней с овсом и сеном»⁸. Во многих опубликованных в рецензируемом издании документах говорится об изъятии полками и ротами Сапеги «кормов столовых и конских», но эти изъятия всегда осуществляли командиры отдельных подразделений, например пан Лампицкий (с. 374). Значит, в центральном «штабе» армии Сапеги не было учётно-фискальных документов, которые бы регламентировали сбор продовольствия и фуража, что предопределяло безудержное разграбление кондотьерами русских волостей и городов.

Второе соображение касается проблемы командования и управления Я. Сапегой своим войском. Публикаторы отмечают, что «высшим органом власти в наёмном войске являлся большой круг, на котором решались проблемы службы, оплаты, войсковой дисциплины, квартирования, взаимоотношения с различными властями, планы дальнейших действий» (с. 586). Такой порядок управления был предопределён интересами кондотьеров и целями самого Сапеги. Уже при вступлении на территорию России войско решило «оставить конфедерацию и пункты, которые подписали все собственноручно и присягнули друг другу все добрыми истинными

рыцарскими словами от конфедерации той не отступать пока живы»⁹. В дальнейшем, начиная с 10 октября 1608 г., на страницах дневника ежемесячно, или даже несколько раз в месяц упоминаются общевойсковые собрания («kolo generalne»), польское название которых переведено публикаторами как «общий круг».

Такие круги собирались в войске Сапеги 10 и 31 октября, 26 и 27 января, 9, 11 и 26 февраля, 14 марта, 1, 4 и 15 апреля, 6 мая, 13 и 22 июня, 5, 9, 19, 27 и 31 августа, 1 сентября, 7 октября, 23 ноября 1609 г., 26 февраля, 25 июня, 20 и 30 июля, 1, 2, 8, и 30 августа, 6, 11, 14 и 20 сентября, 2 декабря 1610 г., 13, 18 и 21 февраля, 13 марта, 23 июня, 5, 25, 26, 28 августа, 2 и 3 сентября 1611 г.¹⁰ Судя по записям дневника, на кругах обсуждалась стратегия похода, вопросы заключения договоров с «тушинским вором» или польским королём, назначались «послы», выслушивались их отчёты. Рангом ниже были «приватные ротмистровские собрания», которые проводились в отдельных полках (подразделениях) и состояли, видимо, из офицеров.

В начале 1611 г., когда армия кондотьера, терпя поражения и будучи теснима русскими и королевскими войсками, собиралась на круги, на них принимались крайне противоречивые решения: 16 февраля 1611 г. круг постановил, чтобы Сапега ехал к королю, а 18 февраля на большом круге «задержали его милость пана гетмана и не разрешили ему ехать к его милости королю»¹¹. Скованный необходимостью отчитываться перед войском и согласовывать с ним военно-политические решения, Сапега оказался заложником своей «фортуны». Этим обстоятельством было предопределено итоговое поражение таких кондотьеров Лжедмитрия II, как Лисовский и Сапега, перешедших в конечном итоге на службу королю.

Состав сохранившихся документов, прошедших через «штаб» Сапеги, способен пролить свет и на особенности ведения делопроизводства, и на отношение сапежинцев к своему пребыванию в России. Публикаторы не посчитали нужным составить хронологический перечень публикуемых документов, но несложно подсчитать, что наиболее представительные документальные комплексы датирова-

ются периодом осады Троице-Сергиева монастыря (сентябрь. 1608 – январь 1610 г.). Это не только период значительных успехов движения Лжедмитрия II, но и время стационарного (за исключением похода на Калязин в августе 1609 г. и рейдов к Александровой слободе) нахождения штаба Сапеги под стенами осаждённого монастыря. Как выяснили публикаторы, даже от этого временного промежутка не сохранились перехваченные сапежинцами письма Скопина-Шуйского, которые либо не изымались у гонцов, либо переправлялись в Тушино (с. 266–268). Когда же войско Сапеги начало рейды вокруг Москвы, пытаясь подороже продать свои услуги, сохранность документов ещё более ухудшилась.

В заключение следует отметить ряд ошибок публикаторов, которые не оказали определяющего влияния на авторские интерпретации и оценки. Неверным представляется интерпретация пожалования Александровой слободы Марине Мишкек как «кормления» (с. 48). В документе недвусмысленно говорится о том, что «назначенные на нужды» авантюристки Александрова слобода и «иные дворцовые деревни» ей принадлежат. Следовательно, они интерпретировались приказными людьми Лжедмитрия II как дворцовые волости, принадлежащие ей на правах собственности как «царице», а отнюдь не как «кормление», жаловавшееся администраторам. Во введении к переписке с гетманом Ружинским указано, что в документе № 57 обрисована ситуация, сложившаяся в Тушино, в то время как на самом деле в письме имелась в виду ситуация в Речи Посполитой (с. 86). В заголовке документа № 105 вместо правильной даты 1610 г. ошибочно проставлен 1611 г. (с. 145). Во введении к разделу «Отписки и челобитные воевод и жителей Ярославля» ярославский Спасо-Преображенский монастырь ошибочно назван Спасо-Евфимьевым (с. 453–454).

В целом же публикацию русского архива Я. Сапеги следует признать ценнейшим собранием источников, которые послужат поколениям будущих исследователей истории Смуты.

Примечания

¹ Дневник Яна Сапеги (1608–1610 гг.) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, А.Б. Плотников, Н.А. Туликова. М.; Варшава, 2012.

² Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.

³ *Веселовский СБ.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152, 160–180.

⁴ *Аракчеев В.А.* Опричина и земщина: к изучению административной практики в Русском государстве 1560–1580-х гг. // *Российская история.* 2010. № 1. С. 21–28.

⁵ Riksarkivet, Stockholm, Okcupationsarkivetfran Novgorod. Serie 1:2, 1:35.

⁶ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 202–203.

⁷ Автор выражает признательность А.В. Антонову, высказавшему эту гипотезу в устной беседе. *Archivum Glowne Akt Dawnych w Warszawie. Archivum Zamoyskich,* № 3032, л. 76, 82, 84, 85, 95.

⁸ Дневник Яна Сапеги... С. 81.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 69, 75, 89, 91, 93, 99, 103, 107, 109, 113, 119, 129, 133, 149, 153, 155, 159, 167, 177, 183, 195, 201, 207, 209, 211, 213, 223, 229, 233, 237, 257, 275, 277, 285, 299, 317, 323, 327.

¹¹ Там же. С. 277.

Оксана Ермолаева

Рец. на: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.*

Oksana Ermolaeva

(Petrozavodsk State University, Russia)

Rec. ad. op.: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.

Монография известного американского историка Альфреда Рибера является итогом его научных изысканий в области «имперской истории» и развивает идеи, высказанные в его предыдущих работах¹. Новизна и оригинальность данного труда заключается в том, что он стал попыткой представить альтернативу традиционной «истории империй», поставив во главу угла проблемы, связанные с приграничными имперскими территориями. Автор представил окраины империй в качестве не только основных источников соперничества, войн и международных конфликтов, но и повлиявших на мировую

историю «геокультурных территорий, где пересекались носители несовместимых идеологий и политических движений – национализма, аграрного популизма, и промышленного социализма, создавая гремящую смесь и угрожая имперскому правлению параличом государственной власти, восстаниями, и войнами» (р. 531).

В фокусе исследования находятся пять «континентальных», «евразийских» империй (противопоставляемых «морским», «колониальным») – Российская, Османская, Австро-Венгерская, Иранская и Китайская. Попытки их комплексного анализа уже неоднократно предпринима-

* *Рибер А.* Битва за евразийские окраины: от рождения империй Нового времени до конца Первой мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2014. 648 с.

Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, ГБТ № 653-14.

лись как западными, так и отечественными историкам². Однако для А. Рибера основой изучения процессов формирования этих империй, механизмов их легитимизации и функционирования, причин их устойчивости и распада стало комплексное рассмотрение так называемых неустойчивых приграничных зон (*border shatter zones*). Это были созданные империями в ходе их генезиса и дальнейшей экспансии смешанные этнотерриториальные образования, зачастую чуждые «центрам» в культурном, этническом и государственном отношениях.

Автор определяет приграничные территории (*borderlands*) как очаг нестабильности, отмечая повышенную политическую и миграционную активность их населения, частые этносоциальные конфликты, а также специфический тип пограничной культуры. Более того, возникшие там сложные общества отличались высоким уровнем перекрёстного культурного взаимодействия и сомнительной политической лояльностью (р. 64, 350), а особым приграничным субкультурам была свойственна повышенная криминогенность (р. 72, 357). А. Рибер показывает, как со временем социальные, религиозные и культурные особенности приграничного населения, являвшиеся поводом для сопротивления имперскому правлению, становились почвой для возникновения национализма и стремления к политической автономии (р. 294).

Как следствие, на протяжении всей истории перед правителями империй стояла сложная задача – управления этими землями и их интеграции. Кроме того, существовала ещё одна проблема – продолжительное и сложное соперничество между крупнейшими державами за контроль над обширными смежными окраинными территориями. Исследование всех этих вопросов и стало главной целью автора. Хронологически работа охватывает период XV–XVI (приблизительное время образования империй) – начало XX в. (распад «евразийских» империй в результате Первой мировой войны).

Первая глава монографии «Имперское пространство» посвящена описанию методологии («геокультурному подходу»), а также основным формам взаимодействия

между имперским центром и периферией в ходе становления государственности. К этим формам относятся стратегии имперской экспансии: завоевание, колонизация и ассимиляция, а также реакция покорённого населения, которая варьировалась от открытого сопротивления до приспособления. В частности, А. Рибер подробно характеризует особенности процесса российской колонизации необжитых регионов и приграничных территорий, политики культурной русификации и ассимиляции населения этих земель с помощью религиозных и светских институтов власти (р. 50–58, 105–123, 203–222).

Во второй главе «Имперские идеологии: культурные практики» представлена эволюция «имперских идеологий» и культурных практик, т.е. способы легитимизации власти в империях во временной динамике. Автор отмечает относительно высокий уровень динамизма и гибкости властных элит, обусловивших долговечность империй. На протяжении всего периода их существования поддерживался баланс между светскими и религиозными атрибутами власти, религиозными мифами и церемониальными ритуалами. Анализируя истоки политических культур империй, А. Рибер подчёркивает, что всегда власть предрежащие империй Романовых, Габсбургов, Османов, а также Иранской и Китайской – использовали поддержку религий (православия, ислама, католицизма/протестантизма, конфуцианства). Когда же вызовы Нового времени в виде идей Французской революции, модернизации и национализма существенно начали подрывать стабильность этих держав, религиозные идеи стали вытесняться такими национальными идеологиями как панславизм, панисламизм, пантюркизм и пангерманизм (р. 119–123, 135–164, 346, 551).

Третья глава «Основы империй: армии, бюрократия и элиты» повествует о том, какие методы стабилизации и укрепления власти правящие элиты использовали в отношении границ и окраин (в частности, показаны институциональные основы имперского правления). Посвятив существенную часть главы анализу отношений между центрами и окраинами империй, автор констатирует, что существ-

вовашее в них управление границами характеризовалось рядом подобных, если не идентичных, проблем и черт. Здесь также описаны попытки имперских властей приспособиться к вызовам Нового времени (техническому прогрессу, секуляризации системы управления) и необходимости конкурировать с ведущими европейскими державами, что проявлялось в проведении политики модернизации, реформ в сфере образования, военной тактики и административного управления (р. 272). При этом внимание А. Рибера сконцентрировано на имперских армиях (и попытках их реформирования), состоянии бюрократии и проводившихся административных преобразованиях. Подробно рассматриваются и механизмы управления окраинными территориями во всех пяти империях последовательно. К этому процессу, как отмечает автор, пытались привлечь местные элиты, а затем ассимилировать их в имперскую бюрократию, но данный эксперимент окончился неудачно (р. 269; 274). Относительно успешными оказались лишь изменения системы управления в Китае, и то благодаря давним культурным традициям (р. 282).

В четвёртой главе «Приграничные столкновения империй» автор описывает непосредственно происходившую между империями «битву за окраины», последовательно рассматривая «горячие точки», расположенные вдоль евроазиатских границ: на Балканах, в Прибалтике, придунайских областях, районах Причерноморской степи, Кавказского узла, Транскаспия и Центральной Азии. Особое место при этом занимают геополитика и международные отношения, вновь охарактеризованные относительно повлиявших на ход мировой истории имперских «приграничных территорий» и их населения.

В пятой главе «Кризис империй» анализируются внутренние противоречия, подрывавшие основы мультикультурных империй на фоне распространения идей конституционного правления, народо-властия и последующего подъёма национализма. По мнению автора, именно предпринятые конституционные эксперименты послужили основным катализатором кризисов, почти одновременно разразившихся в начале XX в. в Российской,

Австро-Венгерской, Иранской, Османской и Китайской империях и сопровождавшихся всё возрастающим сопротивлением населения их окраин (р. 424). Выделяя общие черты этих процессов в империях, А. Рибер раскрывает предысторию Первой мировой войны как кульминацию «имперского кризиса приграничных территорий» (р. 442). Он убедительно изображает его как процесс, характеризующийся чередой взаимовлияющих внешне- и внутриполитических факторов (р. 447–469). В частности, в своей оценке «конституционного кризиса» в Российской империи автор не только анализирует сложную внешнеполитическую ситуацию и имперскую экспансию, кризисы и конфликты на окраинах империи в качестве катализатора разрушительных процессов (р. 466, 473–483), но и развивает ранее выработанную им концепцию российского социума как «общества осадочных пород» (*sedimentary society*), в котором из-за многих факторов, возникших в ходе структурных реформ, новые социально-политические институты не заменяли собой старые, отжившие, а наслаивались на них (р. 470).

Заключительная глава «Имперское наследие» демонстрирует, как «устойчивые» (*persistent*) факторы, постоянно провоцирующие состояние «борьбы за приграничные территории», пережив потрясения войны, революции и гражданских войн, стали наследием вновь созданных на руинах империй многонациональных государств (р. 532–533). Анализ этого наследия и преемственности методов управления многонациональных государств своими окраинами в XX в., несомненно, является одной из самых удачных частей работы и придаёт ей дополнительную ценность и актуальность (р. 164–165, 613–617).

Книга А. Рибера не только представляет собой крайне увлекательную историю имперских окраин и воображаемой географии имперских пространств, но и проливает свет на ранее не известные страницы социальной истории элит империй и системы управления ими в сравнительной перспективе. Проведённый автором анализ приграничных окраин евразийских империй как основного фактора их постоянной дестабилизации, а в конечном итоге и распада, представляет

собой ценную модель для будущего изучения мировой истории.

Тем не менее не является ли подобный взгляд на историю некоторым её упрощением? Не умаляет ли автор, ставя во главу угла континентальные империи и их приграничные территории, значение других международных факторов? Ведь для того чтобы определить, являлся ли тот или иной международный кризис исключительно следствием конфликта из-за приграничной территории, или данный конфликт использовался (либо был вызван) для эскалации напряжения, необходимо вникать в тонкости дипломатической истории. Поэтому после прочтения труда А. Рибера эти и многие другие вопросы по-прежнему остаются открытыми для исследователей.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема методологии. Заявленный автором «геокультурный подход» (р. 2) отражает давнее увлечение американских и европейских историков идеями, представленными Школой «Анналов». Также в работе прослеживаются веяния теоретических идей более современных европейских исследователей. Например, в основе концепции колонизации приграничных территорий Российской империи лежат идеи ориентализма в духе Э. Саида (р. 401), при характеристике особенностей имперской бюрократии и администрирования на окраинах империи – власти и бюрократии М. Вебера и Н. Элиаса (р. 166–167), а в повышенном внимании к пространственным аспектам власти и идеологии прослеживаются веяния М. Фуко. В остальном же работа, как и многие другие, написанные в русле компаративного подхода, носит междисциплинарный характер, располагаясь на стыке геополитики и истории – международных отношений, дипломатической, культурной и социальной.

«Геокультурный» подход растворяется в эклектическом материале из прошлого различных европейских и азиатских стран. Само по себе использование этого подхода как объединяющей методологической схемы для географически и культурно обширных и отдалённых друг от друга государственных образований вызывает сомнения. Не слишком ли значительный культурный разрыв лежит, например,

между «восточными» державами (Китай, Порта и Иран) и Австро-Венгрией, чтобы вписывать их в одну схему «евразийских» империй? Представляется, что несмотря на несомненное сходство их методов управления и жизненного цикла, указанных автором, амбициозность его рабочей модели ведёт всё же к определённому «культурно-идеологическому» упрощению. Так, империя Габсбургов является скорее европейской империей с евразийскими приграничными территориями, а Китайская империя, политическую и культурную «исключительность» которой неоднократно подчёркивает сам А. Рибер (с. 146), совсем не вписывается в его методологическую схему. В то же время в книге детально рассмотрены в качестве участников борьбы за приграничные территории государственные образования, не вписанные в рабочую модель автора, в частности, Польшо-Литовское царство (р. 154). Более того, противопоставление империй «континентальных», «евразийских» «колониальным», «морским» требует пояснения. Непонятно, в чём же заключалась специфика управления приграничными территориями в евразийских империях по сравнению с такими европейскими державами, как Франция или Германия, перед которыми также остро стояли проблемы, связанные с конфликтами, спорами и сепаратистскими настроениями на приграничных территориях. Почему же исключена империя Гогенцоллернов?

Кроме того, следует отметить, что из-за масштабности рецензируемого издания некоторым его частям не хватает глубины. К примеру, в то время как исследователю имперского периода России, вне всякого сомнения, будет крайне интересно ознакомиться с материалом, посвящённым евразийским державам, то сведения, представленные по остальным этапам её прошлого, большинству читателей, скорее всего, покажутся носящими базовый, энциклопедический характер.

Обращает на себя внимание и некоторая перегруженность термином «идеология» применительно к политической жизни империй (р. 108). Однако она отражает опять же модную в современной историографии тенденцию отождествлять имперские политические реалии с тем или иным

идеологическим проектом. Изредка встречается неточность перевода некоторых терминов на английский язык. К примеру, перевод определения «стрельцы» как «musketeers» (р. 201) являет собой явное упрощение, как и понятия «ойкумена» (р. 110). Также несколько обескураживает отсутствие в работе указаний на архивный материал и источники – представлены исключительно опубликованные работы на английском и русском языках.

Тем не менее монографию А. Рибера отличает не только масштабность, но и качественность проведенного им исследования. Здесь представлен огромный фактологический материал, среди которого – интереснейшие факты из истории религии, музыки и политических учений. Более того, изложенное автором – это действительно вдумчивый анализ, который заставляет переосмысливать важнейшие аспекты мировой истории. В книге предлагаются исчерпывающие историографические обзоры по многим проблемам прошлого изучаемых стран (р. 239, 391–392), а оригинальность подхода сочетается с высоким уровнем исследования, что в наши дни считается довольно редким явлением.

Кроме того, отражая последние тенденции в развитии мировой исторической науки (повышенный интерес к региональным вопросам, проблемам взаимоотношений центра и периферии, стабильности многонациональных государственных образований), научный труд А. Рибера ставит новые задачи перед исследователями «имперской проблематики». В частности, это касается важнейшего вопроса – дальнейшего изучения воздействия состояния границ на социальные, культурные, а также политические процессы, происходящие в многонациональных государствах.

Обстоятельный анализ предыстории многочисленных межэтнических, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, а также генезиса и проблем национализма на приграничных евразийских территориях, являвшихся в разные временные периоды «горячими точками» – в частности, на Украине, Кавказе (р. 112–119), Балканах (р. 308–314, 576–580), делает монографию особенно актуальной не только для историков, но и для специалистов в области международных отношений и политологии. На при-

мере различных приграничных конфликтов автор затрагивает ещё одну важную тему – их демографических, социальных, религиозных и культурных последствий для населения, показывая, как именно разрушались традиционные устои общества (р. 387–390).

Авторские оценки таких сложных и неоднозначных процессов, как российская колонизация и русификация отдельных регионов радуют своей глубиной и сбалансированностью (р. 466), что свойственно далеко не всем американским исследователям, изучающим историю Российской империи. Также в книге на конкретных примерах убедительно представлено не только динамичное взаимовлияние проходивших в центре и на окраинах империй процессов, но и значение его последствий (р. 166). Для историков важно дальнейшее их изучение. К примеру, каким образом радикализация политических настроений населения окраин распространялась на центральную часть имперского пространства, и как не только западная, но и южная периферия империй (в случае Российской империи – Южный Кавказ) служили переходным звеном в процессе распространения идей национализма, демократии и социализма (ф. 222–231, 452–459, 469, 588–602). Описывая рост сопротивления различных этнических групп и радикализацию настроений в приграничных районах империй, А. Рибер выделяет 1890-е гг. как рубеж, после которого деструктивные тенденции и рост национализма значительно усилились и приобрели необратимый характер. Именно для этого периода в некоторых империях, по его мнению, было характерно политическое оформление прежде разрозненных движений (р. 452–459, 465, 503).

Представляет интерес и дальнейшее изучение социального среза приграничного населения по уровню политической активности и радикализации настроений и их связи с реформированием имперских систем образования (р. 228–231). Это позволит показать, как под видом обучения в ведущих университетах Западной Европы проходили подготовку идеологи новых политических веяний и как именно они претворяли свои идеи на окраинных территориях.

Примечания

¹ Рубер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. Миллера. М., 2004.

² Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Burbank

J. Frederick Cooper. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010; Империя Романовых и национализм. М., 2006. Миллер А. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны (URL: <http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2>).

Андрей Лотменцев

Рец. на: Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е гг. Документы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 752 с.

Andrey Lotmentsev

(The Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Russia)

Rec. ad. op.: Petr II Petrovich Negosh i Rossiya. Russko-chernogorskie otnosheniya v 1830–1850-e gg. Dokumenty. Moscow, 2013. 752 p.

Митрополит Петр Негош известен как правитель Черногории и выдающийся поэт, автор по меньшей мере двух прекрасных произведений – «Слободиада» и «Лучи микрокосма», к сожалению, мало известных русским читателям¹. В данном сборнике освещены его отношения с империей Николая I. Картина получается неоднозначная и очень далёкая от той благостности, которая характерна для представлений о Черногории как верном союзнике России. Следует отметить, что Николай I находился тогда в достаточно сложном положении, стремясь, с одной стороны, в соответствии с традициями, идущими от Петра Великого, оказывать Черногории помощь, а с другой – сохранять после Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. хорошие отношения с Портой.

В каком-то смысле все документы, собранные в книге, можно разделить на несколько основных групп: в первой митрополит просит у России денег и ему их выдают с некоторыми оговорками; во второй – добывается личной аудиенции у Николая I и права приезда для этого в Петербург (тут уже трудности возникают неимоверные: ему обыкновенно не только не дают соответствующего разрешения,

но и не разрешают посещать европейские столицы); к третьей группе следует отнести жалобы соперников владыки, которые всеми возможными способами пытались вызвать у российских дипломатов сомнения в его способностях и честности, выдвигая обвинения в продажности, непопулярности и стремлении к авторитарной власти. Митрополит отвечал тем же. Между строк документов при желании и определённом навыке можно прочесть целый роман с захватывающими интригами и неожиданными сюжетными линиями. Российские, турецкие, австрийские дипломаты по-разному воспринимали положение Черногории. При этом экзерсисы венской бюрократии сочетаются в сборнике с уклончивостью османских чиновников и неподконтрольных им пашей, имевших подчас гораздо большее влияние, а позиция К.В. Нессельроде, неизменно проявлявшего «мудрую проницательность», наталкивается на дикость племён, которые могли бы прожить «в отдалённых азиатских частях».

Читатель, скорее всего, проникнется сочувствием к судьбе Петра, в 16 лет неожиданно-негаданно наследовавшего своему дяде и ставшего вскоре предстоятелем Поместной Церкви и одновременно гла-

вой маленького не признанного в Европе государства без каких-либо административных институтов, постепенно создававшихся им на российские деньги². В XVIII в. черногорские племена вели борьбу против Османской империи, которая так и не смогла их полностью подчинить. Правда, противостоять черногорцам приходилось не столько армии султана, сколько их многочисленным соседям – албанцам, боснийцам, подданным Венеции, капитулировавшей в 1797 г. перед Бонапартом, а затем и австрийским войскам. Был даже период, когда часть черногорцев приняла ислам. Незначительность ресурсов Черногории сочеталась с неистовой храбростью и свободолюбием её населения. Племенная вольница не желала признавать единого управления, и даже при Петре II Черногория больше напоминала Ирландию времён Конхобара и Кухулина, чем Францию Луи-Филиппа или викторианскую Англию. Неудивительно, что история Чёрной Горы знала немало удивительных персонажей, как, например, Степан Малый, провозгласивший себя, подобно Емельяну Пугачёву, выжившим императором Петром III, бежавшим к своим балканским друзьям.

Успехи черногорцев в региональном противостоянии позволили выдвинуться ряду митрополитов, которые, сочетая светскую и духовную власть, приступили к созданию государства. Пётр II Петрович Негош являлся среди них, пожалуй, наиболее талантливым. В 10 лет Радивое Петрович был призван своим дядей митрополитом Петром I в монастырь для обучения грамоте, а несколько лет спустя, в 1830 г., на основании завещания скоропостижно скончавшегося владыки, оказался его преемником. Развернулась борьба за власть, отразившаяся и в приведённых в сборнике документах, из которой Радивое-Петр (уже архимандрит, но ещё не митрополит) вышел победителем. Для укрепления своей власти он призвал проживавших в России черногорцев И. Вукотича и М. Вучичевича, создавших отряд его телохранителей и Сенат Черногории.

В 1833 г. Петр посетил Санкт-Петербург, где был хиротонисан во епископа (как известно, Николай I удивился, обнаружив тогда, что ростом он ниже черногорского

владыки – для черногорцев двухметровый рост не редкость). Однако уже в 1837 г. российские власти сделали, кажется, всё, чтобы избежать нового визита владыки. Сперва ему вообще не рекомендовали приезжать, что фактически означало запрет. Когда раздражённый и обиженный Петр собрался в Париж, встретившийся с ним в Вене жандармский подполковник Я.Н. Озерецковский на свой страх и риск позволил ему прибыть в Россию, о чём, вероятно, затем не раз пожалел. Бедного митрополита доставили в Псков, причём по дороге сопровождающие должны были до конца поддерживать в нём наивную веру, будто его везут в столицу («буде же, паки чаяния, преосвященный стал противиться ехать с Вами во Псков... можете дать ему вид, что соглашаетесь на его требование, а между тем отправляйтесь всё-таки на Псков» (с. 345)). Порядком затянувшееся сидение митрополита в Пскове породило, кстати, легенду, согласно которой Петр Негош побывал на могиле А.С. Пушкина и, возможно, даже служил на ней панихиду. Во всяком случае, у Негоша есть стихи, посвящённые Пушкину и свидетельствующие о горячем интересе к его поэзии. Впрочем, поэтические таланты вождя черногорцев долгое время не были оценены должным образом, а его произведения сравнительно поздно получили известность.

Диктат Николая I, запрещавшего главе независимого государства поездку в Париж, выглядит мелочным и жестоким. С другой стороны, нельзя не задуматься о вопиющей зависимости того от России, без которой, по признанию самого Негоша, черногорский проект вообще бы не осуществился. На Балканах Россия играла ту же цивилизующую роль, что и в Азии. Однако часто приходилось констатировать, что «великодушные желания русского министерства не были постигнуты в Черногории» (с. 343), как писал директор Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин (его взгляды и деятельность ещё ждут своего исследователя). Осторожным дипломатам николаевского времени инициативы митрополита Петра, желавшего просвещать свой народ и устраивать государство под эгидой России, зачастую представлялись чуть ли не провокацией, а

многие его действия, которые, возможно, хорошо бы вписались в политику Екатерины II, оценивались как несвоевременные и ведущие лишь к осложнению отношений Петербурга со Стамбулом и Веней. До перемены же, вызванных Крымской войной, митрополит не дожил.

Трудно сказать, насколько Петр II сочувствовал планам своего дяди и предшественника (канонизированного через несколько лет после смерти), который мечтал об образовании единого сербского государства в границах, соответствующих будущей титовской Югославии, но без Словении и Посавской Хорватии, со столицей в Дубровнике. Подразумевалось, что оно будет подвластно русскому царю, но при руководящей роли Черногории в регионе. Петр II не возражал против таких замыслов, но хорошо осознавал необходимость масштабной работы для объединения сербов. Отчасти это задевало австрийские интересы. Тем не менее в 1848 г. митрополит поддержал бана Хорватии Й. Елачича и воеводинских сербов, сохранивших верность Габсбургам и выступивших против революционной Венгрии. Владыка даже готов был отправить на помощь им отряд черногорцев, однако Россия советовала от этого воздержаться. Незадолго до смерти Петр ввёл черногорскую валюту, названную им в честь славянского божества златным перуном, но она практически не получила распространения, и только в 1906 г. король Николай стал чеканить перпер и выпустил соответствующие банкноты. Блестящий поэт и

достойный администратор, делавший всё возможное для своего отечества, Петр II скончался от туберкулёза в 1851 г. Перед смертью он успел завершить свой поэтический труд «О ложном царе Степане Малом». Митрополит не просто сохранил Черногорию, но и в значительной части создал её, используя связи с Российской империей, налаживать которые было отнюдь не легко. Черногорское государство может по праву гордиться своим выдающимся владыкой.

Книга, бесспорно, не только будет интересна широкому кругу читателей, желающих познакомиться с положением дел в уникальной и дружественной нам стране на важном этапе её развития, но и даст немалую пищу для рассуждений профессиональных историков-славистов.

А.М. Лотменцев

Примечания

¹ Петар II Петровић Његош. Луча микрокозма. Београд, 2013.

² Подробнее см.: *Анишакوف Ю.П., Хитрова Н.И.* Петр II Негош – владыка, реформатор, поэт // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013. С. 2–73; *Пейович М.Д., Распопович С., Распопович С.* Поэт славянских гор // Там же. С. 74–105. Как предисловие, так и вступительные статьи напечатаны в сборнике на двух языках – русском и сербском. Документы публикуются на языке оригинала (приводится также русский перевод текстов, написанных по-французски).

Рец. на: П.В. Галкин. Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть. 1864–1917 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. 448 с.

Andrei Minakov

(Orel regional historical museum, Russia)

Rec. ad op.: P.V. Galkin. Mestnoe samoupravlenie v Moskovskoy gubernii i gosudarstvennaya vlast. 1864–1917 gg. Moscow, 2012. 448 p.

Эпоха Великих реформ открыла новую страницу истории общественного соучастия в административном процессе. Институциональное оформление земских и городских органов определило их деятельную сопричастность к реализации как государственных программ, так и собственных инициатив. Их последующая более чем полувековая деятельность стала периодом накопления богатейшего опыта взаимоотношений власти и общества. Однако историки по-разному оценивают результаты этого опыта. Неясно, доминировало ли в нём конструктивное начало или противостояние и соперничество. Один из вариантов ответа на этот вопрос даётся в монографии П.В. Галкина, который анализирует данную проблему на материалах Московской губ.

Автор детально проанализировал и обобщил ранее неизвестный материал о взаимоотношениях земских и городских органов, надзоре за их деятельностью со стороны правительства, об особенностях избирательной процедуры в провинции и т.п. Он также определил основные векторы политики правительства по отношению к самоуправлению. Галкин убедительно продемонстрировал, что земские и городские органы являлись важным элементом системы местного управления пореформенной России. Государство не просто нуждалось в них, но и рассматривало их как реальных, а иногда и основных проводников многих внутривластных мероприятий. При этом со стороны правительства они были окружены постоянной покровительственной опекой, которая выражалась в живом участии местной администрации в делах самоуправления. С одной стороны, власти стремились привлечь

их к развитию многих важных народнохозяйственных отраслей от продовольственного обеспечения, народного образования и здравоохранения до вопросов ветеринарии, пожарного дела, страхования и др. С другой – область компетенции земств и городов строго контролировалась правительственными структурами, и выход за установленные рамки немедленно приводил к контрмерам. Галкин считает, что отношения общественности и власти имели взаимообусловленный характер. Земства и города не только были объектами министерских циркуляров и губернаторских директив. Общественные (особенно земские) инициативы были очень важны для правительства и стимулировали казённое финансирование (с. 160). По мнению автора книги, это особенно проявилось в годы Первой мировой войны, когда «органы самоуправления приняли на себя функции государственных учреждений во всех сферах, где центральная власть оказалась неспособна обеспечить эффективное управление» (с. 389).

Автор обоснованно отметил исключительную роль коронной администрации в координации деятельности общественных структур. Книга изобилует примерами значительного влияния губернаторов на административное обеспечение избирательной процедуры и реализацию земских и городских инициатив (с. 83, 92, 183 и др.). Он последовательно проводит тезис о заметной роли губернатора как барьера на пути нарушений со стороны органов самоуправления (с. 246, 252, 264). Лишь появление губернского по земским и городским делам присутствия снизило контролирующую роль губернатора, деятельность которого свелась лишь

к «техническим функциям» и «переписке с вышестоящими структурами» (с. 100, 323).

Наряду с этим Галкин пишет об очевидных негативных факторах, затруднявших, а иногда сводивших на нет общественные инициативы. Так, губернская администрация строго пресекала попытки земств ставить политические вопросы, а также стремление наладить межрегиональное взаимодействие. Но, несмотря на правительственные репрессии, градус политической активности общественности не снижался и позволял обнажить наиболее актуальные проблемы местной жизни. Например, продолжительная дискуссия о всеобщей волости как низшей земской единице обнаружила невозможность её создания не только из-за глубокого недоверия к земству со стороны властей, но и вследствие неготовности к нему на низовом уровне (с. 145–153). В целом же автор подчёркивает, что стремление правительства не допустить взаимного сближения земств имело обратный эффект. Представители самоуправления продолжали использовать любые возможности для межгубернского общения. Только с началом Первой мировой войны, считает Галкин, правительство прекратило открытое противодействие объединительным тенденциям в работе общественных органов (с. 115, 411).

Однако политическая активность земств и городов имела и другую сторону. На мой взгляд, стоит согласиться с автором, что их нехозяйственные инициативы, постепенно перераставшие во всё более открытые акции и программные выступления, были для передовой общественности своего рода школой политической борьбы (с. 361–362). Именно здесь, в дискуссиях на земских собраниях и городских думах, в полемической переписке с властями приобретался тот ценный опыт, который в начале XX в. был использован во время партийно-организационного оформления российского либерального лагеря.

Собрав богатый фактический материал и делая интересные заключения, Галкин допускает в своей работе ряд спорных допущений и выводов. Так, он исповедует несколько идеалистический взгляд на характер отношения правительства к дея-

тельности органов самоуправления. Например, он даёт оценку действиям властей с точки зрения их интереса к принципам законности, построению гражданского общества, критикует коронные власти и самоуправление за невнимание к нуждам населения (с. 88, 194, 298 и др.). Думается, что на протяжении пореформенного периода при реальном отсутствии институтов гражданского общества и низкой правовой культуре как передовой общественности, так и большинства населения страны в основе взаимоотношений властей и органов самоуправления лежали директивные, а не договорные механизмы. Любые институты с элементами коллегиальности и плюрализма в конечном итоге оказывались элементом существовавшей административной машины. Их появление, «реформирование» или «контрреформирование» лишь цементировало действовавший режим.

Вместе с тем в рецензируемой монографии прослеживается желание автора противопоставить органы самоуправления и коронную администрацию, показать их разнонаправленными элементами единой административной системы. Так, действия губернаторов зачастую оцениваются с точки зрения приобретения или утраты полномочий по отношению к земствам и городам. И, наоборот, работа земских управ и городских дум анализируется с точки зрения самостоятельности относительно администрации (с. 219, 323). Именно поэтому, говоря об эффективной работе губернских учреждений по земским и городским делам, Галкин одновременно полагает, что надзорные функции губернаторской власти постепенно снижались (с. 59, 409 и др.). Вряд ли можно согласиться с таким умалением роли губернаторов, особенно применительно к рубежу XIX–XX вв., когда несмотря на непрерывные правительственные дискуссии о судьбах земства и нарастание волны либерального движения, начальники губерний продолжали нести весь груз ответственности за деятельность земских и городских структур. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют ежегодные всеподданнейшие отчёты губернаторов – ценнейший источник по данной проблеме, к сожалению, не использованный автором

книги. Их страницы пестрят сообщениями губернаторов о разнообразных успехах и просчётах органов самоуправления. Руководители регионов с удовлетворением отмечали весомое участие земства в организации новых учебных заведений, осуществлении экономической помощи населению, ликвидации последствий неурожаев и т.п.¹ При этом губернаторы не стеснялись демонстрировать и своё недовольство работой общественных структур².

Более осторожной оценки требует и тезис автора о позитивных отношениях органов самоуправления с коронной администрацией в годы Первой мировой войны. В действительности война не устранила, а обострила существовавшие противоречия между ними. Участники совещания губернаторов, созванного МВД в мае 1916 г., категорически заключали, что общегосударственная форма объединения органов самоуправления и их привлечение к выполнению заказов оборонного значения может допускаться только как временная мера. С этим делом, по их мнению, при соответствующем штате и финансировании вполне могли справиться и правительственные структуры³.

С началом войны ещё более заметным стало стремление общественных организаций к политическим заявлениям. Центральная власть в свою очередь продолжала требовать от губернаторов жёстко пресекать выход органов самоуправления за пределы хозяйственных занятий⁴. Впрочем, центральные власти не вполне разделяли призывы губернаторов к радикальному устранению общественности от помощи фронту. Например, за время пребывания во главе МВД Б.В. Штюмерера (март–июль 1916 г.), когда-то связанного с земством, «финансовые разногласия между земствами и губернаторами разрешались именно в пользу Органов самоуправления, а не местной администрации»⁵.

К сожалению, Галкин оставил за рамками своего исследования и такую интересную проблему, как отношение губернаторов к развитию земской статистики. Известно, что во многих регионах именно губернаторы пресекали многочисленные попытки земств монополизировать статистическую работу⁶. Бывший московский

губернатор В.Ф. Джунковский вспоминал, что московские земцы сами называли собственные статистические работы «самой непроизводительной “затеей”», куда трагически «чересчур крупные суммы из народных средств, а между тем эти работы не только оказались не полезными, но и прямо вредными, так как статистики, интересуясь больше политикой, чем делом, умели заниматься только агитацией»⁷.

В целом книга П.В. Галкина является прекрасной иллюстрацией сложных взаимоотношений внутри органов земского и городского самоуправления, а также их взаимодействия с коронной властью. Общественные структуры земств и городов, прошедшие длительный и противоречивый путь становления и развития, оказались уникальным феноменом отечественной политической культуры. Их эволюция показывает, что самодержавие сознательно шло на эксперименты по модернизации собственной управленческой модели, стремясь увеличить её жизнеспособность. Однако такое внедрение сверхду демократических традиций не оказало решающего влияния на основы существовавшего строя.

Примечания

¹ См.: РГИА, ф. Б-ка I отд., оп. 1, д. 48, л. 44–44 об., л. 167 об.; д. 97, л. 42, и др.; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб.], 1903. С. 43; и др.

² См.: РГИА, ф. Б-ка I отд., оп. 1, д. 18, л. 93–93 об.; д. 48, л. 160 и др.

³ Совещание губернаторов в 1916 году // Красный архив. 1929. № 2 (33). С. 151.

⁴ ГА РФ, ф. 1789, оп. 1, д. 176, л. 5.

⁵ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старопорядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 234.

⁶ См. подробнее: Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Чернозёмного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орёл, 2011. С. 323–332.

⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 269–270.

Евгений Неклюдов

Рец. на: Е.Л. Воронцова. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М.: Этерна, 2013. 576 с.

Evgenii Nekliudov

(Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Russia).

Rec. ad. op.: E.A. Vorontsova. Predprinimatelskie organizatsii v Rossii: istoriografiya, istochniki, istoriya. Moscow, 2013. 576 p.

История предпринимательства во все не случайно занимает особое место в структуре современной исторической науки. Она признана важной областью знания, находящейся на стыке социальной и экономической истории и имеющей свой особый предмет, значение которого определяется огромной ролью предпринимательства в жизни современного общества. Одним из её аспектов является история предпринимательских организаций, появление и генезис которых во многом свидетельствует о степени продвинутости не только предпринимательского слоя, но и всего общества по пути модернизации.

Одной из первых исследовательниц этой темы в России можно по праву считать автора рецензируемой книги Е.А. Воронцову, которая посвятила свои основные работы источникам по истории предпринимательских организаций, а попутно – и истории самих организаций. Рецензируемое издание необычно по своему содержанию, поскольку включает как опубликованные, так и ещё не публиковавшиеся работы автора, уже давно переключившейся на другие научные темы и даже виды деятельности. В этом смысле книга является сборником разных по жанру трудов (журнальных статей и статей в справочных изданиях, разделов монографий и даже частей студенческого диплома), подготовленных в период интенсивной научной работы автора над темой в 1980–1990-х гг. Эти материалы (для краткости назову их статьями) организованы в несколько разделов в соответствии с их тематикой или предназначением.

В открывающий сборник историографический раздел вошли две статьи Воронцовой, опубликованные в 1988 и 1982 гг.

и являвшиеся, по-видимому, составной частью её работы над кандидатской диссертацией. В первой статье делается попытка анализа наиболее крупных трудов дореволюционных и советских авторов, касавшихся предпринимательских организаций России, во второй представлена советская историография 1960–1970-х гг. (предшествующих времени написания) по более широкой и проблемной теме «соотношения экономической и политической роли российской буржуазии в годы Первой мировой войны». Отмечу, что историографическая подготовка начинающего исследователя (каковой была автор в те годы) находилась на достаточно высоком уровне: обзоры отличает полнота охвата историографических источников, они не только нацелены на адекватное представление взглядов ведущих специалистов, но и показывают развитие и столкновение мнений и концепций, проявившееся в дискуссиях по важнейшим аспектам истории российской буржуазии и её представительных организаций. С этой точки зрения включенные в сборник историографические статьи не утратили своей научной ценности даже по прошествии многих лет после их публикации. Во многом не перестали быть актуальными и те задачи в исследовании темы, которые автор сформулировала почти 30 лет назад.

Непреодоляющую ценность представляют материалы, включённые в раздел «Источники» не только потому, что полноценные тематические обзоры источников (включающие как их всесторонний анализ и синтез, так и характеристику публикаций и архивохранилищ) не устаревают, но и потому, что они большей частью (исключая некоторые статьи о периодике)

ранее не публиковались автором. В разделе последовательно раскрыты основные виды сохранившихся источников по истории предпринимательских организаций России рубежа XIX–XX вв.: акты, делопроизводственная документация, периодическая печать. Первые представлены законодательством и актовыми материалами, которые формировались в условиях существовавшей в Российской империи концессионной системы учредительства предпринимательских организаций. Анализируя выявленные «положения» и «уставы» обществ, съездов, союзов, бирж и торговых палат, автор подчёркивает их массовый характер, а замеченная ею тенденция к унификации и стандартизации позволяет считать его содержащим сопоставимую информацию, которая даёт реальную возможность установить специфику разных видов организаций, проследить их эволюцию, выявить механизм функционирования и характер отношений с властью.

Другая статья сконцентрирована на анализе системы делопроизводства пространственных и авторитетных в Российской империи предпринимательских организаций съездовского типа (по данным автора, к началу Первой мировой войны действовало около 70 съездов, в том числе свыше 40 – в сфере промышленности и торговли). В ней доказывается неоспоримая ценность этого вида источников, в отличие от актов характеризующего не просто «идеальную модель» предпринимательских организаций, а показывающего их «в реальных связях и отношениях». Автор выявляет фонды съездов в российских архивах, пытается установить историю их формирования, представляет материалы съездов, хранящихся в фондах государственных учреждений, а также характеризует публикации документации съездов и их исполнительных органов. Воронцова также восстанавливает организацию делопроизводства съездов, анализирует состав документации (стенограммы, протоколы и журналы, доклады и записки, ходатайства и деловую переписку), даёт оценку информативных возможностей каждого вида документов.

Можно добавить, что материалы съездовского делопроизводства встреча-

ются и в сохранившихся личных фондах участников съездов и фондах предприятий, входивших в эти организации. Хотя выявление их является непростой задачей, требующей работы не только с путеводителями, но и с архивными описями, такие материалы, с одной стороны, могут компенсировать встречающиеся в других фондах утраты, с другой – представить, так сказать, «закулисную работу» съездов, слабо или вовсе не отражавшуюся в их официальном делопроизводстве. Следовало бы также дать ссылки на нынешние названия архивов.

Ценность статьи «Периодическая печать представительных организаций российской буржуазии (съездов предпринимателей)» доказывается уже тем, что в своё время она вошла в качестве раздела в авторитетное коллективное издание «Очерки периодической печати России начала XX в.» (М., 1992). В ней автор даёт развернутую характеристику этому, как она убедительно показывает, особому типу периодики. Анализу подвергаются выявленные по библиотечным справочникам 15 постоянных периодических изданий 12 съездовских организаций общеимперского, отраслевого и регионально-отраслевого уровня. Раскрываются вопросы учреждения и финансирования, сбора и подготовки материалов, структуры изданий, тиражирования и распространения газет и журналов. Особое внимание уделено анализу содержания съездовской периодики, проведённому на примере органа общероссийского Съезда представителей промышленности и торговли журнала «Промышленность и торговля» (Санкт-Петербург) и органа регионального Съезда представителей промышленности и торговли Юга России журнала «Торгово-промышленный Юг» (Одесса). Это позволило не только представить те общие проблемы (налоговая политика, тарифы, роль государства, привлечение иностранных капиталов, мировой опыт, рабочий вопрос, технический прогресс и проч.), которые обсуждались на страницах этих изданий, но и выявить специфику позиций по отношению к ним различных отраслевых и региональных групп предпринимателей. Автор вполне обоснованно высоко оценивает издатель-

скую деятельность съездовских организаций, сознательно направляющуюся, по её словам, «на консолидацию буржуазии по пути к политическому самосознанию и самовыражению».

Дополняет раздел о периодике информативная статья «Известия Центрального военно-промышленного комитета как источник по социально-экономической истории России периода Первой мировой войны». Она представлена как дипломная работа автора (подготовленная ещё во время учёбы Е.А. Воронцовой на истфаке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, что, помимо всего прочего, свидетельствует и о высоком уровне научного руководства начинающим историком со стороны профессора С.В. Воронковой, которая выступила автором предисловия к рецензируемой книге). В статье представлена характеристика самого издания и проведён краткий анализ его содержания за время работы комитета (1915–1918).

В целом включённые в сборник материалы о периодике российских предпринимательских организаций доказывают непреходящее значение этого вида источников в первую очередь как «хранителя информации» о самих этих организациях и, конечно, о «степени зрелости» российской буржуазии в понимании своих экономических и политических задач. Дополнительно периодика этого типа предоставляет нецензурную информацию об экономическом развитии ведущих отраслей российской экономики и состоянии региональных экономик и, как представляется, о развитии российской издательской культуры рубежа XIX–XX вв.

Раздел «Очерки истории предпринимательских организаций» включает несколько статей Е.А. Воронцовой, опубликованных в 1990-х гг. в журналах «Былое», «Металлург», в материалах конференций и сборниках статей. Они освещают динамику создания этих организаций, вписывают их в отмеченный автором «лихорадочный процесс ассоциирования», наступивший вслед за реформами 1860–1870-х гг. и ускоренный революционными событиями начала XX в. В статьях даётся представление о различных типах предпринимательских организаций: от первых

обществ для содействия промышленно-сти и торговли и биржевых обществ до позднейших съездов предпринимателей и военно-промышленных комитетов времён Первой мировой войны. Автор высоко оценивает их деятельность, полагая, что, участвуя в этих представительских и просветительских организациях, «предприниматели учились взаимодействовать друг с другом, с государством, “обществом” и рабочим классом, сообща искать и находить решение сложных вопросов». В нескольких статьях внимание уделяется «удачным формам взаимодействия» предпринимателей и научно-технической интеллигенции, которые проявлялись в ходе работы биржевых комитетов, съездов и особенно обществ содействия, создававшихся по образцу научных обществ и имевших уклон в научно-просветительскую деятельность.

Ряд статей посвящён обзору отдельных регионально-отраслевых (горно-заводских, волжского речного пароходства) или региональных (сибирских) предпринимательских организаций. Для историков Урала – региона, в экономике которого в имперский период ведущую роль играла горнозаводская промышленность, – особый интерес представляют съезды горнопромышленников и золото-промышленников, которым Е.А. Воронцова уделяет внимание в нескольких статьях («Регионально-отраслевые организации российских предпринимателей» и «Культура деловых отношений в горной и горнозаводской промышленности России»). Автор справедливо относит их к одной из основных групп регионально-отраслевых представительных организаций, подчёркивает инициативную роль государства в их создании и его довольно жёсткий контроль над их деятельностью, выражавшийся в утверждении программ, назначении руководителей заседаний съездов, обязательной отчётности. Всё это верно связывается со стратегическим значением горнозаводской промышленности, но вряд ли, как утверждает автор, «со спецификой отрасли, работавшей в основном по казённым подрядам и поставкам». Так в мирное время работали лишь казённые горные заводы, которые не были участниками съездовских организаций. Казённые заказы

эпизодически давались лишь отдельным частным заводам, специализировавшимся на изготовлении рельсов или иной продукции для казённых заводов. Большая же часть продукции шла на рынок, некоторая (в натуре или в денежном эквиваленте) передавалась казне в виде горной подати. Не отражена в статьях и специфика съездов золотопромышленников, которые, в отличие от горнопромышленных съездов, не являлись добровольными организациями и выполняли не только представительные, но и фискальные функции (сбор промыслового налога). Сравнивая региональные горнопромышленные съезды, автор справедливо подчёркивает как взаимодействие и даже преемственность этих организаций (в частности Юга России и Урала), так и сохранявшиеся разногласия между ними по принципиальным вопросам развития отрасли, обусловленные «исторически сложившимся противостоянием отдельных регионов». Конкуренция регионов (и, добавим, особенности организации производства, а также ориентация на разные рынки сбыта), справедливо полагает автор, и стала причиной того, что горнопромышленники так и не создали своей общероссийской организации.

Органично вписывается в «исторический» раздел и составленная по материалам диплома автора статья о Центральном военно-промышленном комитете, в которой представлена вполне обоснованная периодизация его деятельности, а также дана оценка комитета «как новой по своим функциям общественной организации, возникшей в условиях войны и способствовавшей не столько улучшению обороны, сколько сплочению буржуазии в борьбе за политическую власть».

В следующий раздел – «Статьи для энциклопедических изданий» – вошли более двух десятков публикаций, подготовленных Е.А. Воронцовой для энциклопедий «Отечественная история» (Т. 1–3. М., 1994, 1996, 2000), «Северная энциклопедия» (М., 2004) и «Экономическая история России» (Т. 1, 2. М., 2008, 2009). Можно сказать, что, собранные вместе, они составляют самостоятельную энциклопедию предпринимательских организаций России конца XIX – начала

XX в. Эти статьи дают представление и о типах организаций (профессиональные, представительные; биржевые общества, общества для содействия, торговые палаты, кооперативные съезды, торгово-промышленные съезды), и о региональных и отраслевых их разновидностях (съезды горнопромышленников, золотопромышленников, мукомолов, представителей русских железных дорог, деятелей по кустарной, средней и мелкой промышленности и торговле и проч.), а также о конкретных крупных организациях (Всероссийский союз торговли и промышленности, Всероссийское общество льнопромышленников, Всероссийское общество суконных фабрикантов и др.).

В заключительный раздел «Приложения» автор включила список основных трудов по теме, ограниченный, правда, публикациями 1900–1980-х гг. Сейчас уже невозможно судить о теме предпринимательских организаций без упоминания трудов А.Н. Боханова, М.Н. Барышникова, А.А. Бессолицына, В.И. Бовыкина, А.М. Вишняковой, Л.М. Елифановой, В.В. Изгаршева, В.Д. Калинина, А.С. Качалян, П.А. Кюнга, П.В. Лизунова, С.В. Лысова, Ю.А. Петрова, Е.Ю. Рукосуева, Л.В. Сапоговской, С.Л. Сергеевой, Б. Ульяновой, И.Н. Шапкина и других исследователей, публиковавших свои труды в 1990–2010-х гг. В этом смысле включённый в сборник список литературы следует признать устаревшим. Вместе с тем вовсе не утратили своей научной значимости включённые в приложения списки публикаций нормативных актов и документации предпринимательских организаций. В целом сборник трудов Е.А. Воронцовой «Предпринимательские организации в России: историография, источники, история» является весьма полезным сводом разнообразной информации, в совокупности дающей довольно цельное и достоверное представление об этих организациях. Столь же полно он представляет весомый вклад самого автора в изучение данной темы. Остаётся только сожалеть, что современная историография развивается без участия Е.А. Воронцовой, но с выходом рецензируемого сборника, будем надеяться, все-таки не без ее помощи.

СССР и «холокост» в Испании

Mihail Novikov

(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia)

USSR and «holocaust» in Spain

Книга известного британского специалиста по истории гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Пола Престона «Испанский холокост» (Нью-Йорк; Лондон, 2012)* посвящена исследованию насилия и террора в тылу обеих воюющих сторон. В отечественной историографии эта тема ещё специально не рассматривалась.

Придерживаясь демократических взглядов, Престон стремится в своей монографии к восстановлению исторической справедливости¹. Его возмущает то, что и теперь генерал Ф. Франко и его режим положительно оцениваются консервативными авторами, поддерживающими мифы об «экономическом чуде» Испании 1960-х гг., о её «нейтралитете» в годы Второй мировой войны и о том, будто гражданская война была необходима для спасения страны, которую иначе захватили бы коммунисты (р. XII). По мнению Престона, напрасно считая коммунистическую угрозу причиной начала гражданской войны в Испании, многие ошибочно изображают её как конфликт между двумя более или менее одинаковыми сторонами, несущими равную ответственность за гибель невинных жертв. «Более того, антикоммунизм, нежелание верить, что офицеры и джентльмены могли быть вовлечены в преднамеренные массовые убийства гражданского населения», как раз и привели к тому, что насилие в тылу изучалось меньше всего (р. XII). «Я долго думал о правомерности использования термина “холокост” в названии данной книги, – пишет Престон. – Меня глубоко печалит и возмущает преднамеренная и спланированная попытка нацистов истребить европейских евреев, но меня также печалит и возмущают массовые страдания испан-

ского народа в ходе гражданской войны 1936–1939 гг. и в течение нескольких лет после её окончания. Я не смог подобрать слово, которое резюмировало бы испанский опыт более точно, чем “холокост”. Кроме того, на выбор этого слова повлиял тот факт, что франкисты, уничтожая ни в чём не повинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и постоянно твердили, что репрессированные были инструментом большевистское еврейско-массонской” враждебной деятельности. Тем не менее использование мною термина “холокост” не претендует на то, чтобы приравнять испанские события к тому, что происходило на остальной части континентальной Европы в период нацистской оккупации» (р. XI–XII).

Антисемитизм в сочетании с антикоммунизмом и антимассоном действительно был заметным элементом франкистской пропаганды. Так, 28 сентября 1936 г. активный сторонник Франко кардинал И. Гома, выступая по радио по случаю освобождения Толедо от республиканцев, не подбирал выражений для осуждения «ублюдочных душ сыновей Москвы», «евреев и фримасонов», татаро-монгольской политической системы, «контролируемой еврейским интернационалом» (р. 185), а епископ Леона Хосе Альварес Миранда в это же время призывал католиков присоединяться к вооружённой борьбе против «советских евреев и безбожников-масонов» (р. 179). Франко также не раз упоминал в своей речи 31 декабря 1939 г. о том, что гражданская война предотвратила в Испании «еврейско-большевистско-массонскую революцию». Превознося антиеврейское законодательство Германии, он заявлял, что преследование евреев Фердинандом и Изабеллой в Испании в XV

* Preston P. The Spanish holocaust. N.Y.; L.: W.W. Norton and Company, 2012. 700 p.

в. указало верный путь германским нацистам, которые справедливо «преследуют и изолируют этот народ, отмеченный клеймом жадности и эгоизма». Доминирование этого народа, полагал Франко, «опасно для судьбы любой нации» (р. 471).

Антисемитская и антикоммунистическая риторика франкистов была связана не только с наличием среди их противников авторитетной коммунистической партии Испании, но и с активным вмешательством в испанский конфликт Советского Союза. Оказывая сторонникам республики гуманитарную, дипломатическую, экономическую, политическую и военную помощь, советское руководство стремилось прежде всего улучшить внешнеполитическое положение СССР, наладив взаимодействие с Францией и Англией на основе противодействия фашистской угрозе². Однако франкисты, как, впрочем, и все консервативные силы Европы, рассматривали действия СССР в Испании как попытку её советизации и превращения в ещё одну коммунистическую страну.

Между тем СССР был единственным европейским государством, оказавшим реальную помощь хрупкой испанской демократии в её борьбе с фашизмом. Именно благодаря этой помощи Испанская республика на равных сражалась в течение двух лет и девяти месяцев с международной коалицией реакционных сил. Вместе с тем, как указывает Престон, в ходе войны советские спецслужбы принимали участие в уничтожении гражданских лиц и военнопленных.

Престон детально расследует, кто и как определял участь 2 тыс. профранкистски настроенных офицеров, находившихся в самой большой мадридской тюрьме Карсел Модело. 6 ноября 1936 г., когда «мятежники были всего в 200 ярдах от неё» (р. 344), правительство Испанской республики приняло решение о переезде в Валенсию и поручило генералу Х. Миахе создать совет обороны Мадрида, наделив его самыми широкими полномочиями (р. 347). Как отмечает Престон, существует много домыслов о том, что инициатором расстрела заключённых был корреспондент «Правды» в Испании в 1936–1937 гг. М. Кольцов, который в силу своей личной близости к И.В. Сталину имел

широкие неофициальные полномочия (р. 350). Кстати, по словам И. Эренбурга, из советских участников гражданской войны в Испании Кольцов «был самым главным», «главнее советников»³. Такого же мнения придерживался и Э. Хемингуэй, считавший Кольцова «одной из самых значительных фигур в Испании»⁴. Тем не менее Престон пришёл к выводу, что вряд ли Кольцов мог распоряжаться судьбой узников Карсел Модело. Скорее всего, к принятию решения были причастны военный атташе посольства СССР в Мадриде В. Горев, руководители КПИ П. Чека и А. Михе, генерал Х. Миаха и полковник В. Рохо (р. 352–353). «Совершенно очевидно, – пишет историк, – что Миаха, Рохо, Горев и высшие руководители КПИ очень хотели, чтобы вопрос с заключёнными был решён как можно быстрее» (р. 357). Дав распоряжение об эвакуации и расстреле офицеров, они возложили ответственность за его исполнение на членов отдела охраны порядка Совета обороны Мадрида С. Каррильо, Х. Казорло и С. Понсела, которые могли рассчитывать на подразделения пятого коммунистического полка, а также на специальную бригаду, созданную агентом НКВД И.Р. Григулевичем для проведения спецопераций, и анархистов, контролировавших дороги из Мадрида и жаждавших расправы с профранкистски настроенными арестантами (р. 357).

7 ноября 1936 г. на совещании Совета обороны Мадрида, состоявшемся с участием анархистов, было решено всех заключённых разбить на три группы: «фашисты и опасные элементы» подлежали немедленному расстрелу, менее опасные (многие – в силу возраста и профессии) эвакуировались в окрестности Альбасете, а остальные освобождались под честное слово не воевать на стороне франкистов (р. 359). Эвакуация и расстрелы, начавшиеся в тот же день, продолжались до конца ноября (р. 360–377). Впоследствии франкисты на протяжении нескольких десятилетий вспоминали этот пример «красного варварства и жестокости», возлагая особую вину за казни на С. Каррильо, занимавшего в 1960–1982 гг. пост генерального секретаря ЦК КПИ (р. 378).

Престон обстоятельно освещает участие советских спецслужб в уничтоже-

нии своих политических противников. Руководил их действиями Лев Лазаревич Никольский, известный как Александр Орлов, Лев Фельдбин и т.д. Перед ним стояло много задач: борьба с франкистскими шпионами, организация партизанской войны и саботажа во франкистской зоне, создание республиканской секретной полиции и специальных бригад для противодействия «пятой колонне». Кроме того, выполняя директиву Сталина, он должен был уничтожать руководящих работников зарубежных компартий, не разделявших политику ВКП(б) и имевших контакты с Л.Д. Троцким (р. 406).

В Испании жертвой этой директивы стала малочисленная левозэкстремистская организация – Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), во главе которой стояли отошедшие от КПИ Хоакин Маурин и Андреас Нин. Члены ПОУМ выступали против Коминтерна, считая создание антифашистского народного фронта ошибочным и контрреволюционным шагом, и даже осмелились пригласить в Испанию Троцкого, что вызвало гнев Сталина. При этом в партийной газете ПОУМ «Ла баталья» критиковались московские судебные процессы и говорилось о перерождении большевизма в сталинскую диктатуру. Практической реализацией сталинской директивы занимались испанские и советские спецслужбы, а пропагандистское прикрытие их действий обеспечивалось дипломатами СССР, аппаратом ЦК ВКП(б) и послушным руководством Коминтерна и КПИ.

Давление на сторонников Троцкого, в том числе и в Испании, усилилось после февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), на котором Сталин заявил, что «в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»⁵. В соответствии с этой установкой пленум ЦК КПИ уже 5 марта 1937 г. принял резолюцию, предусматривавшую необходимость изгнания из политической жизни страны «банды ПОУМ», находящейся на службе международного фашизма⁶. На эту открытую угрозу расправы ПОУМ ответила вооружённым мятежом в Каталонии, начавшимся 3 мая и уже 8 мая закончив-

шимся полным поражением путчистов. Считая, что данное выступление, будучи следствием конфликта между КПИ и ПОУМ, не носило антиреспубликанского характера, премьер-министр Испанской республики Л. Кабальеро отказался преследовать его участников. Тогда КПИ организовала политический кризис, и новый глава правительства Х. Негрин выполнил все её требования: 15 июня 1937 г. ПОУМ была распущена, имущество её конфисковано, а наиболее активные руководители арестованы.

Важную роль в ликвидации ПОУМ и её лидеров сыграл А. Орлов, разработавший и осуществивший секретную операцию по дискредитации этой партии, объявленной «германо-франкистской шпионской организацией» (р. 409). На основании сфабрикованных им документов, переданных испанской службе безопасности, 16 июня 1937 г. полиция Барселоны арестовала лидера ПОУМ А. Нина. Поскольку руководителем Каталонии Луис Компанис считал обвинение Нина в шпионаже абсурдными и пытался ему помочь, арестованного перевели сначала в Валенсию, а затем в Мадрид. По приказу Орлова его пытали 4 дня, заставляя признать себя шпионом. Поскольку Нин этого не сделал и суду предъявить было нечего, Орлов решил его уничтожить. Лидера ПОУМ посадили в машину, в которой находились Орлов, Григулевич, два испанца и шофёр – немецкий коммунист. «Что не вызывает сомнения, – пишет Престон, – так это то, что Нина увезли на этой машине и убили недалеко от дороги» (р. 412). В книге также приводятся данные об уничтожении в Испании других людей, связанных с Троцким. Как сообщает автор, «в сентябре 1937 г. Орлов организовал убийство Эрвина Вольфа, который был секретарём Троцкого в Норвегии». Через 10 дней та же судьба постигла известного австрийского троцкиста Курта Ландау (р. 418–419).

Вскоре Сталин счёл нужным устранить тех, кто принимал активное участие в ликвидации ПОУМ. В частности, был отозван генеральный консул СССР в Барселоне В. Антонов-Овсеенко, которому затем предъявили обычное тогда обвинение в шпионаже и вредительстве и вынесли смертный приговор⁷. Орлов также полу-

чил вызов в Москву, где, скорее всего, исчез бы в застенках Лубянки. Но пыткам и неизбежной гибели он предпочёл измену и бегство в США, где затаился и впоследствии написал известные мемуары. Тогда же Орлов написал Троцкому анонимное письмо, предупреждая его о готовящемся покушении (Р. Меркадер уже получил своё задание).

Признавая, что пока ещё невозможно установить абсолютно точные цифры репрессированных в годы гражданской войны в Испании, Престон, опираясь на десятки исследований, опубликованных в последние годы испанскими историками, указывает их основные параметры. Так, по документально подтверждённым подсчётам Хосе Луис Ледесма, республиканцами было репрессировано 49 272 человека (р. XVI). Установить число казнённых во франкистской зоне гораздо сложнее из-за генеральной чистки архивов, проведённой в 1965–1985 г. «Миллионы документов, – констатирует Престон, – были утеряны в течение этих критических 20 лет, включая архивы единственной франкистской партии – Испанской фаланги, провинциальных департаментов полиции, тюрем и глав региональной франкистской власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков увозили из архивов судебные протоколы по делам репрессированных. Наряду с умышленным уничтожением архивов были и так называемые “непреднамеренные” потери, когда городские советы продавали свои архивы тоннами на макулатуру» (р. XVI). К тому же многие смертные приговоры либо фальсифицировались, либо вообще не регистрировались. Никто не считал и гражданских лиц, погибших, например, во время наступления марроканских частей на Мадрид в сентябре–ноябре 1936 г. (р. XIII). Тем не менее, как полагает Престон, колоссальная работа, проведённая историками, позволяет утверждать, что франкисты репрессировали не менее 150 тыс. человек (р. XVIII). Престон приложил немало усилий для систематизации данных о количестве репрессированных во всех 14 регионах и 46 провинциях Испании того периода, представив в приложении к своей книге их наглядное графическое изображение по

стране в целом и по каждому региону в отдельности. Примечательно, что только в двух регионах – Новой Кастилии (Мадрид) и Каталонии (Барселона) от рук республиканцев погибло больше людей, чем было расстреляно франкистами (р. 665–671)⁸.

Работа Престона разделена на шесть глав, в которых последовательно рассматривается происхождение ненависти и насилия, организованный террор франкистов, спонтанные насилия в республиканской зоне в начале войны, методы защиты республики от внутренних врагов, действия Франко, направленные на планомерное физическое уничтожение своих противников, и его послевоенные репрессии против убеждённых республиканцев.

Автор обращает внимание на принципиальное различие в характере насилия в республиканской и франкистской зонах. «В случае с военными мятежниками, – пишет Престон, – проблема террора и уничтожения была центральной во всех их планах и приготовлениях. Осознавая подавляющий численный перевес городского и сельского рабочего класса, они были убеждены, что немедленное введение царства террора будет иметь решающее значение» (р. XIV). В республиканской зоне автор связывает насилие с нищетой, голодом и эксплуатацией, отмечает его неорганизованность и направленность не только против мятежников, но и против банкиров, промышленников, землевладельцев и просто богатых людей, а также священнослужителей. По словам историка, этот неорганизованный террор в основном завершился к декабрю 1936 г. (р. XIV). «В мятежной зоне, – утверждает Престон, – рабочий класс и либеральная буржуазия уничтожались даже в случае своего пассивного поведения. Напротив, несмотря на кризис государственных институтов, вызванный мятежом и как следствие внесудебными злоупотреблениями, республиканское руководство старалось обуздать жестокость экстремистов и восстановить работу государственных структур. Вооружённая милиция большинства левых партий и профсоюзов была настроена истреблять представителей духовенства, армии, высших слоёв общества и консервативной буржуазии. Другими

словами, они ставили своей целью создание революционного порядка и уничтожение военно-фашистского государства. Тем не менее руководство республики и большинство членов коммунистической и социалистической партий выступали против этого, так как они понимали, что республика нуждается в поддержке западной демократии и что необходим закон и порядок. Соответственно, они старались восстановить структуры для полноценного функционирования политической демократии» (р. 226).

Большую часть своей работы автор посвятил описанию террора франкистов. Вторая глава «Узаконенное насилие в мятежной зоне» разделена на две части. В первой («Террор Кейпо: записка юга») речь идёт о действиях одного из лидеров военных заговорщиков генерала Кейпо де Льяно и его подчинённых. Автор в деталях показывает процесс физического унижения и уничтожения ими всех подозрительных лиц, включая детей, стариков и беременных женщин. Так, после захвата Севильи 23 июля 1936 г. Кейпо де Льяно издал приказ, согласно которому руководители и участники забастовок подлежали расстрелу без суда и следствия. На следующий день он отдал приказ о том, что в случае «выявления фактов насилия в городах и деревнях лидеры марксистских и коммунистических организаций, проживающие там, будут расстреляны», а «в случае их отсутствия пропорциональное количество членов их организаций, выбранных по жребию, будут расстреляны без предъявления обвинения» (р. 142). Жестокость генерала и несоблюдение им даже видимости законности проявились, когда к нему обратилась группа мятежников, захвативших Кордову и просивших пополнить их запасы оружия и боеприпасов. Узнав, что в Кордове они никого не казнили, Кейпо де Льяно заявил: «Пока вы не расстреляете пару сотен, никакого оружия для вас больше не будет» (р. 166). Согласно приказам генерала в Гранаде было расстреляно более 5 тыс. гражданских лиц (в основном прямо на кладбище). «Служитель кладбища, – пишет Престон, – сошёл с ума и 4 августа был помещён в психиатрическую больницу. Три недели спустя его преемник с семьёй

были вынуждены покинуть дом у кладбищенских ворот, так как выстрелы, крики и стоны умирающих стали для них невыносимыми» (р. 173).

Наиболее известным из расстрелянных в Гранаде, причём не только в Испании, но и в мире, был поэт Федерико Гарсиа Лорка. Годы спустя франкисты стали утверждать, что Лорка стал жертвой не своих политических убеждений, а личной вражды, связанной с его гомосексуальными наклонностями. Престон опровергает эту версию и приводит факты, указывающие на политические причины уничтожения поэта, регулярно подписывавшего антифашистские манифесты и связанного с левыми организациями, такими, как Международная красная помощь (р. 174). В 1934 г. Лорка провозгласил: «Я всегда буду на стороне тех, кто ничего не имеет» (р. 173). Вызывая раздражение землевладельцев, он платил своим наёмным рабочим хорошую заработную плату, строил для них дома и давал деньги в долг. Дружба с министром испанского правительства социалистом Фернандо де лос Риосом также являлась, наряду с популярностью, политическими убеждениями и извращёнными наклонностями, одной из причин ненависти правых к Лорке (р. 174).

Престон приводит данные, свидетельствующие о личной причастности Кейпо де Льяно к смерти поэта. Когда правые начали охоту на «красных», Лорка укрылся в доме своего друга – члена фашистской фаланги. 16 августа в дом пришли вооружённые мятежники, объявившие Лорку шпионом Москвы и запросившие генерала о дальнейших действиях. Ответ Кейпо де Льяно был краток: «Дайте ему кофе». На сленге франкистов это означало расстрел. Ранним утром 18 августа 1936 г. приказ был приведён в исполнение (р. 174).

Во второй части («Террор Мола: записка Наварры, Галисии, Кастилии и Леоны») автор рассматривает деятельность мятежников в северных и центральных провинциях Испании, где ими руководил генерал Эмилио Мола. Накануне мятежа Мола, являвшийся одним из главных его организаторов, выслал находившемуся на территории Испанского Марокко, полковнику Ягуэ специальные инструкции, в которых настаивал на трёх главных прин-

ципах действий: жестокости, быстроте и высокой мобильности. Мола напоминал, что «нерешительность ведёт только к поражению» (р. 132). Шесть дней спустя Ягуэ получил более детальные указания, предусматривавшие использование марокканских войск, наводивших ужас своими зверствами, предоставление контроля за соблюдением общественного порядка и безопасности в городах Испанской фаланге, арест всех подозрительных представителей республиканской власти, уничтожение масонов и членов левых организаций (коммунистов, анархистов и т.д.) и профсоюзов, закрытие всех мест, предназначенных для проведения общественных мероприятий, запрет демонстраций, забастовок, митингов и собраний. Такова была ночью 17 июля 1936 г. программа организации репрессий в Испанском Марокко, а в дальнейшем и на территории всей Испании. Выступая перед мэрами городов Наварры, поддерживавшими Франко, Мола убеждал их: «Необходимо шире использовать террор. Мы должны создать видимость нашего превосходства, уничтожая без всяких угрызений совести и без колебаний всех, кто думает иначе, чем мы. Нельзя проявлять малодушие, если мы упустим момент и не будем действовать с величайшей решительностью, мы не победим. Любой, кто прячет коммуниста или сторонника Народного фронта, должен быть расстрелян» (р. 179).

Говоря о жестокости мятежников, Престон цитирует и известный рассказ Кольцова о дикой расправе над лётчиком, совершённой вскоре после того, как республиканским командованием был издан приказ об охране вражеских пилотов, совершивших вынужденную посадку или прыгнувших с парашютом на территорию правительственных войск. Нарушители приказа подлежали военному суду⁹. «Как бы в ответ на великодушный приказ о гуманном обращении с лётчиками, – писал Кольцов, – фашисты сбросили на мадридский аэродром Барахас чудовищный груз. К парашюту был привязан деревянный ящик с надписью “Вальядолид”. Ящик раскрыли – в нём оказался изрубленный на куски труп, куча страшного кровавого мяса и обрывки одежды. По некоторым признакам удалось опознать тело рес-

публиканского лётчика-истребителя Хосе Галарса... Для того чтобы совершить своё деяние, фашисты должны были провозиться не менее нескольких часов. Им надо было по-мясницки рубить Хосе Галарса (мёртвого или живого?) на куски, затем сложить эти куски на простыню, завязать её узлом, поместить в ящик, прицепить к парашюту, вручить лётчику, совершить с ящиком полёт и сбросить»¹⁰. Под именем Х. Галарса в рядах республиканской авиации сражался советский доброволец Владимир Бочаров¹¹. «Как испанцу мне бесконечно стыдно рассказывать об этом, – писал позднее командующий республиканской авиацией Игнасио Идальго де Сиснерос, – но я считаю своим долгом сделать это, чтобы лишний раз напомнить людям, что представляет собой фашизм... Страшно и стыдно подумать, что в Испании могли родиться чудовища, способные на подобные зверства»¹².

В заключительной главе («Вклад Франко в террор») Престон анализирует ситуацию в Испании после победы франкистов и констатирует, что «война против Республики продолжалась, но другими средствами, не на полях сражения, а в военных трибуналах, в тюрьмах, в концентрационных лагерях, в трудовых батальонах, в преследовании тех, кто находился в изгнании» (р. 471). После 1 апреля 1939 г. в Испании была создана репрессивная система, основанная на внесудебном насилии и псевдозаконодательстве, согласно которому военные якобы легально возглавили государство 16 и 17 июля 1936 г., т.е. до начала мятежа, а вооружённая борьба с ними сторонников республики являлась противодействием законной власти. В интервью по случаю годовщины мятежа в 1937 г. Франко заявил: «Национальное движение никогда не было восстанием. Красные были и остаются мятежниками» (р. 472–473). По словам Престона, этот созданный франкистами «миф о том, что защита Республики была преступным военным мятежом, был главным основанием при вынесении всех смертных приговоров» (р. 473). В книге детально описан процесс зачистки территорий, находившихся в республиканской зоне, с помощью как внесудебных расправ, так и созданной франкистами псевдосудебной

системы: военные назначали из своей среды судью, прокурора и адвоката, который, как правило, был младшим по воинскому званию (р. 473).

С большим упорством, считает Престон, франкисты требовали репатриации нескольких сотен тысяч испанских беженцев, перешедших французскую границу и находившихся в концентрационных лагерях на территории Франции. Их общее число к началу Второй мировой войны превышало 250 тыс. человек¹³. Особое значение при этом придавалось возвращению руководителей республики (всего около 1 тыс. человек), которых ожидала расправа. Так, после разгрома Франции нацистами в июне 1940 г. и образования на её неоккупированной части марионеточного правительства Виши франкистам удалось добиться экстрадиции нескольких видных политических деятелей, включая бывшего президента Каталонии Луиса Компаниса, расстрелянного 15 октября 1940 г. (р. 493). Бывшему премьер-министру Хуану Негрину удалось, воспользовавшись поддельным паспортом, покинуть Францию и перебраться в Мексику¹⁴. Драматично сложилась судьба другого премьер-министра – Ларго Кабальеро. Правительство Виши готовило его экстрадицию в Испанию, но после ликвидации марионеточного режима и полной оккупации Франции нацистами 73-летний политик был арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь смерти Заксенхаузен. Престон убеждён, что в случае экстрадиции в Испанию Кабальеро грозил немедленный расстрел. Напуганный падением режима Муссолини, Франко не стал настаивать на выдаче своего противника, надеясь на его скорую гибель в Германии. Однако он выжил и был освобождён советскими войсками. Здоровье его, впрочем, оказалось подорвано, и в марте 1946 г. Кабальеро не стало (р. 502).

Престон детально освещает и террор республиканцев, но даже названия соответствующих глав и разделов («Последствия мятежа: спонтанное насилие в республиканской зоне», «Осаждённый Мадрид: угроза и ответ») свидетельствуют о том, что, по мнению автора, это был лишь вынужденный ответ на неслыханные жестокости франкистов. С утвержде-

ниями консервативных историков о том, что «за красным террором последовал белый террор»¹⁵, Престон категорически не согласен. «Воздушные бомбардировки городов, – пишет он, – часто вели в республиканской зоне к народным репрессиям». Так, Малагу постоянно бомбила морская авиация. В городе, контролировавшемся различными группами анархистов, были арестованы и помещены в местную тюрьму около 500 предполагаемых сторонников мятежа. После бомбардировки 22 августа, в ходе которой погибли 30 женщин, детей и пожилых людей, городской совет утвердил список из 65 заключённых, которых немедленно расстреляли. После бомбардировки 30 августа были расстреляны ещё 53 заключённых, 20 сентября – 43, 21 сентября – 17, 24 сентября – 97. Таким образом, из 1100 репрессированных в Малаге 275 (25%) убили из-за бомбардировки города авиацией мятежников (р. 256). Более 8 тыс. сторонников Франко были казнены в Мадриде с 18 июля по конец декабря 1936 г. Самую большую их группу расстреляла во время осады Мадрида, когда создалась угроза захвата столицы франкистами. Прибытие из Бадахоса и других городов беженцев, рассказавших об ужасах, пережитых во время показательной массовой резни военными мирного населения, привело, как полагает Престон, к мести тем сторонникам мятежа, которые находились в мадридских тюрьмах (р. 281).

Подводя итог своему исследованию, Престон признаёт, что статистика испанского «холокоста» не только имеет изъяны, но и, к сожалению, никогда не будет исчерпывающей. И, разумеется, она не может отразить всю скорбь, стоящую за этими цифрами.

Примечания

¹ О других трудах П. Престона, всегда отличающихся профессионализмом и научной добросовестностью, см.: *Новиков М.В., Малай В.В.* Освещение гражданской войны в Испании на страницах английского исторического журнала // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 200–209; *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Изд. 2. Ярославль, 2007. С. 148–149.

² *Новиков М.В.* Советский Союз и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. // Российская история. 2009. № 5. С. 51–63.

³ Литературная газета. 1988. 15 июня.

⁴ Там же.

⁵ *Сталин И.В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.) // Коммунистический интернационал. 1937. № 3. С. 14.

⁶ За победу испанского народа в войне с фашистским мятежом и фашистским нашествием. Резолюция расширенного пленума ЦК компартии Испании по докладу Т. Диаса // Коммунистический интернационал. 1937. № 4. С. 75.

⁷ *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании... С. 285.

⁸ Подсчёт жертв гражданской войны долгие годы был предметом спекуляций и фальсификаций. В работах консервативных историков, как правило, число погибших во франкистской зоне занижалось, а в республиканской, наоборот, завышалось (часто говорилось про 50 и 72 тыс. погибших). Так, консервативный британский историк Дж. Хиллс утверждал, что франкисты расстреляли 40 тыс. во время войны и 40 тыс.

после войны, всего 80 тыс. с 1936 по 1943 г., а республиканцы во время войны – 60 тыс. (*Hills G.* Spain. N.Y.; Washington, 1970. P. 215). Его коллега из США писал, что красный террор, возможно, унёс больше жизней, чем репрессии франкистов (*Payne S.* The Spanish Revolution. N.Y., 1970. P. 225). Приводимые консерваторами данные впервые были подвергнуты сомнению в 1994 г. в статье С. Пейна, посвящённой анализу трудов испанских краеведов, тщательно расследовавших историю репрессий в ходе войны (*Payne S.G.* Regional Historiography of the Spanish Civil War // *European History Quarterly*. Vol. 24. № 3. 1994. P. 403–410).

⁹ *Кольцов М.* Испанский дневник // *Кольцов М.* Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. М., 1957. С. 273–274.

¹⁰ Там же. С. 274–275.

¹¹ *Хосе-Володя. М.*, 1968. С. 46–78.

¹² Под знаменем Испанской республики: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны испанского народа 1936–1939. М., 1965. С. 473.

¹³ *Кантор Л.М.* Помощь французского народа испанским беженцам во Франции в 1936–1939 годах. Ярославль, 1971. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 156.

¹⁵ *Payne S.* The Spanish Revolution. P. 200.

Международная научно-практическая конференция «Земские учреждения и местное самоуправление»

Артём Каратеев

International research conference «Zemstvo institutions and local self-government»

Artem Karateev (Lomonosov Moscow State University, Russia)

21–22 апреля 2014 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова прошла международная научно-практическая конференция «Земские учреждения и местное самоуправление: история и современность», организованная факультетом политологии совместно с Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Конференция была приурочена сразу к двум датам: отмечаемому в 2014 г. 150-летию учреждения земств в России, а также к 21 апреля – именно в этот день (по старому стилю) в 1785 г. Екатерина II издала Жалованную грамоту городам, ставшую одним из ключевых моментов формирования в Российской империи сословного самоуправления. В 2012 г. Указом Президента России 21 апреля было объявлено Днём местного самоуправления. В работе конференции приняли участие представители многих регионов России, а также гости из Индии, Сербии, Эстонии, Японии. Конференция оправдала своё наименование научно-практической: в одном зале собрались и учёные-теоретики, и руководители-практики. И если первые смогли лучше узнать о современном положении дел в самоуправлении, то вторые – о российском историческом опыте.

В первый день конференции прошло пленарное заседание. Открыли его председатель Совета Федерации *В.И. Матвиенко* и ректор МГУ им. М.В. Ломоносова *В.А. Садовничий*, зачитавший обращение к участникам конференции Президента РФ *В.В. Путина*. С пленарными докладами выступили также заместитель председателя правительства России *О.Ю. Голодец*, полномочный представитель Президента РФ в Приволжском Федеральном округе *М.В. Бабич*, заместитель министра регионального развития *С.М. Назаров*, министр здравоохранения *В.И. Скворцова*, декан факультета политологии МГУ д.и.н., профессор *А.Ю. Шутов*, депутат Государственной Думы *В.С. Тимченко*. Одной из важных проблем, затронутых в пленарных выступлениях, был вопрос о разнице в отношении к местному самоуправлению сейчас и полтора века назад. Подчёркивая роль воспитанников Московского университета в деятельности земских учреждений, *В.А. Садовничий* справедливо отметил, что сейчас среди работников местного самоуправления крайне сложно найти выпускников МГУ. Причин этому может быть несколько – это и низкий престиж работы на местном уровне, и неверие в возможности и перспективы самоуправления.

Организаторы конференции приурочили к ней выставки и экспозиции, рассказывавшие о работе земств в Российской империи и земских деятелях – выпускниках Московского университета, в которых были использованы материалы из фондов Научной библиотеки МГУ и ГА РФ. Особо стоит отметить передвижную выставку «*А.П. Чехов и Серпуховское земство*», представленную Государственным литературно-мемориальным музеем-заповедником *А.П. Чехова «Мелихово»*.

К открытию форума вышли в свет первые два тома антологии «Земская идея в истории социально-политической мысли России», в которую вошли работы крупнейших российских специалистов второй половины XIX – начала XX в. по самоуправлению: *Н.Н. Авинова*, *И.С. Аксакова*, *А.И. Васильчикова*, *Б.Б. Веселовского*, *А.А. Головачёва*, *К.Ф. Головина*, *А.Д. Градовского*, *П.П. Гронского*, *К.Д. Кавелина*, *М.Н. Каткова*, *А.А. Кизеветтера*, *Н.М. Коркунова*, *А.И. Кошелева*, *Н.И. Лазаревского*, *В.Ф. Матвеева*,

А.Д. Пазухина, Б.Н. Чичерина. Часть из них переиздана за последнее столетие впервые. В обоих томах помещены редкие иллюстрации и фотографии авторов статей, земских больниц, школ, собраний и т.д.

Во второй день конференции состоялись секционные заседания. Всего в программе 6 секций было заявлено примерно 120 докладов. Некоторые секции посвящались современным практическим вопросам. Так, секция «О перспективных направлениях совершенствования законодательства о местном самоуправлении» собрала крупных чиновников, глав муниципальных образований и городов.

Работа секции «Государственная политика и местное самоуправление: российский исторический опыт» была разбита на два блока: «Проблематика местного самоуправления в России: современность и исторический опыт» и «Полномочия органов местного самоуправления в вопросах социальной политики». Действующее законодательство, по мнению докладчиков, недостаточно чётко определяет понятия местного самоуправления и его функций, что было характерно и для позапрошлого века и стало одной из важнейших «концептуальных» недоработок Великих реформ, затруднявших практическую деятельность земств. Ряд выступивших отметили и другую аналогию с дореволюционной ситуацией – сужение полномочий местных органов. Так, *Н.В. Путило* (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) засвидетельствовал значительное уменьшение роли органов местного самоуправления в управлении системой образования в современной России.

В ряде выступлений звучало сожаление, что современные реформаторы игнорирует исторический опыт. В совместном докладе, посвящённом государственному регулированию здравоохранения муниципального уровня, д.м.н., академик РАН, советник Президиума РАН *С.И. Колесников* и студент третьего курса факультета политологии МГУ *А.П. Мельгунов* напомнили, что в России накоплен ценный опыт организации земской медицины, сложилась трехзвенная структура врачебной помощи сельскому населению: врачебный участок – уездная больница – губернская больница, ставшая, благодаря своей эффективности, примером для реформирования в других странах. Та же структура в общих чертах сохранялась и в советский период. Сейчас же по эффективности российское здравоохранение, согласно оценке Всемирной организацией здравоохранения, занимает 130-е место в мире. Анализируя решения, принятые за последние пару десятилетий, докладчики пришли к выводу об ошибочности лежащих в их основе подходов и недооценке земского опыта.

Доклады секции «Институты земства и гражданского общества в русской социально-политической мысли» были посвящены осмыслению идей самоуправления в работах И.С. Аксакова, Н.Н. Алексева, М.А. Бакунина, В.В. Берви-Флеровского, П.А. Валужева, А.И. Васильчикова, В.И. Вернадского, Дж. Коула, А.И. Кошелева, Н.Н. Моисеева, А.Д. Пазухина, М.П. Погодина, В.В. Розанова, А. Токвиля, Б.Н. Чичерина. Затрагивались также проблемы представления о земстве в советских учебниках истории (*Д.А. Акулова*, МГУ) и различий в толковании понятия «местность» в трудах отечественных специалистов второй половины XIX в. (*Я.А. Никифоров*, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского).

Выступления секции «Международные стандарты и опыт развития местного самоуправления в различных государствах» касались современности и посвящались принципам городской политики европейских стран и России; влиянию деятельности местных органов власти Азербайджана на миграционные процессы в стране; сравнительному анализу систем местного самоуправления в государствах Средней Азии и другим вопросам. Наибольшее число выступлений было заявлено в исторической секции «Земство и местное самоуправление в России: история и современность». Тематика докладов затрагивала широкий круг вопросов, наиболее «популярными» из которых стали: организация финансирования земств и местного налогообложения, взаимоотношения земств с государственной властью, анализ результатов деятельности земских учреждений, оценка эффективности этой деятельности и её влияние на социально-экономические показатели регионов и страны в целом. Традиционно большое

внимание уделялось роли земств в развитии просвещения, распространении новых методов ведения хозяйства. Были рассмотрены особенности земской деятельности в различных регионах, являвшиеся следствием как учёта местной специфики, так и различий в подходах земств к решению встававших перед ними задач, а кроме того и особенностей взаимоотношений с другими общественными и государственными институтами. В ряде докладов поднималась проблема роли земства в формировании гражданского общества, повышении уровня политической культуры населения, связи деятельности земских органов и обеспечения гражданских свобод. Исследователи не обошли вниманием и деятельность земств в годы Первой мировой войны.

В работе секции «Современная российская региональная и муниципальная политика: институциональные и психологические аспекты» особо стоит выделить доклад *Е.М. Бухвальда* (Институт экономики РАН), посвящённый анализу итогов начатой в 2003 г. отечественной муниципальной реформы с учётом опыта земских преобразований. Среди нерешённых задач этой реформы докладчик выделил вопросы, стоявшие полтора века назад перед земствами. Во-первых, это проблема разделения полномочий между органами местного самоуправления разного уровня, связанная с потребностью определять формы организации местного самоуправления с учётом местной специфики, быстро и гибко решать местные вопросы, не прибегая к сложным и долгим согласованиям «наверху». Как известно, вопрос разграничения полномочий между земствами и администрацией, а также между уездными и губернскими земствами оставался одним из самых острых в дореволюционный период и активно обсуждался российскими учёными, политиками и публицистами. Во-вторых, это проблема наполнения местных бюджетов. В 2012 г., по словам докладчика, бездотационными считались бюджеты только 2% всех муниципальных образований страны. Кроме того, докладчик обратил внимание на сходство земской и современной реформ как проводимых сверху и не находящих горячего отклика у населения. Выходом видится так называемая «социализация реформы» – т.е. «развитие прямых форм народовластия, которые и отличают реальное местное самоуправление от внешне идентичных территориальных органов государственной власти».

На итоговому заседании прошло награждение победителей Всероссийского конкурса эссе «Местное самоуправление в современной России», проведённого зимой-весной 2014 г. По результатам двухдневной работы конференции была принята итоговая резолюция, отметившая как важность земского опыта, так и «необходимость дальнейшего сотрудничества представителей науки и органов государственной власти» в целях совершенствования местного самоуправления. В резолюции нашли отражение практические предложения по конкретизации полномочий местных органов, совершенствованию местного налогообложения, территориальной организации, учёту мнения населения при решении местных вопросов, по выявлению, обобщению и распространению лучших практик в сфере регионального и местного управления.

Конференция показала не только сходство задач, стоявших перед местным самоуправлением в позапрошлом веке, и задач, стоящих сейчас, но и сходство теоретических проблем, касающихся понимания сути самоуправления, круга относящихся к нему вопросов и разграничения полномочий между самоуправлением и государственной администрацией. Таким образом, востребованными оказываются не только наработанные земцами практики в области здравоохранения, образования, просвещения, организации путей сообщения и т.д., но и идейное наследие дореволюционных специалистов по земскому самоуправлению.

«Круглый стол» к 100-летию начала Первой мировой войны в Екатеринбурге

Ольга Поршнева, Наталия Суржикова

A «round table» to the centennial of the World War I in Ekaterinburg

Olga Porshneva, Natalia Surzhikova (both – Institute of history and archeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences, Ekaterinburg, Russia)

21–22 октября 2014 г. в Екатеринбурге в Свердловском областном краеведческом музее состоялся «круглый стол», посвящённый 100-летию начала Первой мировой войны. Его организаторами выступили упомянутый музей и Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина при участии Музея военной техники «Боевая слава Урала» (г. Верхняя Пышма). Мероприятие прошло при финансовой поддержке Министерства культуры Свердловской обл. В заседании приняли участие более 70 специалистов из Екатеринбурга, Москвы, Барнаула, Красноярска, Челябинска, Новотроицка, Нижнего Тагила, Чердыни, Кунгура, Дрездена (Германия) и Чернигова (Украина).

Работа проходила по следующим тематическим направлениям: российское участие в Первой мировой войне в европейском контексте; власть и общество России в годы войны: от патриотического подъёма к революции; Урал и Сибирь в годы Первой мировой войны: региональные процессы в российском и мировом контексте; гуманитарные аспекты Первой мировой войны: человек и война; источниковедческие и музееведческие аспекты формирования исторической памяти о войне.

Всего на заседаниях «круглого стола» прозвучало 25 докладов. Наиболее важные из них можно сгруппировать по следующим направлениям: введение в научный оборот новых источников регионального и локального характера, обсуждение путей их систематизации, обобщения, осмысления (доклады *Б.А. Гижевского и В.В. Сумина, Л.Ю. Елтышевой, К.А. Тишкиной* и др.); проблема взаимовосприятия союзников и противников в войне, рассматриваемая в контексте анализа внешне- и внутривойсковых ситуаций в воюющих странах; новые исторические данные и подходы в осмыслении российского опыта в условиях Первой мировой войны, проблем взаимодействия власти и общества, функционирования фронта и тыла (доклады *Е.Ю. Казаковой-Анкаримовой, В.В. Каплюкова, Д.А. Ковылина, А.М. Кручинина, О.С. Поршневой, А.П. Торопова, Г.Н. Шумкина* и др.); гуманитарные аспекты первого в истории глобального военного конфликта, проблема «человек на войне», в том числе вопросы тыловой и фронтовой повседневности, реконструкции индивидуальных и коллективных биографий (конкретных участников и современников событий, женщин, духовенства, военнопленных и т.д.), рассматриваемых в разных исследовательских ракурсах и контекстах (доклады *В.А. Бойко, И.Н. Копытовой, А.С. Курасовой, С.В. Старкова, Н.В. Суржиковой* и др.); пути формирования и поддержания исторической памяти о войне, её героях и жертвах, отражения её событий в школьных учебниках, художественной литературе, кинематографе, изобразительном искусстве; вопросы состояния и ухода за военными захоронениями.

В докладе *А.В. Голубева* «Российское общество и образ союзника в эпоху мировых войн» было показано, как на эволюцию образа союзника во время двух мировых войн влиял ряд факторов: международные отношения в межвоенный период; государственная и общественная пропаганда; инерция массового восприятия, внешнеполитические стереотипы массового сознания. Если в Первой мировой войне от эмоционально окрашенного интереса и позитивного отношения к союзникам общество постепенно перешло к стихийным антисоюзническим настроениям, то во Второй, наоборот, – от недоверия и слабой осведомлённости – к постепенному улучшению отношения. В то

же время, как показал докладчик, в ходе обеих войн существовало меньшинство, желавшее поражения собственному правительству и в связи с этим негативно оценивавшее сам факт существования союза.

В докладе *В.Е. Авдеева* «В поисках “кредита доверия”: общественная дипломатия российской оппозиции в союзнических и нейтральных странах в годы Первой мировой войны» были показаны технологии общественной дипломатии как средства оказания внешнего влияния. Автор проанализировал задачи общественной дипломатии в союзнических и нейтральных странах и эволюцию её реального значения по мере развития в России политического кризиса. Эта дипломатия стала частью общей стратегии борьбы либеральной оппозиции против самодержавия, способом выстраивания «альтернативной» внешнеполитической линии и основой для собственной консолидации.

Отношение российского общества к Болгарии было проанализировано в докладе *Г.Д. Шкундина* «Болгария во внешней политике России и в жизни российского общества в годы Первой мировой войны». Выступавший показал отношение к Болгарии членов Императорской фамилии и самого Николая II, дипломатов, высшего военного командования, представителей политических партий, массовых слоёв населения. В широко распространившихся в русском обществе «смятении умов» и распространении представлений об «измене Болгарии славянскому делу» и «Матери-освободительнице – России», объединявших значительные слои населения, определяющую роль играли эмоции. Негодование российской общественности позицией Болгарии стало впоследствии определяющим фактором в отношениях с ней вплоть до Октября 1917 г.

Роль эмоций в оценке противников и союзников, воплощённых в художественной форме «аллегорий войны» камнерезом А.К. Денисовым-Уральским, была проанализирована и в докладе *Л.А. Будриной*. Предметом анализа стали 15 композиций серии «Аллегорические фигуры воюющих держав», созданных художником в 1914–1916 гг. К слову, визуальный образ Болгарии как «вши», впившейся в сердце России, созданный художником, наглядно проиллюстрировал положения доклада Г.Д. Шкундина об активном неприятии в России позиции этой страны. Докладчица охарактеризовала символический строй созданных художником визуальных образов, средства их художественного воплощения, общественный резонанс Петроградской выставки художника.

О.А. Бухаркина в своём выступлении затронула проблему введения в научный оборот не просто новых, но и оригинальных источников по истории Первой мировой войны. К числу таковых докладчица отнесла провинциальный рукописный альманах «Новый Наутилус», хранящийся в личном фонде В.П. Бирюкова в Государственном архиве Свердловской обл. Созданный в 1914–1918 гг. неизвестным жителем с. Кресты Шадринского уезда Пермской губ., этот источник был «соткан» из позаимствованных в прессе и созданных самим автором текстов, а также рисунков. Патриотический пафос, тема гибели товарищей и тяжёлой доли солдаток, шаржированные образы врагов, усталость от войны и порождённых ею лишений, настигших в том числе и относительно благополучный уральский тыл, – всё это нашло отражение в «наивных текстах», подобных альманаху «Новый Наутилус». С трудом встраиваясь в привычные классификационные схемы, этот источник безусловно интересен именно тем, что демонстрирует ещё и грани взаимодействия публичного пространства и мира личности.

Перспективы систематизации и использования уже выявленных источников по истории Первой мировой войны осветила в своём докладе *Т.А. Катцина*. Она рассказала участникам «круглого стола» об опыте и перспективах использования уникального сетевого ресурса «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX века», раскрывающего новые возможности изучения темы общественной помощи жертвам войны. Докладчица убедительно показала, что уже сегодня эта база данных, включая сведения о 66 добровольных общественных ассоциациях, позволяет оценить степень влияния Первой мировой войны на концепцию, формы и меры социальной поддержки пострадавших от войны россиян. Ресурс позволяет утверждать, что уже в начале войны резко возросло не только число общественных организаций, но и совокупное количество людей, втянутых в сферу филантропии. Это было особенно

значимо для Сибири с её исключительной территориальной протяженностью, а также отсутствием земских институтов. По мысли докладчицы, значение Первой мировой войны как особого этапа развития российской благотворительности заключалось в её превращении в действительно адресную и процессуально оформленную. Тем самым именно Первая мировая создала все необходимые предпосылки для особой профессии «работников социальной сферы».

Попытка создания образа непосредственного участника Первой мировой войны была предпринята в докладе *В.А. Блинова*. Речь в нём шла об уральце Николае Черешневе (Новикове), воевавшем в составе Экспедиционного корпуса во Франции и погибшем в боях под Верденом 6 декабря 1916 г. Судьба Черешнева, типичного офицера военного времени, прошедшего краткий курс легендарного Павловского военного училища, показалась докладчику особенно интересной, потому что ещё до войны его герой был далеко не безвестным поэтом, прозаиком и драматургом. Печатавшийся не только в провинциальных «Пермских ведомостях» или «Голосе Урала», но и в столичном «Огоньке», после 1914 г. Черешнев посвятил свои творческие опыты в том числе и теме войны, которая, вопреки преисполненному воинственным патриотизмом общественному дискурсу, показана в его произведениях как событие прежде всего трагическое. Коллективный портрет другого малоизвестного участника Великой войны – военного и морского духовенства – воссоздан в докладе *С.В. Малышко*, основанном на изучении визуальных источников, которые демонстрируют, что военное и морское духовенство в годы войны непременно находилось на поле брани, по крайней мере не далее передового перевязочного пункта. При этом, как свидетельствуют произведения изобразительного искусства, помимо своих специфических функций, священник на фронте мог непосредственно участвовать в сражениях.

В выступлении *В.П. Мотревича* освещалась тема смертности и современного состояния захоронений военнопленных Первой мировой войны на Урале. Докладчик показал, что высокая смертность вражеских военнослужащих на Урале и за его пределами определялась главным образом эпидемиями тифа, цинги, холеры, туберкулёза и проч. Он также отметил небезынтересный факт создания мест памяти плена на Урале уже в годы Первой мировой войны. В качестве таковых выступали знаки, установленные в местах погребения «узников войны» в целом и чешских легионеров в частности. Часть этих монументов полностью или частично сохранилась до наших дней. Список памятников, долгие годы выступавших в роли молчаливых хранителей памяти о Первой мировой войне, сегодня дополнен новыми монументами, возведёнными в самых разных уголках Уральского региона. Тему памяти о войне продолжил *Д. Ландграф-Дитц*, рассказавший о деятельности Военно-исторического музея в Дрездене и Саксонского отделения Народного Союза Германии по уходу за военными захоронениями. Его выступление показало, что, в отличие от России, мемориальная политика в Германии в большей степени ориентирована, с одной стороны, на персонализацию и гуманизацию Первой мировой войны, с другой – на её «перспективное запоминание», ориентирующее на восприятие событий 1914–1918 гг. как пролога к последующим историческим событиям. Ландграф-Дитц особенно подчеркнул, что Первая мировая война, став войной «каждого против каждого», напрямую способствовала радикализации вооружённых противоборств как таковых, обнаружившейся со всей очевидностью в период следующей мировой войны. Не случайно в Германии, как и в России, места захоронений погибших в годы обеих войн соседствуют друг с другом.

Дискуссионными проблемами, вызвавшими разные оценки в ходе обсуждения докладов, стали степень государственного регулирования общественной жизни в России и её регионах в годы войны; готовность страны к войне в целом и уровень подготовки высшего командного состава русской армии в частности; характер влияния войны на социальное положение и стратегии поведения российских женщин; положение военнопленных Центральных держав в России и судьбы беженцев и т.д.

22 октября 2014 г. в рамках «круглого стола» состоялась акция памяти «1914 год. Герои Отечественной войны. Забытые имена. Петр Сухачёв». В ней приняли участие

художник *А. Лонато* и внук героя войны П. Сухачёва *А. Сухачёв*, специально прилетевший в Екатеринбург из Алтайского края. «Круглый стол» ещё раз подтвердил, что сегодня Первая мировая война окончательно вышла из тени событий 1917 г., став, наконец, самостоятельным исследовательским проектом, плодотворная работа над которым возможна только посредством объединения усилий представителей академической и вузовской науки, музейщиков, архивистов и краеведов.

Леонид Николаевич Нежинский (1929–2014)

6 августа 2014 г. в возрасте 84 лет ушёл из жизни крупный учёный-историк, доктор наук, профессор Леонид Николаевич Нежинский. Он родился в Виннице 23 октября 1929 г. В 1930 г. семья Леонида Николаевича переехала в Киев, ставший спустя четыре года новой столицей УССР, а с 1941 по 1944 г. жила в эвакуации в Уфе. Уже через несколько месяцев после освобождения украинской столицы Леонид Николаевич вернулся в город и сразу принял посильное участие в расчистке завалов разрушенного Крещатика. В Киеве он прожил с семьей до 1952 г., с отличием окончив факультет международных отношений Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко и получив квалификацию историка-международника, референта-переводчика. В том же году Леонид Николаевич поступил в аспирантуру Института истории Академии наук СССР, при условии, что он будет заниматься историей Венгрии и для этого должен выучить язык – один из самых трудных в Европе. Это не стало препятствием для молодого аспиранта, всего за полгода овладевшего не только навыками чтения, но и разговора на венгерском.

В марте 1956 г. Л.Н. Нежинский окончил аспирантуру, а уже в июне защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Венгерская компартия в борьбе за единство рабочего класса (1945–1948 гг.)». Ещё до защиты он был зачислен в штат Института, где проработал до 1968 г. – сначала младшим, а с 1963 г. старшим научным сотрудником. В октябре 1968 г. в связи с реорганизацией Института истории по распоряжению Президиума АН СССР Леонид Николаевич вместе со всем своим Сектором истории стран народной демократии был переведен в Институт славяноведения АН СССР, которому по этому случаю в название добавили слова: «и балканистики». На новом месте он проработал четыре с половиной года, успев стать заместителем директора и защитить в 1970 г. в качестве докторской диссертации монографию «Очерк истории народной Венгрии» (М., 1969). В апреле 1973 г. он вернулся на своё прежнее место работы, в Институт истории СССР АН СССР, в Сектор истории внешней политики Советского государства. С конца 1978 г. он – заместитель председателя Научного совета АН СССР по истории внешней политики СССР и международных отношений, а с мая 1989 г. – руководитель отдела (с 1993 г. центра) «Россия в международных отношениях» Института истории СССР (ныне Институт российской истории РАН). На этом посту он находился вплоть до октября 2010 г.

В эти годы на него свалилось огромное количество дополнительных организационно-производственных нагрузок, которые он, как всегда, выполнял образцово и ответственно. В частности, в течение 13 лет (с 1997 по 2010 г.) он являлся заместителем председателя Учёного совета ИРИ РАН и фактическим руководителем одной из его секций, два десятилетия, вплоть до 2012 г., состо-

ял членом редколлегии журнала «История СССР» («Отечественная история», «Российская история»).

На протяжении 1990-х и начала 2000-х гг. Леонид Николаевич по совместительству преподавал в МГИМО МИД РФ, откуда его не хотели отпускать, несмотря на его просьбы, обоснованные чрезмерной загруженностью и ухудшившимся состоянием здоровья. Там он в 1995 г. получил звание профессора, а в родном институте тремя годами ранее стал главным научным сотрудником.

За шесть десятилетий в исторической науке Леонид Николаевич Нежинский создал внушительное творческое наследие, зарекомендовав себя одним из крупнейших специалистов по истории внешней политики России новейшего времени, международным отношениям, а также по истории стран Восточной Европы. Его перу принадлежит более 250 научных публикаций, в том числе семь индивидуальных монографий и более 50 коллективных научных трудов, в которых он являлся ответственным редактором и автором разделов. Ряд его работ переведён на иностранные языки. Среди наиболее значимых его монографий: «У истоков социалистического сотрудничества: СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 40-х годов XX столетия» (М., 1987); «133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика» (М., 1987); «В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах» (М., 2004); «Пути и перепутья советской международной политики в 1934–1941 гг.» (Тула, 2008).

Леонид Николаевич всю свою жизнь вёл активную деятельность в области международных связей. Он часто выступал с докладами на международных встречах историков в России и за рубежом. Его выступления всегда были глубоки и оригинальны, творчески насыщены и интересны, неизменно встречали живой отклик аудитории.

За долгие годы работы в науке и системе образования Леонид Николаевич подготовил немало специалистов, аспирантов, студентов. Он пользовался большим и заслуженным авторитетом и уважением не только в трудовых коллективах, в которых работал, но и в научном сообществе в целом, как в нашей стране, так и в ближнем и дальнем зарубежье.

Светлая память о Леониде Николаевиче Нежинском навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал и кто с ним работал.

Наши авторы

Аксёнов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Белоусов Максим Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета

Болтунова Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Буйнова Кристина Романовна, преподаватель Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

Гайда Фёдор Александрович, кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гросул Владислав Якимович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Енуков Владимир Васильевич, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета

Ермолаева Оксана Евгеньевна, PhD, старший научный сотрудник Института североевропейских исследований Петрозаводского государственного университета, старший преподаватель кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Ефимова Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Петрозаводского государственного университета

Каратеев Артём Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Колеров Модест Алексеевич, кандидат исторических наук, издательство «Три квадрата»

Корчмина Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лотменцев Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Любин Валерий Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Мартиросян Давид Георгиевич, кандидат исторических наук, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Орловского областного краеведческого музея

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра культурно-исторических исследований факультета права и финансов Южно-Уральского государственного университета

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, проректор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Плех Олеся Анатольевна, аспирантка Института российской истории

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения

Пученков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Московского архитектурного института

Суржикова Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Чеобану Адриан-Богдан (Ceobanu Adrian-Bogdan), преподаватель факультета истории Ясского университета им. Александру Иоана Кузы, Румыния

СОДЕРЖАНИЕ

Институты и общности

Е.С. Корчмина

«В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России .....

О.А. Плех

Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии).....

В.В. Ефимова

«Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. ....

Факты и преломления

В.В. Енуков, А.И. Раздорский

О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска.....

В.Я. Гросул

Национальные движения в России в конце XIX в. ....

Сюжеты и эпизоды

А.Ю. Полунов

«Наши чёрные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX – начале XX в. ....

К.Р. Буйнова

Латинская Америка в восприятии русских путешественников XIX – начала XX в.....

А.-Б. Чеобану

Николае Кретзулеску – полномочный министр Румынии в Санкт-Петербурге (1881–1886).....

И.А. Хормач

Советский Союз на Нионской конференции по борьбе с пиратством (10–14 сентября 1937 г.).....

Автор и документ

М.Р. Белоусов

«Сказки» служилых людей московских чинов Государева двора и боярские списки 1660-х гг. в делопроизводстве Разрядного приказа .....

Диалог о книге

О.Р. Айрапетов. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917).....

М.А. Колеров: История самоубийства империи.....

А.С. Пученков: Царь на войне.....

<i>А.А. Смирнов: Причины неудач русской армии</i>	
<i>Д.Г. Мартиросян: Война в Закавказье</i>	
<i>Ф.А. Гайда: «Священное единение», которого не было</i>	
<i>С.В. Тютюкин: На внутреннем «фронте»</i>	
<i>В.Б. Аксёнов: Массовые настроения и патриотическая пропаганда в начале Первой мировой войны</i>	
<i>А.В. Ганин: Глубокая профессиональная аналитика</i>	

Обзоры и рецензии

<i>И.В. Нарский – М. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution</i>	
<i>Е.М. Болтунова – EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union</i>	
<i>В.П. Любин – «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.</i>	
<i>В.А. Аракчеев – Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг.: Тексты. Переводы. Комментарии</i>	
<i>О.Е. Ермолаева – А.Ж. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War</i>	
<i>А.М. Лотменцев – Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы</i>	
<i>А.С. Минаков – П.В. Галкин. Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть. 1864–1917 гг.</i>	
<i>Е.Г. Неклюдов – Е.А. Воронцова. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история</i>	
<i>М.В. Новиков – СССР и «холокост» в Испании</i>	
<i>А.Ю. Каратеев – Международная научно-практическая конференция «Земские учреждения и местное самоуправление»</i>	
<i>О.С. Поршинева, Н.В. Суржикова – «Круглый стол» к 100-летию начала Первой мировой войны в Екатеринбурге</i>	

Pro memoria

<i>Л.Н. Нежинский (1929–2014)</i>	
<i>Наши авторы</i>	

CONTENTS

Institutes and communities

E.S. Korchmina (National Research University Higher School of Economics, Russia).
«Do not give bribes in honor»: «pochest'» and «vziatka» in post-Petrine Russia .....

O.A. Plekh (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)
Official malfeasance in local administration in the first half of the nineteenth century
(based on materials of Vologda region) .....

V.V. Efimova (Petrozavodsk State University, Russia)
«A very strange act»: governor and local officials in the early nineteenth century.....

Facts and reflections

V.V. Enukov (Kursk State University, Russia), A.I. Razdorsky (Russian National Library)
Defining the time of settlement and the first mention of ancient Kursk.....

V.Ya. Grosul (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)
National movements in Russia in the late nineteenth century.....

Scenarios and episodes

A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)
«Our black coreligionists» the idea of religious kinship of Russia and Ethiopia in the
late nineteenth and early twentieth centuries .....

*K.R. Buinova (Moscow State Institute of International relations of-the-Ministry- of
Foreign Affairs, Russia)*
Latin America in the eyes of Russian travellers the late nineteenth and early twentieth
centuries .....

*Bogdan Ceobanu (Department of history, Alexandru Ioan Cuza University of Iași,
Romania)*
Nicolae Kretzulescu, a minister plenipotentiary of Romania in St. Petersburg
(1881–1886).....

I.A. Khormach (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)
USSR at the Nyon conference on sea piracy, September, 1937 .....

Document and its author

M.R. Belousov (Kazan (Volga region) Federal University, Russia)
«Skazki» of Moscow rank servicemen of the *Gosudarev dvor* and the lists of boyars
in records of *Razriadny prikaz*.....

Discussing recent books

O.R. Ayrapetov. Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917)...
*M.A. Kolerov (Tri kvadrata Publishing house, Russia): A history of an Empire's
suicide*.....

- A.S. Puchenkov (St. Petersburg State University, Russia):* The Tsar at war.....
- A.A. Smirnov (Moscow Architectural Institute, Russia):* Causes of the failures of Russian army.....
- D.G. Martirosian (Ministry's of defense Research Institute, Russia):* Fighting in Transcaucasia .....
- A. Gaida (Lomonosov Moscow State University, Russia):* «The holy unity» that never existed.....
- S.V. Tiutiukin (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences):* At the inner front .....
- V.B. Aksionov (Moscow State Technical University of radio technics, electronics, and automatics, Russia):* Public mood and patriotic propaganda in the beginning of World War I.....
- A.V. Ganin (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of sciences):* A deep professional analysis .....

Reviews

- I.V. Narsky (South Urals State University, Russia). Rec. ad. op.: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution .....*
- E.M. Boltunova (National Research University Higher School of Economics, Russia). Rec. ad. op.: EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union .....*
- V.P. Ljubin (Institute for scientific information in social sciences, Russian academy of sciences). Rec. ad. op.: «Drug – zerkalo dlya druga...»: rossiysko-italyanskie obschestvennyie i kulturnyie svyazi, X–XX veka.....*
- V.A. Arakcheev (Ural Federal University and Institute of history and archeology, Ural branch of the Russian academy of sciences, Russia). Rec. ad. op.: Russkiy arhiv Yana Sapegi 1608–1611 gg.: Teksty. Perevody. Kommentarii .....*
- O.E. Ermolaeva (Petrozavodsk State University, Russia). Rec. ad. op.: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War.....*
- A.M. Lotmentsev (The Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Russia). Rec. ad. op.: Petr II Petrovich Negosh i Rossiya. Russko-chernogorskie otnosheniya v 1830–1850-e gg. Dokumenty.....*
- A.S. Minakov (Orel regional historical museum, Russia). Rec. ad. op.: P.V. Galkin. Mestnoe samoupravlenie v Moskovskoy gubernii i gosudarstvennaya vlast. 1864–1917 gg .....*
- E.G. Neklyudov (Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Russia). Rec. ad. op.: E.A. Vorontsova. Predprinimatelskie organizatsii v Rossii: istoriografiya, istochniki, istoriya .....*
- M.V. Novikov (Yaroslavl K.D. Ushinsky State Pedagogical University). Rec. ad. op.: SSSR i «holokost» v Spsanii .....*
- A.Yu. Karateev (Lomonosov Moscow State University, Russia). International conference «Zemstvos and the local government».....*

O.S. Porshneva, N.V. Surzhikova (both – Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences). A «round table» to the centennial of the World War I in Ekaterinburg.....

Pro memoria

L.N. Nezhinskiy (1929–2014).....

Contributors to this issue .....

РЕДАКЦИЯ

- Добычина Е.В., к.и.н.** – Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. – Отдел Новой истории
Мельникова Л.В., к.и.н.
Лисейцев Д.В., д.и.н. – Отдел Древней и Средневековой истории
Христофоров И.А., д.и.н. – Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования
Мамонова Е.В. – Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. – Литературный редактор
Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 00.00.2014 Подписано в печать 00.00.2015 Дата выхода в свет 20 нечетн. Формат 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная Усл.печ.л. 00,0 Усл.кр.-отг. 00,0 тыс. Уч.-изд.л. 00,0 Бум.л. 6,5
Тираж 000 экз. Зак. 0000 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6